

ISSN 2307–2539

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1 (29)

2020

ISSN 2307-2539

№1 (29) • 2020

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор,
чл.-корр. РАН;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), д-р ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдилов, д-р ист. наук, доцент (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор (Венгрия);
М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет.

Утвержден к печати
Объединенным
научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или
издателя.

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный
университет, 2005–2020.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№1 (29) • 2020

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul

Altai State
University Press
2020

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshepin, Doctor of History, Professor, Cor-
responding Member, Russian Academy of Sciences;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Doctor of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History, Associate Profes-
sor (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University.

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"
© Altai State University, 2005–2020.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Борисов В.А. , <i>Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.</i> Новые материалы погребений средне-вековой элиты в Урском археологическом микрорайоне	7
Казаков А.А. О культурно-хронологической принадлежности памятников с лазуритовыми подвесками на территории Алтайского края и Республики Алтай ...	23
Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рощинское-2	50
Савинов Д.Г. К иконографии образа всадника в изобразительной традиции Западной Сибири	71
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паришкова Т.С. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-I)	88

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Едемский Д.Е., Попов А.В., Прокопович И.В., Садыков Т.Р., Каспари Дж., Блохин Е.К. Магнитная съемка периферийных участков кургана Туннуг-1 в Тыве	100
Киреев С.М., Солодовников К.Н., Нечвалода А.И. Погребение каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая в с. Мендур-Соккон (предварительные итоги археологического и палеоантропологического исследования)	110

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Бейсенов А.З. Находки костей животных в курганах с «усами» Центрального Казахстана	122
Горячев А.А. Могильник эпохи бронзы Мадьярсай-I северо-восточных склонов гор Киндыктас	135
Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Мегалитические комплексы тропической части тихоокеанского бассейна: Индонезия	152
Шевченко Т.А., Хаценович А.М., Зоткина Л.В., Гунчинсүрэн Б. Геометрические микролиты в верхнем палеолите Северной Монголии: трасологический анализ и функциональное назначение	166

ПЕРСОНАЛИИ

Дедик (Южакова) А.В. «Пока антропологи есть...»: памяти сибирского антрополога Аркадия Романовича Кима	176
Список сокращений	195
Сведения об авторах	196

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Borisov V.A. , <i>Ilyushin A.M., Suleymenov M.G.</i> New Materials of Burials of Medieval Elite in the Utsky Archaeological Residential District	7
Kazakov A.A. On Cultural and Chronological Belonging of Sites With Lazurite Pendants in Altai Krai and the Altai Republic	23
Kovaleva O.V., Poliakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian Settlement Roshchinskoye-2	50
Savinov D.G. To The Iconography of the Horseman's Image in the Fine Tradition of Western Siberia	71
Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. Bone (Horn) Arrowheads of the Population of Altai in Rouran Time (on the materials of the archaeological complex Choburak-I)	88

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Edemsky D.E., Popov A.V., Prokopovich I.V., Sadykov T.R., Caspari G., Blochin J.K. Magnetic Survey of the Peripheral Areas of the Kurgan Tunnug-1 in Tuva	100
Kireev S.M., Solodovnikov K.N., Nechvaloda A.I. Burial of the Karakol Bronze Age Culture in the Altai Mountains in the Mendur-Sokkon Village (Results of an Archaeological and Paleoanthropological Study)	110

FOREIGN ARCHAEOLOGY

Beisenov A.Z. Finds of Animal Bones in the Barrows with the "Ridges" of Central Kazakhstan	122
Goryachev A.A. Bronze Age Burial Mound Madyarsai-I from North-East Slopes of the Kindyktas Mountains	135
Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Megalithic Complexes of the Tropical Part of the Pacific Basin: Indonesia	152
Shevchenko T.A., Khatsenovich A.M., Zotkina L.V., Gunchinsuren B. Geometric Microliths in Upper Paleolithic of Northern Mongolia: Microwear Analysis and Purpose of Use	166

PERSONNEL

Dedik (Yuzhakova) A.V. "Where there is Anthropology ...": in Memory of the Siberian Anthropologist Arkady Romanovich Kim	176
Abbreviations	195
Authors	196

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.5«653»(571.1)

В.А. Борисов, А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭЛИТЫ В УРСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

Представлены результаты раскопок на курганной группе Бирюля в Урском археологическом микрорайоне на территории Кузнецкой котловины. Материалы раскопок рассматриваются как единый своеобразный погребальный комплекс, требующий обоснования датировки и этнокультурной интерпретации. Описываются, классифицируются и анализируются элементы погребального обряда и инвентаря. На основе типологической классификации находок проводится сравнительный анализ с материалами из погребальных памятников Кузнецкой котловины и сопредельных территорий. В процессе исследования выделены средневековые памятники, имеющие наибольшее сходство с исследуемым погребальным комплексом: курган-кладбище Сапогово-2 и курганные могильники Сапогово и Саратовка. По аналогиям инвентарю и близости погребальных памятников курганная группа Бирюля была датирована XI–XII вв. и отнесена к саратовской археологической культуре на третьем этапе ее развития в Кузнецкой котловине. Отмечено, что исследованный погребальный комплекс относится к категории элитных и обладает высоким уровнем уникальности по отношению к синхронным и однокультурным памятникам.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, саратовская культура, средневековье, погребальный памятник, инвентарь.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-01

Введение

Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) в долине среднего течения р. Ур на территории Гурьевского, Беловского и Ленинск-Кузнецкого районов Кемеровской области проводятся с начала 1990-х гг. Это позволило сформировать программу исследования «Урского археологического микрорайона», открыть ряд новых памятников и провести раскопки отдельных из них. Одним из таких объектов является курганная группа Бирюля. По результатам частичных раскопок этого памятника в научный оборот была введена справочная и первичная информация по исследованию единичных находок [Борисов, 2007, с. 39–42; Илюшин, 2010, с. 120–133; Король, 2008, табл. 12.-8, 13], но по всей совокупности данных материалы раскопок не были опубликованы. При этом курганная группа Бирюля представляет собой яркий и своеобразный археологический комплекс средневекового населения Кузнецкой котловины, который является ценным вещественным источником по истории региона и сопредельных территорий северной периферии Саяно-Алтая. Цель настоящей работы – опубликовать в полном объеме материалы раскопок этого памятника, дать их первичный анализ и ответить на вопросы о его хронологии и этнокультурной принадлежности. Для достижения этой цели нами будут использоваться различные методы исследования вещественных источников: описание, типологическая классификация находок и элементов погребального обряда, систематизация источников и их сравнительно-исторический анализ.

Результаты полевых исследований

Курганная группа Бирюля расположена на поле, которое систематически используется для посевов зерновых культур и под сенокос, в 2,3 км к северо-востоку от уже не существующей ст. Бирюля, в 3,3 км от пос. Родниковского, в 4,3 км на юг-юго-запад от с. Саратовка и 4,7 км на юго-восток от с. Ур-Бедари в долине среднего течения р. Ур, в 3,8 км на юг-юго-восток от ее правого берега, в межгорной котловине, образуемой отрогами Салаирского кряжа и Тараданоского увала в Гурьевском районе Кемеровской области. Памятник открыт в 2002 г. и частично раскопан сотрудниками ККАЭЭ в 2006 г. [Илюшин, 2003, с. 16–18; 2006, с. 6–11; Илюшин, Борисов, Бутьян, Сулейменов, 2007, с. 100; 2009, с. 574–575; Илюшин, Ковалевский, 2003, с. 366–367]. Цель исследований 2006 г. заключалась в том, чтобы дать оценку современного состояния памятника и провести ограниченные раскопки для уточнения датировки и культурной интерпретации объекта археологического наследия.

При исследовании курганной группы Бирюля в 2006 г. на памятнике были зафиксированы шесть объектов. Они представляли собой курганные земляные насыпи, заросшие густым травяным покровом. Все насыпи имели округлую форму, а их диаметр и высота колебались в пределах 10–15 м и 0,15–0,45 м. Объекты располагались по линии Ю–С на расстояние 200 м. Сравнение данных картографии и планиграфии памятника позволили сделать вывод, что он был открыт сотрудниками ККАЭЭ в 1993 г. и назван тогда «Курганная группа Саратовка-3» [Илюшин, 1993а, с. 7–8, рис. 11.–12]. Сравнение результатов исследований памятника в 2002 и 2006 гг. с данными 10-летней давности свидетельствует о том, что объект культурного наследия, несмотря на то что располагается на одном месте, значительно изменил свой внешний вид после 1993 г. Земля, на которой находится памятник, стала частным владением, курганные насыпи подверглись сильной распахке. Это привело к изменению ландшафта и увеличению количества травяного покрова. Как результат из семи курганов, зафиксированных в 1993 г., в 2002 и 2006 гг. нами выявлены уже только шесть курганов, насыпи которых значительно уменьшились. В 1993 г. все курганы имели следы грабительских раскопов, а в 2002 и 2006 гг. они уже прослеживались лишь частично на кургане №1. На основе данных полевых исследований 2006 г. археологический памятник был назван «Курганная группа Бирюля» и под этим названием в 2007 г. вошел в перечень выявленных объектов культурного наследия Кемеровской области [Историко-культурное наследие Кузбасса, 2007, с. 77].

В 2006 г. на Бирюле раскопаны курганы №1–3. Под насыпями курганов №2 и 3 археологические находки отсутствовали, что позволяет интерпретировать их как курганы-кенотафы, а при раскопках кургана №1 зафиксированы многочисленные находки. Приводим описание результатов полевого исследования этого объекта.

Курган №1 находился в северной части памятника (координаты по WGS-84 N–54°24′07.8″; E–85°58′39.3″). Это была округлая сильно задернованная земляная насыпь диаметром 11,5 м, которая в центральной части возвышалась на 0,4–0,42 м над прилегающей к насыпи естественной поверхностью (рис. 1). По профилю бровки раскопа курганная насыпь на 0,85 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,16–0,18 м, чернозема 0,23–0,56 м и погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,07–0,11 м. В ходе раскопок насыпи на втором (глубина 0,29–0,56 м) и третьем (глубина 0,57–0,84 м) слое практически по всей площади раскопа зафиксированы единичные мелкие кальцинированные кости людей и лошадей, а также мелкие древесные угли. Всего было собрано

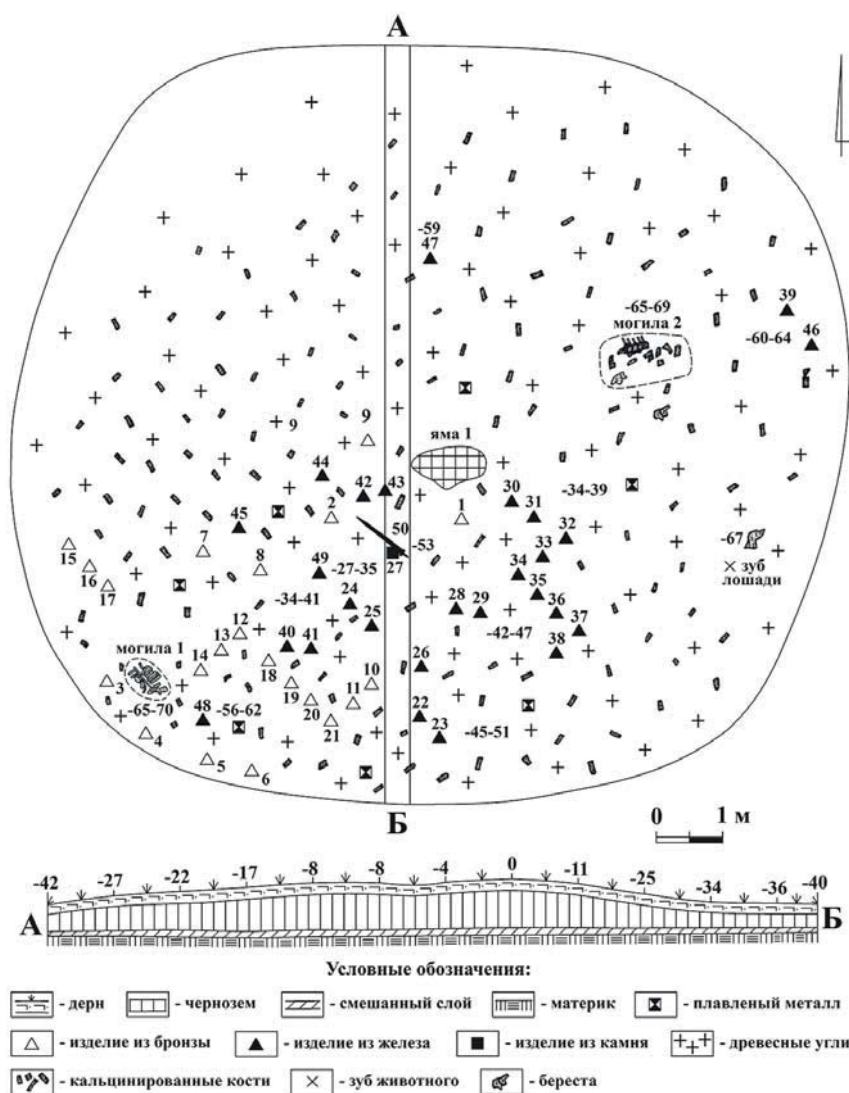

Рис. 1. Курганная группа Бирюля. План и профиль бровки раскопа кургана №1.

Находки: 1 – тройник; 2 – бубенчик; 3 – фрагмент бубенца; 4, 9, 10, 14, 15, 17, 18 – наконечники ремней; 5–7, 13, 19–21 – бляхи-накладки; 8 – серьга; 11, 12 – ременные обоймы; 16, 26, 38 – пряжки; 22 – удила; 23, 25 – фрагменты удили; 24 – фрагмент стремени; 27 – оселок; 28–31, 35–37 – бляхи-накладки; 32–34 – наконечники ремней; 39–44 – наконечники стрел; 45 – топор; 46 – тесло; 47, 48 – ножи; 49 – кресало; 50 – палаш (1–21 – бронза, 22–26, 28–53 – железо, 27 – камень)

320 кальцинированных фрагментов, общий вес которых составил 450 г. Древесных угольков найдено 187 экз. общим весом 200 г. В юго-западной части насыпи на глубине 0,67 м был обнаружен зуб лошади. В западной и юго-западной частях насыпи кургана на глубине 0,65–0,67 м оказались миниатюрные фрагменты бересты (рис. 1). Среди кальцинированных косточек и древесных углей в неупорядоченном состоянии найде-

ны многочисленные предметы с явными признаками воздействия на них огня, а также оплавленные предметы, потерявшие свою первоначальную форму и не поддающиеся реконструкции. Среди находок имелись изделия из бронзы (тройник, бубенчик, фрагмент бубенца, наконечники ремней, бляхи-накладки, серьга, ременные обоймы, пряжка) и из железа (удила, фрагменты удил, фрагмент стремени, пряжка, бляхи-накладки, наконечники ремней, наконечники стрел, топор, тесло, ножи, кресало), которые преимущественно располагались в южной и юго-западных частях насыпи кургана (рис. 1; 2.-1-21*; 3.-22-26, 28-38; 4.-39-49). Можно предполагать, что лишь две находки сохранились в первоначальном положении – это фрагменты железного палаша и каменного точила (оселок), используемого для его заточки. Они обнаружены в центре на глубине 0,5-0,53 м (рис. 1; 3.-27; 5.-50, А-Г). При исследовании кургана выявлены две могилы, в которых были совершены захоронения человека с лошадью по обряду кремации на стороне, и одна грунтовая яма.

Яма 1 располагалась в центре под курганной насыпью. Она до 0,3 м оказалась углублена в материк, имела неправильную овальную форму размерами 0,98×0,59 м

Рис. 2. Курганная группа Бирюля. Курган №1. Находки из насыпи: 1 – тройник; 2 – бубенчик; 3 – фрагмент бубенца; 4, 9, 10, 14, 15, 17, 18 – наконечники ремней; 5-7, 13, 19-21 – бляхи-накладки; 8 – серьга; 11, 12 – ременные обоймы; 16 – пряжка (1-21 – бронза)

* Здесь и далее нумерация изображений находок соответствуют их обозначениям на генеральном плане (рис. 1).

и была вытянута длинной осью по линии З–В. При выборке заполнения (смешанный слой из материковой глины и чернозема), просеивании и зачистки в яме на разных глубинах найдены единичные мелкие древесные угольки и кальцинированные кости. Никаких вещей в яме не обнаружено (рис. 1). Это позволяет интерпретировать грунтовую яму как следы грабительского раскопа.

Могила-1 – наземная, сильно разрушена при распахке насыпи кургана. Она располагалась под юго-юго-западной полой насыпи кургана на глубине 0,65–0,7 м. Могила длинной осью была ориентирована по линии ЮВ–СЗ, но ее первоначальные размеры по причине распахки установить невозможно. На площади 0,76×0,42 м зафиксированы кальцинированные кости человека и сильно обожженные фрагменты

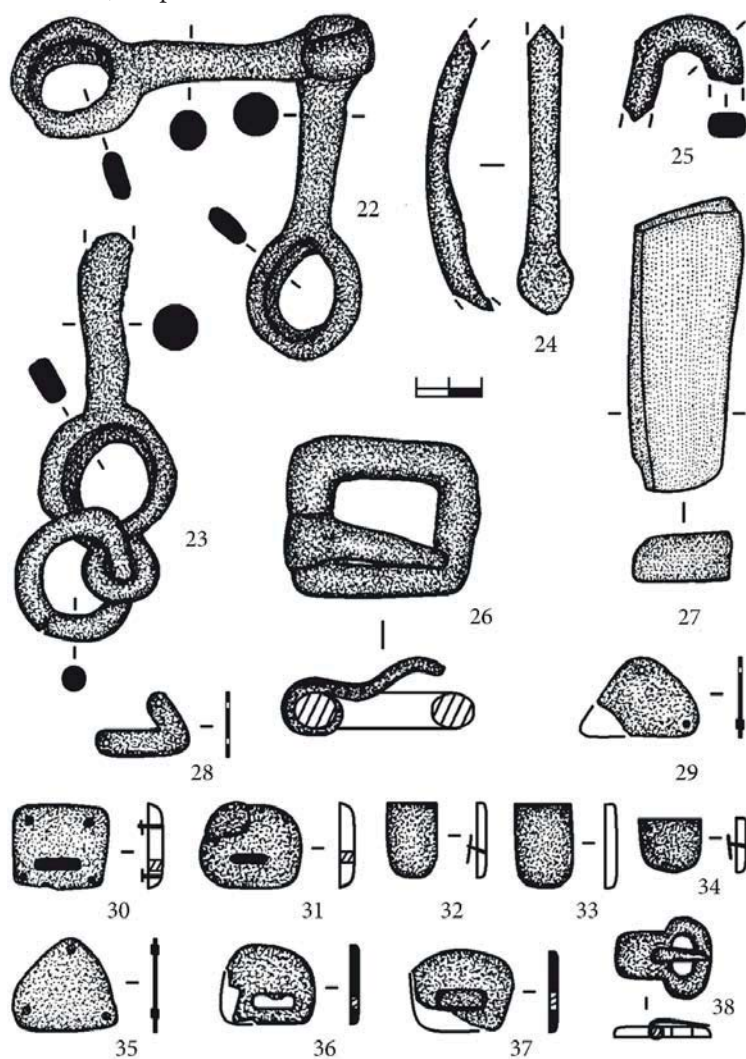

Рис. 3. Курганная группа Бирюля. Курган №1. Находки из насыпи: 22 – удила; 23, 25 – фрагменты удил; 24 – фрагмент стремени; 26, 38 – пряжки; 27 – оселок; 28–31, 35–37 – бляхи-накладки; 32–34 – наконечники ремней (22–26, 28–38 – железо, 27 – камень)

скелета лошади (задняя часть туши с позвонками и костями таза, сохранившими анатомический порядок), побывавшие в погребальном костре. Они частично лежали на берестяном настиле. Вещей в могиле не оказалось (рис. 1).

Могила-2 – наземная, сильно разрушена при распашке насыпи кургана. Она располагалась под восточно-северо-восточной полой насыпи кургана на глубине 0,65–0,69 м. Могила длинной осью была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, но ее первоначальные размеры по причине распашки установить невозможно. На площади 0,61×0,28 м зафиксированы кальцинированные кости человека и сильно обожженные фрагменты скелета лошади (в анатомическом порядке лежали отдельные позвонки спины и ребра и фрагментарно – кости ног и таза), побывавшие в погребальном костре. Они частично лежали на берестяном настиле. Вещи в могиле отсутствовали (рис. 1).

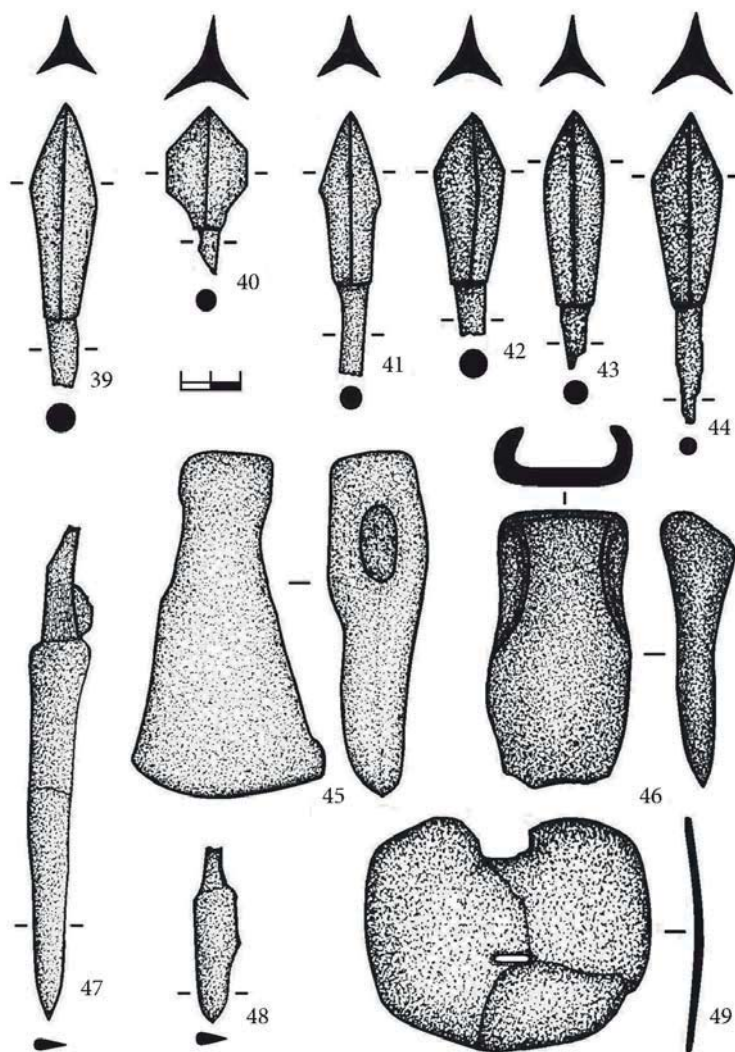

Рис. 4. Курганная группа Бируля. Курган №1. Находки из насыпи: 39–44 – наконечники стрел; 45 – топор; 46 – тесло; 47, 48 – ножи; 49 – кресало (39–49 – железо)

Анализ результатов раскопок

Расположение мелких кальцинированных косточек, древесных углей и находок позволяет реконструировать способ захоронения. Можно предполагать, что погребенные вместе с лошадьми были сожжены на погребальных кострах, а затем их останки вместе с погребальным инвентарем (частично побывавшим в огне) и древесными углями переместили на берестяные подстилки, устроенные на уровне древней дневной поверхности. После над могилами возводилась одна земляная насыпь. Курган подвергнулся ограблению, о чем свидетельствуют провал в центральной части земляной насыпи и грунтовая яма в материке. Но самые сильные разрушения этому объекту историко-культурного наследия нанесе-

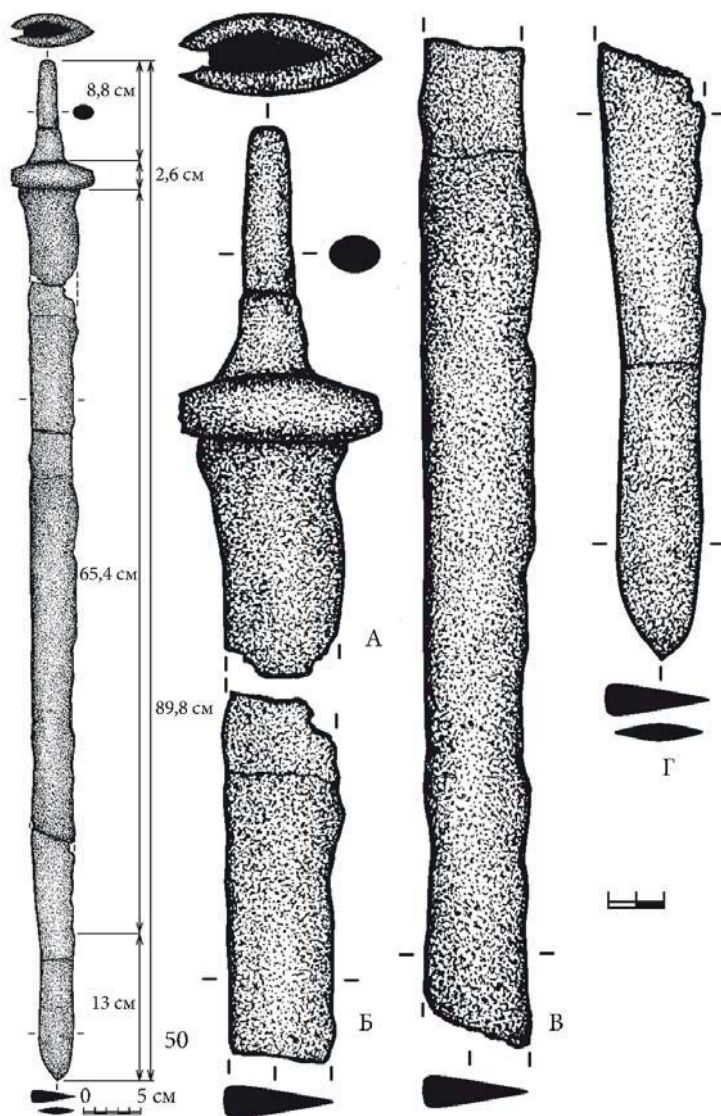

Рис. 5. Находки из кургана №1:
А, Б, В, Г – фрагменты железного палаша; 50 – реконструкция палаша

ны в результате неоднократной распахки. Практически полностью разрушены могилы, а материал, который располагался в них, был перемещен по всей курганной насыпи и, видимо, частично за ее пределы. В пользу этой гипотезы указывает факт, что под насыпью кургана зафиксированы два сильно разрушенных скопления кальцинированных костей человека и лошади, которые интерпретированы как могилы. Обе они находились под полами курганной насыпи на глубине 25–40 см от современной поверхности и явно были доступны для частичного разрушения плугом.

В целом, оценивая результаты раскопок кургана, можно констатировать, что все находки из него представляют собой единый культурный комплекс. Это позволяет провести сравнительный анализ артефактов для датировки памятника и определения его культурной принадлежности.

Комплекс находок представлен предметами вооружения (рис. 4.-39–48; 5.-50), конского снаряжения (рис. 2.-1, 4–6, 9–20; 3.-22–26), одежды и украшения (рис. 2.-7, 8; 3.-28–38), культовыми изделиями (рис. 2.-2, 3), предметами быта и орудиями труда (рис. 3.-27; 4.-49).

Все предметы вооружения изготовлены из железа и оказались средствами ведения дистанционного (наконечники стрел) и ближнего (палаш, топор, тесло, ножи) боя. Наконечники стрел при классификации можно отнести к отделу черешковых, группе трехлопастных, а по форме пера – к двум типам: асимметрично-ромбические (рис. 4.-39, 41–44) и шестиугольные (рис. 4.-40). Период бытования на территории Кузнецкой котловины первого типа наконечников стрел определяется в пределах 2-й половины VIII – XII в., а второго – VIII–XII вв. [Илюшин, 2010, с. 121]. Аналогичные типы наконечники стрел в этом регионе выявлены на погребальных памятниках саратовской (Сапогово, Сапогово-2, Саратовка, и Есаулка) и шандинской (Сапогово-1 и Мусохраново-3) археологических культур [Илюшин, 2005, с. 109–126; 2017б, с. 144–151].

Длина палаша, который найден в кургане, составляет 89,8 см (рис. 5.-50). Из них длина рукояти составляет 8,8 см, высота перекрестья – 2,6 см, длина клинка – 65,4 см. Ю.С. Худяков [1980, с. 34–39; 1997, с. 16–18] при классификации палашей, аналогичных найденному в кургане, относил их к группе трехгранных с обоюдоострым острием, к типу с ладьевидным перекрестьем. Из наших наблюдений следует, что рассматриваемое изделие имеет отдельные черты, характерные для ранних форм сабель. На это указывает рукоять, которая начинается от спинки основания клинка и имеет небольшой наклон в сторону лезвия, а также двусторонняя заточка окончания клинка (13 см) и его едва заметный (до 0,7 см) изгиб. На территории Кузнецкой котловины средневековые палашы являются редкими находками в воинских захоронениях, подчеркивают высокий социальный статус погребенных. Они были найдены на погребальных памятниках Калтышино-1, Сапогово, Шабаново-3 и Саратовка, которые датированы разными интервалами в пределах 2-й половины VIII – XIII в. [Илюшин, 1998, с. 54–78, рис. 14.-1; 1999а, с. 28–29, рис. 57.-1–6; 2016, с. 12–15; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 21–22, рис. 37.-1; 46.-1–4; Савинов, 1997, с. 77–99, рис. 6.-12].

На территории Хакасии палаш был ведущим рубяще-колющим оружием у кыргызов в IX–XII вв. и употреблялся ими в XIII–XIV вв. [Худяков, 1980, с. 39; 1997, с. 16–18]. На территории Алтая палашы этого типа характеризуются как поздние, а время их использования определяется в пределах 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2006, с. 66].

Найденный боевой топор (рис. 4.-45) по наличию проуха и сечению полотна относится к группе проушных, трехгранных, а по форме обушка и лезвия – к типу узко-

лезвийных, низкообушных. В Кузнецкой котловине боевой топор такого типа (кроме Бирюли) был найден на кургане-кладбище Сапогово-2, датированном началом II тыс. [Илюшин, 1997, рис. 19.-13; 27.-8]. В специальной работе, посвященной средневековым боевым топорам из Кузнецкой котловины, делается вывод, что низкообушные боевые топоры появляются и функционируют в этом регионе в XI–XII вв. и являются маркерами высокого социального положения владельца [Илюшин, 2009, с. 96–100]. На сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях Алтая и Минусинской котловины боевые топоры этого типа бытовали во 2-й половине VIII – XIV в. [Горбунов, 2006, с. 85] и в IX–XII вв. [Худяков, 1980, с. 62–65, табл. 6].

Найденное в насыпи кургана тесло (рис. 1; 4.-46) относится к группе железных узколезвийных с несомкнутой втулкой, к типу равновеликих (или без плечиков). Такие изделия широко использовались населением Саяно-Алтая и Верхнего Приобья в раннем и развитом средневековье [Адамов, 2000, с. 48–49; Беликова, 1996, с. 64–67; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 107.-4, 5; Илюшин, 2005, табл. 4.-128–134; 8.-46–50; 13.-72–74; 16.-30; Нестеров, 1991, с. 168–172; Плетнева, 1997, с. 80–81; Тишкин, 2009, рис. 48.-1; 71.-1; 72.-6; 88.-1; 94.-1; Троицкая, Новиков, 1998, с. 25–26; и др.]. Ножи, найденные в кургане (рис. 1; 4.-47, 48), относятся к группе железных прямых и к двум типам: большие и маленькие без перекрестья. Они, как и тесла, имели полифункциональное назначение и широко использовались средневековым населением Кузнецкой котловины [Илюшин, 2005].

Предметы конского снаряжения представлены украшениями узды, фрагментами стремян, удила и подпругной пряжкой (рис. 2.-1–7, 9–20; 3.-22–26). Фрагменты железных удила относятся к двум типам: однокольчатые, состоящие из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце (рис. 3.-22), и двухкольчатые, звенья которых имеют два неподвижных кольца, расположенных в одной плоскости на внешних концах звеньев (рис. 3.-23). Второй тип удила снабжен псалием, классифицируемым как кольчатый маленький (рис. 3.-23). Первый тип удила на территории Кузнецкой котловины бытовал на всем протяжении эпохи Средневековья, а второй, в комбинации с миниатюрными кольцевыми псалиями, выявлен на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.), Шабаново-3 (XI–XIII вв.) и Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 1993б, с. 26, рис. 37.-7; 1997, с. 28, рис. 20.-2; 1998, с. 54–78, рис. 9.-3; 1999б, с. 42, рис. 58.-1].

Железная подпругная пряжка (рис. 3.-26) относится к типу рамчатых четырехугольных с подвижным язычком, который известен в Кузнецкой котловине на могильнике Сапогово (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 25, рис. 35.-1]. На территории Горного Алтая аналогичная пряжка выявлена на могильнике Кудыргэ в кургане №74 монгольского времени [Нестеров, Милютин, 1995, рис. 9.-2].

Украшения конского снаряжения представлены бронзовым тройником, наконечниками ремней, бляхами-накладками, ремennыми обоями и пряжкой (рис. 2.-1, 4–7, 9–18, 19–21). Бронзовая пряжка (рис. 2.-16) относится к типу овальнорамчатых, цельнолитых с неподвижным щитком с заovalенным краем окончания. Этот тип пряжек на территории Кузнецкой котловины бытовал со 2-й половины VIII по XII в. и зафиксирован на погребальных памятниках (Сапогово, Саратовка, Мостовая, Сапогово-2) саратовской археологической культуры [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 25, рис. 51.-40, 42; Илюшин, 1990, с. 51, рис. 4.-8; 7.-11–13; 1997, с. 30, рис. 21.-13; 30.-21, 23; 31.-15; 1999а, с. 32; рис. 4.-3, 25, 29; 58.-29; 2017, с. 38–41]. Бронзовые ремennые обоямы

относятся к типу подчетырехугольных с рифленой гранью. Такие изделия в Кузнецкой котловине известны на памятниках Сапогово-2 и Мусохраново-1, датированных началом II тыс. [Илюшин, 1997, с. 31, рис. 21.-17; 29.-27; Илюшин, 1995, с. 16–21]. Уникальный бронзовый тройник относится к типу округлых прорезных, цельнолитых, с рельефным изображением кошачьего животного и антропологических личин (рис. 2.-1). Аналогичные по конструкции и функциональному назначению предметы, но с рельефным геометрическим или растительным орнаментом в Кузнецкой котловине известны со 2-й половины VIII по XII в. на памятниках саратовской археологической культуры (Сапогово, Сапогово-2 и Саратовка) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 24, рис. 42.-12; Илюшин, 1997, с. 32, рис. 31.-13, 14; 1999а, с. 34, рис. 9.-30].

Бронзовые наконечники ремней относятся к трем типам: щитковый, цельнолитой, удлинённый с заовалёнными углами окончания без орнамента, в разном исполнении (рис. 2.-4, 10); щитковый, цельнолитой, удлинённый с заовалёнными углами с рельефным растительным орнаментом, в разном исполнении (рис. 2.-14, 15, 17); щитковый, цельнолитой, удлинённо-прямоугольный с заовалёнными углами окончания и рельефным растительным орнаментом (рис. 2.-18). Бронзовые бляхи-накладки, украшавшие ремни конского снаряжения, относятся к четырем типам: сердцевидная, сферическая, цельнолитая (рис. 2.-5, 6); сердцевидная, цельнолитая, плоская, с рельефным растительным орнаментом (рис. 2.-19, 20); ажурная, цельнолитая, с рельефными краями и растительным орнаментом, с овальным отверстием (рис. 2.-13); цельнолитая, рельефная личина бородатого мужчины (рис. 2.-7). Из предметов торевтики выделяются бронзовая бляха-накладка в виде личины и тройник с изображением трех личин по краям и представителя кошачьих (ирбис?) с высоко поднятым хвостом в центре (рис. 2.-1, 7). Г.Г. Король [2008, с. 95–111, табл. 12.-8, 13] по иконографическим особенностям включила эти находки в 3-ю группу подобных изделий конца I – начала II тыс., найденных на Саяно-Алтае, и отметила, что отдельные особенности этой группы указывают на восточнотуркестанские и среднеазиатские истоки. Растительный орнамент в виде разнообразных пальмет и бутонов на других найденных при раскопках кургана изделиях торевтики (рис. 2.-13–15, 17, 19, 20), украшавших конское снаряжение, тоже имеет среднеазиатские корни. Известно, что подобные изделия были широко распространены в конце I – начале II тыс. на Саяно-Алтае [Король, 2008, с. 162–164, табл. 18; Конькова, Король, 2008, с. 185–191; Кызласов, Король, 1990, с. 120–122; и др.]. Бронзовые сферические цельнолитые бляхи сердцевидной формы (рис. 2.-5, 6) имеют аналоги в материалах начала II тыс. из раскопок курганов №1 и 46 на могильнике Саратовка, где они были серебряными [Илюшин, 1999а, с. 36, рис. 5.-13; 8.-14–16; 9.-28; 59.-10; 74].

К находкам из категории предметов одежды и украшений отнесены железная пряжка, ременные наконечники, бляхи и бронзовая серьга (рис. 2.-8; 3.-28–38). Железная пряжка классифицируется как овальнорамчатая с подвижным язычком и неподвижным щитком подчетырехугольной формы с заовалёнными углами (рис. 3.-38). Пряжка такого типа была найдена в Кузнецкой котловине при раскопках курганный группы Беково XI–XII вв. [Илюшин, 1993б, с. 27, 39, рис. 48.-7]. Железные ременные бляхи относятся к трем типам: четырехугольная с овальным отверстием (рис. 3.-30); подовальная с овальным отверстием (рис. 3.-31, 36, 37); плоская подтреугольная (рис. 3.-29, 35). Бляхи первого и второго типа в Кузнецкой котловине бытовали со 2-й половины VIII по XII в. Они известны на погребальных памятниках саратовской археологической культуры Са-

погово и Сапогово-2 [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 26, рис. 49.-1-4, 6, 10; 50.-16, 19-21; 51.-1-5; 58; Илюшин, 1997, с. 35-36, рис. 20.-22-24].

Железные наконечники ремней представлены двумя типами: щитковые, сегментовидные с заоваленными краями окончания (рис. 3.-34) и щитковые, удлинненно-четырёхугольные с заоваленными углами окончания (рис. 3.-32, 33). Изделие первого типа имеет аналогии на курганном могильнике XIII-XIV вв. Торопово-1, а второго – на курганном могильнике XI-XIII вв. Ур-Бедари в Кузнецкой котловине [Илюшин, 1999б, с. 45, рис. 52.-2; 2005, с. 40].

Бронзовая серьга (рис. 2.-8) относится к типу кольчатых. Такие серьги в Кузнецкой котловине известны с VII по XIV в. [Илюшин, 2011, с. 119-122]. В Сибири подобные украшения бытовали с конца I тыс. до позднего Средневековья [Кунгуров, Тишкин, 2006, рис. 2.-5, 6; Молодин, 1979, с. 95; Плетнева, 1990, с. 93; Сенотрусова, 2013, с. 287; и др.].

Из предметов культового назначения были найдены фрагменты двух бронзовых бубенцов, которые относятся к типу круглых с петлей для крепления и прорезью в нижней части. На территории Кузнецкой котловины аналогичные изделия появились в конце I тыс. и использовались в развитом Средневековье. Они известны на погребальных памятниках Ваганово-1, Сапогово, Сапогово-2 и Конево [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, рис. 51.-2, 3; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, рис. 34.-15, 16; 43.-25; Илюшин, 2012, рис. 30.-24, 25, 28, 29; 31.-35].

Предметы труда и быта представлены двумя изделиями. Каменный оселок (точило) по своей форме относится к типу брусковидных (рис. 3.-27). Находки таких изделий в могилах воинов – характерная черта культуры населения Кузнецкой котловины развитого Средневековья. Их находили, как правило, в воинских захоронениях при раскопках погребальных памятников Калтышино-2, Сапогово-1, Сапогово-2, Торопово-1, Мостовая и Конево, датированных разными интервалами в пределах XI-XIV вв. [Васютин А.С., Васютин А.С., Онищенко, 2012, с. 119, рис. 21а.-19; Илюшин, 1990, рис. 2.-5; 1994, рис. 2.-7; 1997, с. 56, рис. 18.-1; 1999б, с. 68, рис. 6.-4; 52.-5; 2012, с. 46, рис. 47.-5; Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, рис. 3.-7]. Найденное в кургане железное кресало (рис. 4.-49) можно отнести к типу овальных уплощенно-сферических. Оно отражает эволюцию железных овальных сферических кресал у населения Кузнецкой котловины. Впервые подобное изделие было найдено на курганном могильнике Сапогово, датированном 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 28, рис. 49.-1; 50.-1].

Заключение

Новые материалы из раскопок кургана №1 памятника Бирюля позволяют интерпретировать его как погребальный объект, сооруженный для представителей элиты местного средневекового общества. На это указывают находки (боевой топор, палаш и изделия торевтики) и способ захоронения (кремация на стороне вместе с тушей лошади). Сравнительный анализ элементов погребального обряда и находок из раскопок кургана №1 на курганной группе Бирюля с другими погребальными памятниками Кузнецкой котловины свидетельствует, что наибольшее сходство он имеет с курганом-кладбищем Сапогово-2 (анalogии составляют порядка 61%), а также курганными могильниками Сапогово и Саратовка (сходство 55% и 50%). Это обстоятельство и приведенные аналогии позволяют датировать раскопанный объект XI-XII вв. и отнести его к саратовской археологической культуре на третьем этапе ее развития в Кузнецкой котловине, кото-

рый характеризуется развитием в русле прежних традиций и появлением отдельных инноваций в предметном комплексе [Илюшин, 2005, с. 112–113]. Достаточно низкий процент сходства с синхронными и однокультурными средневековыми погребальными памятниками Кузнецкой котловины свидетельствует об уникальности и своеобразии курганный группы Бирюля среди них, что указывает на сложную и мозаичную этнокультурную ситуацию в регионе в предмонгольский период истории.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : Изд-во ОГПУ, 2000. 256 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во ТГУ, 1983. 240 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.
- Борисов В.А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 39–42.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине IX в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово : ОФСЕТ, 2012. 213 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 46–61.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках в Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области. Кемерово, 1993а. 63 с.
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993б. 116 с.
- Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н.э. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 103–111.
- Илюшин А.М. Отчет о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995. 363 с.
- Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.
- Илюшин А.М. Курганный группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск : КузГТУ, 1998. С. 54–78.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : КузГТУ, 1999а. 160 с.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово : КузГТУ, 1999б. 208 с.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2003. 74 с.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : КузГТУ, 2005. 240 с.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2007. 74 с.
- Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/4. С. 96–100.
- Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/1. С. 120–133.

Илюшин А.М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. С. 119–122.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово : КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Калтышино-1 (классификация артефактов и типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего. Т. II. Кемерово : ЗапСибНЦ, 2016. С. 12–15.

Илюшин А.М. Курганная группа Мостовая (классификация, типолого-хронологический и культурно-исторический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего. Т. I. Кемерово : ЗапСибНЦ, 2017а. С. 38–41.

Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3) // Археология евразийских степей. 2017б. №5. С. 144–151.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98–100.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2006 года. М. : Наука, 2009. С. 574–575.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2002 года. М. : Наука, 2003. С. 366–367.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск : НГУ, 1992. 126 с.

Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных актов. Кемерово, 2007. 206 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Художественно-технологические особенности наиболее распространенной группы средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая // Археология степной Евразии. Кемерово : КузГТУ, 2008. С. 185–200.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Плановые археологические исследования в Первомайском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул : Азбука, 2006. С. 260–265.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М. : Наука, 1990. 216 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 182 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 168–172.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 156–177.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1990. 134 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 77–99.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

References

- Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. [Novosibirsk Ob in the 10–14th Centuries]. Tobol'sk; Omsk : Izd-vo OGPU, 2000. 256 p.
- Belikova O.B. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. [Middle Prichulymye in the 10–13th Centuries]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1996. 272 p.
- Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [Sites of the Tomsk Ob in the 5th–8th Centuries]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1983. 240 p.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Onishchenko S.S. Vaganovskij kurgannyj nekropol' IX v. n.e. v Prisaalair'e [Vaganovsky Mound Necropolis of the 9th Century AD in the Trans-Salaire]. Kemerovo : INT, 2010. 276 p.
- Borisov V.A. Zahoronenie srednevekovogo voina po obryadu kremacii na storone v Kuzneckoj kotlovine [Burial of a Medieval Warrior according to the Rite of Cremation on the Side in the Kuznetsk Depression]. Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami [Altai-Sayan Mountain Country and the History of its Development by Nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 39–42.
- Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., Onishchenko S.S. Kaltyshinskij arheologicheskij mikrorajon v konce VIII – pervoj polovine IX v. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prisaalair'e) [Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict at the End of the 8th – the First Half of the 9th Century AD: Nature and Culture (Steppe Prisaalair'e)]. Kemerovo : OFSET, 2012. 213 p.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [The Military Affairs of the Population of Altai in the 3rd–14th Centuries. Part II. Offensive Weapons]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.
- Ilyushin A.M. Pogrebeniya po obryadu kremacii na mogil'nike Ur-Bedari (po raskopkam M.G. El'kina v 1965 godu) [Burials according to the Cremation Rite at the Ur-Bedari Burial Ground (from the Excavations of M.G. Yelkin in 1965)]. Pamyatniki kyrgyzskoj kul'tury v Severnoj i Central'noj Azii [The Sites of Kyrgyz Culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IIF SO AN SSSR, 1990. Pp. 46–61.
- Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v Gur'evskom i Leninsk-Kuzneckom rajonah Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Explorations in the Guryev and Leninsk-Kuznetsk Districts of the Kemerovo Region]. Kemerovo, 1993a. 63 p.
- Ilyushin A.M. Kurgany srednekovykh kochevnikov doliny reki Bachat [Mounds of Medieval Nomads of the Bachat River Valley]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1993b. 116 p.
- Ilyushin A.M. Srednekovye kurgany so rvami v Kuzneckoj kotlovine (hronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost') [Medieval Burial Mounds in the Kuznetsk Depression (Chronology and Cultural Affiliation)]. Etnokul'turnye processy v Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v I–II tysacheletii n.e. [Ethnocultural Processes in South Siberia and Central Asia in the 1st – 2nd Millennium A.D.]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1994. Pp. 103–111.
- Ilyushin A.M. Otchet o polevykh arheologicheskikh issledovaniyah Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoi ekspedicii v 1995 godu [Report on Field Archaeological Research of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 1995]. Kemerovo, 1995. 363 p.
- Ilyushin A.M. Kurgan-kladbishche v doline r. Kas'my kak istochnik po srednekovoj istorii Kuzneckoj kotloviny [Barrow Cemetery in the Valley of the River Kasma as a Source on the Medieval History of the Kuznetsk Depression]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. 119 p.
- Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Shabanovo-3 [Barrow Group Shabanovo-3]. Voprosy arheologii Severnoj i Central'noj Azii [Questions of Archaeology of North and Central Asia]. Kemerovo; Gur'evsk : Izd-vo KuzGTU, 1998. Pp. 54–78.
- Ilyushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikaciya materialov i opyt etnoarheologicheskogo issledovaniya [Burial Ground Saratovka: Publication of Materials and Experience of Ethno-Archaeological Research]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999a. 160 p.
- Ilyushin A.M. Naselenie Kuzneckoj kotloviny v period razvitogo srednekov'ya (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1) [The Population of the Kuznetsk Depression during the Developed Middle Ages (Based on Excavations of the Burial Mound Toropovo-1)]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999b. 208 p.
- Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoi ekspedicii v 2002 godu na territorii Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Explorations of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2002 in the Kemerovo Region]. Kemerovo, 2003. 74 p.

Ilyushin A.M. Etnokul'turnaya istoriya Kuzneckoj kotloviny v epohu srednevekov'ya [Ethnocultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2005. 240 p.

Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii v 2006 godu na territorii Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Exploration of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2006 in the Territory of the Kemerovo Region]. Kemerovo, 2007. 74 p.

Ilyushin A.M. Elitnoe oruzhie blizhnego boya u srednevekovogo naseleniya Kuzneckoj kotloviny (k voprosu ob evolyucii boevykh toporov na severnoj periferii Sayano-Altaya) [Elite Melee Weapons in the Medieval Population of the Kuznetsk Depression (on the Evolution of Battle Axes on the Northern Periphery of Sayano-Altai)]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2009. №4/4. Pp. 96–100.

Ilyushin A.M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuzneckoj kotloviny [Iron Arrowheads from Medieval Mounds of the Kuznetsk Depression]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2010. №4/1. Pp. 120–133.

Ilyushin A.M. Ser'gi u srednevekovogo naseleniya Kuzneckoj kotloviny [Earrings in the Medieval Population of the Kuznetsk Basin]. Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya i ohrany pamyatnikov arheologii). Vyp. III [Historical and Cultural Heritage of the Kuzbass (Actual Problems of the Study and Protection of Archaeological Sites). Issue III]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 119–122.

Ilyushin A.M. Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura [Late Nomad Mounds Near the Mouth of Ur]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2012. 188 p.

Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Kaltyshino-1 (klassifikaciya artefaktov i tipologo-hronologicheskij analiz materialov). T. II [Kurgan Group Kaltyshino-1 (Classification of Artifacts and Typological-Chronological Analysis of Materials)]. Nauchno-tehnicheskij progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniya budushchego [Scientific and Technological Progress: Current and Future Directions of the Future. Vol. II]. Kemerovo : ZapSibNC, 2016. Pp. 12–15.

Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Mostovaya (klassifikaciya, tipologo-hronologicheskij i kul'turno-istoricheskij analiz materialov) [Mostova Kurgan Group (Classification, Typological-Chronological and Cultural-Historical Analysis of Materials)]. Nauchno-tehnicheskij progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniya budushchego. T. I [Scientific and Technological Progress: Current and Perspective Directions of the Future. Vol. I]. Kemerovo : ZapSibNC, 2017a. Pp. 38–41.

Ilyushin A.M. Kompleks vooruzheniya kochevnikov Vostochnogo Dasht-i-Kipchak (po materialam raskopok kurgannoj grupy Musokhranovo-3) [The Armament Complex of East Dasht-i-Kipchak Nomads (Based on Excavations of the Musokhranovo-3 Kurgan Group)]. Arheologiya evrazijskikh stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2017b. №5. Pp. 144–151.

Ilyushin A.M., Borisov V.A., But'yan V.A., Sulejmenov M.G. Issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii v 2006 godu [Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2006]. Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta [Bulletin of the Kuzbass State Technical University]. 2007. №1. Pp. 98–100.

Ilyushin A.M., Borisov V.A., But'yan V.A., Sulejmenov M.G. Issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii [Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition]. Arheologicheskie otkrytiya 2006 goda [Archaeological Discoveries of 2006]. M. : Nauka, 2009. Pp. 574–575.

Ilyushin A.M., Kovalevskij S.A. Polevye issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii [Field Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition]. Arheologicheskie otkrytiya 2002 goda [Archaeological Discoveries of 2002]. M. : Nauka, 2003. Pp. 366–367.

Ilyushin A.M., Kovalevskij S.A., Sulejmenov M.G. Avarijnye raskopki kurganov bliz s. Sapogovo [Emergency Excavations of Mounds Near the Village of Sapogovo]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1996. 206 Pp.

Ilyushin A.M., Sulejmenov M.G., Guz' V.B., Starodubcev A.G. Mogil'nik Sapogovo – pamyatnik drevnetyurkskoj epohi v Kuzneckoj kotlovine [Sapogovo Burial Ground – a Site of the Ancient Turkic Era in the Kuznetsk Hollow]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1992. 126 Pp.

Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: sbornik normativnykh aktov [The Historical and Cultural Heritage of Kuzbass: a Collection of Regulatory Acts]. Kemerovo, 2007. 206 p.

Kon'kova L.V., Korol' G.G. Hudozhestvenno-tehnologicheskie osobennosti naibolee rasprostranennykh srednevekovykh torevtiki mal'yx form Sayano-Altaya [Artistic and Technological Features of the

Most Common Group of Medieval Turetics of Small Forms of Sayano-Altai]. *Arheologiya stepnoy Evrazii* [Archaeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2008. Pp. 185–200.

Korol' G.G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki. M.* [The Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. M.; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 Pp.

Kungurov A.L., Tishkin A.A. *Planovye arheologicheskie issledovaniya v Pervomajskom rajone Altajskogo kraja* [Scheduled Archaeological Research in the Pervomaisky District of the Altai Territory]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja. Vyp. XV* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory.]. Barnaul : Azbuka, 2006. Pp. 260–265.

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh hakasov kak istoricheskij istochnik* [Decorative Art of Medieval Khakasians as a Historical Source]. M. : Nauka, 1990, 216 Pp.

Molodin V.I. *Kyshtovskij mogil'nik* [Kyshtovsky Burial Ground]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 182 p.

Nesterov S.P. *Tesla drevnetyurkского времени v Yuzhnoj Sibiri* [Tesla of Ancient Turkic Time in South Siberia]. *Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noj Azii* [Military Science of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 168–172.

Nesterov S.P., Milyutin K.I. *Srednevekovye pamyatniki pod goroi Karali-Yaryk* [Medieval Sites Under the Mountain Karali-Yaryk]. *Voennoe delo i srednevekovaya arheologiya Central'noj Azii* [Military Science and Medieval Archeology of Central Asia]. Kemerovo, 1995. Pp. 156–177.

Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye in the Late Middle Ages (According to Archaeological Sources)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1990. 134 p.

Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye at the Beginning of the 2nd Millennium AD (According to Archaeological Sources)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1997. 350 p.

Tishkin A.A. *Altai v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai in Mongolian time (Based on Archaeological Sites)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p.

Troickaia T.N., Novikov A.V. *Verhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Upper Ob Culture in Novosibirsk Ob]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p.

Savinov D.G. *Mogil'nik Kaltyshino-1 (novye materialy po arheologii nachala II tys. n.e.)* [Kaltyshino-1 Burial Ground (New Materials on Archaeology of the Beginning of the 2nd Millennium AD)]. *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuzneckoj kotloviny* [Sites of the Early Middle Ages of the Kuznetsk Depression]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. Pp. 77–99.

Hudiyakov Yu.S. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th – 12th Centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Hudiyakov Yu.S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v epohu razvitoego srednevekov'ya* [Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 160 p.

V.A. Borisov, A.M. Ilyushin, M.G. Suleymenov

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

NEW MATERIALS OF BURIALS OF MEDIEVAL ELITE IN THE URSKY ARCHAEOLOGICAL RESIDENTIAL DISTRICT

The article presents the results of excavations at the Biryul burial mound in the Ur Urban Archaeological Microdistrict on the territory of the Kuznetsk Depression. Excavation materials are considered as a single peculiar burial complex, requiring justification of dating and ethnocultural interpretation. The elements of the funeral rite and inventory have been described, classified and analyzed. Based on the typological classification of the finds, a comparative analysis has been carried out with materials from the funerary sites of the Kuznetsk Basin and adjacent territories. During the study, medieval sites have been identified that bear the greatest resemblance to the investigated burial complex: the mound-cemetery of Sapogovo-2 and the burial mounds of Sapogovo and Saratovka. By analogy to the inventory and the proximity of the burial sites, the Biryulya Kurgan group was dated to the 11th – 12th centuries and attributed to the Saratov archaeological culture at the third stage of its development in the Kuznetsk depression. It is noted that the investigated burial complex belongs to the elite category and has a high level of uniqueness with respect to synchronous and monocultural sites.

Key words: Kuznetsk hollow, Saratov culture, the Middle Ages, funerary site, inventory.

УДК 902.2(571.1)

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ С ЛАЗУРИТОВЫМИ ПОДВЕСКАМИ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

На основе анализа опубликованных источников с привлечением данных минералогии проанализирована достаточно распространенная в памятниках Западной Сибири эпохи Средневековья категория инвентаря – лазуриновые подвески. Проведенный анализ позволил расширить принятые многими исследователями хронологические рамки бытования лазуриновых подвесок, выявить регион их наибольшего распространения (Барнаульско-Бийское, Новосибирское и Томское Приобье). Обоснована гипотеза о культуродиагностирующей функции этой категории инвентаря для памятников Барнаульско-Бийского, Новосибирского и Томского Приобья и Республики Алтай. Они встречаются в памятниках, относящихся к басандайской культуре. Кроме того, лазуриновые подвески могут выступать и хронологическими индикаторами. На рассматриваемой территории они хорошо датируются XII–XIII вв. Скорректирована достаточно распространенная точка зрения о непременно кочевой принадлежности памятников с этой категорией инвентаря. Анализ локализации сырьевой базы (месторождений лазурита) позволил высказать предположение о том, что подвески, в рассматриваемом регионе называемые лазуриновыми, изготавливались из другого минерала, а именно из азурита. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: средневековые, Приобье, подвеска, лазурит, азурит, хронология, погребение.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-02

Введение

Исторические процессы на территории Лесостепного Алтая, происходившие в 1-й половине II тыс. н.э., изучены на основании археологических материалов еще достаточно слабо. Пока нет ни одной обобщающей работы в этом плане, опирающейся на достаточно представительный блок источников по указанному хронологическому периоду. Монография А.А. Тишкина [2009, с. 196], в которой опубликованы археологические сведения только о памятниках монгольского времени, носит скорее справочный характер и, по признанию самого автора, требуется дальнейшая аналитическая работа.

В 2011 г. была представлена схема развития археологических культур Алтая в эпоху Средневековья [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011], которая в неизменном виде существует и до настоящего времени. В первом томе «Истории Алтая», изданном в 2019 г., она представлена следующим образом. С рубежа I и II тыс. н.э. и до XII в. исследованные памятники соотносятся со сросткинской археологической культурой (2-я половина VIII – XII в.) [Горбунов, 2019, с. 333, 343–345], а затем – с кармацкой археологической культурой (1-я половина XIII – XIV в.) [Тишкин, 2019, с. 366–374]. Основные тенденции культурного развития Лесостепного Алтая в 1-й половине II тыс. н.э. в этих работах намечены достаточно обоснованно.

Признавая доказательную базу проведенных исследований, следует отметить, что методологическая парадигма, на основании которой они проведены, предусматривает схему линейного развития археологических культур в указанном регионе, когда одна культура сменяет другую на протяжении короткого хронологического отрезка. Исчезновение одной культуры знаменует начало бытования другой, причем сосуществование различных культурных традиций в этом регионе на протяжении одного хронологического периода не рассматривается. Подобная линейная схема ха-

рактерна не только для изучения истории II тыс. н.э., она используется большинством археологов при изучении всех культурно-хронологических периодов.

В середине XX в. эта парадигма начала трансформироваться, и прежде всего по отношению к памятникам именно II тыс. н.э. Связано это с большим количеством масштабных исследований при новостроечных работах, значительно пополнивших источниковую базу, интерпретация которых не укладывалась в привычные методологические рамки.

Одним из примеров подобных работ является исследование археологических памятников, попадавших в зону затопления Цимлянского водохранилища, Волго-Донской археологической экспедицией. Огромный массив материалов, полученных в ходе этих исследований, которые впервые проводились с использованием тяжелой строительной техники (10 и 6 кубовых скреперов), позволил по-новому взглянуть на исторические процессы, проходившие в южно-русских степях во II тыс. н.э., когда в одном регионе сосуществовали в одном хронологическом диапазоне различные культурные группы населения, уже соотносимые с определенными этническими образованиями. Так, С.А. Плетнева [1958, с. 6, 153], блестяще обобщившая и интерпретировавшая новые материалы, отмечала сосуществование в одном регионе в один хронологический период трех различных культурных групп населения: печенегов, торков и половцев. Ей отмечалось, что «различать эти народы как археологически, так и исторически очень трудно. Вещевой материал у всех трех народов почти однороден. Погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями».

В дальнейшем эту методологическую составляющую поддержали не только исследователи европейских древностей, но и ученые сибирского региона [Савинов, Новиков, Росляков, 2003, с. 338–339; Казаков, 2011; Чемякин, 2015, с. 138]. Необходимость смены парадигмы в указанном регионе объясняется также накоплением большого количества источников, в том числе по истории I и II тыс. н.э., которые невозможно интерпретировать в прокрустовом ложе линейной методологии.

Столь пространное вступление обусловлено необходимостью краткого обоснования возможности сосуществования на одной территории в один хронологический период различных культурных групп населения.

Материалы и методы

С точки зрения линейной парадигмы в Лесостепном Алтае все укладывается в интерпретационные рамки уже существующей концепции. На смену сrostкинской археологической культуре приходит сменяющая ее кармацкая культура. Однако новые материалы, происходящие из Лесостепного и Горного Алтая, уже не совсем вписываются в предложенную концепцию. И это не отдельные, так называемые «уникальные», выбивающиеся из общей концепции комплексы, которые раньше объяснялись как незначительные инокультурные инфильтрации, а достаточно серьезные, представительные комплексы, наличие которых разовыми проникновениями инокультурного населения объяснить уже достаточно сложно.

К таким комплексам относятся поздние погребения могильника Осинки, по мнению Д.Г. Савинова, «...ничего общего, за исключением нескольких находок, со сrostкинской культурой не имеющие» [Савинов, Новиков, Росляков, 2003, с. 33; Григоров, Казаков, 2018, с. 57–58]. Материалы могильника Горный-10 также не вписываются в существующую гипотезу и требуют самостоятельной, достаточно кропотливой интерпретации [Абдулганеев, 2001; 2007; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019]. К таким же, не вписывающимся в существующую концепцию, можно отнести и средне-

вековой комплекс могильника Чумыш-Пережат [Фрибус, Грушин, Сайберт, Трусова, 2018; Fribus, Grushin, Onishenko, Vasutin, 2019; Фрибус, Грушин, Онищенко, 2019]. Крайне важны поселенческие комплексы майминской археологической культуры, введение в научный оборот которых [Казаков, 2018; 2019; Кунгурова, Абдулганеев, 2019] также позволяет по-новому взглянуть на этнокультурные процессы в Лесостепном Алтае уже с точки зрения новой методологической парадигмы, предполагающей возможность сосуществования носителей различных культурных традиций в одном регионе и в одном хронологическом диапазоне.

К таким же памятникам в Лесостепном Алтае относятся и комплексы, в инвентаре которых встречены так называемые лазуритовые подвески. Пока их было известно немного (всего два незначительных комплекса), эти комплексы можно было рассматривать как «исключение из правил», случайные инокультурные инфильтрации и т.п. После публикации материалов Осинкинского могильника они уже перестали быть исключением и требуют более серьезной интерпретации.

Для начала следует уточнить, что автор понимает под лазуритовыми подвесками. Из этого очень красивого минерала небесно-голубого и синего цвета изготавливалось достаточно большое количество различных категорий изделий. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, из лазурита делали кольца, бусины, пронизки на серьги, кабошоны и другие украшения [Макарова, 1962, с. 128–131; Плетнева, 2019]. Наиболее массовые изделия из лазурита представлены подвесками. Это подтреугольные, ромбические, асимметрично-ромбические, с заоваленными углами (каплевидные, подовальные и т.п.) и других форм изделия, изготовленные из плоской заготовки. Наиболее характерной их особенностью, позволяющей отнести эти предметы именно к подвескам, является наличие отверстия для подвешивания в одном из углов изделия. Зачастую это отверстие оформлялось специально оформленным «ушком» также на углу изделия. Как уже отмечалось, формы подвесок крайне вариативны, но наиболее распространенными являются подтреугольные, ромбические и асимметрично-ромбические. Другие формы встречаются редко. Следует отметить и еще одну особенность: в большинстве случаев подвески по плоскости орнаментировались несколькими резными линиями.

Первая находка лазуритовой подвески на территории Лесостепного Алтая относится к 1984 г., когда А.Л. Кунгуровым была исследована частично разрушенная траншеей хозяйственная яма, расположенная около дома №22 по ул. Радищева в г. Бийске. Сохранившиеся размеры ямы – 1,3×0,6 м. В яме найдены развалы трех сосудов, обломков черепа косули и подвеска из лазурита (рис. 1.-1). Первоначально этот материал был отнесен к началу II тыс. без соотнесения с какой-либо археологической культурой [Киришин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 14; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 226–227, с. 224, рис. 3.-16–19].

К указанной находке Артур Леонидович вернулся в 1993 г. в связи с публикацией материалов с Малого Гоньбинского Кордона-1. На этом памятнике (на могильнике 1) им было исследовано погребение №4. В его инвентарном комплексе было найдено ожерелье, в состав которого входили 42 бусины и восемь лазуритовых

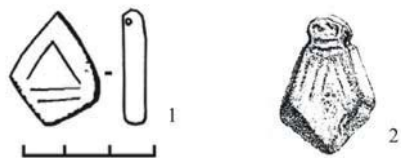

Рис. 1. Лазуритовые подвески с ул. Радищева г. Бийска (1) и Рождественского городища (2, без масштаба) (по: [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 224, рис. 3.-16–19, с. 226–227; Спицын, 1902])

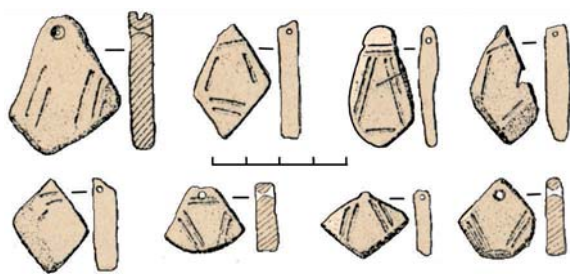

Рис. 2. Лазуриновые подвески из погребения могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 (по: [Кунгуров, 1993])

Кунгуров, 2016, с. 224]. По мнению авторов публикации, «...лазуриновая подвеска имеет датирующее значение, поскольку изделия такой формы и орнаментации бытовали ограниченное время в середине XI – XII в.» [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 227]. Погребение №4 с могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 до сих пор остается неатрибутированным в культурном отношении.

Наибольшее количество лазуриновых подвесок встречено в материалах Осинкинского могильника. Все они происходят из погребений второй группы (поздних). Всего в Осинкинском могильнике найдено 14 таких подвесок (в могиле-45 – 7 экз., в могиле-39 – 4 экз., в могилах-30, 46 и 54 – по 1 экз.) [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 27] (рис. 3). Эти погребения датируются концом XI – началом XIII в. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 35].

Еще одним комплексом, в составе инвентаря которого имеются лазуриновые подвески, происходящим с территории уже Горного Алтая, является погребение у с. Бичикту-Бом, исследованное Е.М. Берс в 1964 г. [Берс, Худяков, 1994]. В этом по-

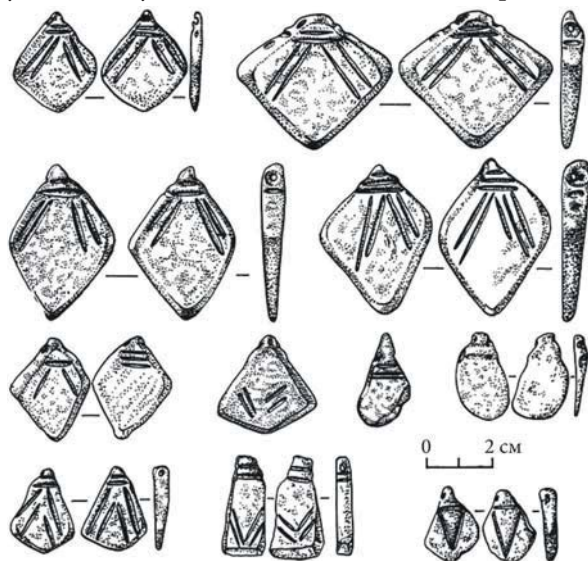

Рис. 3. Лазуриновые подвески из могильника Осинки (по: [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, рис. 11])

подвесок [Кунгуров, 1993] (рис. 2). А.Л. Кунгуров [1993], вслед за С.А. Плетневой, отнес лазуриновые подвески к половецкому комплексу украшений и датировал их концом I – началом II тыс. К ближайшим аналогиям им отнесен и комплекс с ул. Радищева г. Бийска.

Позднее материалы с ул. Радищева были атрибутированы как относящиеся к сrostкинской культуре [Горбунов, Тишкин,

погребении женщины 30–40 лет, судя по иллюстрациям, обнаружено 20 лазуриновых подвесок (рис. 4) и 10 подвесок из перламутра. Большая часть перламутровых подвесок украшена циркульным орнаментом [Берс, Худяков, 1994, с. 68–69, рис. 3-4]. Таким образом, на достаточно компактной территории в настоящее время известны четыре памятника, в инвентаре которых зафиксированы 43 лазуриновые подвески.

Если рассматривать другие комплексы с сопредельных территорий (Новосибирского и Томского Приобья), в инвентаре которых встречаются лазуриновые подвески, то мы увидим, что эта катего-

рия инвентаря распространена достаточно широко.

Первым памятником, в котором были обнаружены лазуритовые подвески, является Басандайский курганный могильник, расположенный вблизи г. Томска. В результате работ 1944–1946 гг. под руководством К.Э. Гриневича [1947, с. 4] на памятнике были исследованы 20 курганов [Гриневич, 1947, с. 19]. В материалах этих курганов встречено большое количество подвесок из лазурита. К сожалению, точное их количество восстановить сложно. В достаточно подробном описании погребений [Гриневич, 1947а, с. 19–49] прослеживается явная тенденция к упрощению. Если первые погребения описаны очень подробно, иногда с чрезмерной детализацией, то последующие уже с меньшими деталями, а в описании последних можно встретить

и формулировки типа «из синих бус и лапчатых лазуритовых подвесок» или «все тело ... было засыпано ... подвесками из лазурита» [Гриневич, 1947а, с. 43], без указания их количества. Кроме того, иногда не совпадает количество подвесок в описании с данными иллюстраций. Судя по описанию, минимальное количество лазуритовых подвесок составило порядка 41 экз. Они происходили из семи погребений четырех курганов (курган №66, могила-1 – 4 шт., курган №54, могила-1 – 14 шт., могила-2 – 5 шт., курган №25, могила-3 – 2 шт., курган №77, могила-2 – 4 шт., могила-4 – 5 шт., могила-5 – 7 шт.). Еще раз оговорюсь, что это минимальное количество найденных при раскопках лазуритовых подвесок, на самом деле их было больше (рис. 5).

При описании подвесок видно, что они изготовлены из материала низкого качества, иногда «рассыпались». Употребляется даже такой термин, как «серый лазурит». Из этого можно сделать вывод, что подвески были изготовлены не из камня, а из лазуритосодержащей (?) породы. Знак вопроса стоит потому, что, как мы увидим дальше, вероятнее всего, материалом, из которого изготавливались подвески, был даже не лазурит.

Непосредственный участник полевых работ, впоследствии обрабатывавший полученный материал, приводит несколько иные сведения. З.Я. Бояршинова [1948], характеризуя погребальный ритуал в басандайских курганах, сообщает: «Подвески из

Рис. 4. Лазуритовые подвески из погребения у с. Бичикту-Бом и изделие с ними (по: [Берс, Худяков, 1994; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 86])

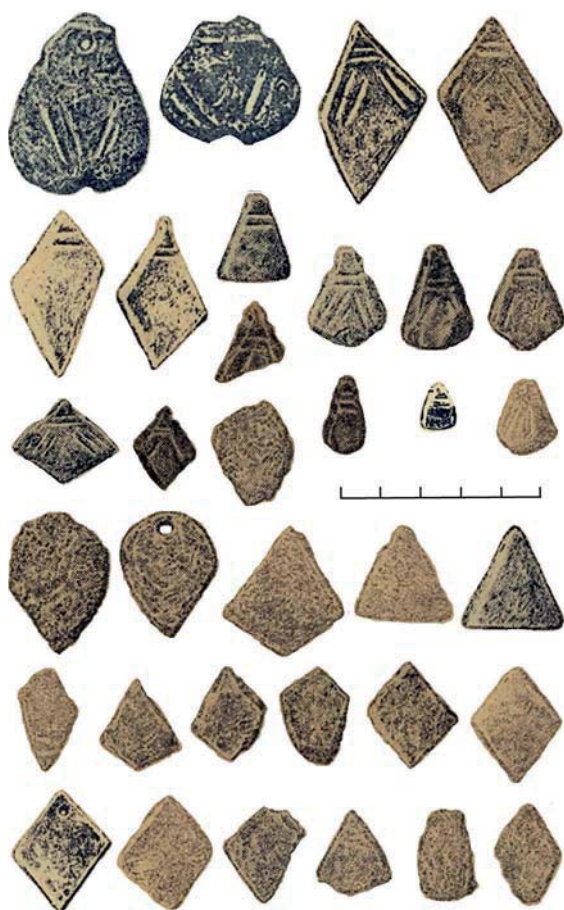

Рис. 5. Лазуритовые подвески из курганного могильника Басандайка (по: [Гриневич, 1947а, с. 19–49])

лазурита лапчатой и ромбической формы найдены в 12 погребениях (курган №77 погребение №5; курган №25 погребения №2–3; курган №1 погребение №3; курган №77 погребение №2; курган №77 погребение 4; курган №35 погребение №3; курган №66 погребение №1; курган №24 погребения №3 и 4; курган №54 погребения №1, 2)», не давая суммарного количества находок этой категории инвентаря.

К сожалению, в описаниях погребений, представленных К.Э. Гриневичем [1947а, с. 35], о лазуритовых подвесках в могиле-3 кургана №1 нет упоминаний. В иллюстративном материале (табл. 33–66) мы видим наличие лазуритовых подвесок в этом комплексе. Наличие лазуритовой подвески в этом комплексе зафиксировано и более поздними исследователями [Зинченко, 2013, с. 140]. Более того, этим исследователем при работе с коллекцией Басандайского могильника выявлены артефакты, не вошедшие в публикацию 1947 г. [Зинченко, 2013, с. 134].

Таким образом, не продолжая дальнейших литературных изысканий, можно констатировать, что ла-

зуритовых подвесок в Басандайском могильнике найдено значительно больше 41 шт., упомянутых в описании К.Э. Гриневича. С большой долей уверенности, даже делая максимальные скидки на погрешности, можно говорить, что их найдено более 50 экз. Уже это количество свидетельствует о большой распространенности лазуритовых подвесок, что делает эту категорию инвентаря достаточно обыденной для населения, оставившего Басандайский курганный могильник. Это положение в свете настоящей работы является более важным, чем количество подвесок.

После работ 1944–1946 гг. Басандайский могильник исследовался под руководством Л.М. Плетневой. В 1976 и 1986 гг. ею было исследовано 12 курганов [Плетнева, 1997, с. 34]. Судя по описаниям и иллюстрациям в этих курганах найдено как минимум восемь лазуритовых подвесок.

Кроме курганов в урочище Басандайка Л.М. Плетневой [1997] исследовались единокультурные Астраханцевский курганный могильник и могильник у устья Малой Киргизки. Судя по описаниям, иллюстрациям и аналогиям при датировке памят-

ника, лазуритовых подвесок в Астраханцевском курганном могильнике не найдено, а в могильнике у устья Малой Киргизки они есть. Всего в трех могильниках было обнаружено 40 лазуритовых подвесок [Плетнева, 1997, с. 92].

Подобное положение можно объяснить несколькими причинами, одной из которых является хронологическая. Если Басандайский могильник и могильник у устья Малой Киргизки датируются XII–XIV вв. [Плетнева, 1979, с. 111–115], то Астраханцевский является наиболее поздним и датируется XIII–XIV (XV) вв. [Плетнева, 1979, с. 116]. Вероятно, именно хронологической разницей возможно объяснить и более бедный инвентарный комплекс этого памятника.

Кроме Томского Приобья лазуритовые подвески встречены и в памятниках Новосибирской области. В материалах курганного могильника Санаторный 1, расположенного недалеко от г. Бердска, встречено 56 лазуритовых подвесок [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 123]. Памятник надежно датирован серединой XI – началом XIII в., в том числе и с привлечением методов естественных наук (12 дат). Большая часть погребений относится к XII в. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 153–154] (рис. 6, 7).

В расположенном на севере Новосибирской области курганном могильнике Ташара-Карьер-2 найдено девять лазуритовых подвесок (курган №4, могила-4 – 1 экз. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 305, рис. 36.-4], курган №7 погребение – 3 экз. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 314, рис. 61.-2-4], курган №8, могила-1 – 1 экз. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 316, рис. 65.-3], курган №10, могила-1 – 3 экз. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 321, рис. 75.-15-17], курган №16, могила – 1 экз. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 333, рис. 102.-10]) (рис. 8).

Обобщая данные, можно констатировать, что в Барнаульско-Бийском Приобье на трех памятниках (ул. Радищева г. Бийска – 1 экз., Малый Гоньбинский кордон-1, могильник 1, могила-4 – 8 экз., Осинки – 14 экз.) найдено 23 лазуритовых подвески, в Новосибирском Приобье на двух памятниках (Санаторный-1 – 56 экз., Ташара-Карьер-2 – 9 экз.) встречено 65 лазуритовых подвесок, в Томском Приобье на трех памятниках

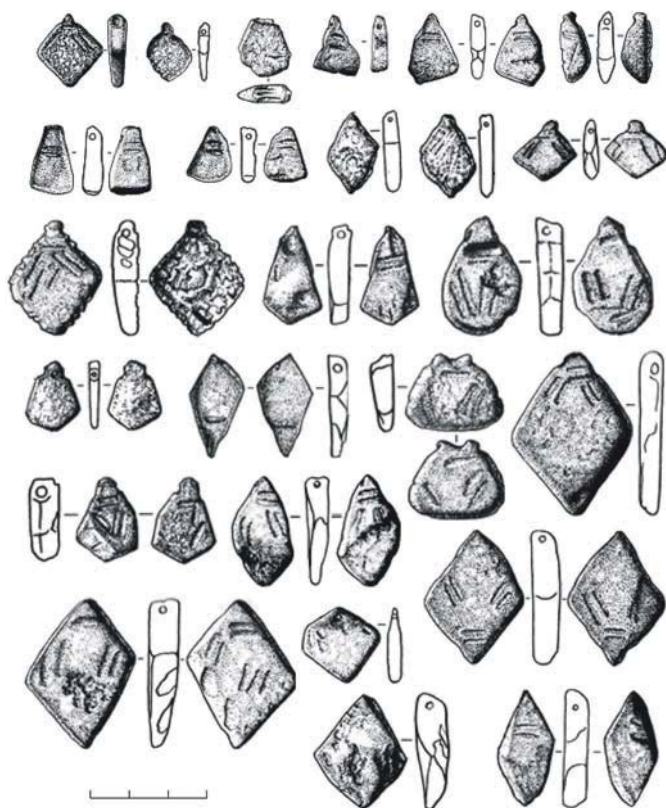

Рис. 6. Лазуритовые подвески из курганного могильника Санаторный-1 (по: [Савинов, Новиков, Росляков, 2006])

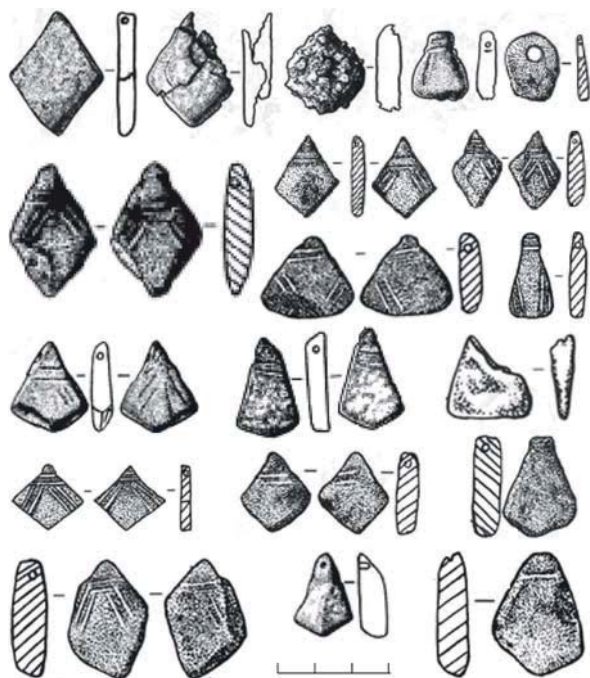

Рис. 7. Лазуритовые подвески из курганного могильника Санаторный-1 (по: [Савинов, Новиков, Росляков, 2006])

атрибутирован лишь один – ул. Радищева г. Бийска, который отнесен на основании особенностей керамических сосудов к сроткинской археологической культуре и на основании лазуритовой подвески датирован XI–XII вв. [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 227]. Остальные памятники атрибутированы лишь эпохально, 1-й половиной II тыс.

Во всех работах, касающихся этих памятников, лазуритовые подвески рассматриваются лишь как хронологический индикатор и на основании работ прошлого

(Басандайка – порядка 60 экз., могильник у устья Малой Киргизки – порядка 32 экз.) обнаружено более 90 лазуритовых подвесок. В Онгудайском районе Республики Алтай в одном погребении найдено 20 лазуритовых подвесок.

Таким образом, в регионах Томского, Новосибирского, Барнаульско-Бийского Приобья и Республике Алтай на восьми памятниках встречено порядка 200 лазуритовых подвесок.

Как уже было сказано выше, на территории Алтайского края и Республики Алтай в настоящее время известно четыре памятника, в материалах которых содержатся лазуритовые подвески. Три из них являются погребально-поминальными комплексами и один исследован крайне фрагментарно и трактован как хозяйственная яма. Из четырех памятников культурно-хронологически

тракуются как кочевнические древности, датирующиеся XI–XII вв.

В одной из последних работ, в которой вводятся в научный оборот материалы Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья, этой категории инвентаря уделено значительно больше внимания, однако сложившийся стереотип атрибуции кочует из одной работы в другую. Это обстоятельство и побудило к более детальной проработке этой категории инвентаря.

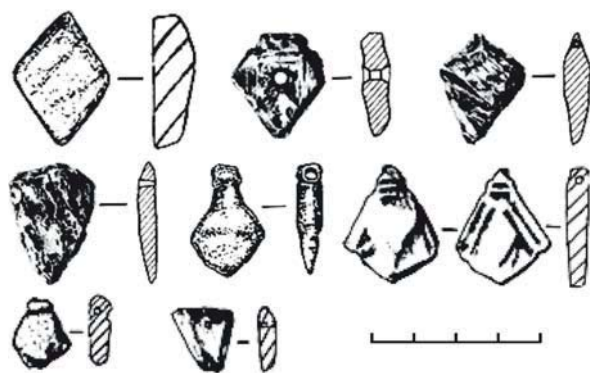

Рис. 8. Лазуритовые подвески из курганного могильника Ташара-Карьер-2 (по: [Савинов, Новиков, Росляков, 2006])

Полученные результаты и их обсуждение

Одной из последних работ, обобщающих материалы памятников, в инвентаре которых содержатся лазуритовые подвески, в обширном регионе, от Алтайского края до Томского Приобья, является работа Д.Г. Савинова, А.В. Новикова и С.Г. Рослякова «Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура)», вышедшая в 2006 г. В материалах памятников, опубликованных в этой работе, указано большое количество лазуритовых подвесок.

Наиболее обстоятельный анализ культурно-хронологического значения лазуритовых подвесок на основании значительно пополнившейся источниковой базы мы находим в разделе, подготовленном Д.Г. Савиновым при публикации материалов могильника Осинки. Он сформулировал на основе историографического анализа свою точку зрения на эту категорию инвентаря, согласно которой подвески относятся к кочевническим древностям, места наибольшей концентрации серийных находок находятся в смежных районах Северного Алтая и юга Западной Сибири (Томское и Новосибирское Приобье), а также на Дону, такие же подвески (копии), выполненные из других материалов (сердолик, яшма, нефрит), но одинаковым образом орнаментированные, располагаются на периферии их основного массива. Период распространения лазуритовых подвесок ограничен концом древнетюркской эпохи (конец X в.) и началом монгольского времени (начало XIII в.), т.е. в целом может быть определен XI–XII вв. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 27].

При рассмотрении аргументации Д.Г. Савинова, приведенной в данной работе, обращают на себя внимание некоторые нюансы, которые легли в основу вышеприведенных выводов.

К ним относятся следующие положения. Д.Г. Савинов, ссылаясь на работу О.А. Артамоновой, предполагает, что в Саркеле – Белой Веже лазуритовые подвески найдены в большом количестве в богатых захоронениях кочевнической части населения [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 27]. Это положение в настоящее время является почти что общепризнанным.

При определении культурно-хронологической принадлежности лазуритовых подвесок большинство (практически все) авторов обращаются к материалам Саркела – Белой Вежи. Попробуем разобраться с этими материалами, опираясь на первоисточники.

В публикации М.И. Артамонова [1958, рис. 60, цв. вклейка между с. 80 и 81] «Саркел – Белая Вежа» имеется только одно изделие, содержащее в своем составе три лазуритовые подвески, две из которых ромбической формы и одна – треугольной (рис. 9). К сожалению, к какой из выделенных Михаилом Илларионовичем групп погребений относятся эти находки, в этой публикации не указано. Там же достаточно обоснованно дано определение этнической группы, которая входила в состав гарнизона Саркела. По мнению М.И. Артамонова [1958, с. 77], это были гузы – торки.

Материалы погребально-поминальных комплексов наиболее полно опубликованы и первично интерпретированы в работах О.А. Артамоновой [1963] и С.А. Плетневой [1963].

В предисловии к 3-му тому «Трудов Волго-Донской экспедиции» Михаил Илларионович Артамонов, осуществлявший общее руководство работами по исследованию археологических памятников, которым предстояло затопление водами Цимлянского водохранилища, характеризуя погребально-поминальные комплексы Саркела – Белой

Рис. 9. Изделие с лазуритовыми подвесками из Белой Вежи
(по: [Артамонов, 1958, рис. 60, цв. вклейка между с. 80 и 81])

Вежи, отмечал, что они делятся на две части: грунтовые погребения в насыпях вдоль внешнего вала городища и возле стен крепости и подкурганные погребения в кочевническом могильнике, находившемся возле городища [Артамонов, 1963].

В своей работе О.А. Артамонова так же выделяет две группы погребений. К первой она относит могильник кочевого населения, ко второй – погребения в Больших насыпях, в валу, у стен и во дворе городища. По мнению О.А. Артамоновой [1963, с. 10–11], погребения второй группы принадлежат оседлому населению крепости, представленному двумя культурами – салтово-маяцкой и славянской. В свою очередь, погребения, отнесенные О.А. Артамоновой к второй группе, ею разделены на различные типы. Один из них, погребения в материковых ямах у юго-западной стены крепости, принадлежали населению салтовской культуры и датируются VIII–IX вв. [Артамонова, 1963, с. 25]. В этих погребениях лазуритовых подвесок не встречено. Погребения во дворе городища и на холме 32/8 относятся к раннему периоду жизни крепости – не позже X в. и принадлежали тому же населению [Артамонова, 1963, с. 27]. В них нет лазуритовых подвесок. Погребения в валу городища принадлежали уже русскому периоду и также не содержат лазуритовых подвесок [Артамонова, 1963, с. 27]. Все лазуритовые подвески найдены в погребениях на Больших насыпях. «В женских погребениях больше всего подвесок из ляпис-лазури. Они найдены в 8 погребениях (5 погребений в нас. 17/10). В одном погребении находились 4 подвески, в четырех по 3 и в одном – 2» [Артамонова, 1963, с. 66, с. 68 рис. 53.-1, 2, 4, 7]. Согласно иллюстративному материалу они встречены в погребениях 108, 222, 67 [Артамонова, 1963, с. 68 рис. 53.-1, 2, 4, 7].

Судя по приведенному описанию, в могильниках Саркела – Белой-Вежи найдено порядка 20 лазуритовых подвесок. Ею же отмечалось, что лазуритовые подвески встречаются только в богатых женских захоронениях и не встречаются в погребениях с бедным инвентарем. «Из одиннадцати указанных погребений только в одном (77 у юго-западной стены) не было *изделий* (курсив мой. – А.К.) из этого высоко ценившегося камня» [Артамонова, 1963, с. 70]. Кроме двойного погребения 32 в насыпи 24/6 они найдены в могилах-67, 130, 143, 215 и 222 в насыпи 17/10 и в могиле-108 у юго-западной стены. Богатством отличалось и детское погребение 57 у юго-западной стены с подвеской из этого камня. Почти во всех этих погребениях подвески из ляпис-лазури входили в состав ожерелий с большим количеством сердоликовых и золоченых бус» [Артамонова, 1963, с. 92–94].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подвески из ляпис-лазури находят не в кочевнических курганах, а в рядовом могильнике городского населения. Ни одно погребение с этими подвесками не содержало никаких элементов кочевнического погребального обряда, хорошо известного не только по курганному могильнику, но и по нескольким могилам в Больших насыпях [Артамонова, 1963, с. 92].

Таких погребений с признаками кочевнического обряда в Больших насыпях известно пять, все они совершены в насыпи 19/1 [Артамонова, 1963, с. 105–106]. Совершенно справедливо предположение С.А. Плетневой [1958, с. 172], считающей, что эти захоронения могли принадлежать женам кочевников (представителям гарнизона крепости. – А.К.), происходящим из семей оседлого населения. В этих погребениях лазуритовых подвесок нет.

Могильник Белой Вежи достаточно надежно датирован X–XII вв. [Артамонова, 1963, с. 77–106]. В культурном слое городища Белой Вежи такие подвески находились главным образом в цитадели и датировались 1-й половиной XI в. По мнению О.А. Артамоновой, гарнизон состоял из наемных отрядов гузо-печенегов, поэтому лазуритовые подвески из цитадели связываются именно с этой этнической группой населения Белой Вежи. К сожалению, ни рисунков лазуритовых подвесок из цитадели, ни их количества автор статьи не нашел, только упоминания о том, что они там встречались. Согласно данным Т.И. Макаровой [1962, с. 129], таких подвесок в культурном слое городища найдено порядка 9 экз. Гипотеза С.А. Плетневой о брачно-семейных связях представителей гарнизона с оседлым населением объясняет их наличие в цитадели.

Гарнизон хоронил своих покойников в Малых курганах, расположенных вблизи городища, к югу от восточной группы Больших насыпей. В этих подкурганных погребениях *не обнаружено ни одной подвески* из ляпис-лазури, есть только браслет со вставками из этого камня [Артамонова, 1963, с. 92].

Таким образом, из анализа источника мы выясняем, что лазуритовые подвески в Белой Веже встречаются действительно в наиболее богатых женских погребениях, только к кочевникам они не имеют абсолютно никакого отношения.

О.А. Артамонова [1963, с. 104] считает, что «погребения Беловежского могильника представляют признаки, свойственные разным культурам – русской и салтовской», причем носителями салтовской культуры, скорее всего, были болгары. Население цитадели «представлено так называемой саркелской культурой», «тюрко-кочевнического типа» [Артамонова, 1963, с. 105].

Интересно и еще одно наблюдение О.А. Артамоновой. Основываясь на находках в погребениях могильника крестиков, надгробных крестов, вырезках в виде крестика в различных изделиях, она делает вывод о христианском характере Беловежского могильника [Артамонова, 1963, с. 97–98].

Абсолютно непонятно, почему, по мнению С.А. Плетневой, «синие ромбические и треугольные подвески» (лазуритовые), сопровождающие только женские погребения, характерны только для кочевников? Причем С.А. Плетнева не называет ни этнической, ни культурной принадлежности населения, с которым можно было бы соотнести эти погребения. Интересно, что эти погребения относятся к культурным слоям Белой Вежи (русский период, с 965 по 1117 гг.) [Плетнева, 1958, с. 171], т.е. речь идет именно о погребениях, которые мы рассматривали выше и которые ничего общего с кочевниками по материалам не имеют.

К сожалению, никто из исследователей на данное обстоятельство не обратил должного внимания. Отсюда и произошла версия о кочевнической принадлежности подвесок.

В своих дальнейших работах С.А. Плетнева постоянно поддерживает эту версию. Так, совершенно справедливо отмечая очень большое сходство как погребального обряда, так и сопроводительного инвентаря кочевников южно-русских степей, она обращала внимание на следующее обстоятельство: «большинство вещей... не было принадлежностью какого-то определенного народа, а употреблялось всеми кочевниками, являясь порождением эпохи на огромной территории степей от Урала до Дуная ... ярким примером этой “моды” были ... синие подвески...» [Плетнева, 1958, с. 179]. Далее она уже более конкретно указывала на связь лазуритовых подвесок с печенежско-половецкими древностями [Плетнева, 1981, с. 213] и на основании работы Т.И. Макаровой датирует подобные подвески XI–XII вв. [Плетнева, 1981, с. 217; 259, рис. 82–87; с. 261, рис. 84.-14–17)]. Вслед за С.А. Плетневой Р.М. Ключникова и Д.А. Сташенков [1996, с. 240–241] считают лазуритовые подвески «индикатором принадлежности погребальных комплексов к кыпчако-половецкому кругу памятников», причем этого положения они никак не аргументируют, считая его априорно истинным.

Единственным на сегодняшний день исследованием, посвященным рассматриваемой категории инвентаря, является работа Т.И. Макаровой [1962]. Сегодня выводы этой работы подвергаются существенной корректировке. Связано это прежде всего со значительным расширением источниковой базы. Полагаю, что используемые Т.И. Макаровой методы (типологии и построения на базе типологии эволюционных цепочек развития) на современной источниковой базе могут дать очень хорошие результаты.

Несмотря на слабую изученность интересующего инвентаря, следует признать его достаточно широкую распространенность. Кроме Белой Вежи и Басандайки, еще одним регионом распространения лазуритовых подвесок является Поросье [Артамонова, 1963, с. 92; Макарова, 1962, с. 132]. Встречены они и в Днепропетровской области [Артамонова, 1963, с. 92; Макарова, 1962, с. 133], близ Харькова [Артамонова, 1963, с. 92], в могиле-121 Ильмовой пади в Забайкалье [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 28], на болгарских городищах в слоях предмонгольского времени [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 28], в слое конца XII в. в Новгороде [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 28], подвеска из Прикамья, вероятнее всего, с Рождественского городища [Спицын, 1902; Бояршинова, 1948, с. 155], которое в настоящее время датируется X–XIII вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 508–509] (рис. 1–2). Пять лазуритовых подвесок происходят из разрушенного погребения у с. Ново-Троевка Алексеевского района Самарской области [Ключникова, Сташенков, 1996; Васильева, 2000, с. 292, табл. 8.-7–11] (рис. 10), в женском погребении 1-й половины II тыс. н.э. Шаушукумского могильника на Сыр-Дарье [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125], в погребениях VI–VIII вв. в Чуйской долине [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125], на поселении VII–XI вв. Ток-Кала в Узбекистане и в слое XII–XIII вв. в Хорезме

[Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125], в погребении XII–XIII вв. Иванов Мыс-1 в таежном Приртышье [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125]. К XI – началу XIII в. относится подвеска с городища Актобе-1 [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125]. Самые поздние лазуритовые подвески происходят из могильника Секи-Оток XIII–XIV вв. в Киргизии и золотоордынского городища Маджар в Ставрополье [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125]. Как минимум восемь лазуритовых подвесок известны с городища Кызылкала, расположенного в Западном Казахстане, которое датируется X–XII вв. [Калменов, Бижанова, 2019, с. 239, 242] (рис. 11). Следует признать, что этот перечень далеко не исчерпывающий (рис. 12).

Вслед за Р.М. Ключниковой и Д.А. Сташенковым, достаточно подробно проанализировавшими находки подвесок из лазурита и месторождения этого редчайшего и очень ценного минерала, можно констатировать достаточно широкое распространение этой категории инвентаря в регионе от Восточной Украины до Западной Сибири, включая Среднюю Азию. Единственный экземпляр известен в более восточных регионах.

Г.А. Федоров-Давыдов [1966, с. 76, с. 66, рис. 12.-4] считал лазуритовые подвески характерными для памятников Восточной Европы X–XII вв.

Ссылаясь на рис. 60 М.И. Артамонова [1958], на котором опубликовано ожерелье с лазуритовыми подвесками, Р.М. Ключникова и Д.А. Сташенков [1996] указывают на его принадлежность к кочевническому могильнику, хотя М.И. Артамонов [1958, с. 81] ссылается на этот рисунок при описании бескурганного могильника Белой Вежи. Отсутствие в кочевнических погребениях Саркела – Белой Вежи лазуритовых подвесок мы уже отмечали.

Уже простое перечисление мест и обстоятельств находок лазуритовых подвесок позволяет отвергнуть версию об однозначной их принадлежности к кочевническим древностям. Как мы видели, подвески из Белой Вежи к кочевническим древностям никакого отношения не имели. Большое количество находок их в мощных

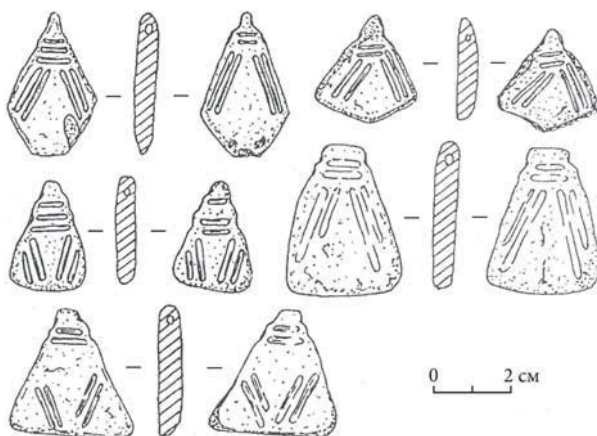

Рис. 10. Лазуритовые подвески из Ново-Троевского погребения (по: [Ключникова, Сташенков, 1996])

Рис. 11. Изделие с лазуритовыми подвесками из городища Кызылкала (по: [Калменов, Бижанова, 2019])

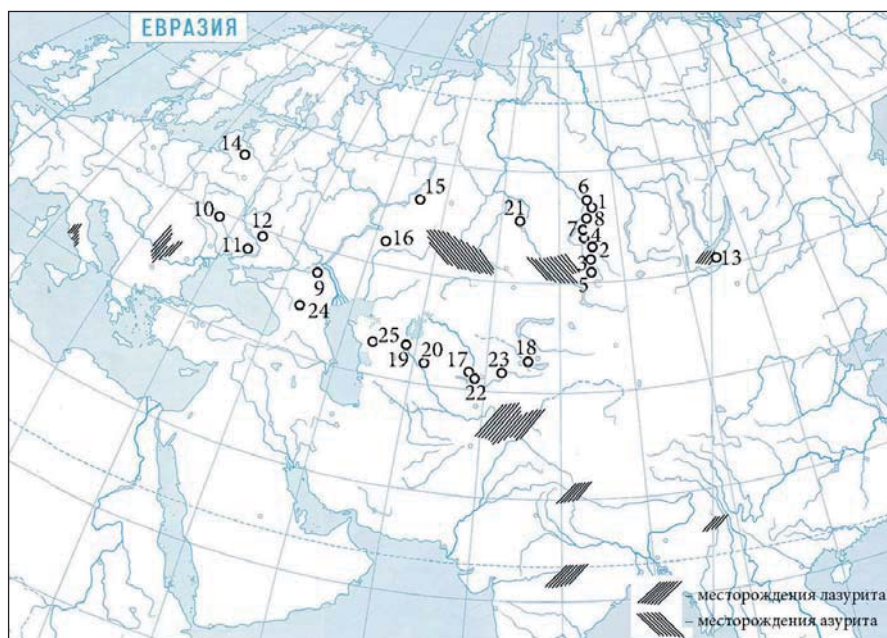

Рис. 12. Места находок лазуритовых подвесок и месторождений минералов лазурита и азурита:

- 1 – Басандайка (60 шт.); 2 – Осинки (14 шт.); 3 – ул. Радищева г. Бийска (1 шт.);
 4 – МГК-1 (8 шт.); 5 – Бичикту-Бом (20 шт.); 6 – могильник в устье Малой Киргизки (32 шт.);
 7 – Санаторный-1 (56 шт.); 8 – Ташара-Карьер-2 (9 шт.); 9 – Саркел-Белая Вежа (20 шт.);
 10 – Поросье; 11 – Днепропетровская область; 12 – близ Харькова; 13 – Ильмовая падь (1 шт.);
 14 – Новгород; 15 – Рождественское городище; 16 – Ново-Троевка (Самарская обл.; 5 шт.);
 17 – Шаушукумский могильник (Сыр-Дарья); 18 – Чуйская долина; 19 – поселине Ток-Кала
 (Узбекистан); 20 – Хорезм; 21 – Иванов Мыс-1 (Прииртышье); 22 – Городище Актобе-1;
 23 – Могильник Секи-Оток; 24 – Городище Маджар в Ставрополе; 25 – Городище Кызылкала

поселенческих слоях явно неочевидных памятников также позволяет сомневаться в их чисто кочевнической принадлежности. Следует признать, что они встречаются в памятниках, оставленных как кочевническим, так и оседлым населением. Следовательно, считать их индикаторами кочевнических древностей нельзя.

Не задаваясь вопросами о происхождении лазуритовых подвесок, их этнокультурной интерпретации, типологии и эволюции, можно согласиться с положением о возможности их использования в качестве одного из хронологических маркеров, причем достаточно надежных. При этом следует учитывать рамки их бытования в конкретных регионах, а они немного различаются.

Тщательный анализ находок изделий из лазурита, их расположения в погребениях, взаимовстречаемости с другими категориями инвентаря и половозрастными особенностями погребенных позволил Л.М. Плетневой [2019] обосновать их роль и как одного из маркеров социального положения индивида.

Кроме того, типология таких изделий позволит выявить и некоторые хронологические особенности. Контуры эволюционной схемы уже обозначены [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125].

Наиболее ранними следует считать лазуритовые подвески в погребениях VI–VIII вв. в Чуйской долине [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125], наиболее поздними – из могильника Секи-Отот XIII–XIV вв. в Киргизии и золотоордынского городища Маджар в Ставрополье [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125].

Несмотря на широкое распространение лазуритовых подвесок, эти изделия являются достаточно редкими, единичными находками в различных регионах. Зонами более-менее плотной концентрации лазуритовых подвесок можно назвать Поросье, Белую Вежу и районы Среднего и Верхнего Приобья. Во всех остальных местах это единичные находки. Да и в перечисленных счет идет на единицы экземпляров, мало где их встречено несколько десятков.

В материалах Саркела – Белой Вежи их насчитывается порядка 30 экз. В материалах других памятников значительно меньше. Исключением являются памятники Томского, Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья, в материалах которых встречено порядка 200 экземпляров этих изделий. Следует признать, что в указанном регионе лазуритовые подвески распространены достаточно широко и не являются единичными, исключительными находками. И это даже несмотря на то обстоятельство, что эти регионы по степени археологической исследованности значительно отстают от европейских. Для рассматриваемого региона базовыми являются комплексы погребений второй группы Осинкинского могильника, могильников Басандайка, Санаторный-1, Ташара-Карьер-2, Устье Малой Киргизки, которые хорошо, на монографическом уровне, культурно-хронологически атрибутированы. Все они отнесены к басандайской археологической культуре, датируются в пределах конца XI – XIV в. Наиболее ранний памятник этой культуры (Осинкинский могильник) расположен в Барнаульско-Бийском Приобье [Плетнева, 1997; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 125].

Учитывая, что лазуритовые подвески до сих пор не встречены ни в одном погребении, кроме относящихся к басандайской культуре, их можно считать для рассматриваемого региона и культуродиагностирующими, определяющими принадлежность памятника к басандайской археологической культуре. Наблюдения Л.М. Плетневой [2019, с. 53] подтверждают это положение.

Таким образом, ранее не атрибутированные в культурном отношении памятники с территории Барнаульско-Бийского Приобья и Республики Алтай, такие как ул. Радищева г. Бийска, погребение 4 могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1, Бичикту-Бом, можно отнести к басандайской археологической культуре.

Об этом свидетельствуют и другие признаки, такие как погребальный обряд и керамический комплекс.

В погребении 4 могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 погребенный человек был ориентирован головой на северо-запад, лежал вытянуто на спине. Захоронение совершено в берестяном чехле, внутри которого находилась прямоугольная рама из брусьев. На берестяном чехле лежала нижняя челюсть коровы (? – А.К.). Зафиксировано использование огня при погребении над берестяным чехлом, так как нижняя челюсть коровы обожжена [Кунгуров, 1993, с. 222].

Наиболее полно погребальная обрядность басандайской культуры охарактеризована в работе Л.М. Плетневой [1997]. Рассмотрим ее основные признаки. Для могильников басандайской культуры характерным типом погребальных сооружений являются курганные могильники, хотя встречаются и смешанные [Плетнева, 1997, с. 71]. Отсутствие в настоящее время насыпи над погребением рассматриваемого памятника совершенно однозначно не может свидетельствовать об ее отсутствии в момент создания погребального

сооружения. Весь комплекс памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 подвергся очень мощному антропогенному воздействию. Конкретно над этим погребением почвенный слой «...срыт при установке опоры ЛЭП» [Кунгуров, 1993, с. 222]. В данном случае говорить об отсутствии или наличии курганной насыпи при совершении погребения достаточно проблематично. Даже если ее и не было, наличие смешанных, курганно-грунтовых могильников, также характерно для басандайской культуры.

Для стратиграфического положения погребений наиболее распространенной глубиной захоронения являются неглубокие могильные ямы, глубиной 30–40 см, с большими отклонениями, начиная от погребения на поверхности до глубины ямы порядка 2 м [Плетнева, 1997, с. 71–72]. У рассматриваемого погребения 4 глубину захоронения, в связи с вышеотмеченным обстоятельством (снятием почвенного слоя при строительстве ЛЭП), установить нельзя. Однако учитывая крайне интересную стратиграфическую ситуацию, когда в одном месте три могилы различных эпох перекрывают друг друга, мы можем говорить, что это погребение было самым верхним, т.е. расположено на небольшой глубине.

В басандайских могильниках в подавляющем большинстве случаев захоронен один умерший, основным способом погребения является труположение, все умершие положены на спину вытянуто [Плетнева, 1997, с. 72–73]. Всем этим признакам рассматриваемое погребение соответствует.

По поводу ориентации костяка в басандайских могильниках отмечается большая вариабельность. На каждом памятнике существуют свои особенности. Северо-западная ориентация не является самой распространенной, но встречается достаточно часто, например, на Еловском курганном могильнике [Плетнева, 1997, с. 72–73]. Кроме того, ориентацию в западный сектор в некоторых случаях можно считать и хронологической особенностью. Так, Д.Г. Савинов, анализируя погребальный обряд раннебасандайских погребений Осинкинского могильника, отмечал, что в пределах одного могильника произошла смена ориентации костяков с северо-востока на северо-запад. Погребения с северо-восточной ориентацией датируются более ранним временем, чем погребения с северо-западной ориентацией костяков [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 34, 37]. Вероятнее всего, подобную смену ориентации костяков возможно объяснить включением региона расположения Осинкинского могильника в зону влияния раннемонгольской культурной традиции [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 36]. Это наблюдение подтверждается наличием погребений в деревянной колоде, ориентированных на запад (могила-68), что характерно именно для этого времени и культуры [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]. Поэтому северо-западная ориентация рассматриваемого захоронения также вполне укладывается в гипотезу о принадлежности рассматриваемого погребения к басандайской культуре. Достаточно нестандартная, однако встречаемая северо-западная ориентация, судя по наиболее поздним погребениям Осинкинского могильника, является для этого региона характерной и отражает процессы его включения в сферу раннемонгольской культурной традиции, тем более что благодаря своему географическому положению (наиболее южный из региона распространения басандайской культуры, лесостепной с наличием степных ландшафтов) именно он и подвергся наиболее раннему влиянию монгольских традиций.

Использование бересты при сооружении погребальных сооружений – крайне распространенное, практически повсеместно встречаемое, стандартное для басандайских памятников явление, в том числе и наличие «берестяных чехлов». Так, в материалах Басандайского могильника встречались погребения «перекрытые берестой сверху и снизу» и погребения в «берестяных ладьеобразных чехлах» [Бояршинова, 1948, с. 160;

Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 106, 155 и др.]. Деревянные рамы тоже достаточно широко распространены в могильниках басадайской культуры [Плетнева, 1997, с. 73].

Применение огня в басандайском погребальном обряде – явление также очень распространенное, его можно, наряду с использованием бересты, назвать одним из культуруобразующих признаков [Бояршинова, 1948; Плетнева, 1997, с. 75–76; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 107, 157].

Достаточно распространенным явлением для басандайской культуры является наличие в погребениях костей животных. Особняком тут стоят погребения человека с конем, со шкурой коня или с частями тела коня. Из последних встречаются и захоронения с черепом коня [Плетнева, 1997, с. 75–76; и др.]. В рассматриваемом погребении на берестяном чехле лежала «нижняя челюсть коровы». Нисколько не сомневаясь в квалификации Артура Леонидовича, все-таки отмечу, что это определение сделано им самим, а не специалистом-палеозоологом. В связи с большим сходством нижних челюстей этих животных сложности в определении их принадлежности возникают даже у специалистов. Поэтому вполне допускаю, что в погребении была найдена нижняя челюсть лошади, а не коровы. Даже если это и не лошадь, а корова, это вполне укладывается в погребальный обряд басандайской культуры.

По поводу сопроводительного инвентаря уже говорилось. Лазуритовые подвески в регионе расположения рассматриваемого погребения известны только в памятниках басандайской культуры. Несмотря на очень большое количество исследованных захоронений сrostкинской культуры, в них не встречено ни одной лазуритовой подвески.

Кроме лазуритовых подвесок в погребении встречены и сердоликовые биконические бусины различных пропорций, тоже достаточно широко распространенные в материалах басандайской культуры и погребениях с лазуриновыми подвесками в других регионах. Наибольшее распространение они получили в I-й трети II тыс. н.э., а точнее в XI–XII вв. [Плетнева, 1997, с. 94]. По мнению Я.В. Френкеля, бипирамидальные сердоликовые бусины часто встречаются в древнерусских памятниках. Большинство таких изделий датируется началом XI – I-й половиной XIII в. Регион Томского, Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья, по-видимому, является восточной границей их распространения [Френкель, 2006, с. 409].

Таким образом, практически все элементы погребальной обрядности позволяют нам отнести погребение 4 могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 к басандайской культуре. Более того, комплекс этих признаков не характерен для погребальной обрядности ни одного из известных в регионе культурно-хронологических образований.

Описание погребального обряда в Бичикту-Боме следующее: рядом с могилой встречены два очага с углями, которые однозначно ни к могиле, ни к поселенческому слою отнести нельзя. А значит, они вполне могли принадлежать и рассматриваемому погребально-поминальному комплексу. Погребенная была захоронена в колоде на глубине 1,6 м, ориентирована головой на северо-запад–запад. Над могилой за «разделительной стенкой» зафиксировано сопроводительное захоронение части шкуры коня, ориентированного головой в ту же сторону, что и костяк человека. Причем лошадь, судя по остаткам остатков конской упряжи, была взнуздана. Кроме лазуриновых подвесок в погребении найдены и «биконические халцедоновые бусы» [Берс, Худяков, 1994, с. 64]. Сердолик является розовой или коричнево-красной разновидностью халцедона [Шуман, 1986а, с. 120]. Судя по цветному снимку этого ожерелья [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 86], в погребении найдены биконические бусы, изготовленные из сердолика.

Этому погребению присущи следующие рассмотренные выше признаки, позволяющие отнести его к басандайской культуре: захоронение одного человека, вытянуто, на спине, возможное использование огня, сопроводительное захоронение части шкуры коня, захоронение в колоде с ориентацией в западный сектор известно в могиле-68 Осинок [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 35], и, естественно, наличие лазуритовых подвесок и биконических сердоликовых бус. Возможно, это самое юго-восточное басандайское погребение.

Несмотря на то, что находка лазуритовой подвески на ул. Радищева г. Бийска не относится к погребально-поминальным комплексам, культурную принадлежность этого комплекса как басандайского можно атрибутировать по керамическим сосудам, находившимся в одной яме с лазуритовой подвеской, что, как и погребение, является закрытым комплексом. Почти полная аналогия одному из сосудов с ул. Радищева г. Бийска (горшковидной формы, с отогнутым наружу орнаментированным срезом венчика, украшенном по плечу тулова горизонтальным рядом вертикально поставленного крупнозубого гребенчатого штампа) [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 224, рис. 3.-17] происходит из могилы-8 кургана №42 и из насыпи кургана №95 Басандайского курганного могильника [Басандайка, 1947, табл. 27.-3, табл. 14.-8]. Подобные сосуды встречены в Астраханцевском курганном могильнике [Плетнева, 1997, с. 233, рис. 71.-6; с. 234, рис. 72.-1, 5, 6], курганном могильнике в устье Малой Киргизки [Плетнева, 1997, с. 287, рис. 125.-6]. Имеются аналогии и в курганном могильнике Санаторный-1, расположенном недалеко от г. Бердска Новосибирской области, в насыпи кургана №19 [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 226, рис. 116.-2]. На севере Новосибирской области в насыпи кургана №13 могильника Ташара-Карьер-2 также встречены подобные сосуды [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 326, рис. 84].

Второму сосуду горшковидной формы, с вывернутым наружу плоским венчиком, орнаментированному крупнозубой гребенкой и украшенному по шейке одним рядом ямок, также находим аналогии в памятниках басандайской культуры Томского Приобья: Астраханцевский курганный могильник [Плетнева, 1997, с. 234, рис. 72.-8], курганный могильник в устье Малой Киргизки [Плетнева, 1997, с. 307, рис. 145.-7].

Ни в материалах одинцовской, ни в материалах сrostкинской культур подобные сосуды автору статьи не известны.

Не имея цели решить вопрос по поводу места происхождения лазуритовых подвесок, их этнокультурной и хронологической интерпретации, что сопряжено с более детальным исследованием этой категории инвентаря с использованием типолого-эволюционного метода рассмотрения материала, все-таки выдвину несколько гипотез в этом направлении.

Учитывая, что наиболее ранние лазуритовые подвески происходят с территории Чуйской долины (VI–VIII вв.), можно предположить, что эта категория инвентаря появилась в южно-русских степях именно из этого региона. Немного более ранний хронологический период существования могильника Белой Вежи, в котором встречены лазуритовые подвески (X–XI вв.), по сравнению с периодом существования наиболее ранних погребений с лазуритовыми подвесками в западносибирском регионе (Осинки, конец XI в.), позволяет согласиться с мнением Д.Г. Савинова, согласно которому эта категория инвентаря могла попасть в Лесостепной Алтай в результате миграции населения с запада, из районов «... восточнее Саркела и западнее Алтая» [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 326, рис. 84]. На это же направление нам указывают и сердоликовые биконические бусы. По мнению Я.В. Френкеля [2006, с. 411–412], «...многочисленные наборы каменных бусин Осинкинского могильника, скорее всего, попали на Северный Алтай с юга и юго-запада. Наблюдается отчетливый вектор, направленный в сторону Западной Азии (Иран, Афганистан)

и Индии через горные перевалы ... является результатом торговли через горные перевалы в направлении с юга на север, и лишь частично по трассе Шелкового пути». Таким образом, нельзя исключать и возможность проникновения лазуритовых подвесок напрямую из регионов их появления, а именно из Средней Азии, с юго-западного направления.

На эти же направления связей нам указывает Л.М. Плетнева [1997, с. 120], отмечая, что «наибольшая близость в погребальном обряде наблюдается между памятниками Томского Приобья и Нижней Волги, Южного Урала и особенно Казахстана».

Важное значение в определении направления проникновения поделок из лазурита, в том числе лазуритовых подвесок, имеет решение вопроса о месторождениях этого минерала. На этом вопросе следует остановиться более подробно, так как в археологической литературе он освещен достаточно слабо. По мнению Я.В. Френкеля [2006, с. 411], районом добычи лазурита (а, возможно, и производства из него поделок) был Афганистан (Горный Бадахшан). Это наиболее распространенная, практически единственная точка зрения.

Лазурит – очень интересный камень. Название «лазурит» (lazurite) происходит от персидского слова, означающего «синий», по цвету минерала [Митчелл, 1982, с. 148], или от арабского azul – небо, синева [Стоун, 2005, с. 94]. Согласно классификации ювелирных и поделочных камней, он относится к ювелирно-поделочным камням 1 порядка [Гусев, 2007, с. 9]. При описании ювелирно-поделочных камней, встречающихся на Алтае, лазурит отсутствует [Гусев, 2007, с. 24–96]. Наиболее известные месторождения – в Китае, Тибете, на Памире, в Индии, Бирме, Таджикистане, Афганистане. Лазуритовые копи в Бадахшане считаются самыми древними [Стоун, 2005, с. 94]. Месторождения лазурита в России известны на оз. Байкал (Слюдянка, Тултугой, р. Урик), на Украине, в Карпатах [Буканов, 2008, с. 278–279]. Таким образом, наличие сырьевой базы на Тибете, Памире, в Индии и Таджикистане также указывает нам на наиболее вероятные места происхождения лазуритовых подвесок и их дальнейшее распространение. Районы Поросья, Украины и Подонья, где также известны лазуритовые подвески, могли снабжаться сырьем и готовыми изделиями из месторождений на Украине и в Карпатах (рис. 12).

Если с сырьевой базой в районах Восточной Европы и Средней Азии более-менее ясно, то отсутствие месторождений лазурита в регионе басандайской культуры, наиболее массового распространения лазуритовых подвесок, не только не объясняет их повседневнось, а напротив, противоречит такому положению. Трудно предположить, что высоко ценимый минерал и поделки из него, в частности подвески, находки которых в Восточной Европе достаточно редки и сопровождают в основном богатые захоронения, в месте отсутствия сырьевой базы получили столь широкое распространение и стали чуть ли не повседневным, широко распространенным украшением, используемым как при украшении головного убора и пояса, так и в составе ожерелий, были привнесены на данную территорию в результате торговли, обмена или других разновидностей импорта. Гораздо логичнее найти сырьевую базу, где можно было на месте изготавливать столь престижные изделия, чьи образцы, вероятнее всего, привнесены на данную территорию в результате миграционных процессов, о которых уже говорилось.

Наиболее близкое месторождение этого минерала, на оз. Байкал, вероятнее всего, не было известно в древности, так как восточнее Приобья встречена только одна лазуритовая подвеска, что является уже исключением из правил.

Поиски сведений о возможных месторождениях лазурита вблизи региона наибольшего распространения лазуритовых подвесок позволили выдвинуть гипотезу о материале, похожем на лазурит, из которого могли их изготавливать. По мнению минеролога

В. Шумана [1986а, с. 164], спутать лазурит можно с азуритом, дюмортьеритом, лазулитом, содалитом. Другие специалисты-минерологи также указывают на то, что лазурит и азурит очень похожи [Митчелл, 1982, с. 81]. В древности его не всегда отличали от лазурита и использовали для изготовления мелких предметов и украшений [Баландин, 2000, с. 12].

Месторождения азурита известны в меднорудных районах на Алтае и на Урале, в Казахстане [Стоун, 2005, с. 16; Шуман, 1986а, с. 166]. На Алтае азурит встречается в Верхне-Лазурском, Локтевском, Золотушинском и Змеиногорском рудниках. В Северном Казахстане – на Заозерном месторождении близ железнодорожной станции Айсары. В Центральном Казахстане – на месторождении Джезказган, на рудниках Кайракты и Беркара. В Восточном Казахстане – на Лениногорском, Николаевском и Таловском рудниках [Буканов, 2008, с. 160]. Образуется азурит в зоне окисления медных месторождений [Шуман, 1986, с. 52].

Немного не в тему, но месторождения сердолика также известны на Алтае: Мартыновское и Каменское, локализующиеся в Салаире [Гусев, 2007, с. 50].

Лазурит образуется на контакте мраморов с интрузивными силикатными породами. Белые полосы и пятна в породе сложены обычно кальцитом [Шуман, 1986, с. 56]. Качество лазурита из Прибайкалья снижается большим содержанием белого кальцита [Шуман, 1986а, с. 164].

Лазурит и азурит настолько похожи, что первые исследователи самоцветов описывали азурит и лазурит как разновидность одного и того же камня. Визуально эти минералы можно различить по цвету. Механизм образования минералов предопределил наличие в азурите зеленоватых малахитовых разводов, которых в лазурите нет. Самоцветы можно различить и с помощью соляной кислоты: в ней азурит вскипает, лазурит – нет.

К сожалению, минералогических исследований лазуритовых подвесок мне не известно (на это же указывает и Л.М. Плетнева [2019, с. 37]). Имеющиеся цветные снимки лазуритовых подвесок из памятников басандайской культуры позволяют говорить о том, что эти изделия изготовлены из азурита, а не из лазурита. Так, фотография лазуритовых подвесок на обложке монографии [Савинов, Новиков, Росляков, 2006] доказывает наличие зеленых тонов в материале, из которого изготовлены эти подвески. Те же зеленоватые прожилки мы наблюдаем и на подвесках из Бичикту-Бомы [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 86]. Таким образом, мы можем достаточно обоснованно предположить, что материалом, из которого изготовлены эти подвески, является не лазурит, а азурит, месторождения которого имеются на Алтае. Конечно, последнее слово за минерологами, только они могут либо подтвердить, либо опровергнуть выдвинутую гипотезу.

Отсутствие минералогических определений и цветных фотографий лазуритовых подвесок басандайской культуры не позволяет утверждать, что абсолютно все они изготовлены из азурита. Однако очень широкое распространение этой категории изделий предполагает их изготовление из местной сырьевой базы, а наличие малахитовых разводов в материале изделий из басандайских могильников позволяет с определенной долей уверенности интерпретировать лазуритовые подвески басандайской культуры как азуритовые.

Заключение

Здесь можно предположить, что привнесение мигрантами из Восточной Европы лазуритовых подвесок, являющихся маркерами достаточно высокого статуса их обладателей, привнесло и моду на эту категорию украшений. Отсутствие поблизости месторождений лазурита и большие сложности с импортом этих подвесок заставили

искать минералы, похожие на лазурит, что послужило толчком к их производству из азурита и широкому распространению среди представителей басандайской культуры.

Хронологические рамки бытования лазуритовых подвесок в Западной Сибири можно определить как 2-я половина – конец XI–XIV вв. Нижнюю дату подтверждают наиболее ранние погребения Осинкинского могильника с лазуритовыми подвесками, верхнюю – погребение 1 кургана №12 курганного могильника в устье Малой Киргизки, в котором лазуритовая подвеска найдена вместе с зеркалом XIII–XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 113]. Наиболее широкое распространение лазуритовые подвески получили в этом регионе в XII–XIII вв.

Проведенное исследование подтверждает границы намеченного Л.М. Плетневой [2019, с. 36] ареала распространения памятников басандайской культуры, включая в него и Барнаульско-Бийское Приобье.

До последнего времени считалось, что памятников басандайской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье нет, а следовательно, эта территория не входит в ареал ее распространения. Кроме того, распространенная концепция линейного культурно-хронологического развития Лесостепного Алтая, охарактеризованная в начале работы, согласно которой в этом регионе памятники змеевского этапа сrostкинской культуры XI–XII вв. сменяют памятники кармацкой культуры монгольского времени, не позволяла включить в нее басандайскую культуру.

Действительно, вопросы взаимодействия басандайской культуры со сrostкинской являются достаточно сложными. Это признается большинством исследователей [Плетнева, 1997, с. 123; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 6]. Здесь мы опять сталкиваемся с распространенным представлением о линейном развитии археологических культур, не допускающим их параллельного развития, сосуществования, о чем в последнее время высказывается достаточно много исследователей. Это определенным образом связано с изменением парадигмы археологических исследований.

Говорить о культурной, а тем более этнической принадлежности памятников этого времени вообще крайне проблематично [Плетнева, 1958, с. 153; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 35]. Именно с этим связаны достаточно серьезные трудности в построении культурно-хронологических схем и решении вопросов о культурной и хронологической идентификации археологических памятников, относящихся к этому периоду. Признание возможности хронологического сосуществования в одном регионе памятников, оставленных представителями различных культурных образований, снимает множество вопросов и более объективно отражает исторические процессы. Примером одной из таких схем является признание факта сосуществования представителей различных групп населения в предмонгольское время в южно-русских степях [Плетнева, 1958, с. 153].

Признавая, что вопросы генезиса археологической культуры, ее происхождения являются одними из основных в археологических исследованиях, следует согласиться с тем, что вопросы о компонентах, которые привели к сложению басандайской культуры, еще далеки от разрешения. Наиболее полно в историографическом плане эта проблема освещена в работе «Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура)» в разделах, подготовленных Д.Г. Савиновым [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 35–37] и С.Г. Росляковым [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 154–159]. Признавая концептуальную справедливость этих построений, не углубляясь в проблему, хочется добавить в этот достаточно большой круг археологических компонентов, в результате взаимодействия которых сложилась басандайская культура, и не рассматривавшийся ранее – а именно майминскую археологическую культуру, уровень изученности которой

до последнего времени оставлял желать лучшего. Публикация материалов этой культуры позволила включить ее в общую схему исторического развития Южной Сибири [Кунгурова, Абдулганеев, 2019; Казаков, 2018; 2019; и др.] и выдвинуть гипотезу, согласно которой одной из причин, приведших к сложению басандайской культуры, является взаимодействие представителей прежде всего культурных групп, проживающих в лесных экологических нишах, – одиновской и майминской культур [Казаков, Казакова, 2016].

Особое, генерирующее положение Лесостепного Алтая в процессах этногенеза признается и другими исследователями, которые рассматривают этот регион как место происхождения басандайской культуры, откуда «...население басандайской культуры продвинулось севернее, на территорию Томского и Новосибирского Приобья» [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 7].

Хочется отметить еще один момент. Предложенная ранее теория мультикультурных суперрегионов (европейского и азиатского), выделенных на основании анализа такого комплекса инвентаря, как полихромные изделия [Казаков, 2018], подтверждается и при анализе лазуритовых подвесок, регион распространения которых позволяет достаточно точно проследить восточную границу их распространения и включить комплексы, в инвентаре которых они встречены, в ареал распространения европейского мультикультурного суперрегиона, что указывает на западное направление культурных связей.

Дальнейшие исследования лазуритовых подвесок имеют достаточно интересные перспективы и должны проводиться по различным направлениям. Наиболее перспективными являются типолого-эволюционный анализ этого вида инвентаря, что позволит выявить закономерности их развития и использовать в качестве достаточно надежного хронологического маркера, и проведение естественно-научных минералогических изысканий с целью выявления источников сырья. Разработка этой темы позволит выйти на новый уровень понимания этнокультурных процессов в эпоху средневековья. Но уже сейчас можно говорить о достаточно интенсивных процессах интеграции, активного взаимодействия различных культурных традиций.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : ТГУ, 2001. С. 128–131.
- Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.
- Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л. : АН СССР, 1958. Т. 1. С. 7–84 (МИА. №62).
- Артамонов М.И. Предисловие // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л. : АН СССР, 1963. Т. 3. С. 5–8 (МИА. №109).
- Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л. : АН СССР, 1963. Т. 3. С. 9–209 (МИА. №109).
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. 603 с.
- Баландин Р.К. Энциклопедия драгоценных камней и минералов. М. : Вече, 2000. 400 с.
- Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 63–71.
- Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах // Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1948. С. 151–165.
- Буканов В.В. Цветные камни : Энциклопедия. СПб. : Гранит, 2008. 416 с.
- Васильева И.Н. Кыпчаки (половцы) в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. : Наука, 2000. С. 281–284.

Горбунов В.В. Сrostкинская культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 333–345.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сrostкинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2016. №4 (92). С. 218–229.

Григорьев Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребально-го обряда). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.

Гриневич К.Э. Предисловие // Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск : Типография №1 Полиграфиста, 1947. С. 3–4.

Гриневич К.Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска, проведенное в 1944–1946 гг. объединенной экспедицией Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева и Томского государственного педагогического института // Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск : Типография №1 Полиграфиста, 1947а. С. 7–50.

Гусев А.И. Геммология Алтая с основами геммотуризма (учебное пособие для студентов вузов). Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. 155 с.

Зинченко А.С. Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана №1 (XIII–XIV вв.) Басандайского могильника (Томское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №56(4). С. 134–145.

Казаков А.А. О репрезентативности метода аналогий при культурно-хронологической атрибуции археологических материалов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 327–331.

Казаков А.А. О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху великого переселения народов по археологическим источникам // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. №55. С. 120–130.

Казаков А.А. Керамический комплекс майминской археологической культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №4 (43). С. 74–83. URL: <http://www.ipdn.ru>.

Казаков А.А. Майминская археологическая культура предгорий Алтая (историографический обзор) // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5. №1. С. 67–78. DOI:10.31551/2410-2725-2019-5-1-67-78.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2016. №4 (92). С. 238–243.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинэу; Казань, 2019. С. 237–261.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск : Катунь, 1992. С. 7–48.

Ключникова Р.М., Сташенков Д.А. Ново-Троевское погребение (о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье) // Краеведческие записки. Вып. 8. Самара : Самарский областной историко-краеведческий музей, 1996. С. 239–248.

Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 220–225.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины I-й пол. I тыс. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников 10–11 вв. // Славянские древности: Археологический сборник. Вып. 4. Л. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. С. 127–134.

Митчелл Р.С. Названия минералов. Что они означают? М. : Мир, 1982. 248 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева Л.М. Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры // Народы и религии Евразии. 2019. №3 (20). С. 34–58.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л. : АН СССР, 1963. Т. 3. С. 210–259 (МИА; №109).

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л. : АН СССР, 1958. Т. 1. С. 151–226 (МИА; №62).

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М. : Наука, 1981. С. 213–222.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 424 с.

Серегин Н.Н., Абдуганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 15–34.

Спицын А.А. Древности Камской Чуды по коллекциям Теплоуховых // Материалы по археологии России. №26. СПб., 1902. 110 с.

Стоун Д. Все о драгоценных камнях. СПб. : Кристалл, 2005. 176 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А. Кармацкая культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 366–374.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья. Барнаул : АРТИКА, 2011. 136 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. : Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Френкель Я.В. Бусины и подвески осинкинского могильника // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 403–412.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Онищенко С.С. Раннесредневековые погребения с лошадьми в западном Присалаирье // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Кн. 1. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 184–188.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов. Могильник Чумыш-Пережат в западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 42–47.

Чемякин Ю.П. О нижней дате и ареале формирования кулайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С. 136–139.

Шуман В. Мир камня. В 2 т. Т. 1. Горные породы и минералы. М. : Мир, 1986. 215 с.

Шуман В. Мир камня. В 2 т. Т. 2. Драгоценные и поделочные камни. М. : Мир, 1986а. 215 с.

Fribus A.V., Grushin S.P., Onishenko S.S., Vasutin S.A. Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia. *Int J Osteoarchaeol.* 2019; 1–8. <https://doi.org/10.1002/oa.2789>.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gorniy-10 – pamyatnik drevnetyurkskoj epohi v severnyh predgor'yah Altaya [The Gorny-10 Burial Ground – a Site of the Ancient Turkic Time in the northern Foothills of Altai]. *Prostranstvo kul'tury v arheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i soproedinye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk, 2001. Pp. 128–131.

Abdulganeev M.T. Krasnogorskiy rajon v drevnosti [The Krasnogorsky District in Ancient Times]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Vyp. XVI. Pp. 237–304.

Artamonov M.I. Sarkel – Belaya Vezha [Sarkel – Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Volga-Don Archaeological Expedition]. M.; L. : AN SSSR, 1958. Vol. 1. Pp. 7–84 (MIA. №62).

Artamonov M.I. Predislovie [Foreword]. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition]. Vol. 3. M.; L. : AN SSSR, 1963. Pp. 5–8. (MIA. №109).

Artamonova O.A. Mogil'nik Sarkela – Beloj Vezhi [The Sarkel Burial Ground of Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of Volga-Don Archaeological Expedition]. Vol. 3. M.; L. : AN SSSR, 1963. Pp. 9–209. (MIA. №109).

Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnyaya Afkula: arheologicheskij kompleks u s. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensk]. Perm. Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta, 2008. 603 p.

Balandin R.K. Enciklopediya dragocennykh kamnej i mineralov [Encyclopedia of Precious Stones and Minerals]. M. : Vechе, 2000. 400 p.

- Bers E.M., Hudyakov Yu.S. Pogrebenie u s. Bichiktu-Bom [The Burial near Bichiktu Bom]. *Arheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 63–71.
- Boyarsheva Z.Ya. Pogrebal'nyy ritual v Basandajskih kurganah [Funeral Ritual in the Basandaysky Mounds]. *Basandajka: Sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti* [Basandayka: Collection of Materials and Research on Archaeology of the Tomsk Region]. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1948. Pp. 151–165.
- Bukanov V.V. Cvetnye kamni: Enciklopediya [Colored Stones: Encyclopedia]. SPb. : Granit, 2008. 416 p.
- Vasil'eva I.N. Kypchaki (polovcy) v Samarskom Zavolzh'e [Kipchaks (Polovtsy) in the Samara Volga Region]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevnejshih vremen do nashih dnei. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e* [History of the Samara Volga Region from the Ancient Times to the Present Day. Early Iron Age and Middle Ages]. M. : Nauka, 2000. Pp. 281–284.
- Gorbunov V.V. Srostkinskaya kul'tura [Srostkinskaya Culture]. *Istoriya Altaya: v 3 t. T. I: Drevnejshaya epoha, drevnost' i srednevekov'e* [The History of Altai: in 3 Volumes T. I: The Most Ancient Time, Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Pp. 333–345.
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Kungurov A.L. Poseleniya srostkinskoj kul'tury na territorii Lesostepnogo Altaya: identifikacionnye priznaki [The Settlements of the Srostkinskaya Culture on the Territory of the Forest-Steppe Altai: Identification Signs]. *Izv. Alt. gos. un-ta* [News of Altai State University: Historical sciences and Archaeology]. 2016. №4 (92). Pp. 218–229.
- Grigorov E.V., Kazakov A.A. Barnaul'sko-Bijskoe Priob'e v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'nogo obryada) [Barnaul-Biysk Priobye in the 1st – 12th Centuries (according to the funeral rite)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 230 p.
- Grinevich K.E. Predislovie [Foreword]. *Basandajka: Sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti* [Basandayka: Collection of the Materials and Research on Archaeology of the Tomsk Region]. Tomsk : Tipografiya №1 Poligrafista, 1947. Pp. 3–4.
- Grinevich K.E. Arheologicheskoe issledovanie urochishcha Basandajka bliz g. Tomsk, provedennoe v 1944–1946 gg. Ob'edinennoj ekspedicii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.V. Kujbysheva i Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [An Archaeological Study of the Basandaika Tract near the City of Tomsk, Conducted in 1944–1946 by the Joint Expedition of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev and Tomsk State Pedagogical Institute]. *Basandajka: Sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti* [Basandayka: Collection of Materials and Research on Archaeology of the Tomsk Region]. Tomsk : Tipografiya №1 Poligrafista, 1947a. Pp. 7–50.
- Gusev A.I. Gemmologiya Altaya s osnovami gemmoturizma (uchebnoe posobie dlya studentov vuzov) [Gemology of Altai with the Basics of Gemmtourism (textbook for university students)]. Bijsk : BPGU im. V.M. Shukshina, 2007. 155 p.
- Zinchenko A.S. Obryad pogrebeniya «shkury loshadi» po materialam kurgana №1 (13–14 vv.) Basandajskogo mogil'nika (Tomskoe Priob'e) [The Rite of Burial of "Horse Skin" Based on the Materials from barrow No. 1 (the 13th – 14th Centuries) of the Basandai Cemetery (Tomsk Priobye)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №56(4). Pp. 134–145.
- Kazakov A.A. O reprezentativnosti metoda analogij pri kul'turno-hronologicheskoj atribucii arheologicheskikh materialov [The Representativeness of the Method of Analogy in the Cultural-Chronological Attribution of Archaeological Materials]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskih narodov Evrazii* [Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia]. Omsk : Izdatel'-Poligrafist, 2011. Pp. 327–331.
- Kazakov A.A. O granice civilizacionno-mental'nyh zon v epohu velikogo pereseleniya narodov po arheologicheskim istochnikam [On the Border of Civilizational-Mental Zones in the Period of the Great Migration of Peoples according to Archaeological Sources]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Istoriya* [Tomsk State University Journal. History]. 2018. №55. Pp. 120–130.
- Kazakov A.A. Keramicheskij kompleks majmynskoj arheologicheskoj kul'tury [Ceramic Complex of Maymynskaya Archaeological Culture]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2018. №4 (43). S. 74–83. URL: <http://www.ipdn.ru>
- Kazakov A.A. Majmynskaya arheologicheskaya kul'tura predgorij Altaya (istoriograficheskij obzor) [Maymynskaya Archaeological Culture of the Foothills of Altai (historiographical review)]. *Mir Bol'shogo Altaya* [The World of Big Altai]. 2019. Vol. 5. №1. S. 67–78. DOI:10.31551/2410-2725-2019-5-1-67-78.
- Kazakov A.A., Kazakova O.M. O centrakh kul'turogeneza na yuge Zapadnoj Sibiri v pervom tysyacheletii [On the Centers of Cultural Genesis in the South of Western Siberia in the First Millennium]. *Izv. Alt. gos. un-ta* [News of Altai State University: Historical sciences and Archaeology]. 2016. №4 (92). Pp. 238–243.

Kalmenov M.D., Bizhanova A.E. Topografiya i hronologiya srednevekovykh poselenij zapadnykh regionov Kazakhstana [Topography and Chronology of Medieval Settlements of the Western Regions of Kazakhstan]. Genueskaya Gazariya i Zolotaya Orda [Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishineu; Kazan', 2019. Pp. 237–261.

Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L., Kazakov A.A. Gorod Biysk. Pamyatniki arheologii [The City of Biysk. Archaeological Sites]. Biysk, Biyskij rajon. Pamyatniki istorii i kul'tury [Biysk, The Biysk District. Monuments of History and Culture]. Biysk : Katun', 1992. Pp. 7–48.

Klyuchnikova R.M., Stashenkov D.A. Novo-Troevskoe pogrebenie (o kypchakskom komponente v Srednem Povolzh'e) [Novo-Troevsky Burial (on the Kypchak component in the Middle Volga region)]. Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 8 [Local History Notes. Issue 8]. Samara : Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej, 1996. Pp. 239–248.

Kungurov A.L. Dva pogrebeniya s mogil'nika MGK-1 [Two Burials from the Cemetery MGK-1]. Ohrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Ch. II. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 220–225.

Kungurova N.Yu., Abdulganeev M.T. Majminskaya kul'tura. Po materialam poselenij Salaira i Predaltajskoj ravniny 1-j pol. 1 tys. n.e. [Maiminskaya Culture. Based on Materials from the Settlements of Salair and the Pre-Altai Plain, 1st floor. The 1st Millennium BC]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 214 p.

Makarova T.I. Ukrasheniya i amulety iz lazurita u kochevnikov 10–11 vv. [Lapis Lazuli Jewelry and Amulets from Nomads of the 10th–11th Centuries]. Slavyanskije drevnosti: Arheologicheskij sbornik. Vypusk 4 [Slavic Antiquities: Archaeological Collection. Vol. 4]. L. : Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1962. Pp. 127–134.

Mitchell R.S. Nazvaniya mineralov. Chto oni oznachayut? [The Names of the Minerals. What Do they Mean?]. M. : Mir, 1982. 248 p.

Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob at the Beginning of the 2nd Millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 350 p.

Pletneva L.M. Lazurit v sostave ukrashenij iz pamyatnikov basandajskoj kul'tury [Lapis lazuli as a Part of Jewelry from the Basanday Culture Site]. Narody i religii Evrazii [Peoples and Religions of Eurasia]. 2019. №3 (20). Pp. 34–58.

Pletneva S.A. Kochevnicheskij mogil'nik bliz Sarkela – Beloj Vezhi [Nomadic Burial Ground near Sarkel – Belaya Vezha]. Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspedicii [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition]. Vol. 3. M. ; L. : AN SSSR, 1963. Pp. 210–259 (MIA. №109).

Pletneva S.A. Pechenegi, torki i polovcy v yuzhnorusskikh stepyakh [Pechenegs, Torques and Polovtsy in the South Russian Steppes]. Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspedicii [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition]. Vol. 1. M. ; L. : AN SSSR, 1958. Pp. 151–226 (MIA. №62).

Pletneva S.A. Pechenegi, torki, polovcy [Pechenegs, Torques, Polovtsy]. Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya / Arheologiya SSSR. [Steppes of Eurasia in the Middle Ages / Archaeology of the USSR]. M. : Nauka, 1981. Pp. 213–222.

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verhnee Priob'e na rubezhe epoh (basandajskaya kul'tura) [Upper Priobye at the Turn of the Epochs (Basandayskaya Culture)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. 424 p.

Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Pogrebenie s dvumya loshad'mi epohi tyurkskikh kaganatov iz nekropolya Gornyj-10 (Severnyj Altaj) [Burial with Two Horses of the Period of Turkic Haganates from the Gornyj-10 Necropolis (Northern Altai)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019. №2 (26). Pp. 15–34.

Spicyn A.A. Drevnosti Kamskoj Chudi po kollekciyam Teplouhovych [Antiquities of the Kamskaya Chud according to the Collections of the Teploukhhs]. Materialy po arheologii Rossii. №26 [Materials on the Archaeology of Russia. No. 26]. SPb. 1902.

Stoun D. Vse o dragocennykh kamnyah [All About Precious Stones] SPb. : Kristall, 2005. 176 p.

Tishkin A.A. Altaj v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov) [Altai in Mongolian Time (based on archaeological sites)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p.

Tishkin A.A. Karmackaya kul'tura [Karmackskaya Culture]. Istoriya Altaya: v 3 t. T. I: Drevnejshaya epoha, drevnost' i srednevekov'e [History of Altai: in 3 Volumes. Vol. I: The Most Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Pp. 366–374.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. Altaj v epohu srednevekov'ya [Altai in the Middle Ages]. Barnaul : ARTIKA, 2011. 136 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. Kurgannyj mogil'nik Teleutskij Vzvoz-1 i kul'tura naseleniya lesostepnogo Altaya v mongol'skoe vremya [Burial Ground Teleutsky Vzvoz-1 and the Culture of the Population of the Forest-steppe Altai in Mongolian Time. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 276 p.

Fedorov-Davydov G.A. Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'yu Zolotoordynskih hanov [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Arheologicheskie pamyatniki [Archaeological Sites]. M. : Izd-vo MGU, 1966. 276 p.

Frenkel' Ya.V. Businy i podveski osinkinskogo mogil'nika [Beads and Pendants of the Osinkinsky Burial Ground]. Verhnee Priob'e na rubezhe epoh (basandajskaya kul'tura) [Upper Priobye at the Turn of the Epochs (Basandayskaya Culture)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Pp. 403–412.

Fribus A.V., Grushin S.P., Onishchenko S.S. Rannesrednevekovye pogrebeniya s loshad'mi v zapadnom Prislair'e [Early Medieval Burials with Horses in Western Prislairye]. Kochevyie imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij. Kn. 1 [Nomadic Empires of Eurasia in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research. Book 1]. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2019. Pp. 184–188.

Fribus A.V., Grushin S.P., Sajbert V.O., Trusova E.V. Problemy hronologii drevnih i srednevekovykh kompleksov. Mogil'nik Chumysh-Perekat v zapadnom Prislair'e [Chronology Problems of Ancient and Medieval Complexes. The Chumysh-Perekat Burial Ground in Western Trans-Salaire]. Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evrazijskoj arheologii [Modern Solutions to Urgent Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Issue 2. Pp. 42–47.

Chemyakin Yu.P. O nizhnej date i areale formirovaniya kulajskoj kul'tury [About the Lower Date and Area of Formation of Kulai Culture]. Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Barnaul ; Omsk : Nauka, 2015. Pp. 136–139.

Shuman V. Mir kamnya. V 2 t. T. 1. Gornye porody i mineral [The World of Stone. In 2 Volumes. Vol. 1. Rocks and Minerals]. M. : Mir, 1986. 215 p.

Shuman V. Mir kamnya. V 2 t. T. 2. Dragocennyye i podelochnyye kamni [The World of Stone. In 2 volumes. Vol. 2. Precious and Ornamental Stones M. : Mir, 1986a. 215 p.

Fribus A.V., Grushin S.P., Onishenko S.S., Vasutin S.A. Horses from Atypical Turkic Period Burials in Southwest Siberia. Int J Osteoarchaeol. 2019;1–8. <https://doi.org/10.1002/oa.2789>.

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

ON CULTURAL AND CHRONOLOGICAL BELONGING OF SITES WITH LAZURITE PENDANTS IN ALTAI KRAI AND THE ALTAI REPUBLIC

The article deals with quite a widely spread category of inventory from the medieval sites of Western Siberia – lazurite pendants, which have been analyzed on the basis of historiographical approach and the use of mineralogical data. The analysis made it possible to expand the chronological framework of lazurite pendants, compared with the one taken by many other researchers, to identify the region where they were the most widely spread (the Ob regions around Barnaul-Biysk, Novosibirsk and Tomsk). The author proposes a hypothesis about cultural-diagnostic function of this category of inventory for the sites in Barnaul-Biysk, Novosibirsk and Tomsk Ob regions and in the Altai Republic. The pendants can be found in the sites belonging to the Basandaiskaya culture. Besides, lazurite pendants can serve as chronological indicators. In the area under consideration, they are dated by the 12th–13th centuries. Quite a common point of view about the nomadic belonging of the sites with that category of inventory has been refuted in the article. Analysis of the localization of the raw material base (lazurite deposits) led to suggestion that the pendants in the region, though called lazurite pendants, were made of another mineral, namely azurite. The article outlines prospects for further research.

Key words: Middle Ages, the Ob region, pendant, lazurite, azurite, chronology, burial.

УДК 903.5«638»(571.51)

О.В. Ковалева¹, А.В. Поляков², П.Б. Амзараков²

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Абакан, Россия;

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ РОЩИНСКОЕ-2*

Поселение Рощинское-2 обнаружено в 2010 г. Саянской археологической экспедицией ИИМК РАН (под руководством А.В. Полякова) при проектировании строительства железнодорожной ветки Кызыл – Курагино на территории Курагинского района Красноярского края. При исследовании площади сплошным раскопом были найдены жилищные конструкции, объекты хозяйственно-бытового назначения, захоронения животных и людей. В статье представлены результаты исследования этого памятника. Важные выводы получены при изучении жилищ. Удалось определить основные элементы конструкций, позволяющие отнести их к полуперемещаемым каркасно-столбового типа. Останки людей, обнаруженные в жилищах, принадлежали младенцам, а в безынвентарной могиле, найденной на территории поселения, – взрослым мужчинам, умершим в результате насильственных действий. Анализ вещественного материала и результаты радиоуглеродного датирования позволили определить, что поселение Рощинское-2 представляет собой монокультурный памятник, существовавший непродолжительный промежуток времени, датируемый IV–III вв. до н.э. (сарагашенский этап тагарской культуры).

Ключевые слова: Минусинская котловина, Курагинский район, Красноярский край, тагарская археологическая культура, сарагашенский этап, поселение Рощинское-2, жилища, захоронения.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-03

Введение

Исследования памятников археологии в Минусинских котловинах продолжают уже почти 300 лет [Вадецкая, 1973]. За это время изучены тысячи объектов различных эпох [Вадецкая, 1986]. При этом исследованы они неравномерно. Чаще всего изучаются погребальные памятники: склепы, курганы, грунтовые могилы. А вот древние поселения и стоянки попадают в поле зрения археологов значительно реже. Их единичные раскопки не отражают всей полноты картины, которая могла бы рассказать о быте и условиях проживания людей, населявших в древности этот регион. «Такое соотношение исследованных погребальных и поселенческих комплексов, несомненно, создает одностороннее, если не сказать, искаженное представление о характере развития минусинских культур, так как известно, что погребальный обряд и набор предметов сопроводительного инвентаря, как бы впечатляюще они не были, в большей степени отражают сакрализованную, обусловленную мировоззрением и ритуалом, сторону жизни древних обществ. За пределами внимания исследователей при таком соотношении источников в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культурой во всем многообразии и сложностях ее проявления» [Савинов, 1996, с. 7].

Такая ситуация стала следствием целого ряда причин, которые в комплексе и привели к столь заметному дисбалансу. Это и затопление огромных прибрежных территорий в ходе строительства Красноярской ГЭС, и активное меандрирование и смещение русла второй по величине реки Абакан. В результате этих явлений были полностью уничтожены или затоплены сотни километров береговой линии, где чаще всего

* Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания №0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)».

и располагались поселения. Не последнюю роль сыграла активная распахка огромных площадей в 50–60-х гг. прошлого века. Наконец, значение имеет определенная инерция мышления работающих в регионе археологов, которым гораздо проще работать с понятными им и легко визуально выделяемыми курганами, чем закладывать сотни шурфов в поисках немногих сохранившихся поселений.

На данный момент на территории Минусинских котловин обнаружено и зафиксировано чуть более 60 поселений скифского времени (тагарская культура), подавляющее большинство которых не подвергалось раскопкам. Те немногочисленные исследования, которые все-таки вошли в научную литературу, относятся к 20–70-м гг. XX в. и соответствуют методике того времени. В этой связи для Минусинских котловин огромное значение имеют любые новые раскопки, которые позволяют получить актуальную информацию о быте древнего населения. Раскопки поселения Рошинское-2 имеют особое значение, так в их ходе были обнаружены котлованы жилищ и многочисленные хозяйственные ямы.

Краткая история изучения поселений тагарской культуры

Впервые исследование поселения тагарской культуры было проведено в 1922 г. С.А. Теплоуховым в ходе работ у с. Батени. Это были незначительные по масштабу раскопки многослойного поселения, один из горизонтов которого содержал находки тагарского времени. Чуть позже этот же исследователь провел работы на поселении Ярки, которое также относится к начальному этапу тагарской археологической культуры [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 4].

В 1930–1940-х гг. в Минусинских котловинах было открыто около 30 поселений тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени. Большая часть осталась неисследованной, но, несмотря на это, уже тогда удалось разделить их на различные типы. К одному из них относятся окруженные валом и рвом временные укрытия разной площади. Культурный слой у таких укрепленных поселений, как правило, имеет небольшую мощность и невысокую концентрацию находок (Усть-Ербинское поселение у с. Тесь и др.) [Киселев, 1951, с. 251–252]. Такие сооружения, очевидно, носили оборонительный характер и использовались недолго.

Другой тип поселений – долговременные неукрепленные места обитания с относительно мощным культурным слоем и высокой концентрацией находок. Большинство таких памятников исследовались небольшими площадями, и поэтому на них редко удавалось обнаружить жилищные постройки (поселения у с. Кривая, Абаканское, Кочулька). Остатки полуземлянок тагарского времени были найдены В.П. Левашевой при раскопках поселений у деревни Быстрая и на Лугавской стоянке в 1934 г. [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 8]. В последнем случае стоянка оказалась многослойной (начиная от финала эпохи бронзы и вплоть до средневековья), и поэтому определить точную культурную принадлежность жилища не удалось.

К середине 1980-х гг. число известных поселений заметно возросло, однако полностью раскопано было только четыре жилища [Вадецкая, 1986, с. 94]. Они исследованы М.Н. Комаровой на поселениях Гришкин Лог-VI и VII в 1958 г. и представляли собой небольшие квадратные в плане полуземлянки площадью 20–25 кв. м, углубленные на 0,7–0,8 м до скального основания [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 86]. Подобная же конструкция раскопана в 1963 г. С.А. Рахимовым под руководством М.П. Грязнова на поселении Лобик. Оно находилось в 2 км к северо-западу от с. Батени на второй

надпойменной террасе, у подножья горы коренного берега Енисея. По материалам, полученным в результате раскопок, жилище было отнесено к сарагашенскому этапу тагарской археологической культуры (IV–III вв. до н.э.). Оно состояло из основного центрального, и двух примыкающих к нему подсобных помещений. Основная часть находок была сосредоточена в центральном помещении, в котором удалось проследить наличие земляного пола. У северного угла второго помещения обнаружено погребение грудного ребенка [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 86]. Более масштабные раскопки поселений тагарской культуры проводили М.Б. Абсалямов и А.И. Мартынов, опираясь в значительной степени на материалы северо-западной периферии ее ареала в Ачинской-Мариинской лесостепной полосе [Абсалямов, 1977; Мартынов, Абсалямов, 1988].

В 1990-х гг. на территории Минусинских котловин В.А. Минором велись небольшие рекогносцировочные раскопки на поселениях эпохи раннего железного века с целью уточнения их хронологической и культурной атрибуции (Подкуня-I, Подкуня-II, Узун-Хыр и др.). Были сделаны планы нескольких жилищ разного типа, расположенных в долине р. Биджа, опубликованные В.А. Минором [2017, с. 38–47]. Наиболее актуальные работы по исследованию поселений скифского времени в Минусинских котловинах проведены в 2012–2015 гг. 1-м отрядом Саянской экспедиции ИИМК РАН в ходе подготовки к реализации проекта строительства железнодорожной линии Кызыл – Курагино. Исследования велись на многослойной стоянке Ирба-2, где один из основных горизонтов датировался скифским временем [Александров и др., 2012; Александров и др., 2013; Амзараков и др., 2017]. Частично исследовано поселение Старая Копь-1, где получены важные результаты [Поляков, 2012; Амзараков и др., 2015]. В 2012 г. были раскопаны поселения Рощинское-1 и Рощинское-2, и если первое из них практически не дало научных результатов, то второе оказалось наиболее информативным из всей этой свиты памятников.

Поселение Рощинское-2 и результаты его исследования

Поселение Рощинское-2 выявлено в 2010 г. при проведении разведки в рамках оперативно-спасательных работ, проводившихся Саянской экспедицией ИИМК РАН (под руководством А.В. Полякова) при проектировании строительства железнодорожной ветки Кызыл – Курагино на территории Курагинского района Красноярского края. Оно было расположено на пашне в 2,5 км к востоку от пос. Рощинское между руслом р. Туба и первой грядой предгорий Саян (рис. 1). Несмотря на то, что поселение подвергалось многолетней распашке, повредившей культурный слой, в ходе раскопок на нем удалось обнаружить 28 различных объектов, включающих три жилища (типа полуземлянок), хозяйственные ямы, очаги, погребения людей и захоронения собак. Общая площадь вскрытия составила свыше 1000 кв. м (рис. 2).

Жилище №1 (объект №1) расположено в северо-западной части раскопа. На уровне материка (по горизонту зачистки) объект «читался» как прямоугольное пятно темной гумусированной супеси (рис. 3). Сооружение было ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Котлован жилища размерами 7,9×7,3 м имел прямоугольные очертания. С юго-востока к нему примыкал вытянутый «коридор» – 5,6×3,5 м. От уровня материка у северо-западной и юго-восточной стенки глубина котлована составляла 0,33–0,37 м, ближе к центру шло его равномерное понижение. Такая же ситуация наблюдалась у основания входа в коридор, где глубина оказалась всего 0,1–0,15 м. В заполнении

жилища обнаружены небольшие фрагменты бересты и древесины, оставшиеся, возможно, от перекрытия. Основной материал, зафиксированный в заполнении котлована, – фрагменты керамических сосудов и остеологические остатки. Наибольшая их концентрация отмечалась в центральной части строения.

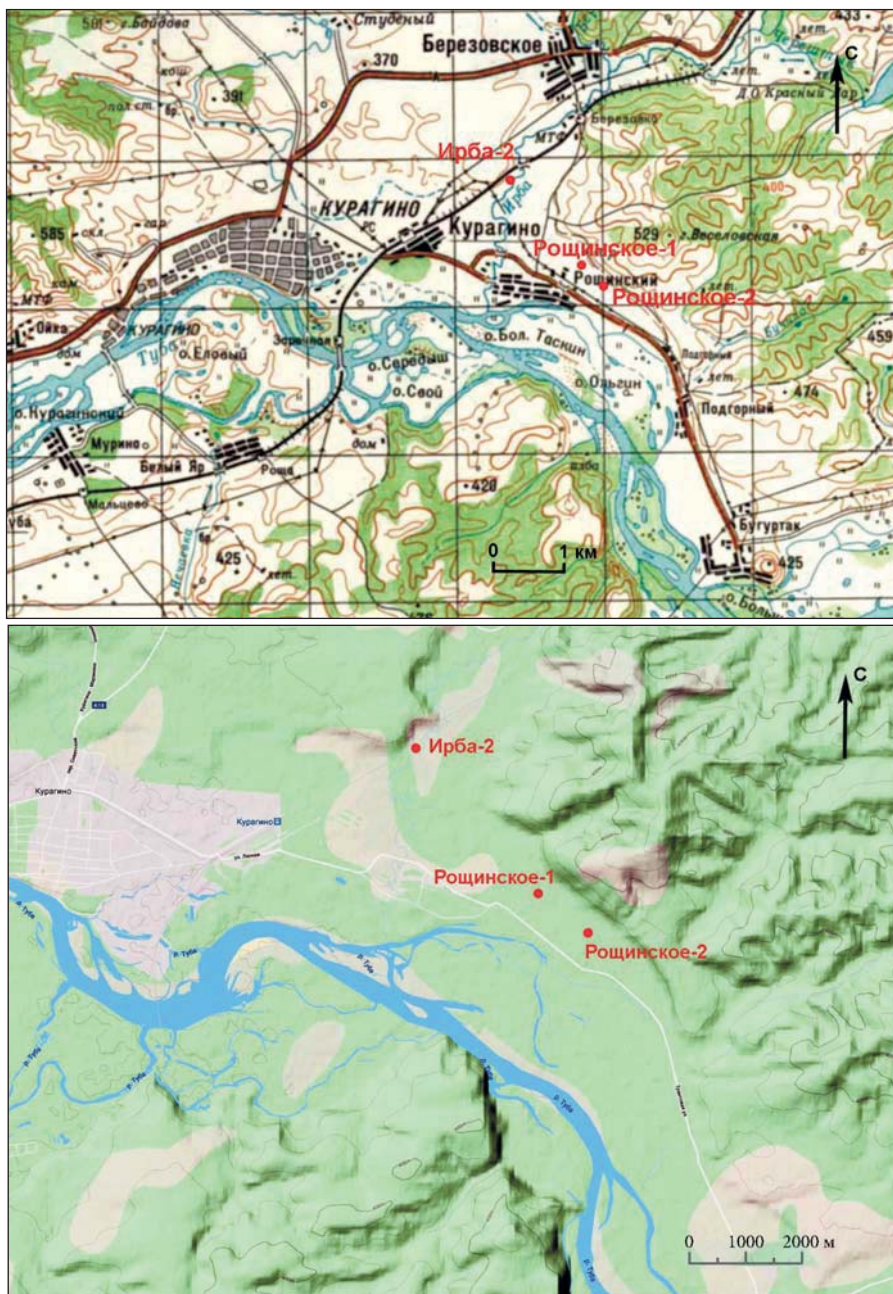

Рис. 1. Район пос. Курагино (Красноярский край) с указанием местоположения упоминаемых в статье археологических памятников

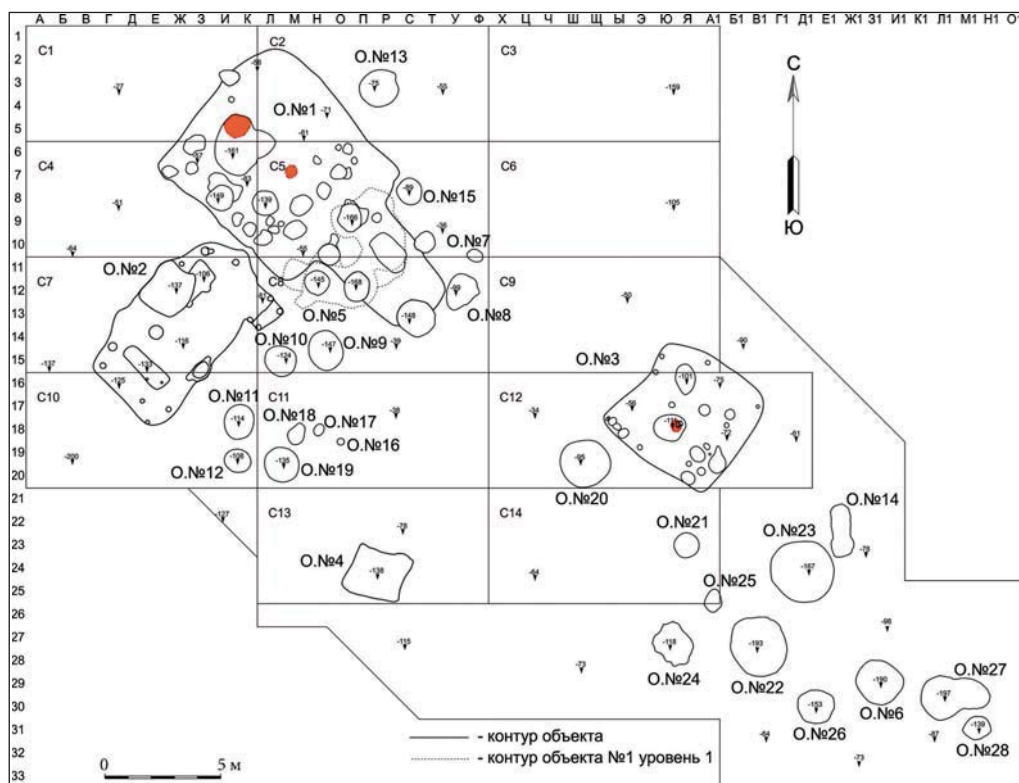

Рис. 2. Рошинское-2. Общий план раскопа с объектами

Рис. 3. Рошинское-2. Объект №1 (жилище №1). Пятно темной гумусированной супеси. Заполнение котлована жилища №1. Вид с юго-запада

На уровне дна котлована в жилище выявлены 28 объектов (рис. 4). Среди них можно выделить 10 вертикальных ямок сравнительно небольшого диаметра, от 0,24 до 0,5 м. Их расположение и конфигурация позволяют предположить, что они служили для небольших поддерживающих столбиков, которые в процессе ремонта сменяли один другой (№1–4; 1–5; 1–12; 1–13; 1–14; 1–15; 1–19; 1–25; 1–27; 1–29). Ямы от столбов большего диаметра, размерами от 0,46 до 0,95 м, глубиной 0,3–0,5 м были обнаружены в центре у юго-восточной и северо-восточной стенки и у основания «коридора» жилища. Их рас-

положение указывает на то, что установленные в них столбы выполняли основную опорную функцию и являлись осевыми (№1–10, №1–17, №1–21, №1–24, №1–28). Внутри заполнения некоторых столбовых ям встречалась забутовка из колотого галечника.

В центральной части жилищного котлована обнаружен небольшой участок прокаленной земли (№1–30) диаметром 0,6 м. Толщина слоя прокала в его центре составляла

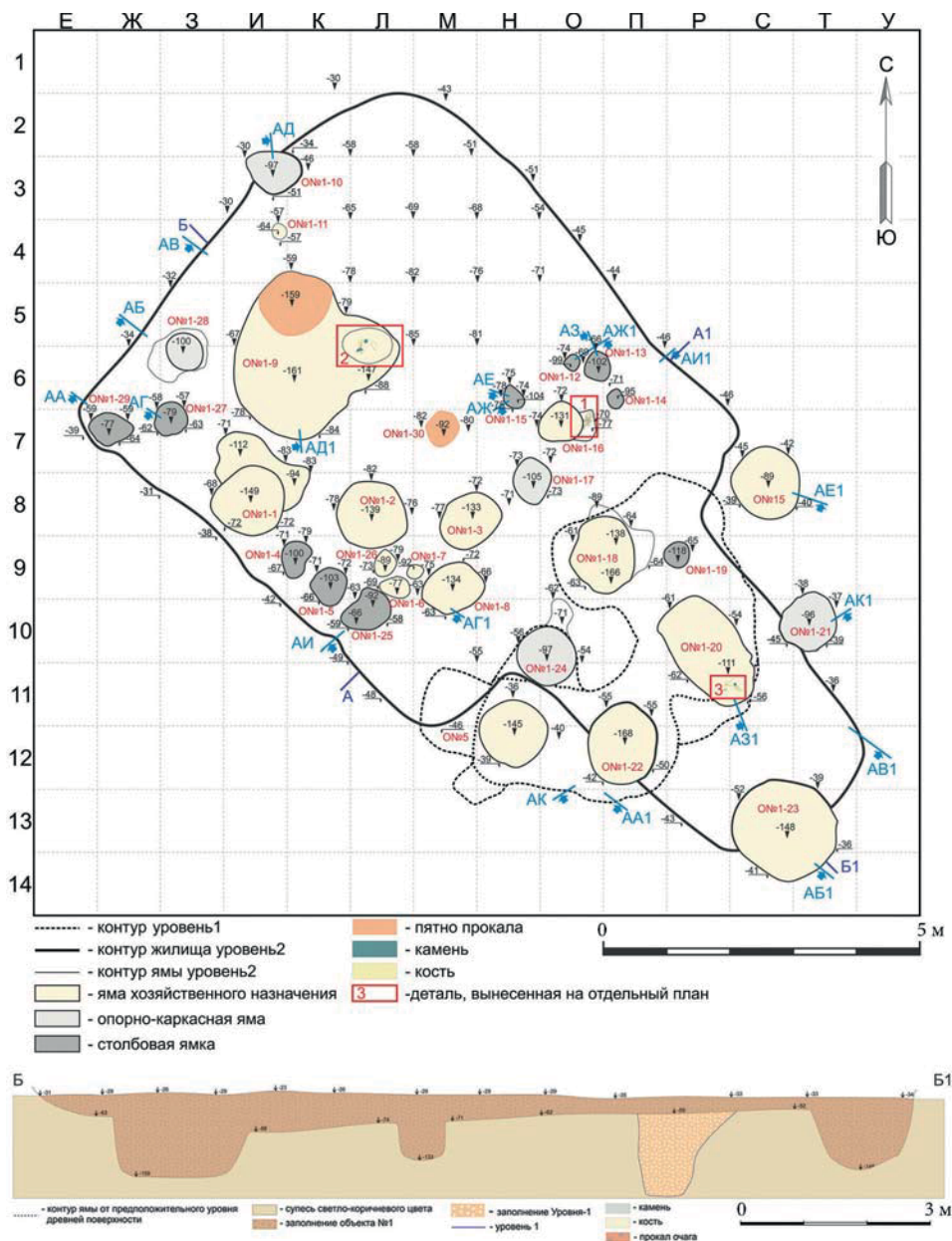

Рис. 4. Рощинское-2. Объект №1 (жилище №1). План жилища с внутренними конструкциями и стратиграфический разрез по линии Б–Б1

Рис. 5. Рощинское-2. Объект №1 (жилище №1).
Прокал очага №2. Вид с юга

0,06–0,07 м. Более мощные следы воздействия высоких температур зафиксированы у северной стенки жилища в хозяйственной яме №1–9 диаметром 1,2 м на глубине 0,7 м (от уровня дна котлована) (рис. 5). Прокал округлой формы, диаметром 1 м, в западной части достигал 0,2 м, у восточного края его мощность сокращалась до 0,1–0,12 см. Оба прокала представлены слоем пестрой, плотной супеси оранжево-коричневого цвета. Каких-либо дополнительных очаговых конструкций не обнаружено. По всей видимости, очаги в жилище были напольными. По периметру всего котлована расположены хозяйственные ямы сравнительно большого диаметра –

1–1,2 м, глубиной от 0,72 до 0,95 м от уровня дна котлована. В их заполнении встречались кости животных (в основном крупного и мелкого рогатого скота) и фрагменты керамики. В таких объектах обнаружены две костяные проколки, (одна из которых была изготовлена из шлифованного рога животного). Кроме того, в заполнении самого жилища в кв. К-8 найден костяной наконечник стрелы с нанесенными на него гравировками (рис. 6–12).

На территории жилища в борту ямы (объект №1–16) хозяйственного назначения найдено *in situ* одиночное погребение младенца, ориентированного головой на север (рис. 7). Сверху над черепом ребенка лежал фрагмент венечной части сосуда. Еще человеческие останки, состоявшие из фрагментов верхней и нижней челюстей и лучевых костей, обнаружены в переотложенном состоянии в объекте №1–20, расположенном в конце «коридора» у основания входа в основной котлован жилища. Объект представлял собой вытянутую яму овальной формы (размерами 1,6×1 м и глубиной 0,7 м от уровня дна котлована) ориентированную по линии ЮВ–СЗ. Кроме человеческих костей в заполнении также находились кости животных.

В процессе исследования ямы №1–20 после завершения разбора ее гумусированного заполнения и фиксации дна было обращено внимание на неоднородную структуру стенок, включавших небольшие вкрапления гумусированной супеси. Поэтому осуществлен контрольный прокоп. В процессе этого был выявлен не фиксируемый на поверхности дна котлована перекрытый переотложенным слоем материковой супеси нижний уровень объекта, представляющий собой большой котлован неправильной формы размерами 5×3 м и глубиной до 1,4 м от уровня дна объекта №1. В нижней части котлован прорезал подстилавший слой крупнозернистого рыхлого слоистого песка аллювиального происхождения на глубину до 0,4 м. Стенки котлована были практически отвесные, в юго-западной части имели ступенеобразные выступы. В северной части объекта (на дне) зафиксировано скопление колотой гальки со следами термического воздействия

и небольшое количество остеологического материала. Возможно, каменные прокаленные гальки служили для дополнительного обогрева в холодное время года. Их могли помещать в различные части помещения, куда не доходило тепло от основного очага. По всей видимости, котлован объекта представлял собой временную жилую постройку, которая была перекрыта уже более капитальной конструкцией.

В результате исследования выявлены некоторые конструктивные особенности жилища. Основу жилища составляли опорные столбы, что указывает на каркасно-столбовой характер конструкции. Вдоль стен и по центру зафиксированы относительно небольшие столбовые ямки, вероятно всего, свидетельствующие о значительной нагрузке на верхнюю часть сооружения. В различных частях жилища (у очагов и у основания коридора) обнаружено несколько ям хозяйственного назначения, в одной из которых *in situ* найдено захоронение младенца. Подобные случаи уже неоднократно отмечались при исследовании жилищ. Так, например, скелет ребенка младенческого возраста был обнаружен в сооружении №23 и жилище 19 при раскопках городища Чича в Барабинской степи. Останки находились в заполнении одной из столбовых ям сооружения и на уровне пола котлована жилища [Молодин и др., 2004, с. 22, 29].

Остается открытым вопрос о других переотложенных фрагментах скелета, обнаруженных в Рощинском-2. Возможно, их появление связано с каким-либо ритуалом парциального захоронения в пределах жилищного комплекса. К этому же ритуалу могли иметь отношение и захоронения отдельных частей животных, располагавшихся компактно. Их однотипный характер (например, только челюсти или какие-то определенные части скелета), локальное расположение, отсутствие следов повреждения

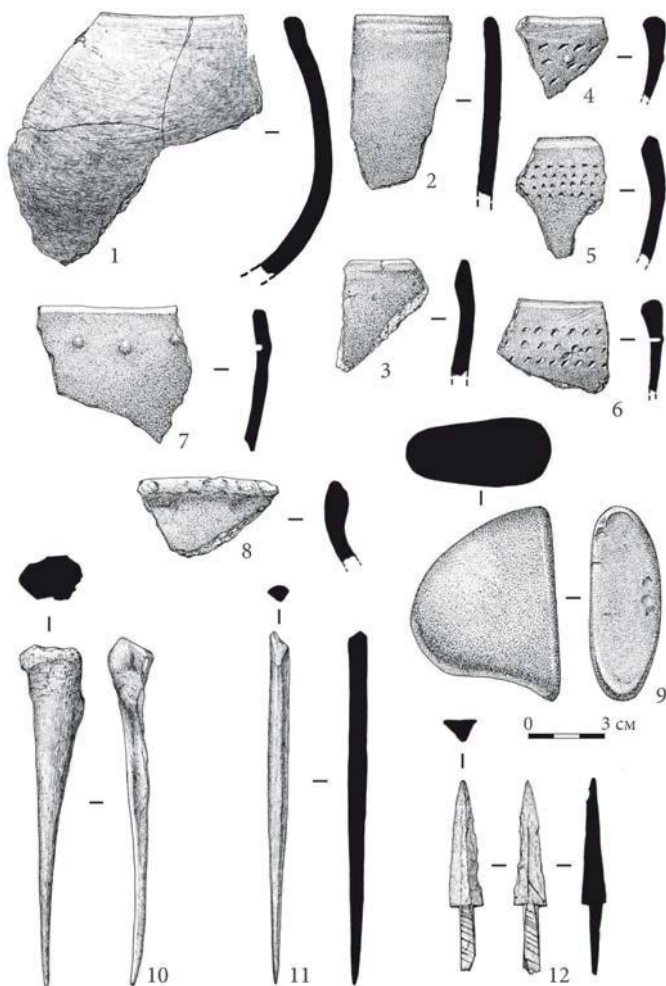

Рис. 6. Рощинское-2. Раскоп №1. Находки из жилища №1 (объект №1): 1-8 – фрагменты керамических сосудов; 9 – каменный терочник; 10, 11 – костяные проколки; 12 – костяной наконечник стрелы

Рис. 7. Рощинское-2. Раскоп №1. Объект №1 (жилище №1). Погребение младенца. Вид с запада

свидетельствуют о том, что они не были связаны с хозяйственной деятельностью. Возможно, они хранились и закапывались в какой-то органической емкости.

Объект №2 (условно обозначенный как жилище №2) находился в юго-западной части раскопа. На уровне горизонта зачистки он «читался» в виде прямоугольного пятна заполнения темной гумусированной супеси. Кот-

лован размером 8×4,38 м и глубиной 0,3–0,35 м (от уровня зачистки) имел вытянутую по оси ЮЗ–СВ прямоугольную форму с закругленными углами (рис. 8). В северо-восточном углу находился вход прямоугольной формы (размерами 1,3×1,2 м), оформлен-

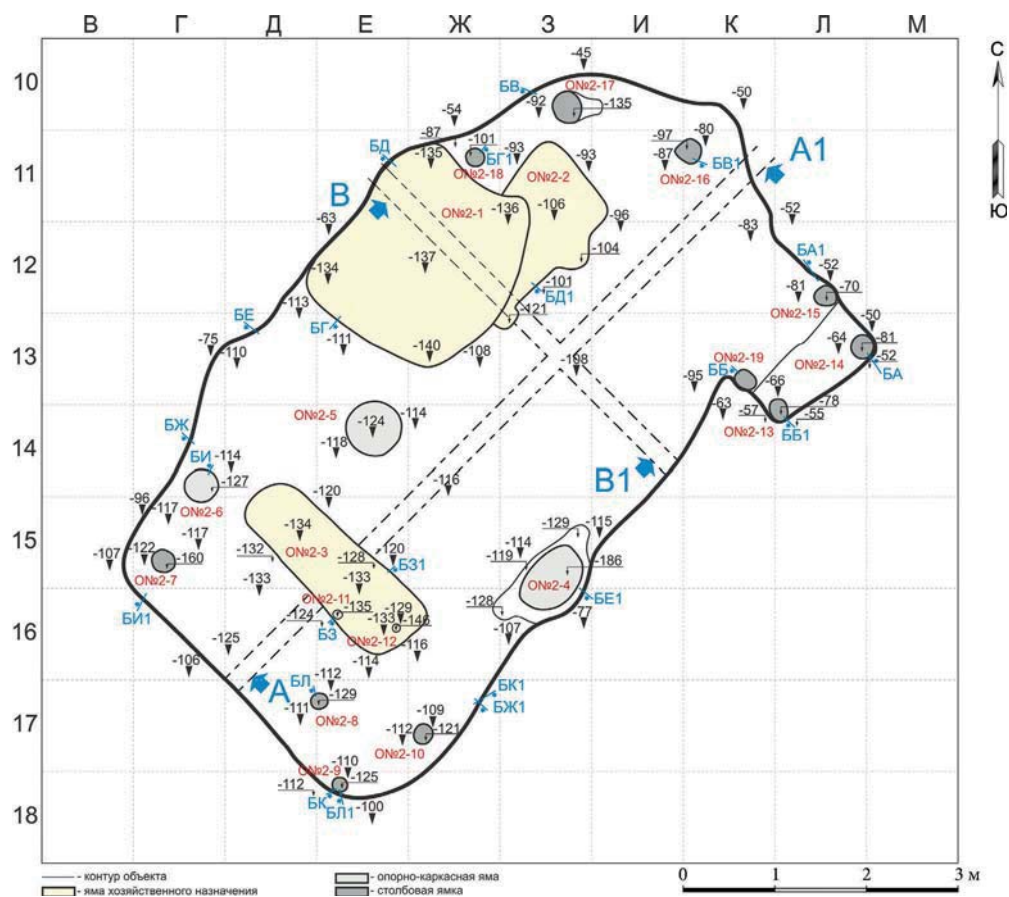

Рис. 8. Рощинское-2. Объект №2 (жилище №2). План жилища с объектами

ный грунтовыми ступеньками, по углам которых удалось проследить следы от опорных столбов. Его глубина составила 0,1–0,15 м от уровня зачистки. Внутри котлована зафиксировано 20 объектов. Среди них – столбовые ямки (12 шт.), расположенные вдоль стенок и на ступеньках входа, и объекты хозяйственно-бытового назначения. К последним относятся два небольших углубления удлиненно-овальной формы (0,07–0,09 м от уровня дна котлована), которые могли быть использованы как оформленные места для отдыха (возможно, лежанки). Один из них (размерами 2×0,95 м) был расположен вдоль северо-западной стенки постройки. Он перекрывал более крупную яму подпрямоугольной формы, размерами 2×1,66 м и глубиной 0,15–0,2 м от уровня дна котлована. Другой подобный (2,3×0,85 м) объект располагался вдоль юго-западной стенки конструкции. В заполнении, ближе к дну котлована, в его южной части, найдены разрозненные кости младенца. В заполнении хозяйственно-бытовых объектов фиксировались фрагменты керамики и костей животных (рис. 9). Очаг внутри периметра конструкции обнаружен не был. В совокупности с отсутствием других свидетельств, позволяющих однозначно охарактеризовать объект исключительно как жилую постройку, можно предположить, что сооружение использовалось в теплое время года и представляло собой своеобразную времянку с ограниченным хозяйственным функционированием.

Жилище №3 (объект №3) обнаружено в юго-восточной части раскопа на уровне горизонта зачистки в виде прямоугольного пятна, заполненного темной гумусированной супесью (рис. 10). Его котлован имел подквадратную в плане форму размерами 5,5×5 м и глубиной до 0,1–0,15 м и был ориентирован по линии ЮВ–СЗ. На площади жилища зафиксировано около 20 объектов. Среди них – остатки 10 столбовых ям, располагавшихся вдоль стенок и внутри жилища, углубленная яма с прокалом внутри (очаг) и ямы хозяйственного назначения. Диаметр столбовых ям составлял 0,24–0,29 м, их глубина колебалась в пределах 0,02–0,37 м от уровня дна жилищного котлована. Внутри заполнения нескольких столбовых ям встречалась забутовка из колотого галечника. Яма диаметром 1,2 м со следами прокала распо-

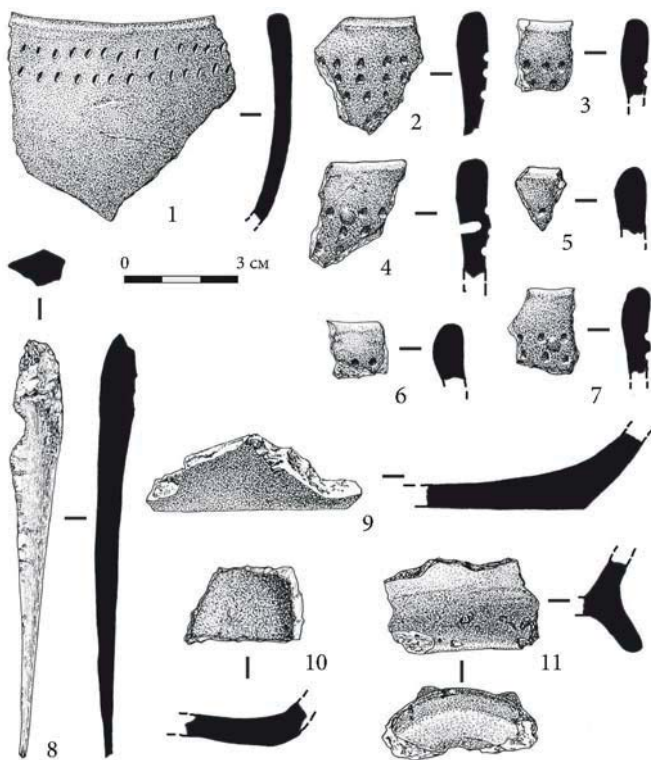

Рис. 9. Рошинское-2. Находки из жилищ №2 и 3 (объекты №2 и 3): 1–7 – фрагменты керамических сосудов; 8 – костяная проколка; 9–11 – фрагменты керамических сосудов

лагалась почти в центре жилища с небольшим смещением к юго-западу. Ее глубина составляла 0,45 м от уровня дна жилищного котлована. Прокол представлен пестрой оранжево-черной супесью мощностью 0,25 м. На стенке ямы обнаружена небольшая расколовшаяся плита песчаника (возможно, остатки облицовки очага). Следы дополнительных очаговых конструкций зафиксированы не были. Хозяйственные ямы различных форм и размеров (преимущественно диаметром 0,7–0,8 м и глубиной 0,35–0,5 м) располагались в основном в центре жилища. В их заполнении встречались фрагменты керамики и остеологический материал (рис. 9).

Объекты за пределами жилищ представлены в основном хозяйственно-бытовыми ямами различной глубины и конфигурации с преобладанием округлых очертаний. На поверхности они фиксировались в виде четко выраженных пятен темно-гумусированной

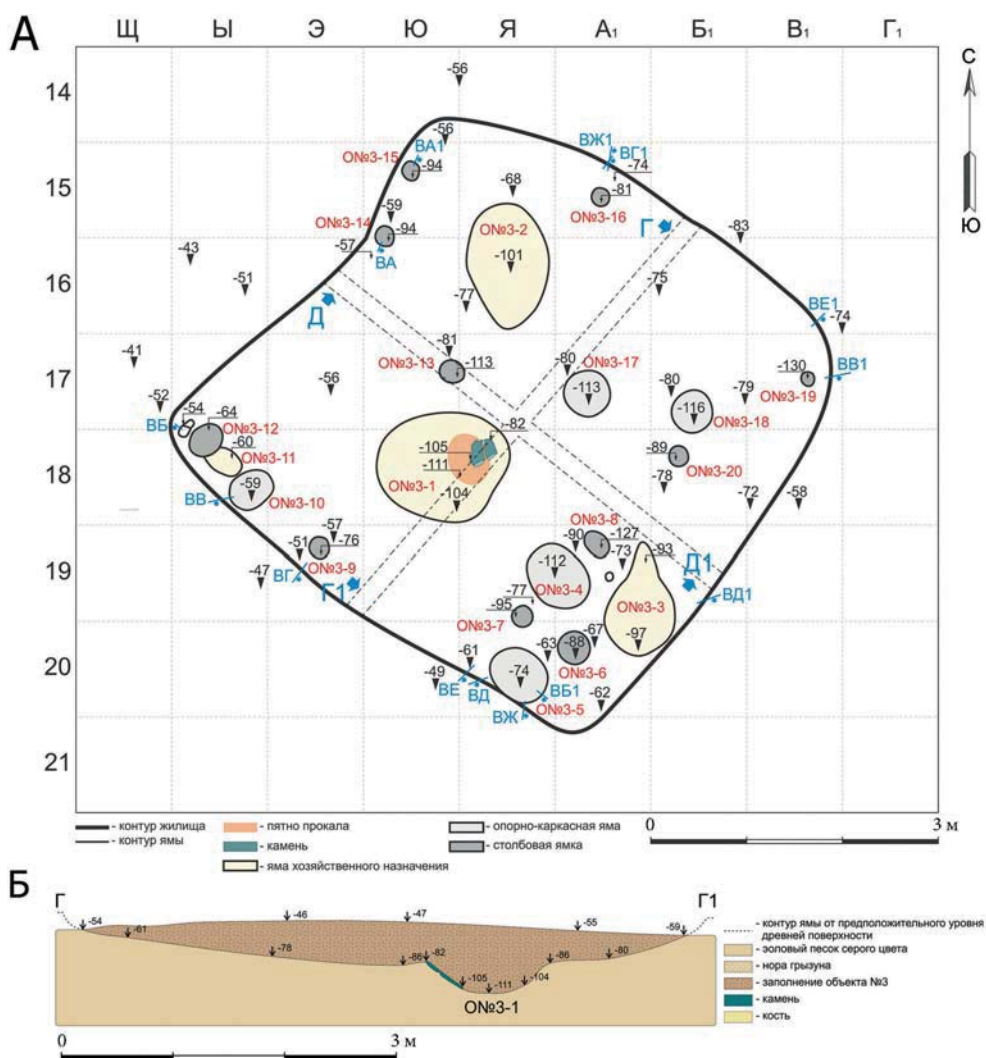

Рис. 10. Рощинское-2. Объект №3 (жилище №3).
План жилища с объектами и его стратиграфический разрез по линии Г–Г1

супеси. В их заполнениях преобладали находки фрагментов керамических сосудов и костей животных. Кроме типичных ям хозяйственно-бытового назначения выявлены и объекты другого типа.

Особый интерес представляет объект №6, обнаруженный в юго-восточном углу раскопа. Первоначально он интерпретировался как еще одна хозяйственная яма диаметром 2,3 м. Однако при разборе заполнения (на глубине приблизительно 1 м) находилось безынвентарное захоронение пяти человек и собаки (рис. 11). Умершие были одномоментно сброшены в яму без придания телам специального положения. После этого их останки засыпались слоем земли мощностью 0,1–0,12 м, поверх которого положили труп собаки.

Рис. 11. Рощинское-2. Объект №6.
Верхний уровень захоронения. Вид с востока

Первый (один из верхних) скелет мужчины 35–40 лет демонстрировал вытянутое положение на спине, головой на запад, с полусогнутыми в локтях руками. Правая кисть располагалась на пояснице, левая находилась на предплечье. Правая голень перекрывала часть поясницы второго скелета. Голова умершего раздроблена.

Второй скелет (юноша в возрасте 15–18 лет) перекрывал останки нижнего пятого человека. Он лежал в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на восток, с сильно подогнутыми в коленях ногами. Поясничный отдел позвоночника был слегка вдавлен в череп пятого скелета. Его правое бедро и голень перекрывали поясничную область скелета четвертого человека.

Третьи останки – мужчины старше 55 лет, который лежал на животе, головой на северо-запад. Правая рука согнута в локте, при этом кисть находилась в районе груди, а другая кисть слегка согнутой руки располагалась в районе поясницы. Левая голень перекрывала правое бедро четвертого скелета, а две бедренные кости – останки пятого человека.

Четвертый скелет принадлежал мальчику-подростку 13–15 лет, который лежал на правом боку, головой на юг с небольшим смещением к западу. Его правая рука была полусогнута в локте и находилась под правым боком. Левая была выпрямлена. Таз и бедренные кости перекрывали таз и поясницу нижнего скелета.

Останки пятого человека принадлежали подростку мужского пола в возрасте 12–13 лет, который лежал на животе головой на восток. Левая рука была сильно согнута в локте, перпендикулярно лопатке. Кисть находилась под черепом. Правая рука была выпрямлена, ее кисть располагалась под тазом четвертого скелета, который также перекрывал его левую и правую ноги.

По всей видимости, первоначально в яму, которая использовалась для хозяйственных нужд, были сброшены останки №4 и 5, на них сверху – останки №2 и на финаль-

ной стадии – останки №3 и №1. Очевидно, что смерть этих людей имела насильственный характер. Об этом свидетельствуют раздробленный череп 40-летнего мужчины и неестественные позы других людей. Отсутствие сопроводительного инвентаря и следов традиционного для этого хронологического периода погребального ритуала указывают на пренебрежительное отношение к условиям погребения этой группы. Примечательным является тот факт, что на поселении не зафиксировано женских останков. Следовательно, можно осторожно предположить, что мужская часть населения погибла в результате враждебного «набега», а женская половина была «уведена». На такую же мысль наталкивает и возрастной состав погребенных, в котором преобладают подростки. Кроме того, единственный мужчина среднего возраста оказался с проломленным черепом (возможно, тот, кто мог оказать активное сопротивление).

Относительно других останков людей, обнаруженных непосредственно в жилищах, можно говорить о традиционности данного явления. Отдельные части скелетов, черепа, зубы, а зачастую и полные захоронения (в основном младенцев) неоднократно фиксировались при раскопках различных поселений. Только на городище Чича-1, расположенном в Барабинской степи (Новосибирская область), отмечено около 10 таких случаев. Погребения были совершены в небольших неглубоких ямках, соответствующих размерам младенцев. Инвентарь за редким исключением отсутствовал [Молодин и др., 2004, с. 286].

Обряд захоронения умерших под полом и стенами характерен для многих традиционных обществ, но оценить широту его распространения проблематично, так как большинство поселений раскапывались только частично. Чаще всего этот обычай связывают с существованием у этих древних коллективов оседло-земледельческого производящего хозяйства. В Средней Азии эта традиция получила распространение в IV тыс. до н.э. и просуществовала до этнографической современности [Литвинский, 1952, с. 49–50; Заднепровский, 1962, с. 99]. В Верхнем Приобье при исследовании поселения эпохи бронзы Берёзовая Лука были обнаружены шесть погребений младенцев, а также разрозненные кости еще нескольких человек уже зрелого возраста [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1999, с. 391]. Известны погребения маленьких детей под полом андроновских жилищ [Кузьмина, 1994, с. 97].

Как и на поселении Рошинское-2, в других случаях не отмечались явные признаки намеренного умерщвления детей либо каких-то последующих манипуляций с телом. Несмотря на существование в традиционных обществах такого явления, как принесение строительных жертв при сооружении погребальных конструкций, нельзя однозначно сказать, что тот же самый ритуал использовался при строительстве домов. Отмечается только то, что дети были погребены под жилищами в тот период, когда они функционировали. Кроме того, неоднократно фиксировалось, что большинство детских погребений находились вблизи углов, стен котлованов или входов в постройки (проходов из помещения в помещение), то есть в местах наименьшего движения [Виноградов, Берсенева, 2013, с. 66].

О причинах погребения детей в жилых домах высказывалось много гипотез. Несмотря на их разнообразие, суть сводится всего к нескольким логическим направлениям. Одно из них идет по пути признания жертвенного характера такой традиции. Сюда входят различные варианты интерпретации этой жертвы: принесенная при строительстве [Формозов, 1984, с. 240; Кузьмина, 1994, с. 97 и др.], забота о продолжении рода, связанная с культом плодородия [Бибииков, 1953, с. 197–198; Антонова, 1990, с. 106–107], предотвращение болезни и смерти членов коллектива в настоящем

и будущем времени [Антонова, 1990, с. 105]. Другое направление связано с идеей возрождения умершего или его незримого присутствия рядом с семьей [Алёшкин, 1986, с. 152]. У некоторых народов не достигший определенного возраста ребенок принадлежал в большей степени не миру людей, а миру духов и наделялся соответствующими качествами, позволявшими выступать в роли медиатора [Молодин и др., 2004, с. 287]. Вероятно, по этой же причине погребение очень маленьких детей не требовало соблюдения ритуалов, четко установленных в тот период времени.

Объекты №20 и 27. Объект №20 был обнаружен на расстоянии 1,3 м от юго-западного угла жилища №3. Он фиксировался в виде круглого пятна темного гумусированного заполнения. Объект представлял собой яму круглой в плане формы диаметром 2,03 м, глубиной 0,61 м от уровня зачистки и 0,76 м от предположительного уровня погребенной поверхности. На дне ямы *in situ* находилось захоронение собаки, которая была уложена на живот, с подогнутыми лапами и ориентирована по линии ЮВ–СЗ, головой на северо-запад. При этом нижний отдел позвоночника имел явные следы повреждения. Кроме останков собаки, других находок в яме не обнаружено.

Еще одно захоронение собаки (объект №27) зафиксировано в 0,8 м к востоку от безынвентарного погребения людей (объект №6). Животное было помещено в двухуровневую яму овальной формы, размерами 2,78×1,79 м. Верхняя часть оказалась относительно неглубокой, около 0,25 м от уровня зачистки и 0,4 м от предположительного уровня погребенной поверхности. Другая часть ямы, в которой *in situ* находились останки, оказалась значительно глубже и достигала 0,98 м. Собаку положили на спину с вытянутыми лапами, в слегка изогнутом положении. Она ориентирована по линии З–В (головой на запад). Несколько ребер с левой стороны сломаны. На месте желудка собаки под ребрами обнаружены частично переварившиеся кости другого животного. Кроме скелета собаки, в яме найден фрагмент костяного изделия.

Захоронения собак на территории Минусинских котловин были широко распространены, но фиксировались они в основном в погребальных памятниках. Это можно объяснить количественным соотношением и степенью изученности погребальных и поселенческих комплексов. Наиболее ранние и достоверно датированные захоронения собак в Минусинских котловинах относятся к карасукскому времени. Обряд доживает до тагарской эпохи, усложняется на сарашенском этапе, а на тесинском достигает своего апогея [Кузнецов, 1998, с. 11]. Для финала тагарской археологической культуры (сарашенский этап) погребения этих домашних животных были отмечены в насыпях курганов, пристройках к ограде, под полом или нижним венцом сруба [Вадецкая, 1986, с. 94]. В нескольких случаях собака была погребена вместе с человеком и выступала в роли «живого инвентаря» – собственности погребенного. Зафиксированы случаи самостоятельного захоронения собаки (как с инвентарем, характерным для того периода времени, так и без него) [Кузнецов, 1998, с. 12, 13]. На финальном и переходном (тесинском) этапах получает распространение обычай класть в грабительский лаз или могилу тело животного (а иногда человека), используемого в качестве жертвы, совершенной при ограблении кургана. В этих случаях фиксируются следы явного насильственного умерщвления.

Безусловно, такое домашнее животное, как собака, играло важную роль в жизни людей. Функции, которые исполняла собака (сторож, охранник стада, защитник и верный друга охотника-промысловика), наделяли ее качествами, проявляющимися в особом к ней отношении, которое нашло отражение в обрядовой деятельности.

Захоронения собак в пределах поселенческих комплексов встречаются повсеместно при условии исследования памятников большими площадями, с межжилищными пространствами. Их хронология и культурная принадлежность различна от эпохи бронзы до этнографической современности. Захоронения представлены как парциальными, так и полными скелетами. Особый статус собаки определял традиционную интерпретацию большинства таких случаев как сакральную. Животное могло использоваться в качестве строительной или охранной жертвы. В таких случаях оно закапывалось недалеко от вновь построенного дома (например, угла, входа) или городской стены [Журавлев, Саблин, Строков, 2016, с. 37]. В то же время оно могло участвовать в ритуале очищения жилого пространства и охранять от проникновения злых духов.

Стоит заметить, что не во всех случаях захоронения собак имели сакральное значение. Иногда можно встретить и простую утилизацию трупов животных в ямах или рвах хозяйственно-бытового назначения. На поселении Рощинское-2 нет четких свидетельств ритуального характера погребений собак, но косвенные признаки указывают на него. Следует отметить расположение объекта №20 в непосредственной близости от юго-западного угла жилищной конструкции, а объекта №27 – недалеко от безынвентарной могилы с пятью людьми (объект №6). Следует отметить сломанные ребра и остатки непереваренной пищи в животе собаки, указывающие на насильственный характер смерти животного.

Вещественный комплекс

Всего на поселении Рощинское-2 обнаружено 540 артефактов. Массовый материал представлен неорнаментированными фрагментами керамики. Основная часть находок происходит из котлованов построек и ям хозяйственного назначения. Лишь небольшой процент фрагментов был обнаружен между жилищами. Сосуды имели баночную форму и красно-коричневый или пепельный цвета. Поверхность их шероховатая и не имеет лощения. Отмечается ярко выраженная пятнистость, вызванная неравномерным обжигом. Венчик прямой, без скосов и утолщений, орнаментация, как правило, отсутствует. Такая керамика была характерна для большинства поздне-тагарских и переходных тагаро-таштыкских комплексов Минусинской котловины.

Другой тип керамики, встречающийся значительно реже, представлен черепками кирпично-красноватого или черного цвета с гладкой, но не лощеной поверхностью. Венечная часть этих сосудов имеет орнаментацию в виде рядов наклонных или прямых оттисков гладкого штампа, ямочек и «жемчужин», выдавленных изнутри (рис. 9.-2–7). Тесто плотное, однородное, с мелкой дресвой, используемой в качестве отошителя. Венчик, как правило, имеет значительное утолщение в верхней части. Подобная керамика чаще всего встречается на окраинах Минусинских котловин и тяготеет к лесостепной зоне. Фрагменты подобных сосудов были обнаружены при исследовании расположенных вблизи поселения Старая копь-1 и стоянка Ирба-2 [Поляков, 2012, с. 259]. Аналогичные изделия фиксируются также в Ачинско-Мариинской лесостепи [Мартынов, Абсалямов 1988, рис. 5, 6].

Кроме того, были зафиксированы немногочисленные фрагменты темно-серых лощеных керамических сосудов, тяготеющих к шаровидным формам. Один из них оказался орнаментирован слабовыраженными «жемчужинами». Отдельно стоит отметить находку нижней части сосуда с поддоном, обнаруженную в заполнении жилища №2 (рис. 9.-11). Традиционно появление таких керамических изделий связывают с сарагашенским этапом тагарской археологической культуры. Существовали они и в переходный тагаро-таштыкский период [Грязнов, 1968, с. 191; Вадецкая, 1986 и др.]. Анализ керамики позволяет гово-

речь о сосуществовании на памятнике различных керамических традиций. Одна из них, представленная массовым материалом, была характерна для степных территорий Минусинских котловин, другая отражает элементы, свойственные уже для культур лесостепного пояса. Такое сочетание легко объясняется местоположением самого памятника, находящегося непосредственно в пограничной зоне, на границе степей и подтаежной зоны.

Каменный инвентарь, обнаруженный на Рощинском-2, характерен для большинства поселений раннего железа. Он представлен орудиями земледельческого, хозяйственно-бытового назначения и приспособлениями для рыбной ловли. К предметам хозяйственно-бытового назначения можно отнести отщепы с рабочей ретушью, скребок и оселки (5 шт.). Последние представляли собой гладко зашлифованные брусочки правильных геометрических очертаний, изготовленные из окремненных сланцевых пород, иногда с отверстием на одном конце для подвешивания к поясу (рис. 12.-3, 4). Подобные предметы хорошо известны по изображениям на «оленных» камнях и по редким находкам в погребениях скифского времени [Манай-Оол, 1970, с. 58; Волков, 2002, с. 151]. Орудия, связанные с земледелием, представлены пестами и обломками курантов от зернотерок ладьевидной формы. Несмотря на то что поселение располагалось сравнительно далеко от воды, в комплексе обнаружено несколько грузил для сетей. Они изготовлены из плоских галек, грани которых подправлялись поперечными выемками. В целом каменный инвентарь был широко распространен в быту племен, но проследить это удастся прежде всего по материалам поселений. Погребальная традиция этого времени не предполагала помещения в могилу орудий труда.

Костяные предметы представлены проколками из заостренных «грифельных костей» (3 шт.), шлифованным стерженьком и просверленными астрагалами (рис. 6.-10, 11; рис. 12.-5). В заполнении хозяйственной ямы жилища №1 найден черешковый наконечник стрелы с гравированными насечками (рис. 6.-12).

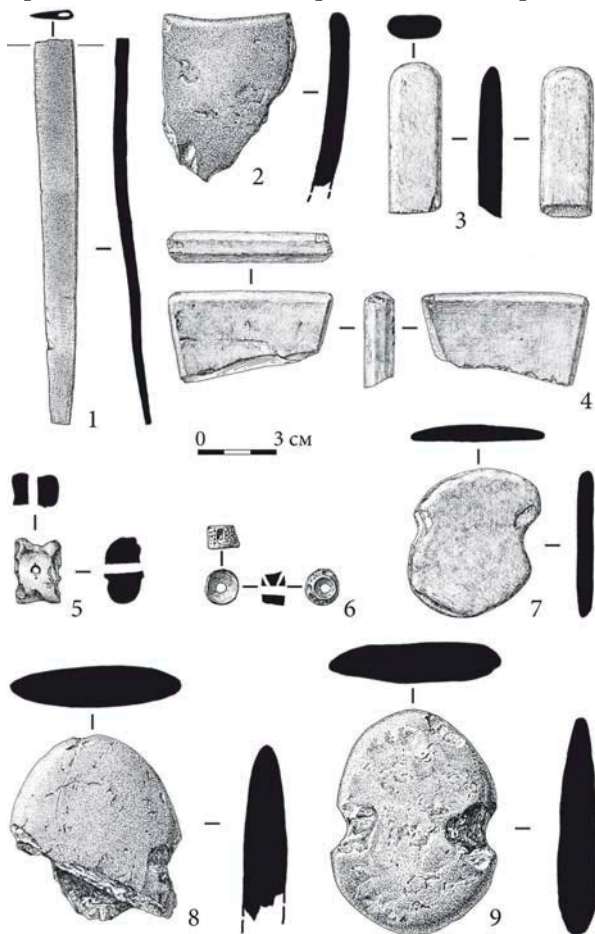

Рис. 12. Рощинское-2. Находки из межжилищного пространства: 1 – фрагмент бронзового пластинчатого ножа; 2 – фрагмент керамического сосуда; 3, 4 – фрагменты каменных оселков; 5 – костяной астрагал с отверстием; 6 – костяная пронизь из позвоночника рыбы; 7–9 – каменные грузила для сетей

Период бытования такого типа наконечников охватывает широкий хронологический промежуток. Они появились на заре тагарской археологической культуры и продолжали существовать вплоть до переходного тагаро-таштыкского времени.

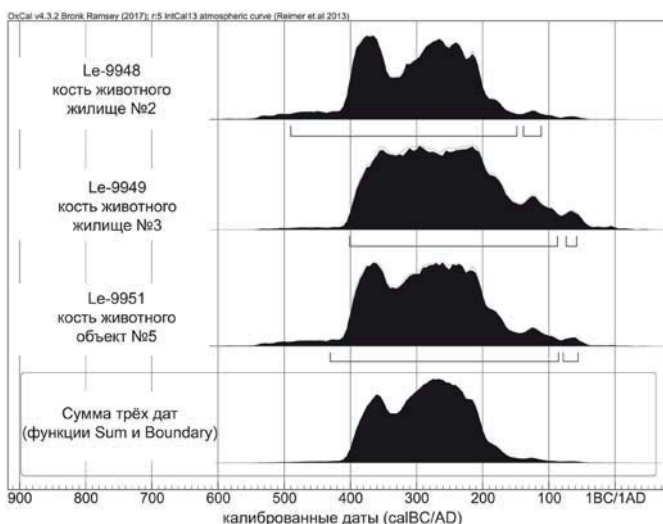
На поселении были обнаружены всего две находки из бронзы – четырехгранное шило с отломанной шляпкой (рис. 6.-11) и часть пластинчатого ножа (рис. 12.-1). К сожалению, предметы представлены не полностью, что, как и в предыдущем случае, лишает их возможности выступить более точными хронологическими индикаторами.

Остеологический материал*

Анализ остеологического материала позволил выявить ряд особенностей хозяйственной деятельности людей, проживавших на поселении Роцинское-2. Количественное соотношение домашних и охотничье-промысловых видов свидетельствует о значительном перевесе в пользу последних. На поселении найдены кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирской косули (*Capreolus pygargus*) и горного барана (*Ovis* sp). Ареал обитания таких животных охватывает лесостепные, таежные и подтаежные зоны, что хорошо соотносится с местоположением поселения. Естественно, что охотничья деятельность должна была сопровождаться увеличением поголовья лошадей при одновременном сокращении количества коров. Именно такие выводы демонстрирует остеологический материал поселения Роцинское-2. Останки лошадей обнаружены на поселении, в то время как кости крупного рогатого скота практически не встречались. Исключение составляет фрагмент черепа быка. Но его принадлежность дикому или домашнему животному остается под вопросом. Возможно, и он относится к промысловому виду, такому как *Bos taurus*.

Хронология

Для уточнения хронологии памятника в Лабораторию археологической технологии ИИМК РАН были сданы пять образцов костей из различных объектов. К сожалению, получить дату захоронения в людей в объекте №6 не удалось из-за недостаточного количества выделенного коллагена (Le-9946). Еще одна дата по кости животного из жилища №1

(Le-9947) показала слишком большой доверительный интервал (2860 ± 185), также из-за малого количества коллагена, и не может быть использована для определения возраста памятника. Остальные три определения, выполненные по костям животных из жилищ №2 и 3, а также объекта №5, были удачными и суммарно позволяют датировать памятник IV–III вв. до н.э. (рис. 13). Данная хронология хорошо сочетается с типологией имеющихся материалов, представляющих сарагашенский этап тагарской культуры.

Рис. 13. Роцинское-2. Радиоуглеродные даты

* Определения выполнены к.б.н. А.А. Асочаковым.

Заключение

На основании имеющегося материала можно сделать вывод, что поселение Роцинское-2 представляет собой монокультурный памятник, существовавший сравнительно непродолжительный промежуток времени: IV–III вв. до н.э. (сарагашенский этап тагарской культуры). Вероятнее всего, это было место проживания одной небольшой семейной группы, мужское население которой погибло в результате насильственных действий с внешней стороны. Такой тип поселения можно условно определить как «хуторской двор» с незначительным количеством жилищных построек. Среди них выделялось центральное строение, имеющее наибольшую площадь (жилище №1), и два вспомогательных, одно из которых функционировало лишь в летнее время года, о чем свидетельствует отсутствие очага (жилище №2). Все жилища представляли собой однокамерные постройки, у одного из них существовал длинный вход в виде коридора, предположительно сделанный для сохранения тепла в зимний период. Небольшие очаги располагались в центре построек.

Предварительно можно предположить следующую модель постройки этих жилищ. Они представляли собой полуземлянки каркасно-столбового типа. В основании всех построек находился котлован, постепенно понижающийся к центру. Основным несущим элементом была деревянная рама, опиравшаяся на столбы, которые располагались в центре и вдоль стен котлована. Судя по большому количеству ямок, были установлены дополнительные столбы, поддерживавшие перекрытие. Некоторые из них могли появиться в результате ремонта конструкций. Вероятнее всего, балки кровли должны были опираться одним концом на основание стены, а другим – на раму. Прямой профиль столбовых ям указывает на то, что стены конструкций были вертикальными. Возможно, они обкладывались небольшим тыном или бревнами и закреплялись через определенные интервалы столбиками. Сложнее определить характер перекрытия. Жилища подобного типа раскопаны в Барабе (Чича-1, переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку). Там кровля настилалась из тонких веток и камыша, поверх которых укладывался дерн [Молодин и др., 2004, с. 263]. В жилищах Роцинское-2 в качестве одного из элементов кровли могла использоваться береста, фрагменты которой найдены в заполнении.

Важно отметить, что поселение исследовано полностью*, и мы имеем комплексное представление об организации подобных «хуторов», в которых не могло проживать более десятка человек. Фактически это семейная усадьба с традиционным укладом быта. Короткий период его существования и трагическая судьба жителей демонстрирует особенности жизни в тот период.

Библиографический список

- Абсалямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагаро-таштыкских поселениях // Археология Сибири: Известия кафедры археологии. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 34–42.
- Александров С.В., Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Семёнов Вл.А., Соловьёва Н.Ф. Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл – Курагино // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 195–199.

* Для определения границ распространения археологического материала и объектов с разных сторон от Раскопа 1 была разбита сетка рекогносцировочных траншей, размерами 1×5 и 1×10 м. Всего вскрыто 11 рекогносцировочных траншей, общей площадью 95 кв. м.

Александров С.В., Боковенко Н.А., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН №3 (охранная археология). СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2013. С. 185–196.

Алёшкин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л. : Наука, 1986. 192 с.

Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине Минусинских степей // Записки Института истории материальной культуры РАН. №12. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. С. 130–145.

Амзараков П.Б., Васильев С.А., Корнева Т.В., Поляков А.В. Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН стоянки Ирба-2 в 2015 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. №6 (охранная археология). СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2017. С. 138–150.

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М. : Наука, 1990. 286 с.

Бибииков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре: К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 460 с. (МИА; №38).

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения древнейшего прошлого Сибири // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 6. Кемерово : КемГУ, 1973. С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Виноградов Н.Б., Берсенёва Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. в Южном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №3 (55). С. 59–67.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 1. С. 187–196.

Журавлёв Д.В., Саблин М.В., Строков А.А. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М. : ГИМ, 2016. С. 34–37.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 391–396.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Кузнецов Н.А. Погребения собак на среднем Енисее как археологический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М. : Изд-во МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с. Литвинский Б.А. Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. (предварительное сообщение) // Советская этнография. 1952. №4. С. 49–50.

Манай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М. : Наука, 1970. 121 с.

Мартынов А.И., Абсалимов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 136 с.

Минор В.А. Обследование древних поселений в долине реки Биджа (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. №1 (17). С. 38–47.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемакина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).

Поляков А.В. Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 258–263.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология. 1984. №4. С. 238–241.

References

- Absalyamov M.B. O tipah zhilishch na tagarskih i tagaro-tashtytskikh poseleniyah [About Types of Dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk Settlements]. *Arheologiya Sibiri: Izvestiya kafedry arheologii* [Archaeology of Siberia: Bulletin of the Department of Archaeology]. Vyp. 9. Kemerovo : KemGU, 1977. Pp. 4–42.
- Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Kilunovskaya M.E., Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Semyonov V.I.A., Solov'yova N.F. *Arheologicheskie issledovaniya v zone stroitel'stva zheleznoj dorogi Kyzyl – Kuragino* [Archaeological Research in the Construction Zone of the Kyzyl-Kuragino Railway]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizatsiyami* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. Kn. 2. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2012. Pp. 195–199.
- Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. *Kratkiy obzor rabot Sayanskoj arheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN v 2012 godu* [A Brief Review of the Work of the Sayan Archaeological Expedition of the IIMK RAS in 2012]. *Byulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN №3 (ohrannaya arheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences No. 3 (Security Archaeology)]. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2013. Pp. 185–196.
- Alyokhin V.A. *Sotsial'naya struktura i pogrebal'nyy obryad drevnezemel'del'cheskikh obshchestv (po arheologicheskim materialam Srednej Azii i Blizhnego Vostoka)* [Social Structure and Funeral Rite of Ancient Agricultural Societies (Based on Archaeological Materials of Central Asia and the Middle East)]. L. : Nauka, 1986. 192 p.
- Amzarakov P.B., Kovaleva O.V., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. *Poselenie skifskogo vremeni Staraya Kop'-1 na vostochnoj okraine Minusinskih stepej* [Settlement of the Scythian Time Old Kop-1 on the Eastern Outskirts of the Minusinsk Steppes]. *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. №12. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2015. Pp. 130–145.
- Amzarakov P.B., Vasil'ev S.A., Korneva T.V., Polyakov A.V. *Issledovaniya 1-go otryada Sayanskoj ekspeditsii IIMK RAN stoyanki Irba-2 v 2015 g.* [Studies of the 1st Detachment of the Sayan Expedition of the IIMK RAS of the Irba-2 Site in 2015]. *Byulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. №6 (ohrannaya arheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the RAS. No. 6 (Security Archaeology)]. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2017. Pp. 138–150.
- Antonova E.V. *Obryady i verovaniya pervobytnyh zemledel'cev Vostoka* [Rites and Beliefs of Primitive Farmers of the East]. M. : Nauka, 1990. 286 p.
- Bibikov S.N. *Rannetripolskoe poselenie Luka-Vrublevetskaya na Dnestre: K istorii rannih zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen na yugo-vostoke Evropy* [The Early Tripoli Settlement of Luka-Vrublevetskaya on the Dniester: On the History of Early Agricultural and Cattle-Breeding Tribes in Southeastern Europe]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1953. 460 p. (MIA; №38).
- Vadeckaya E.B. *K istorii arheologicheskogo izucheniya drevnejshego proshlogo Sibiri* [On the History of Archaeological Studies of the Ancient Past of Siberia]. *Izvestiya laboratorii arheologicheskikh issledovanij* [Bulletin of the Archaeological Research Laboratory]. Vyp. 6. Kemerovo : KemGU, 1973. Pp. 91–159.
- Vadeckaya E.B. *Arheologicheskie pamyatniki v stepyah srednego Eniseya* [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 180 p.
- Vinogradov N.B., Bersenyova N.A. *Intramural'nye zahoroneniya detej na poseleniyah pervoj treti II tys. do n.e. v Yuzhnom Zaurale* [Intramural Burial of Children in the Settlements of the First Third of the Second Millennium BC in the South Trans-Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №3 (55) S. 59–67.
- Volkov V.V. *Olen'nye kamni Mongolii* [Deer Stones of Mongolia]. M. : Nauchnyj mir, 2002. 248 p.
- Gryaznov M.P. *Tagarskaya kul'tura* [Tagar Culture]. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. L. : Nauka, 1968. T. 1. Pp. 187–196.
- Zhuravlyov D.V., Sablin M.V., Stokov A.A. *Zahoroneniya sobak na poselenii Golubitskaya 2* [Dog Burials in the Settlement of Golubitskaya 2]. *Aziatskij Bospor i Prikuban'e v dorismskoe vremya* [Asian Bosphorus and Kuban in Pre-Roman Times]. M. : GIM, 2016. Pp. 34–37.
- Zadneprovskij Yu.A. *Drevnezemel'del'cheskaya kul'tura Fergany* [The Ancient Agricultural Culture of Fergana]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 328 p.
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Grushin S.P. *Kratkie itogi arheologicheskogo izucheniya pamyatnikov epohi rannej bronzy Berezovaya Luka i Teleutskij Vzvoz-I* [Brief Results of Archaeological Research of Sites

of the Early Bronze Age Birch Lake and Teleut Vzvoz-I]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. V. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 391–396.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p.

Kuznecov N.A. Pogrebeniya sobak na srednem Enisee kak arheologicheskij istochnik: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Dog Burials on the Middle Yenisei as an Archaeological Source: Abstract. Dis. ... Cand. Hist. of Sciences]. Novosibirsk, 1998. 22 p.

Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii? [Where did the Indo-Aryans Come from]. M. : Izd-vo MGP «Kalina» VINITI RAN, 1994. 464 p.

Litvinskij B.A. Namazga-tepe po dannym raskopok 1949–1950 gg. (predvaritel'noe soobshchenie) [Namazga-tepe according to the Excavations of 1949–1950 (Preliminary Report)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1952. №4. Pp. 49–50.

Manaj-ool M.H. Tuva v skifskoe vremya (uyukskaya kul'tura) [Tuva in Scythian Time (Uyuk Culture)]. M. : Nauka, 1970. 121 p.

Martynov A.I., Absalyamov M.B. Tagarskie poseleniya [Tagar Settlements]. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1988. 136 p.

Minor V.A. Obsledovanie drevnih poselenij v doline reki Bidzha (Ust'-Abakanskij rajon Respubliki Khakassiya) [Inspection of Ancient Settlements in the Bija River Valley (Ust'-Abakan Region of the Republic of Khakassia)]. Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific Review of Sayano-Altai]. 2017. №1 (17). Pp. 38–47.

Molodin V.I., Parcinger G., Garkusha Yu.N., Shneevajs J., Grishin A.E., Novikova O.I., Chemyakina M.A., Efremova N.S., Marchenko Zh.V., Ovcharenko A.P., Rybina E.V., Myl'nikova L.N., Vasilev S.K., Beneke N., Manshtejn A.K., Dyad'kov P.G., Kulik N.A. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi [Chicha – the Ancient City of Transition from Bronze to Iron Time in the Baraba Forest-steppe]. T. 2. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 336 p. (Materialy po arheologii Sibiri. Vyp. 4).

Polyakov A.V. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov Staraya Kop' na pravom beregu r. Amyl [The Complex of Archaeological Sites Old Kop on the Right Bank of the River Amyl]. Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizatsiyami [Cultures of Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. Kn. 2. SPb. : IIMK RAN, Periferiya, 2012. Pp. 258–263.

Formozov A.A. Stroitel'nye zhertvy na poseleniyah i v zhilishchah epohi rannego metalla [Building Victims in Settlements and Dwellings of the Early Metal Era]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1984. №4. Pp. 238–241.

O.V. Kovaleva¹, A.V. Poliakov², P.B. Amzarakov²

¹*Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia;*

²*Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

LATE SCYTHIAN SETTLEMENT ROSHCINSKOYE-2

The settlement Roshchinskoye-2 was discovered in 2010 by the Sayan archaeological expedition of the IHMC OF RAS (under the leadership of A.V. Polyakov) when designing the construction of the Kyzyl-Kuragino railway line on the territory of the Kuraginsky district of the Krasnoyarsk region. During the survey of the area by continuous excavations for housing structures, objects of household use, burial of animals and people were found. The article presents the results of the study of these objects. Important conclusions were obtained in the study of housings. It was possible to determine the main elements of structures that allow them to be attributed to frame-pillar type semi-earthen housings. The human remains found in the housings and on the territory of the settlement belonged to infants and the grave without ant inventory belonged to the male who died as a result of violent actions. Analysis of materials and the results of radiocarbon dating allowed us to determine that the settlement of Roshchinskoye-2 is a monocultural site that existed for a short period of time, dating back to the 4th–3rd Centuries BC (Saragash stage of Tagar culture).

Key words: Minusinsk basin, Kuragino district, Krasnoyarsk region, Tagar archaeological culture, Saragash stage, settlement Roshchinskoye-2, housings, burials.

УДК 903.2«653»(571.1)+7.04(571.1)

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

К ИКОНОГРАФИИ ОБРАЗА ВСАДНИКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Изображения всадников в древнем искусстве Западной Сибири появляются относительно поздно. Они немногочисленны и, по мнению исследователей, не связаны одной иконографической традицией. Это действительно так, но требует более внимательного изучения. Изначально выделяются два основных варианта передачи данного образа, очевидно, имевшие и различное содержание. Один из них (изображение вооруженного всадника) связан с влиянием центральноазиатских хунну и, скорее всего, имеет меморативное, мифопоэтическое значение. Появление подобных изображений в западносибирском ареале знаменуют гравировки на бляхах I–II вв. н.э. из Истяцкого клада (усть-полуйская культура). Другой (изображение человека анфас с односторонней посадкой на лошади, реже на диком животном) восходит к прототипам кулайского искусства и, возможно, был включен в знаковую атрибутику погребального обряда. Наиболее выразительно его представляют изображения на бронзовых накладках ножен фоминской культуры (III–IV вв.). Тот и другой варианты в дальнейшем стали традиционными. В раннем Средневековье они продолжали существовать в виде двух иконографических групп изображений. Одна из них (с профильными фигурами вооруженных всадников) по основному месту нахождения может быть названа *томской* (VII–VIII вв.). Другая (с односторонней посадкой на лошади, испытывавшая также влияние со стороны прикамского художественного литья) – *сургутской* (IX–X вв.).

Ключевые слова: изображение, всадник, образ, иконография, культура, Западная Сибирь, хунну, семантика, традиция.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-04

Введение

Изображения всадников в древнем искусстве Западной Сибири, чрезвычайно насыщенных образами различных животных и мифологических персонажей, вообще многочисленны и представлены отдельными, не связанными друг с другом экземплярами. Возможно, поэтому, несмотря на значительное внимание со стороны исследователей к этим изображениям, специально посвященных им работ мало. Изобразительный материал в них дается на достаточно обобщенном уровне, чаще всего исходя из определения их как изображений «Небесного всадника» – Мир сусне хума угорской мифологии [Полосьмак, Шумакова, 1989; Полосьмак, 1990; Гемуев, Бауло, 2001; Ширин, 2003; и др.]. Наиболее полная сводка подобных изображений в пределах как западного, так и восточного ареалов их распространения дана в статье А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой [2010]. Вопросы генезиса данного образа в этих и других работах практически не затрагиваются. Исключение составляет статья Н.В. Федоровой [1989] (к сожалению, очень краткая), в которой известные по археологическим находкам изображения всадников рассматриваются в исторической последовательности, начиная с рубежа эр до конца I тыс. н.э. В результате проведенного анализа исследовательница пришла к выводу о том, что «перед нами не традиция, а несколько импульсов извне... А это ставит под сомнение тезис о раннем появлении культа всадника в круге лесных культур Приобья, так как, если бы он существовал, то, по-видимому, в течение I тыс. н.э. была бы выработана и единая иконография изображения всадника в художественном металле» [Федорова, 1989, с. 120].

Принимая это заключение, попытаемся, по мере возможности, ответить на вопрос: почему «единая иконография» в передаче образа всадника в древнем и ранне-средневековом искусстве Западной Сибири не сложилась (да, очевидно, с точки зрения семантики, и не могла сложиться)?

Материалы и методы исследования

Считается, что образ всадника в древнем искусстве Западной Сибири появился сравнительно поздно, скорее всего, в период господства кочевой империи Хунну. Согласно исследованиям В.Н. Чернецова, на которые ссылается В.Д. Викторова [2008, с. 7–11] в своей монографии «Древние угры в лесах Урала», культ коня появился в мифологии и ритуале манси; с той же этнической средой связаны и все примеры коневодческой терминологии. Вероятно, именно этим объясняется и одно из исторических наименований вогулов (манси) – «конные угры». Время образования данного комплекса представлений с наибольшим основанием может быть определено периодом широкого расселения северных хунну, т.е. не ранее середины I в. н.э., включивших в сферу своего влияния отдельные районы юга Западной Сибири и Приуралья [Савинов, 2010].

Обращаясь к истокам появления данного образа, следует сказать, что самые ранние и наиболее реалистические изображения хуннских всадников известны в Ханьской изобразительной традиции. На них они показаны скачущими на приземистых лошадях, без стремян, одетыми в туго подпоясанный халат, в остроконечном (мягком?) головном уборе, с натянутым луком М-образной формы в руках (рис. 1.-1, 3). В этом виде данный образ,

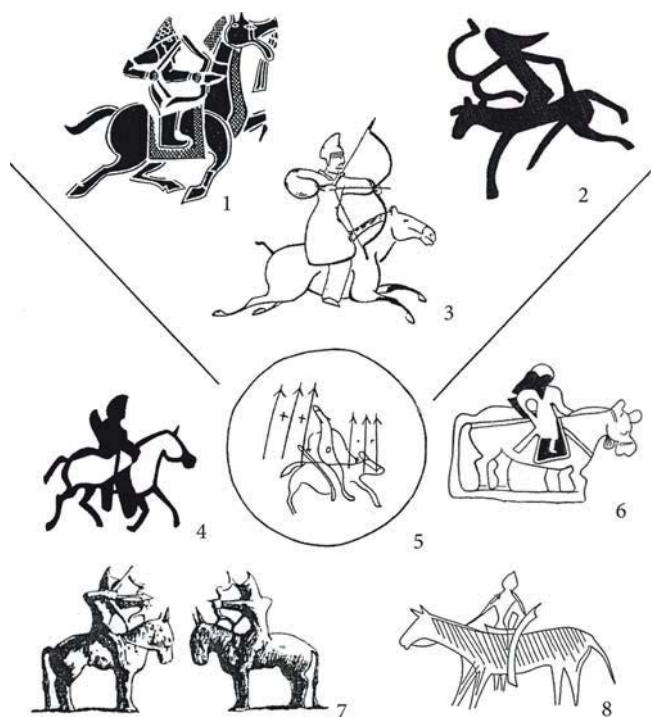

Рис. 1. Хуннский всадник в изобразительной традиции:

- 1, 3 – Китай, эпоха Хань (по: [Артамонов, 1962]);
- 2, 4, 8 – наскальные изображения Монголии (по: [Новгородова, 1964; Худяков, Цэвээндорж, 1992]);
- 5 – изображение на бронзовом диске. Западная Сибирь (по: [Чернецов, 1953]); 6, 7 – бронзовые пластины с изображениями всадников. Монголия (по: [Волков, 1965])

очевидно, стал каноническим. Подобные изображения всадников, относящиеся к хуннскому времени, хорошо известны в петроглифах Центральной Азии и Южной Сибири. Наиболее выразительные из них – рисунки на скалах из Хушот-Дурбэн-Уул в Северной Монголии (рис. 1.-2). Тот же образ хуннских всадников, вооруженных сложными луками, представлен на известных парных пластинах из Монголии (рис. 1.-7). Иногда фигуры всадников показаны идущими (рис. 1.-4) или стоящими (рис. 1.-6, 8).

Изображения тех же всадников, но выполненные более схематично (рис. 1.-5), можно видеть в гравировках на бляхах из известного Истятского клада на Оби, датированных приблизительно тем же временем [Чернецов, 1953, табл. XX.-2, 3]. «К гравированным изображениям всадников, – отмечал В.Н. Чернецов [1953, с. 165, табл. XXI.-1–5], –

следует добавить и литые фигуры, выполненные техникой плоского литья». При этом В.Н. Чернецов [1953, с. 165] первым предложил интерпретацию западносибирских всадников: «Несомненно, перед нами графическое отображение образа мифического... „человека в остроконечном шлеме“, как он именуется в фольклоре, или Мир сусне хума – „за людьми смотрящего человека“ – небесного всадника, объезжающего на белом коне верхний и средний миры и „скачущего через небесное пламя“. В дальнейшем именно такая персонификация была воспринята всеми исследователями, кто пытался проникнуть в тайны семантики металлопластики Западной Сибири.

Очевидно, в этом же ряду следует рассматривать удивительную находку двух бронзовых пластин с изображениями тех же всадников, но уже очень далеко от крайних северо-западных границ экспансии хунну – на р. Верхняя Вычегда, в с. Ягкедж (Республика Коми) [Игнатов, 1994]. На одной из них в прямоугольной рамке из витого шнура, размерами 71×53 мм, представлена сильно «варваризованная» фигура всадника, одетого в короткую подпоясанную куртку, облегающие штаны, мягкие сапоги. На голове остроконечный «колпак», волосы распущены. Лицо всадника передает явно характерные черты данного образа: показаны низкий лоб, высокие скулы, приплюснутый нос и небольшая бородка. Одна рука держит повод, в другой, откинутой, – по-видимому, плеть или нагайка (рис. 2.-1). Вся фигура «скачущего всадника», несмотря на известную условность изображения, передана весьма динамично и с большой художественной выразительностью. Показаны также детали снаряжения коня: расположенные прямо передняя и задняя луки седла, круглые украшения на ремнях, прямые стержневые псалии с расширениями на концах.

По мнению Л.А. Игнатова [1994, с. 12], на заднем плане «... видна вторая конская морда, в ряд с первой, но опущенная вниз, и хвост другого коня». На самом деле, если взглянуть внимательно, это изображение распластанного ящера с когтистыми лапами и низко опущенной головой с раскрытой пастью (рис. 2.-2). «Хвост другого коня», скорее всего, следует также считать изображением хвоста ящера, хотя по рисунку в статье Л.А. Игнатова это утверждать трудно. В книге А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой [2001, рис. 1] о Холмогорском кладе данная деталь изображения просто

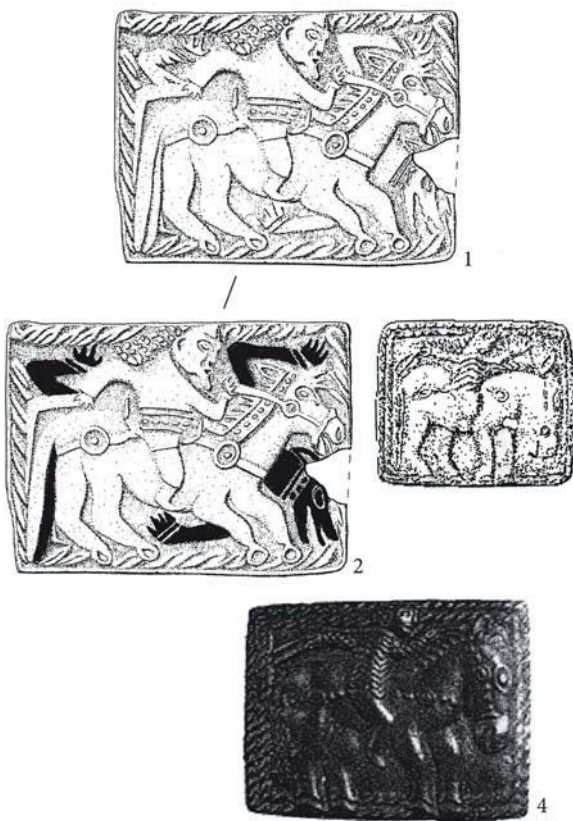

Рис. 2. Бронзовые пластины с изображениями всадников: 1–3 – с. Ягкедж (2 – с выделенной фигурой ящера) (по: [Игнатов, 1994]); 4 – Холмогорский клад (по: [Зыков, Федорова, 2001])

опущена. Сочетание этих образов в одном изображении по-своему символично как обозначение двух миров: пришлого хуннского (всадник) и местного (угорского?) – ящер – с безусловной победой первого.

На другой пластине, меньшего размера (50×40 мм), в рамке из двойного шнура также представлена фигура всадника, но более тяжеловесная, сделанная менее искусно, без каких-либо дополнительных изображений. Показаны только круглые украшения на конском снаряжении (такие же, как на большой пластине) и в откинутой назад руке – плетъ (рис. 2.-3). Фигура всадника покрыта изогнутыми вписанными линиями (изображение панциря?). Фигуры ящера здесь нет, но смысловое значение обеих пластин, скорее всего, было одинаковым. Однако, если изображение на первой (условно – «большой») пластине может быть названо мастерским, то на второй (условно – «меньшей») кажется ученическим.

Наиболее близкие аналогии изображению на второй пластине – бронзовые поясные пластины с фигурами всадников из Холмогорского клада в такой же рамке из двойного витого шнура, передачей панциря на всаднике и деталей конской упряжи (рис. 2.-4) [Угорское наследие, 1994, с. 81, №58–59; Зыков, Федорова, 2010, №23–24]. Эти изображения входят в один ряд с другими подобными бронзовыми накладками с окаймлением в виде двойного шнура и изображением обернувшегося оленя [Зыков, Федорова, 2010, №25–27], такого же, как на одной из накладок фоминских ножен [Ширин, 2003, табл. LXXXVIII.-18], о которых подробнее будет сказано ниже. Небольшой обломок такой же пластины, от которой сохранилась только часть рамки с двойным шнуром и рука, держащая также, по-видимому, нагайку или плетъ, происходит из Айдашинской пещеры около г. Ачинска [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. XXI.-7].

Происхождение пластин из с. Ягкедж неизвестно. По мнению И.О. Васкула [1994, с. 6], они относятся к первым векам нашей эры, когда на Европейский север «попадали предметы, характерные для мира кочевников Евразийских степей». Параллели с находками из Холмогорского клада позволяют определить их датировку III–IV вв. н.э. Авторами монографии о Холмогорском кладе проведен тщательный анализ всех предметов снаряжения верхового коня на этих пластинах и предложена их уточненная датировка: для находок из с. Ягкедж – в пределах 2-й четверти – конца IV в.; для холмогорских аналогов – 2-я половина III – 1-я половина IV в. [Зыков, Федорова, 2001, с. 134–139], т.е., пользуясь исторической синхронизацией, – временем первого появления хунну/гуннов на границах Восточной Европы.

Другую категорию предметов с изображениями всадников того же времени представляют бронзовые накладки на ножны из погребений начала I тыс. н.э. из Верхнего Приобья. Впервые такие накладки были найдены М.П. Грязновым в погребениях верхнеобской культуры (фоминского этапа) могильника Ближние Елбаны-VII. На одной из них в верхней части показана фигура сидящего «боком» всадника с поднятыми руками; на другой, обломанной (?), изображения человека не сохранилось. Ниже на обоих изделиях друг над другом расположены сильно стилизованные антиподальные изображения птиц с длинными шеями и головами, обращенными в разные стороны [Грязнов, 1956, табл. LI.-13, 14]. О принадлежности погребений, в которых были найдены эти пластины, в силу обряда трупосожжения судить трудно. Погребения фоминского этапа М.П. Грязнов [1956, с. 133] датировал VII–VIII вв., добавив при этом, что «... в зависимости от того, как будет определяться дата памятников фоминского этапа

(и в этом он был совершенно прав. – Д.С.), коренным образом меняются представления об историческом процессе не только в районе Верхней Оби, но и значительно шире – по всей северо-западной Сибири».

Позднее такая же орнаментированная бронзовая накладка ножен, но уже с тремя расположенными друг над другом парными изображениями птиц, была найдена А.П. Уманским [1974, с. 145, 149, рис. 6.-5] на могильнике Степной Чумыш-2 в погребении с трупосожжением (ур. Татарские Могилки), датированном им VI–VIII вв. Никаких дополнительных комментариев при этом не было сделано.

Совершенно иное звучание эти находки приобрели в свете исследования Ю.В. Ширина [2003, с. 16–19], предложившего выделить погребения с трупосожжениями не в качестве этапа верхнеобской культуры, а как самостоятельную – фоминскую археологическую культуру в рамках позднекулайской историко-культурной общности. Памятники фоминской культуры обоснованно датируются Ю.В. Шириным [2003, с. 109–110] более ранним, чем это было принято считать, временем: от рубежа II–III вв. до начала V в. н.э.

В раскопанных Ю.В. Шириным [2003, табл. LVII, LVIII и др.] погребениях Усть-Абинского могильника фоминской культуры в г. Новокузнецке (правый берег р. Томи) были найдены восемь таких же накладок, также декорированных, но с различной степенью стилизации (рис. 3.-1, 2). Итого на сегодняшний день известно 11 накладок с однотипными изображениями (две – из мог. Ближние Елбаны-VII; одна – из мог. Степной Чумыш-2; восемь – из мог. Усть-Абинский), образующие одну стилистическую, иконографическую и явно семантическую группу (рис. 3.-1, 2). В этой связи несомненный интерес представляет выде-

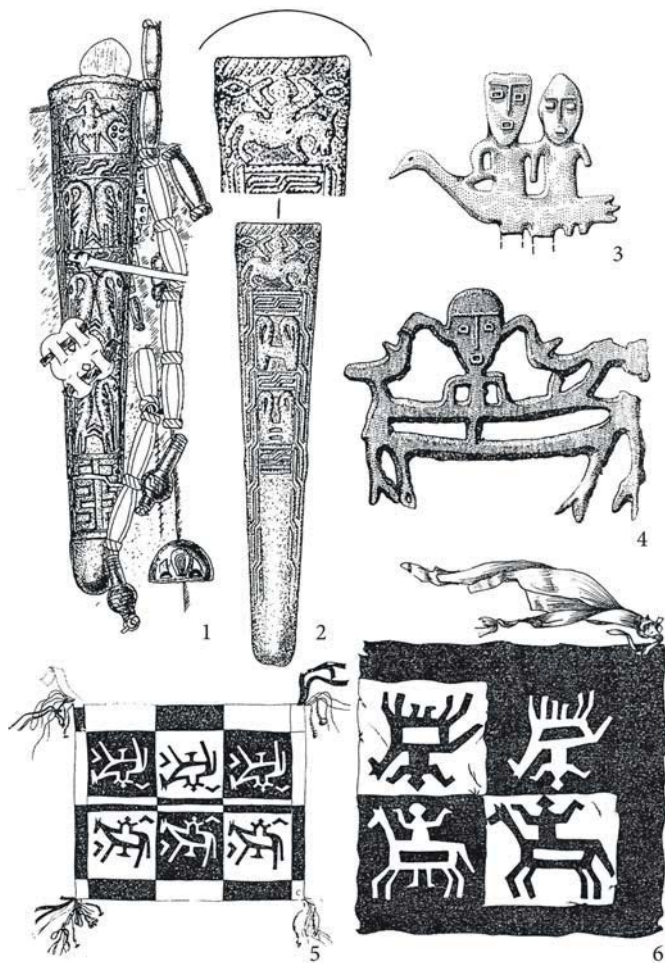

Рис. 3. Изображения всадников с «односторонней» посадкой: 1, 2 – изображения на накладках ножен фоминской культуры (по: [Ширин, 2003]); 3 – случайная находка из Васюгана. Западная Сибирь (по: [Полосьмак, Шумакова, 1991]); 4 – Каменный Мыс (по: [Троицкая, 1979]); 5, 6 – изображения на жертвенных покрывалах манси (по: [Гемуев, 1990])

ление Ю.В. Шириным [2017] отдельной – Холмогорской – стилистической группы урало-сибирского литья белой бронзы. В состав этой группы включены как изделия из Холмогорского клада, так и одна из пластин-накладок фоминской культуры, что свидетельствует об их одновременности (во всяком случае, эти две традиции – холмогорская и фоминская – соприкасались). Заслуживает внимания и предположение Ю.В. Ширина [2004, с. 60] о том, что декорировка фоминских прямоугольных поясных накладок с расположенными попарно выпуклыми полусферами «...является подражанием изделиям, выполненным в т.н. „полихромном стиле“, т.е. гуннским образцам. Время этих взаимовлияний – датировка Холмогорского клада, памятников фоминской культуры и соответственно холмогорской стилистической группы – определяется III–IV вв. н.э. [Ширин, 2004, с. 62].

Наиболее полная характеристика изображений на пластинах-накладках фоминских ножен также дана Ю.В. Шириным [2003, с. 58–59, 149]: «Они составляют особую группу ножен, под которые вкладывались маленькие ножи в кожаных чехлах. Ножи скрывались под накладкой-футляром вместе с рукояткой. Кожаные чехлы сшиты швом „через край“» (т.е. какое-либо использование их в быту не предполагалось. – Д.С.). «Бронзовые накладки-футляры представляют собой длинную, выгнутую по основной оси пластину. Находящиеся в верхней части этих пластин фигуры всадников и лошадей на всех предметах отличаются разной степенью стилизации. Руки всадника обычно разведены в стороны (и подняты при этом вверх. – Д.С.). Антропоморфные черты в нем практически утрачены. У одной из таких абстрактных фигур отмечена односторонняя посадка на лошади (на самом деле таких случаев, по-видимому, больше. – Д.С.). В нижней части помещены изображения птиц (журавлей?)... Разделяющие изображения всадника и птиц орнаментальные полосы состоят в основном из элементов меандровых фигур».

Изображения сидящих «на одну сторону» всадников, но не на лошадях, а на других (диких) животных впервые встречаются в художественных изделиях, выполненных еще в кулайской изобразительной традиции. Изображения антропоморфных персонажей анфас и геральдически расположенных птиц вообще весьма характерны для западносибирского культового литья, что говорит о традиционности этих образов в данной этнокультурной среде. Так, при раскопках могильника Каменный Мыс в Новосибирском Приобье была найдена бронзовая бляха с изображением антропоморфного персонажа анфас, сидящего на олене. По обеим сторонам от него симметрично расположены фигуры двух птиц головами друг к другу с обозначенными треугольными выступами крыльями (рис. 3.-4) [Троицкая, 1979, табл. XIII.-1; Молодин, 1992, рис. 112]. Бронзовая пластина с изображением таким же образом сидящего всадника на лосе с геральдически расположенными птицами по сторонам имеется в коллекции случайных находок из бассейна р. Северная Сосьва Ханты-Мансийского АО [Бауло, 2011, с. 126, №175]. Таким образом, здесь уже фигурируют все основные персонажи (с заменой лошади на оленя или лоса), затем в ином стилистическом оформлении представленные на фоминских накладках. По словам В.И. Молодина [1992, с. 116], «чрезвычайно любопытен... сложный сюжет, воплощенный в данном (имеется в виду бляха из могильника Каменный Мыс. – Д.С.) изображении».

К тому же кругу кулайского искусства можно отнести бронзовую пластину из случайных находок на Васюгане с парным изображением мужской и женской фигур, сидящих рядом таким же образом на водоплавающей птице (рис. 3.-3) [Полосьмак,

Шумакова, 1991, рис. 12]. По мнению Н.В. Полосьмак, данное изображение «...замечательно тем, что передает настроение, состояние отрешенности» [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 25]. Приведенные параллели, несмотря на то, что они носят единичный характер, доказывают, что истоки образного ряда изображений на бронзовых накладках фоминских ножен уходят в местную, кулайскую древность, а каноническое оформление их, скорее всего, произошло уже в несколько более позднее время.

С функциональной точки зрения, зашитые в кожаные чехлы «маленькие» железные ножи – это votивные изделия, сделанные специально для погребения. Реконструкция таких ножен, выполненная Ю.В. Шириным [2003, рис. 2] по образцу таштыкских деревянных моделей и золотых ножен для кинжала из Тилля-тепе, позволяет предполагать, что и в фоминских ножнах могли помещаться не столько ножи, сколько модели кинжалов, что, естественно, повышает социальную значимость подобного рода изделий и их владельцев. Все это вместе указывает на сакральную сущность заложенных в этих предметах представлений, выраженных в первую очередь в нанесенных на них изображениях.

Говоря о семантике изображений всадников на фоминских ножнах, по мнению М.П. Грязнова [1956, с. 143], их надо связывать с «...образом богатырского коня в героическом эпосе, а сами фигуры следует считать не культовыми, а изображениями популярных героев эпоса». Однако такое объяснение применимо к «настоящим» – профильным изображениям всадников, т.е. выполненным в хуннуской традиции, а не к фигурам с «боковой» посадкой, воспроизводящим кулайские образцы.

С точки зрения Ю.В. Ширина [2003, с. 150], «...симметричность композиции ниже уровня всадника, с геральдическим расположением пар птиц, в основе своей, несет идею мирового дерева – один из важнейших образов многих народов. В данной композиции фигура всадника соотносена с верхним миром... Прототипом ее, с большой степенью вероятности, является бог Митра». Но это уже на уровне семиотического прочтения «текста».

Исходя из контекста нахождения самих изображений, а именно: повторяемости композиционных блоков (верх – всадник; низ – два-три яруса геральдических изображений птиц с длинными шеями; между ними – полоска с меандровым узором) и условий нахождения их (в погребениях), можно предполагать, что представленная здесь устойчивая мифологема должна быть в первую очередь связана с обрядом погребения. В таком случае фигура всадника – это может быть изображение самого умершего (его заместителя или «проводника» в потусторонний мир); изображения птиц, ориентированных в разные стороны по какой-то основной оси (?), символизируют переносчиков души покойного; меандровая полоска/волна – это среда, в которой происходят обряды «перехода». Односторонняя посадка человека позволяет обратить его лицом к «проводящим», что очень точно отмечено Н.В. Полосьмак как «состояние отрешенности» [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 25]. В этом плане – психологически – рассматриваемые изображения напоминают надгробия Боспорских склепов (совершенно в ином культурном ареале, но относящиеся к этому же времени).

Очевидно, в мировоззрении и практике древнего населения Западной Сибири эта мифологема была достаточно традиционной, но ко времени появления верхового коня приобрела уже вполне законченные формы, приспособив к местным ритуалам образ хуннуского всадника. Некоторые составляющие ее элементы (например, неожиданно

возникшая фигура хвостатого оленя на месте всадника [Ширин, 2003, табл. LXXXVIII.-18]) – это уже напоминание о господствовавших персонажах прежнего пантеона.

В период раннего Средневековья образ всадника, укрепившись в местной западносибирской (угорской или угро-самодийской) среде, продолжал существовать уже собственной жизнью. Традиция связанных с ним представлений, очевидно, не прерывалась, хотя изображений этих известно немного. С точки зрения иконографии,

они по-прежнему делятся на два вида: профильные изображения всадников с «правильной» посадкой (относительно более ранние); изображения всадников, показанных анфас, с односторонней посадкой, появившиеся еще раньше, но бытовавшие значительно более длительное время.

Профильные изображения представлены небольшой, но весьма выразительной серией экземпляров (по сводке Я.А. Яковлева [1984, с. 29] – всего пять; на самом деле несколько больше). Датировать из них является фигурка (рис. 4.-5) из погребения с трупосожжением могильника Рёлка (курган №7, могила-1) [Чиндина, 1977, рис. 35.-11]. Судя по набору предметов сопроводительного инвентаря – железные панцирные пластины, топор-тесло и наконечники стрел, согнутый посередине палаш с кольчатым навершием, детали поясного набора [Чиндина, 1977, рис. 24] – это захоронение хорошо вооруженного воина. По описанию фигурки всадника Л.А. Чиндиной [1981, с. 90–91], «сохранность предмета плохая, он сильно пострадал от огня и

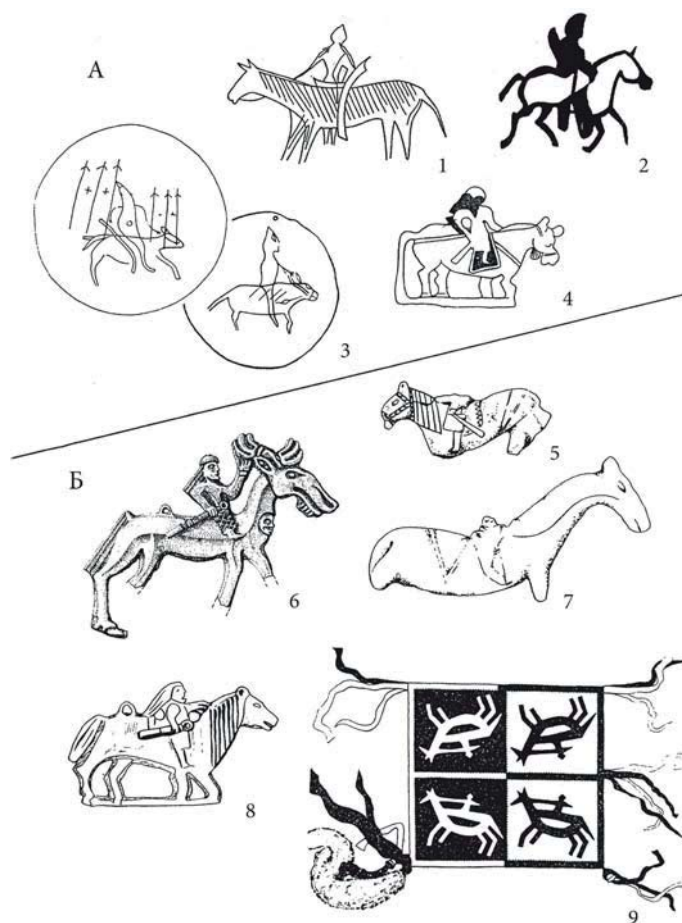

Рис. 4. Профильные изображения всадников. А – хуннская изобразительная традиция: 1, 2 – наскальные изображения. Монголия (по: [Новгородова, 1964]); 3 – изображения на бронзовых дисках (по: [Чернецов, 1953]); 4 – бронзовая пластина, Монголия (по: [Волков, 1965]). Б – Томская иконографическая группа; 5 – могильник Рёлка (по: [Чиндина, 1981]); 6, 8 – Шutowское культовое место (по: [Полосьмак, Шумакова, 1991; Чиндина, 1981]); 7 – бронзовая фигурка коня из Елыкаевского клада (по: [Могильников, 1968]); 9 – изображение на жертвенном покрывале манси (по: [Гемуев, 1990])

коррозии. Верхняя часть фигуры всадника, ноги и хвост лошади обломаны... От фигуры всадника сохранились левая нога, обутая в мягкий сапог (по всей видимости, вдетая в стремя. – Д.С.). Очевидно, к поясу был подвешен меч или палаш». Принятая датировка могильника Рёлка и соответственно данного изображения – VII–VIII вв. н.э.

Другое изображение всадника, очень близкое релкинскому, происходит из Елыкаевскогоклада, датированного В.А. Могильниковым [1968, рис. 3.-7] тем же временем (рис. 4.-7). Фигурка обломана таким же образом, как и релкинская. От всадника сохранилось только изображение вытянутой правой ноги, явно с опорой на стремя. Обращает на себя внимание одинаковый способ поломки этих изображений – релкинского и елыкаевского. «Не исключено, – как справедливо отметил Я.А. Яковлев [1984, с. 29], – что это является результатом преднамеренной порчи», т.е. определенным обрядовым действием перед помещением этих предметов в погребение.

Две полностью сохранившиеся профильные фигурки всадников происходят из Шутовского культового места (лучшие прорисовки этой и других находок из этого памятника см.: [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 35.-6; 36.-3, 4]). «По стилю изображения всадники из Шутовского культового места, – отмечает Н.В. Полосьмак, – близки к релкинскому, а более всего – друг другу и могут быть датированы VII–VIII вв. ... Одинаковая посадка, очертания профиля, распущенные, переданные одним приемом волосы, палаши с кольцевидным навершием на правом боку, ноги в штанах и мягкой обуви» [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 65–66]. Одно из этих изображений типа релкинского вполне реалистично (рис. 4.-8), но без каких-либо дополнительных деталей [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 36.-4].

Другое должно быть отмечено особо. Оно более изысканно, детализировано: показаны округлый головной убор, поперечные линии (портупейного крепления) на ножнах, украшенные косой сеткой (передача части доспеха?) штаны (рис. 4.-6) [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 36.-3]. Животное, на котором сидит всадник, – собирательный образ. Реалистично передана вытянутая морда лося с характерным «горбатым» изгибом, раскрытой пастью, выделенным ухом. Вместе с тем «животное с явно лошадиным корпусом. У него длинный лошадиный хвост, одно сохранившееся копыто тоже лошадиное... Вне всякого сомнения, – отмечает Н.В. Полосьмак, – здесь изображена маска лося, одетая на голову коня (т.е. то же возвращение к истокам, что и в композициях на фоминских ножнах. – Д.С.)... На груди помещена рельефно выполненная личина, которая подчеркивает сакральную окраску „коня“» [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 67].

Последнее обстоятельство представляется весьма показательным с точки зрения внутренней сущности образа всадника и его возможной эволюции в представлениях аборигенного населения Западной Сибири: от реального исторического архетипа победителя в хуннское время – к сакрализации данного образа, адаптированного к одному из наиболее почитаемых персонажей в местной мифологической среде. По одной наиболее точно датированной находке (могильник Рёлка) с территории Томской области рассматриваемые профильные изображения всадников могут быть в целом определены как *томская иконографическая группа* (рис. 4.-5–8), в которой наиболее устойчиво сохраняется прежняя (хуннская) традиция. Следует предполагать, что в этом могли сыграть свою роль и процессы тюркизации, охватившие в то время (период Второго тюркского каганата) лесостепные районы Западно-Сибирского Приобья.

Другой вид изображений всадников с передачей фигуры человека анфас и «односторонней» посадкой имеет компилятивный характер. С одной стороны, они восходят к изображениям на фоминских ножнах и через них – к более ранним истокам в кулайской изобразительной традиции. С другой стороны, но уже в более поздних образцах, по-видимому, испытали влияние более западного прикамско-уральского ареала, где известны как сюжет «всадница на змее» [Гордиенко, 2008, с. 78–79]. В произведениях из Западной Сибири нашел отражение процесс слияния, скорее всего, не одновременного, этих двух изобразительных традиций.

Рис. 5. Изображения всадников с «односторонней» посадкой. Сургутская иконографическая группа: 1 – «всадница на змее» (по: [Голубева, 1979]); А – женские изображения; 2 – Турват-пауль (по: [Бауло, 2004]); 3 – Большая Умытъя-28 (по: [Зыков, Кокшаров, Лабаури, 2006]); 4 – Усть-Иртышская (по: [Приступа, 2012]). Б – мужские изображения; 5 – Шутовское культовое место (по: [Полосьмак, Шумакова, 1991]); 6 – могильник Барсова гора (по: [Зыков, 2013]); 7 – случайная находка, Новосибирская область (по: [Молодин, 1992]); 8 – Кипо-Куларское поселение (по: [Конигов, 1983])

Изображений явно мужских фигур всадников-воинов с односторонней посадкой здесь известно немного (всего три-четыре). Для них характерны опущенные, соединенные с корпусом лошади руки, в большинстве случаев – отсутствие головного убора, расположенное горизонтально оружие (сабля или палаш). Одно из них найдено в Новосибирской области (рис. 4.-7) [Молодин, 1992, рис. 167]. Другое, выполненное еще более схематично, обнаружено на Иртыше при раскопках Кипо-Куларского поселения (рис. 4.-8) [Конигов, 1983, рис. на с. 207]. Все детали здесь переданы весьма условно. «Тонкой линией показана прикрепленная к поясу на ремне сабля» [Молодин, 1992, с. 166]. Оба, очевидно, датируются в пределах IX–X вв.

Еще одно подобное изображение, но значительно более детализированное происходит из уже упоминавшегося Шутовского культового места (рис. 5.-5) [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 35.-6]. На нем четко проработаны черты лица, показаны знак муж-

ского пола, трехпалые руки и ноги, расположенная поперек туловища сабля в ножнах. Планка внизу, на которую опирается все изображение, представляет собой стилизованное изображение змеи. Такого же типа изображение происходит из Барсовского могильника в районе г. Сургута (рис. 5.-6) [Угорское наследие, 1994, с. 83, №73; Зыков, 2012, рис. 42.-3].

Ближе всего к сюжету «всадница на змее» несколько изображений, найденных в разных районах Западной Сибири. Все изображения женские: Большая Умытья-28 на р. Конде (Ханты-Мансийский АО) (рис. 5.-3) [Зыков, Кокшаров, Лабаури, 2006, с. 220, ил. 7], городище Усть-Иртышское на правом берегу р. Оби, напротив устья Иртыша (рис. 5.-4) [Приступа, 2012, с. 76, ил. 2], пос. Турват-пауль на р. Северная Сосьва (рис. 5.-2) [Бауло, 2004, рис. 34]. По местам находки большинства из этих изображений они могут быть определены как *сургутская иконографическая группа* (рис. 5.-2-4) изображения всадников в Западной Сибири.

Несмотря на разность исполнения, помимо иконографии и общих приемов декорировки их объединяет ряд дополнительных черт: одна рука держит поводья, другая откинута назад, положена на круп лошади; предметов вооружения, кроме фигурки из Барсовского могильника, нет; на голове конический шлем (кроме фигурки из Турват-пауль). Раскрытая пасть змеи показана (или только «угадывается»). Изображения как мужские, так и женские. Изображение женской груди (?) на фигурке из Усть-Иртышского могильника может объясняться особенностями литья. Окончательно судить об этом сложно. При этом влияние образа «всадницы на змее» на этом этапе развития иконографии западносибирского всадника, по всей вероятности, было определяющим.

Различия между отдельными изображениями скорее уже объясняются не только хронологической позицией, но и региональными особенностями исполнения и отклонением от общей «заданной» модели. Иначе их можно было бы разделить на фигуры с оружием (мужские) и «безоружные» (женские). При этом изображение остроконечного воинского (?) шлема имеется как на явно мужских (рис. 5.-6), так и предположительно женских (рис. 5.-4) изображениях.

Можно предполагать, что таким же образом перенимались, трансформировались и взаимно обогащались и содержательные элементы в передаче образа западносибирского всадника. На протяжении столь длительного времени (а это, по крайней мере, вся 2-я половина I тыс. н.э.) изображения первой иконографической группы (профильные) в этом отношении были более устойчивы; изображения второй иконографической группы (с «боковой» посадкой) более вариативны. В этом отношении показательно, что самые поздние подобные изображения всадников-сокольников на серебряных бляхах XII–XIII вв. – также в остроконечных шлемах, с одной рукой, положенной на круп лошади, показанные в окружении различных зверей и явно испытавшие влияние сасанидской изобразительной традиции [Бауло, 2004, рис. 11], – имеют уже вполне «светский» характер.

Обсуждение результатов исследований

Сопоставляя между собой изображения западносибирских всадников различных исторических периодов, можно видеть, что действительно единой иконографической традиции в передаче этого образа, как и предполагала Н.В. Федорова [1989, с. 120], так и не сложилось. Существовало как минимум две основных параллельно развивающихся линии развития решения данного образа, скорее всего, имевшие и различное содержание. Одна, представляющая воспроизведение хуннской кочевнической моде-

ли, – профильное изображение вооруженного скачущего всадника; другая (возможно, более ранняя?) – изображение человека анфас с «односторонней» посадкой, иногда с поднятыми руками и без оружия. Судя по отдельным изображениям, между этими двумя основными иконографическими группами (и их вариантами) существовали тесные взаимосвязи, некоторые характерные приемы изображения переходят из одной группы в другую и наоборот. Но в целом на протяжении всего названного периода эти два вида изображений и представляющие их иконографические группы (и соответственно стоящие за ними мифологемы) сохранялись достаточно устойчиво.

Понимая всю условность такого способа обобщения фактического материала, особенно в области изобразительной деятельности, проиллюстрируем сказанное в виде такой весьма условной и приблизительной схемы.

Датировка выделенных групп изображений с учетом существования двух изобразительных традиций возможна на четырех хронологических уровнях: середина I в. н.э. – для появления хуннской модели; III–IV вв. – для фоминских (фоминско-холмогорских) изображений; VII–VIII вв. – для томской иконографической группы; IX–X вв. – для сургутской иконографической группы. Во всех случаях это нижняя граница появления той или иной изобразительной традиции.

Однако на этом судьба западносибирского всадника не заканчивается. В своем завершающем (окончательном) виде та и другая доживают до уровня этнографической современности (условно XIX – начало XX в.). Те же изображения, но исполненные уже в другом материале, представляют основной мотив на жертвенных покрывалах, а также поясах и шлемах у различных групп обских угров (хантов и манси). Степень стилизации фигур всадников на них различна, во многих случаях чисто условна, иногда сведена до чистой декоративности, но в целом они вполне «узнаваемы». Отчетливо выделяются те же два ведущих иконографических решения: профильные изображения всадника, одна рука соединена с поводом, другая откинута (рис. 4.-9); изображения анфас с «односторонней» посадкой и поднятыми руками (рис. 3.-5, 6). На композиционном поле (а фигуры всадников на жертвенных покрывалах чаще всего располагаются попарно: четыре или шесть) находятся, как правило, однотипные фигуры. Совместные изображения разных иконографических групп, как правило, не встречаются. Можно

предполагать, что и смысловое значение их, во всяком случае, первоначально было различным.

Согласно общепринятой точке зрения, все изображения всадников угорской изобразительной традиции – от этнографических изделий до их далеких предшественников в западносибирском художественном литье – это Мир сусне хум, младший сын создателя всего сущего Нумито-

рума – «Человек, объезжающий землю» – популярный персонаж угорского пантеона [Гемуев, 1990; Полосьмак, Шумакова, 1991; Бауло, 2000; Гемуев, Бауло, 2001; и др.]. Каких-либо разграничений между разными видами изображений Мир сусне хума (на этнографическом материале) не проводилось.

«Говоря о Мир сусне хуме, – пишет И.Н. Гемуев в совместной с А.В. Бауло [2001, с. 9] монографии «Небесный всадник», – необходимо отметить, что этот персонаж был заимствован предками манси и хантов из иранской мифологии – стабильные, многовековые контакты угров с Ираном (во время их пребывания в степях Южной Сибири) не прошли бесследно. Угры заимствовали не только образ Митры, но и соответствующую идеологию, которая, будучи, разумеется, трансформирована в их среде, стала доминировать в религиозном сознании манси и хантов... Таким образом угорский Митра был предельно актуален и вездесущ. В сложившейся картине мира он являлся воплощением активного начала, которое объединяло и упорядочивало ее содержание, соединяя миры людей, богов и духов».

Известное сомнение в столь однозначной интерпретации идеи митраизма на угорской почве высказал Ю.В. Балакин [1998, с. 116]: «При весомости аргументов в пользу иранского влияния на процесс персогенеза Мир сусне хума это влияние не должно быть преувеличено... Резонно спросить: а был ли некий автохтонный мифологический образ, типологически близкий и функционально однородный, на который наложилось митраиское влияние?». Приведенный выше изобразительный материал показывает, что был. В какой-то мере это соответствует замечанию Ю.В. Ширина [2003, с. 150] по поводу интерпретации фигуры всадника на фоминских ножнах: «Несмотря на принадлежность к числу наиболее могущественных богов индоиранского мира, Митра по своим функциям неразрывно связан с миром живых. Безоружность (фоминского. – Д.С.) всадника отражает основную миротворческую функцию Митры». А как быть с первой иконографической группой изображений вооруженных всадников, также отождествляемых с Митрой?

Заключение

Исходя из всего имеющегося материала, можно предполагать, что генезис образа западносибирского всадника (хотя бы частично) происходил в другой, более воинственной и социализированной сфере представлений, по всей видимости, имеющей наиболее близкое отношение к погребальному обряду и сопровождающей его атрибутике. Возможно, что на уровне этнографической современности (а это уже сравнительно недавнее время) произошла контаминация этих двух генетических линий развития образа всадника, в конечном итоге воплотившихся в легендарном образе Мир сусне хума. Определенное нивелирующее значение в этом могли сыграть появление в Западной Сибири восточного (сасанидского) серебра, а также мотива «всадницы на змее», явно западного происхождения, сгладивших противопоставление этих двух иконографических групп.

К середине II тыс. н.э. этот процесс должен был завершиться, и все ранее существовавшие функции в народном сознании были закреплены за единым ведущим образом Мир сусне хума. Однако при этом все равно сохранялись некоторые детали и семантические особенности, возникшие на пути формирования данного образа и воспринимаемые сейчас как воспоминание о прежней неоднозначности составляющих его компонентов.

Библиографический список

- Артамонов М.И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Балакин Ю.В. Урало-Сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск : Наука, 1998. 283 с.
- Бауло А.В. Небесный всадник (Жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3 (30). С. 132–144.
- Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 158 с.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 258 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №2 (42). С. 79–88.
- Васкул И.О. «Художественные бронзы» эпохи железа с территории Европейского Северо-Востока // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Ч. III. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1994. С. 5–6.
- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.
- Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. Памяти С.В. Киселева. М. : Наука, 1965. С. 286–288.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение народа манси. Дом и космос. Новосибирск : Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 159 с.: ил.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М. : Наука, 1979. 112 с. (САИ; Вып. Е1-59).
- Гордиенко А.В. Культурные связи Сургутского Приобья с западными территориями в VIII–IX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск : КолСО, 2008. С. 72–88.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956 (МИА. №48).
- Зыков А.П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 230 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследование могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2006. С. 211–230.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург : Сократ, 2001. 174 с.
- Игнатов Л.А. Образцы древнего искусства из с. Ягкедж (Верхняя Вычегда) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Вып. III. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1994. С. 10–11.
- Конигов Б.А. Раскопки раннесредневековых памятников в таежном Прииртышье // Археологические открытия 1982 года. М. : Наука, 1983. С. 207.
- Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. №1. С. 263–268.
- Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1992. 191 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, 1980. 208 с.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.
- Полосьмак Н.В. Мир-Сусне-Хум – Небесный всадник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во ИИФиФ СО РАН, 1990. С. 180–189.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.М. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука, 1991. 88 с.
- Приступа О.М. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012. С. 68–99.

Савинов Д.Г. Культурные контакты в западносибирской части сферы влияния хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее и будущее. К юбилею Т.Н. Троицкой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. С. 163–173.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 124 с.

Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета / Сост. А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1994.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.

Федорова Н.В. Иконография всадника в художественном металле Приобья // Скифо-сибирский мир. Ч. II. Кемерово : КемГУ, 1989. С. 117–120.

Худяков Ю.С., Цвезэндорж Д. Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбэн-Уул I // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 123–130.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 87–97.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 163–171 (МИА; №35).

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 287 с.

Ширин Ю.В. Об основаниях абсолютной датировки некоторых типов художественной металлопластики из памятников Нижней Оби // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2004. С. 58–69.

Ширин Ю.В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы Урало-Западносибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь века. К юбилею Л.А. Чиндиной. Томск : Принт, 2017. С. 93–98.

Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во ТГУ, 1984. С. 9–31.

References

Artamonov M.I. Istoriya hazar [Khazar History]. L. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. 523 p.

Balakin Yu.V. Uralo-Sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i rituale [Ural-Siberian Cult Casting in Myth and Ritual]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 283 p.

Baulo A.V. Nebesnyj vsadnik (Zhertvennye pokryvala severnyh hantov) [Sky Rider (Sacrificial Bedspreads of the Northern Khanty)]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. №3 (30). Pp. 132–144.

Baulo A.V. Atributika i mif: metall v obryadah obskikh ugrov [Attributes and Myths: Metal in the Rites of the Ob Ugrians]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 158 p.

Baulo A.V. Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchajnyh sborov [Ancient Bronze From Ethnographic Complexes and Random Collections]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. 258 p.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Predmety s izobrazheniem syuzheta «zhivotnoe/vsadnik na osnovanii» v kul'ture srednevekovogo naseleniya Severnoj Evrazii [Subjects Depicting the Plot “Animal / Horseman Based” in the Culture of the Medieval Population of Northern Eurasia]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2010. №2 (42). Pp. 79–88.

Vaskul I.O. «Hudozhestvennye bronzy» epohi zheleza s territorii Evropejskogo Severo-Vostoka [“Art Bronzes” of the Iron Age from the Territory of the European Northeast]. Duhovnaya kul'tura: problemy i tendencii razvitiya. Ch. III [Spiritual Culture: Problems and Development Trends. Part III.]. Cyktyvkar : Izd-vo Syktyvkar. gos. un-ta, 1994. Pp. 5–6.

Viktorova V.D. Drevnie ugry v lesah Urala [Ancient Ugrians in the Forests of the Urals]. Ekaterinburg : Kvadrat, 2008. 208 p.

Volkov V.V. Gobijskij vsadnik [The Gobi Horseman]. Novoe v sovetskoj arheologii. Pamyati S.V. Kiseleva [New in Soviet Archaeology. In Memory of S.V. Kiselev]. M. : Nauka, 1965. Pp. 286–288.

Gemuev I.N. Mirovozzrenie naroda mansi. Dom i kosmos [Worldview of the Mansi People. Home and Space]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 232 p.

Gemuev I.N., Baulo A.V. Nebesnyj vsadnik [The Sky Horseman]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2001. 159 p.

Golubeva L.A. Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic Finno-Ugric Jewelry]. M. : Nauka, 1979. 112 p. (SAI; Vyp. E1-59).

Gordienko A.V. Kul'turnye svyazi Surgutskogo Priob'ya s zapadnymi territoriyami v VIII–IX vv. [Cultural Ties of Surgut Ob with Western Territories in the 8th – 12th Centuries]. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past.]. Vyp. 6. Tyumen'; Hanty-Mansijsk : KolSO, 2008. Pp. 72–88.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob Through Excavations Near the Village of Bolshaya Rechka]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956 (MIA. №48).

Zykov A.P. Barsova gora. Ocherki arheologii Surgutskogo Priob'ya [The Barsova Mountain. Essays on Archaeology of Surgut Ob]. Ekaterinburg : Ural'skij rabochij, 2012. 230 p.

Zykov A.P., Koksharov S.F., Labauri A.N. Issledovanie mogil'nika Bol'shaya Umyt'ya 28 [Investigation of the Burial Site of Big Wash 28]. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Vyp. 3. Tomsk; Hanty-Mansijsk : Izd-vo TGU, 2006. Pp. 211–230.

Zykov A.P., Fedorova N.V. Holmogorskij klad: kollekciya drevnostej III–IV vekov iz sobraniya Surgutskogo hudozhestvennogo muzeya [Kholmogorsky Treasure: a Collection of Antiquities of the 3rd – 4th Centuries from the Collection of the Surgut Art Museum]. Ekaterinburg : Sokrat, 2001. 174 p.

Ignatov L.A. Obrazcy drevnego iskusstva iz s. Yagkedzh (Verhnyaya Vychegda) [Samples of Ancient Art from s. Yagkedzh (Upper Vychegda)]. Duhovnaya kul'tura: problemy i tendencii razvitiya [Spiritual Culture: problems and Development Trends]. Vyp. III. Syktyvkar : Izd-vo Syktyvkar. gos. un-ta, 1994. Pp. 10–11.

Konikov B.A. Raskopki rannesrednevekovyh pamyatnikov v taezhnom Priirtyshe [Excavations of Early Medieval Sites in the Taiga of Irtysh]. Arheologicheskie otkrytiya 1982 goda [Archaeological Discoveries of 1982]. M. : Nauka, 1983. P. 207.

Mogil'nikov V.A. Elykaevskaya kollekciya Tomskogo universiteta [Elykaev Collection of Tomsk University]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1968. №1. Pp. 263–268.

Molodin V.I. Drevnee iskusstvo Zapadnoj Sibiri [Ancient Art of Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 191 p.

Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. Ajdashinskaya peshchera [Aydashinskaya Cave]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 208 p.

Novgorodova E.A. Mir petroglifov Mongolii [The World of Petroglyphs of Mongolia]. M. : Nauka, 1984. 168 p.

Polos'mak N.V. Mir-Susne-Hum – Nebesnyj vsadnik [Mir-Susne-Khum – Heavenly Horseman]. Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoj i Central'noj Azii [Military Science of the Ancient and Medieval Population of North and Central Asia]. Novosibirsk : Izd-vo IIFiF SO RAN, 1990. Pp. 180–189.

Polos'mak N.V., Shumakova E.M. Ocherki semantiki kulajskogo iskusstva [Essays on the Semantics of Kulai Art]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 88 p.

Pristupa O.M. Martirolog predmetov arheologii iz Hanty-Mansijskogo rajona HMAO Yugry [Martyrology Subjects of Archaeology from the Khanty-Mansiysk Region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of Ugra]. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Vyp. 10. Tomsk; Hanty-Mansijsk : Izd-vo TGU, 2012. Pp. 68–99.

Savinov D.G. Kul'turnye kontakty v zapadnosibirskoj chasti sfery vliyaniya hunnu [Cultural Contacts in the West Siberian Part of the Sphere of Influence of the Huns]. Arheologicheskie izyskaniya v Zapadnoj Sibiri: proshloe, nastoyashchee i budushchee. K yubileyu T.N. Troickoj [Archaeological Surveys in Western Siberia: Past, Present and Future. To the Anniversary of T.N. Troitskaya]. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2010. Pp. 163–173.

Troickaya T.N. Kulajskaya kul'tura v Novosibirskom Priobe [Kulay Culture in Novosibirsk Ob]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 124 p.

Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoj Sibiri iz sobraniya Ural'skogo universiteta [Ugric Heritage. Antiquities of Western Siberia from the Collection of the Ural University]. Sost. A.P. Zykov, S.F. Koksharov, L.M. Terehova, N.V. Fedorova. Ekaterinburg : In-t istorii i arheologii UrO RAN, 1994.

Umanskij A.P. Mogil'niki verhneobskoj kul'tury na Verhnem Chumyshe [Graves of the Upper Ob Culture on the Upper Chumysh]. *Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri. Drevnyaya Sibir'* [Bronze and Iron Age of Siberia. Ancient Siberia]. Vyp. 4. Novosibirsk : Nauka, 1974. Pp. 136–149.

Fedorova N.V. Ikonografiya vsadnika v hudozhestvennom metalle Priob'ya [Iconography of a Horseman in the Art Metal of Priobye]. *Skifo-sibirskij mir. Ch. II [Scythian-Siberian World. Part II]*. Kemerovo : KemGU, 1989. Pp. 117–120.

Hudyakov Yu.S., Ceveendorzh D. Izobrazheniya voinov na petroglifakh Hushot-Durban-Uul I [Images of Warriors in the Petroglyphs of Hushot-Durban-Uul I]. *Naskaľnye risunki Evrazii [Rock Paintings of Eurasia]*. Novosibirsk : Nauka, 1992. Pp. 123–130.

Chindina L.A. Mogil'nik Ryolka na Srednej Obi [Burial Ground in the Middle Ob]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1977. 192 p.

Chindina L.A. Izobrazheniya voinov iz Srednego Priob'ya [Images of Warriors from the Middle Ob Region]. *Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noj Azii [Military Science of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]*. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 87–97.

Chernecov V.N. Bronza ust'-polujskogo vremeni [Bronze of the Ust-Poluysky Time]. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient History of the Lower Ob]*. M. : Izd-vo AN SSSR, 1953. Pp. 163–171 (MIA. №35).

Shirin Yu.V. Verhnee Priobe i predgor'ya Kuzneckogo Alatau v nachale I tys. n.e. [Upper Priobye and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD]. *Novokuzneck : Kuzneckaya krepost'*, 2003. 287 p.

Shirin Yu.V. Ob osnovaniyah absolyutnoj datirovki nekotoryh tipov hudozhestvennoj metalloplastiki iz pamyatnikov Nizhnej Obi [On the Grounds for the Absolute Dating of Certain Types of Artistic Metal Plastic from the Sites of the Lower Ob]. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]*. Vyp. 2. Tomsk; Hanty-Mansijsk : Izd-vo TGU, 2004. Pp. 58–69.

Shirin Yu.V. Transkul'turnyj fenomen holmogorskoj stilisticheskoy gruppy Uralo-Zapadnosibirskogo lit'ya iz beloĳ bronzy [The Transcultural Phenomenon of the Kholmogorsk Stylistic Group of the Ural-West Siberian Casting from White Bronze]. *Kul'tury i narody Severnoj Evrazii: vzglyad skvoz' veka. K yubileyu L.A. Chindinoĳ [Cultures and Peoples of Northern Eurasia: a Look Through the Centuries. To the Anniversary of L.A. Chindina]*. Tomsk : Print, 2017. Pp. 93–98.

Yakovlev Ya.A. Srednevekovoe kul'tovoe lite Narymskogo Priob'ya [Medieval Cult Casting of Narymsky Ob]. *Zapadnaya Sibir' v epohu srednevekov'ya [Western Siberia in the Middle Ages]*. Tomsk : Izd-vo TGU, Pp. 19–31.

D.G. Savinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

TO THE ICONOGRAPHY OF THE HORSEMAN'S IMAGE IN THE FINE TRADITION OF WESTERN SIBERIA

Images of riders in the ancient art of Western Siberia appear relatively late. They are not numerous and, according to researchers, are not connected by one iconographic tradition. This is true, but requires more careful study. Initially, two main options for the transfer of this image are distinguished, obviously having different contents. One of them (the image of an armed horseman) is associated with the influence of the Central Asian Xiongnu and, most likely, has memorial, mythoepeic significance. The appearance of such images in the West Siberian area is associated with the engraving on the plates of the 1st – 2nd centuries AD from the Istyatsky treasure (Ust-Poluysky culture). The other (a full-face image of a man with a one-sided landing on a horse, less often on a wild animal) dates back to the prototypes of Kulai art and, possibly, was included in the symbolic attributes of the funeral rite. The most expressively it is represented by the bronze plates of the scabbard of the Fominsk culture (the 3rd – 4th centuries). Both options later became traditional. In the early Middle Ages, they continued to exist in the form of two iconographic groups of images. One of them (with profile figures of armed riders) at its main location can be called Tomsk (the 6th – 8th centuries). Another (with a one-sided mounting on a horse, which also experienced influence from the Kama art casting) is Surgut (the 9th – 10th centuries).

Key words: image, horseman, image, iconography, culture, Western Siberia, Xiongnu, semantics, tradition.

УДК 902.2(571.151)

Н.Н. Серегин¹, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}, Т.С. Паршикова¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

КОСТЯНЫЕ (РОГОВЫЕ) НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам археологического комплекса Чобурак-I)*

Представлены результаты систематизации и анализа костяных (роговых) наконечников стрел, обнаруженных в ходе раскопок объектов жужанского времени археологического комплекса Чобурак-I (Северный Алтай). Осуществлена классификация 14 изделий, зафиксированных в пяти мужских погребениях обозначенного памятника. Установлено, что в анализируемой коллекции присутствуют как уже известные, так и специфические типы наконечников стрел, часть из которых не имеют точных аналогий в материалах булан-кобинской культуры. Анализ обозначенной группы находок показал, что проникатели с черешковым насадом разрабатывались на основе местных образцов предшествовавшего сяньбийского времени. Данные изделия существовали на протяжении длительного периода (по-видимому, в рамках II–V вв. н.э.). Наконечники стрел с выступающей втулкой бочонковидной формы датируются 2-й четвертью I тыс. н.э. Значительное сходство подобных изделий с экземплярами из памятников бурхотуйской культуры IV–VI вв. н.э. может свидетельствовать об ориентации косторезного дела населения Алтая и Восточного Забайкалья на общие «образцы» материальной культуры одной из этнических групп сяньби. Определенным своеобразием отличается наконечник с зажимным насадом, который по своим типологическим признакам относится к достаточно поздним модификациям. Сравнительное изучение зажимных и втульчатых наконечников демонстрирует преемственность косторезного дела поздних «булан-кобинцев» и ранних тюрок Алтая.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, Чобурак-I, костяные (роговые) наконечники стрел, морфологический анализ, классификация, типология, хронология.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-05

Введение

Наконечники стрел из кости и рога являются достаточно распространенной категорией находок в археологических памятниках Алтая поздней древности и раннего Средневековья. Имеющиеся материалы демонстрируют использование таких предметов в качестве элементов вооружения и охоты в скифо-сакское время (конец IX – III в. до н.э.), а также преимущественно в составе охотничьего инвентаря в хуннуско-сяньбийско-жужанский (II в. до н.э. – V в. н.э.) и тюркский (2-я половина V – XI в.) периоды. Костяные (роговые) наконечники стрел выступают информативным источником для изучения систем жизнеобеспечения разных социумов. Некоторые модификации данных изделий являются хронологическими маркерами и индикаторами взаимодействия носителей разных культур.

К проблемам генезиса и хронологии костяных (роговых) наконечников стрел кочевников Алтая рубежа древности и раннего Средневековья обращались разные специалисты [Худяков, 1986; 1997; 2002; 2014; 2016; Мамадаков, 1990; Соенов, Эбель, 1992; Эбель, 1998; Сальникова, 1999; Тетерин, 2004; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018; и др.]. Ряд наблюдений и заключений представлен в работах авторов настоящей статьи [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 119–125; Матренин, Серегин, 2019].

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00536а «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)»).

В обозначенных исследованиях отмечены специфические черты некоторых изделий из комплексов булан-кобинской культуры, а также обозначен круг вещественных источников из других регионов, актуальных в рамках сравнительного анализа. Кроме того, имеется опыт изучения технологических аспектов производства серии костяных (роговых) наконечников стрел, обнаруженных в памятниках региона 1-й половины I тыс. н.э. [Бородовский, 1997].

Объективное представление об эволюции многих типов наконечников из кости и рога у населения булан-кобинской культуры Алтая может дать типология обширной коллекции изделий из разновременных погребальных комплексов II в. до н.э. – V в. н.э. Большое значение в данном контексте имеет введение в научный оборот всех артефактов как из хорошо известных, так из недавно раскопанных объектов.

Данная статья посвящена систематизации, анализу и хронологической интерпретации костяных (роговых)* наконечников стрел из некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I, зафиксированного на территории Северного Алтая. Обозначенный разновременный погребально-поминальный комплекс располагается в Чемальском районе Республики Алтай, на правобережной террасе Катунь, в 3,6 км к югу от с. Еланда (рис. 1). В 2017–2019 гг. экспедицией АлтГУ там изучена серия курганов жужанского времени [Серегин и др., 2019а–б].

Материалы и методы

Костяные (роговые) наконечники стрел обнаружены в пяти мужских погребениях жужанского времени на комплексе Чобурак-I. Они представлены 15 экз. (рис. 2–3). Данные изделия входили в состав сопроводительного инвентаря. Расположение рассматриваемых предметов в могилах варьировало. Однако во всех случаях они находились рядом с железными наконечниками стрел, очевидно, составляя один комплект в колчане. В большинстве случаев костяные (роговые) наконечники стрел были зафиксированы в районе пояса погребенного человека (курганы №30а, 31а и 38), а также по одному разу обнаружены на груди покойного (курган №31) и в районе ступней (курган №29).

Несмотря на сравнительную немногочисленность, костяные (роговые) наконечники стрел из комплекса Чобурак-I достаточно разнообразны по своим морфологическим признакам. Среди них 14 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности. Они были классифицированы по следующему комплексу признаков: *группа* отражает материал изготовления; *разряд* – способ насада наконечника на древко; *раздел* – поперечное сечение пера; *отдел* – наличие острия и общий силуэт пера в продольной плоскости; *тип* – абрис пера; *вариант* – особенности перехода пера в насад, наличие/отсутствие свистунки, форма и/или пропорция насада.

В результате систематизации выделены одна группа, три разряда, четыре раздела, два отдела, шесть типов костяных (роговых) наконечников стрел, дополненных восемью вариантами.

Группа I. Костяные (роговые).

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Трехгранные.

Отдел I. Заостренные, негеометрические.

* При отсутствии специальной экспертизы разделить костяные и роговые экземпляры сложно. Поэтому здесь и далее в тексте используется такое обозначение: костяные (роговые).

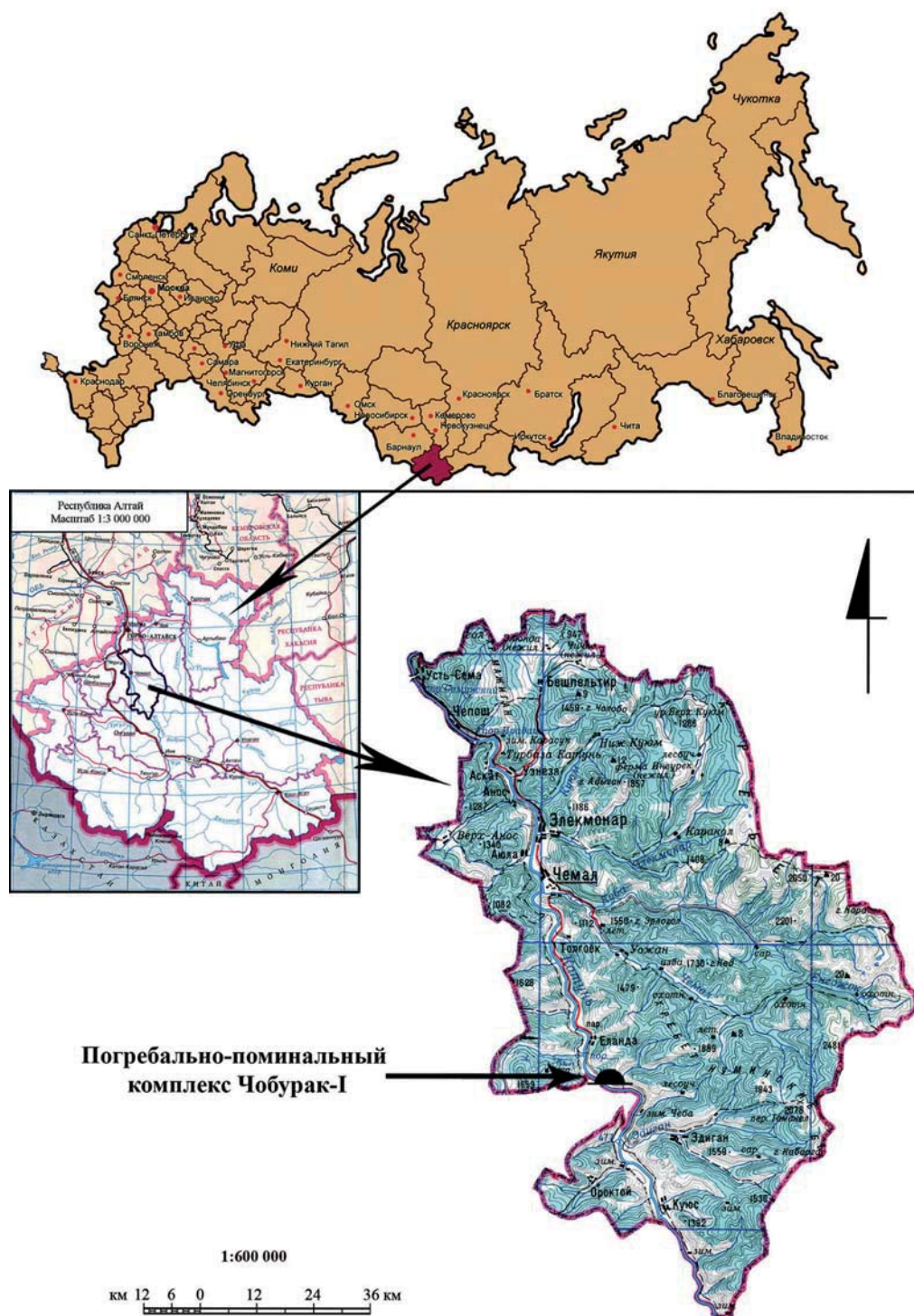

Рис. 1. Карта-схема расположения погребально-поминального комплекса Чобурак-I

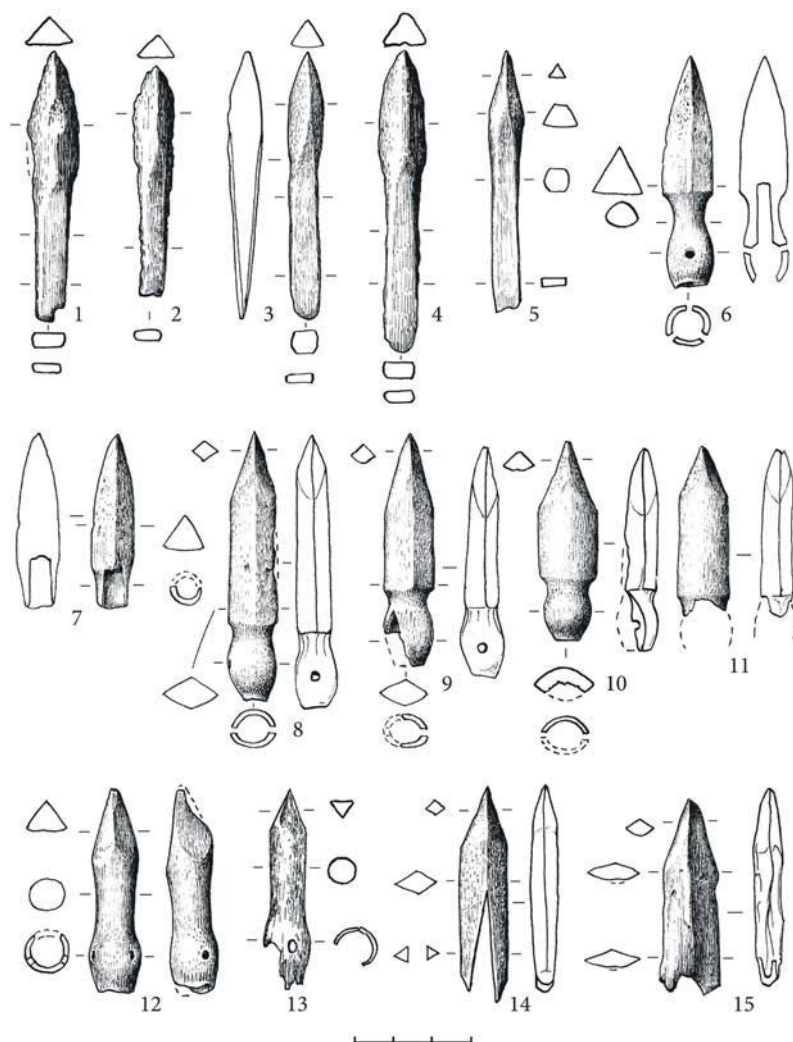

Рис. 2. Костяные (роговые) наконечники стрел из курганов жужанского времени погребально-поминального комплекса Чобурак-I. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

Тип 1. Листовидные. **Вариант а** – покатые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Всего 2 экз. из кургана №31а (рис. 2.-1-2). **Вариант б** – покатые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок удлиненных пропорций (больше длины пера). Всего 2 экз. из курганов №30а и 31а (рис. 2.-3-4).

Раздел II. Многогранные.

Отдел II. Заостренные, геометрические.

Тип 2. Ромбические. **Вариант а** – покатые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций (равен длине пера). Всего 1 экз. из кургана №30а (рис. 2.-5).

Разряд II. Втульчатые.

Раздел I. Трехгранные.

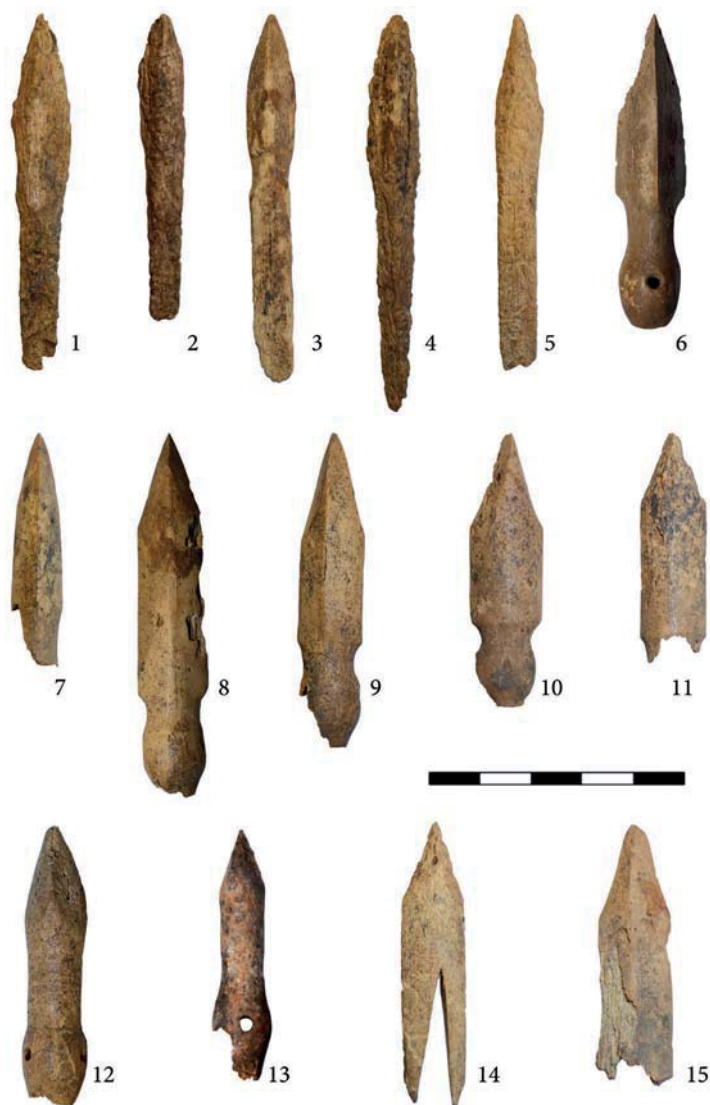

Рис. 3. Костяные (роговые) наконечники стрел из курганов жужанского времени погребально-поминального комплекса Чобурак-I. Фото Н.Н. Серегина

Отдел II. Заостренные, геометрические.

Тип 3. Пятиугольные. Вариант а – покатые плечики, цельная свистунка, выступающая втулка бочонковидной формы. Всего 1 экз. из кургана №38 (рис. 2.-6). **Вариант б** – покатые плечики, без свистунки, выступающая втулка цилиндрической формы. Всего 1 экз. из кургана №38 (рис. 2.-7).

Раздел III. Ромбовидные.

Отдел I. Заостренные, геометрические.

Тип 4. Пятиугольные. Вариант а – покатые плечики, цельная свистунка, выступающая втулка бочонковидной формы. Всего 4 экз. из кургана №38 (рис. 2.-8-11).

Раздел IV. Округлые с граненым острием.

Отдел II. Заостренные, геометрические.

Тип 5. Пятиугольные. *Вариант а* – без плечиков, цельная свистунка, выступающая втулка бочонковидной формы. Всего 2 экз. из курганов №29 и 31 (рис. 2.-12–13).

Разряд III. Зажимные.

Раздел III. Ромбовидные.

Отдел II. Заостренные, геометрические.

Тип 6. Пятиугольные. *Вариант а* – покатые плечики, без свистунки, длина насада равна перу. Всего 1 экз. из кургана №30а (рис. 2.-14).

В рамках типологического анализа костяных (роговых) наконечников стрел привлекались вещественные материалы хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) и раннего Средневековья (2-я половина I тыс. н.э.) из памятников Центральной, Северной и Средней Азии.

Результаты и их обсуждение

Наконечники стрел с черешковым насадом из археологического комплекса Чобурак-I представлены двумя типами, имеющими разное сечение и абрис поражающей части. Черешковые трехгранные наконечники встречаются в памятниках булан-кобинской культуры Алтая довольно редко. По своему облику они совершенно не похожи на местные экземпляры предшествовавшего скифо-сакского времени. В Центральной Азии аналогии наконечникам с листовидным пером типа 1а–б зафиксированы в погребениях сяньби степной Даурии и Северо-Западной Маньчжурии конца I – начала III в. н.э., а также в памятниках племен шивэй Восточного Забайкалья IV–VI вв. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 72.-6, 7; 74.-15, 16; 77.-9; 80.-8; 85.-8, 12, 13; Литвинцев, 2006, рис. 39.-4]. На юге Западной Сибири такие наконечники известны среди кулайских древностей III в. до н.э. – I в. н.э. [Троицкая, 1979, табл. VII.-7, 8]. Более часто они встречаются в археологических комплексах самодийского населения Верхнего Приобья 2-й половины IV – начала VIII в. н.э. [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII.-2; Троицкая, Новиков, 1998, с. 40, рис. 22.-8, 11, 13–15]. Проникатель типа 1а найден в культурном слое III – начала V в. н.э. на поселении Майма-I, исследованном на территории северных предгорий Алтая [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72.-4]. Похожие наконечники обнаружены в северо-западных предгорьях Алтая в разрушенном погребальном памятнике Усть-Пустынка, датирующемся не ранее III в. н.э. [Тетерин, 2004, рис. 7.-2, 3].

В булан-кобинской культуре трехгранные наконечники с похожим пером происходят из погребальных комплексов жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.) Верх-Уймон и Дялян [Тетерин, 2004, рис. 7.-1; Соенов, 2017, рис. 14.-5]. Можно предположить, что на их изготовление повлияли экземпляры с вытянуто-ромбическим пером. Нижняя хронологическая граница распространения наконечников типа 1а–б у населения булан-кобинской культуры остается открытой.

Черешковый наконечник из Чобурака-I, имеющий многогранное в сечении перо ромбовидной формы (тип 2), является достаточно редким экземпляром. Такие образцы встречаются в колчаных наборах 2-й четверти I тыс. н.э. из памятников Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Кок-Паш, Кызыл, Усть-Бийке-III [Мамадаков, 1990, рис. 25.-9; 74.-11; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 15.-11, 12; Кочеев, Суразаков, 2004, рис. 5.-10; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-3; Соенов, 2017,

рис. 14.-3]. Данные изделия могли быть производными от черешковых ромбовидных наконечников с похожим абрисом проникающей части, распространенных на Алтае в сяньбийское время (II – начало IV в. н.э.). Придание телу проникателя многогранного сечения связано, по-видимому, с особенностями исходной заготовки. Общая датировка наконечников типа 2 для населения булан-кобинской культуры может быть определена в рамках II–V вв. н.э.

Костяные (роговые) наконечники стрел с втульчатым насадом из Чобурака-I включают три типа, отличающихся сечением пера, особенностями перехода в насад, наличием (или отсутствием) свистунки, конструкцией и формой втулки.

Трехгранный наконечник с геометрическим заостренным пером пятиугольной формы, покатыми плечиками и выступающей втулкой бочонковидной формы с встроенной (цельной) свистункой (тип 3а) имеет, по-видимому, общее происхождение с аналогичными по конструкции треугольными проникателями дуройской (III–IV вв. н.э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) культур Восточного Забайкалья, а также с экземплярами из Монголии (2-я половина III – начало VI в. н.э.) [Худяков, 1991, рис. 28.-1–3; Ковычев, 2006, рис. 6.-10; Литвинцев, 2006, рис. 39.-10; Цэвэндорж и др., 2008, рис. 79]. На Алтае такие наконечники появились не ранее III в. н.э. (вероятно, ближе к середине столетия). Верхнюю хронологическую границу их возможного существования в регионе маркируют находки близких по оформлению изделий в раннесредневековом погребении могильника Усть-Бийке-III, относящемся к начальным этапам в развитии культуры тюрок [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-6, 7].

Трехгранный пятиугольный наконечник с покатыми плечиками, выступающей втулкой цилиндрической формы и без свистунки (тип 3б) обнаруживает определенное сходство с ромбовидным в сечении экземпляром из комплекса Кангил бурхотуйской культуры Забайкалья IV – начала VI в. [Литвинцев, 2006, рис. 39.-9].* В памятниках булан-кобинской культуры наконечники с выделенной цилиндрической втулкой встречаются редко [Мамадаков, 1990, рис. 75.-28, 32, 36; Худяков, 1997, рис. 1.-6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 124]. Наиболее близкая аналогия типу 3б зафиксирована в могильнике Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1990, рис. 75.-28], археологический возраст которого может быть определен не ранее рубежа III–IV вв. н.э. Наконечник типа 3б из памятника Чобурак-I датируется предварительно в рамках III–V вв. н.э.

Представленные выше втульчатые ромбовидные наконечники с заостренным геометрическим пером пятиугольной формы с покатыми плечиками и выступающей втулкой бочонковидной формы с встроенной свистункой (тип 4а) демонстрируют, вероятно, местное («булан-кобинское») развитие «сяньбийских» прототипов III в. н.э. Известные на Алтае ромбовидные наконечники с такой конструкцией насада и пятиугольным пером отличаются вогнутыми плечиками [Деревянко, Молодин, 1994, рис. 16.-5, 9]. Существование наконечников типа 4а приходится на период от середины III в. н.э. до начала VI в. н.э.

Втульчатые наконечники, имеющие округлое в сечении пятиугольное перо без плечиков и выступающую втулку бочонковидной формы со свистункой (тип 5а), обнаруживают аналогии на территории Алтая в погребениях 2-й половины III – IV в. н.э., исследованных на могильниках Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Улуг-Чолтух-I, а так-

* Близкие по оформлению ромбические наконечники стрел найдены в сяньбийском памятнике Зоргол-I в Приаргунье [Яремчук, 2005, рис. 76.-7, 8].

же в культурном слое «гунно-сарматского» времени Денисовой пещеры [Мамадаков, 1990, рис. 45, 75.-33; Деревянко, Молодин, 1994, рис. 16.-10; Эбель, 1998, рис. 47.-1, 3, 4, 5, 6, 9; Худяков, 2002, с. 84, 86; 2016, рис. 2.-1, 2, 7]. Наконечники типа 5а разрабатывались в булан-кобинской культурной среде на основе похожих по конструкции насада трехгранных и ромбовидных экземпляров с треугольным, пятиугольным и килевидным абрисом пера. Общая датировка изделий типа 5а – середина III – V в. н.э.

Наконечник с зажимным насадом из Чобурака-I представлен экземпляром, имеющим ромбовидное пятиугольное перо с покатыми плечиками и приостренными концами расщепленного насада (тип 6). Распространение костяных (роговых) наконечников стрел с зажимным способом крепления у кочевых народов Северной Азии в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. исследователи традиционно рассматривают как результат влияния материальной культуры хунну/сюнну, у которых данные предметы являлись этнодиагностирующим элементом вооружения уже в «доимперский» период (конец IV – III в. до н.э.) проживания их на территории Внутренней Монголии [Худяков, 1986, с. 39–41, 59; Ковалев, 2002, с. 122, рис. 2.-2, 18]. На Алтае проникатели с таким способом насада распространились не ранее II в. н.э. и значительно отличались от хуннских (сюннских) оформлением насада, его длиной относительно пера, абрисом проникателя, переходом в расщепленную часть корпуса [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 125]. Очевидно, от «булан-кобинцев» зажимные наконечники проникли к населению майминской культуры Северного Алтая и одинцовской культуры Верхнего Приобья [Грязнов, 1956, табл. XXXIII.-7; Абдулганеев, 1996, рис. 1.-4, 5; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 71, рис. 71.-10, 12, 17]. Булан-кобинские зажимные наконечники с покатыми плечиками и короткими приостренными концами «расщепленного» насада появились, по-видимому, позже модификаций с вогнутыми и прямыми плечиками и продолжали существовать в 3-й четверти I тыс. н.э.

Наконечник типа 6 из могильника Чобурак-I имеет аналогии в коллекциях из памятников булан-кобинской культуры 2-й половины III – IV в. н.э. (Айрыдаш-I) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Верх-Уймон, Дялян) [Тетерин, 2004, рис. 7.-14, 15; Соенов, 2005, рис. 1.-13]. Похожий экземпляр найден в культурном слое 2-й четверти I тыс. н.э. поселения Майма-I [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 71.-12]. Верхнюю хронологическую границу бытования таких наконечников маркируют материалы 2-й половины VI – 1-й половины VII в. из некрополей тюркской культуры (Катанда-3, курган №11) [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX.-11–12]. Общая датировка изделий типа 6а может быть определена концом III – началом VII в. н.э.

Заключение

В коллекции наконечников стрел из погребений жужанского времени некрополя Чобурак-I присутствуют как уже известные, так и специфические типы, часть из которых не имеют точных аналогий в материалах булан-кобинской культуры. Анализ обозначенной группы находок показал, что проникатели с черешковым насадом разрабатывались на основе местных образцов предшествовавшего сяньбийского времени. Данные изделия существовали на протяжении длительного периода (по-видимому, в рамках II–V вв. н.э.). Наконечники стрел с выступающей втулкой бочонковидной формы датируются 2-й четвертью I тыс. н.э. Значительное сходство подобных изделий с экземплярами из памятников бурхотуйской культуры IV–VI вв. н.э. может свидетельствовать об ориентации косторезного дела населения Алтая и Восточного За-

байкальях на общие «образцы» материальной культуры одной из этнических групп саянских народов. Определенным своеобразием отличается наконечник с зажимным насадом, который по своим типологическим признакам относится к достаточно поздним модификациям. Сравнительное изучение зажимных и втульчатых наконечников демонстрирует преемственность косторезного дела поздних «булан-кобинцев» и ранних тюрок Алтая. Представленные вещественные источники дополняют серию костяных (роговых) наконечников стрел населения Алтая из закрытых археологических комплексов жужанского времени.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. (МИА; № 48).
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1994. 260 с.
- Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 103–131.
- Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.
- Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.
- Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.
- Литвинцев А.Ю. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Записки Нерчинского краеведческого музея. 2006. №2. С. 35–40.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. 1997. №2. С. 115–129.
- Матренин С.С., Серегин Н.Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. 2019. №3 (107). С. 104–113.
- Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая // Памятники культуры древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. С. 150–156.
- Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // Оснащение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 52–55.
- Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. №8 (20). С. 117–142.
- Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. С. 37–82 (Труды гуманитарного факультета НГУ. Сер. II. Вып. 1).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 268 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 125 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. 1997. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №2. С. 33–36.

Худяков Ю.С. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, №5. С. 20–30.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 198 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

References

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyj Altaj v epohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai during the Era of the Great Migration of Peoples (the 3rd – 7th Centuries)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. 224 p.

Borodovskij A.P. Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoj Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.) [The Ancient Bone Carving Business of the South of Western Siberia (Second Half of the 2nd Millennium BC – the First Half of the 2nd Millennium BC)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 224 p.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob through Excavations Near the village of Bol'shaya Rechka]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 162 p. (MIA; №48).

Derevyanko A.P., Molodin V.I. Denisova peshchera. Ch. 1 [Denisova Cave. Part 1]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1994. 260 p.

Kovalev A.A. O proiskhozhdenii hunnu [On the Origin of the Huns]. Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Ulan-Ude; Chita : Izd-vo Buryat. un-ta, 2002. Pp. 103–131.

Kovychev E.V. Nekotorye voprosy etnicheskoj i kul'turnoj istorii Vostochnogo Zabajkal'ya v konce I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Some Questions of the Ethnic and Cultural History of East Transbaikalia at the End of the 1st Millennium BC – I Millennium AD]. Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij [Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. teh. un-ta, 2006. Vyp. 4. Pp. 242–258.

Kocheev V.A., Surazakov A.S. Arheologicheskie issledovaniya v bassejne r. Koir [Archaeological Research in the Coir River Basin]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. 2003. №10. Pp. 70–83.

Kungurova N.Yu., Abdulganeev M.T. Majminskaya kul'tura. Po materialam poselenij Salaira i Predaltajskoj ravniny 1-j pol. I tys. n.e. [Maiminskaya Culture. Based on Materials from the Settlements of Salair and the Pre-Altai Plain, the 1st Floor. The 1st Millennium BC]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 214 p.

Litvincev A.Yu. Pogrebeniya epohi srednevekov'ya raznovremennogo mogil'nika v padi Kangil [Burials of the Middle Ages of a Multi-Time Burial Ground in Kangil Pad]. Zapiski Nerchinskogo kraevedcheskogo muzeya [Notes of the Nerchinsk Museum of Local Lore]. 2006. №2. Pp. 35–40.

Mamadakov Yu.T. Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v pervoj polovine I tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk [The Culture of the Population of Central Altai in the First Half of the 1st Millennium AD: Dis. ... Cand. Hist. of Sciences]. Novosibirsk, 1990. 317 p.

Mamadakov Yu.T., Gorbunov V.V. Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-3 [Ancient Turkic Mounds of Katanda-3 Burial Ground]. Izvestiya laboratorii arheologii [Bulletin of the Archaeology Laboratory]. 1997. №2. Pp. 115–129.

Matrenin S.S., Seregin N.N. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel kochevnikov Altaya rubezha drevnosti i srednevekov'ya [Bone (Horn) Arrowheads of Altai Nomads at the Turn of Antiquity and the Middle Ages]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2019. №3 (107). Pp. 104–113.

Sal'nikova I.V. Kostyanye nakonechniki strel iz drevnetyurkskih pamyatnikov Gornogo Altaya [Bone Arrowheads from the Ancient Turkic Sites of the Altai Mountains]. Pamyatniki kul'tury drevnih tyurok Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [The Sites of Culture of the Ancient Turks of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1999. Pp. 150–156.

Soenov V.I. Kompleks vooruzheniya naseleniya Verhnej Katuni v gunno-sarmatskuyu epohu [The Armament Complex of the Population of Upper Katun in the Hun-Sarmatian Era]. Snaryazhenie kochevnikov Evrazii [Equipment of Nomads of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 52–55.

Soenov V.I. Narushennoe voinskoe pogrebenie na mogil'nike Verh-Ujmon [Disturbed Military Burial at the Verkh-Uimon Burial Ground]. Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. 2017. №8 (20). Pp. 117–142.

Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Mogil'nik Stepushka-2 v Central'nom Altae [The Stepushka-2 Burial Ground in Central Altai] [Elektronnyj resurs] [Electronic Resource]. Gorno-Altajsk, 2018. 242 p.

Soenov V.I., Ebel' A.V. Kurgany gunno-sarmatskoj epohi na Verhnej Katuni [Mounds of the Xiongnu-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altajsk : GAGPI, 1992. 116 p.

Teterin Yu.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoj epohi [Armament of Nomads of the Altai Mountains of the Berel Era]. Voennoe delo narodov Sibiri i Central'noj Azii [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 2004. Pp. 37–82 (Trudy humanitarnogo fakul'teta NGU. Ser. II. Vyp. 1).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Bijke (Gornyj Altaj) [The Complex of Archaeological Sites in the Biyke River Valley (Altai Mountains)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p.

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Altaj v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Syanbi-Zhuzhansk Time (Based on the Materials of the Stepushka Site)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 268 p. (Arheologicheskie pamyatniki Altaya. Vyp. 3).

Troickaya T.N. Kulajskaya kul'tura v Novosibirskom Priobe [The Kulay Culture in Novosibirsk Priobe]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 125 p.

Troickaya T.N., Novikov A.V. Verhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priobe [The Upper Ob Culture in Novosibirsk Priobe]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p.

Hudjakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya hunnskogo vremeni (po materialam ras-kopok mogil'nika Ust'-Edigan) [Armament of Nomads of the Altai Mountains of the Xiongnu Time (Based on Excavations of the Ust-Edigan Cemetery)]. Izvestiya laboratorii arheologii [Bulletin of the Archaeology Laboratory]. 1997. №2. Pp. 28–37.

Hudjakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [Armament of the Medieval Nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p.

Hudiyakov Yu.S. Vooruzhenie central'noaziatskih kochevnikov v epohu rannego i razvitoogo sred-nevekov'ya [Armament of Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Hudiyakov Yu.S. Kostyanye nakonechniki strel iz mogil'nika Ulug-Choltuh doliny r. Edigan v Gornom Altae (iz raskopok Yuzhno-Sibirskogo otryada 2008 g.) [Bone Arrowheads from the Burial Ground of Ulug-Choltukh Eiver Valley. Edigan in the Altai Mountains (from the Excavations of the South Siberian Detachment 2008)] Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2014. №2. Pp. 33–36.

Hudiyakov Yu.S. Opyt sistematizacii predmetov vooruzheniya distancionnogo boya iz pamyatnikov ajrydashskogo tipa hunno-syan'bijskoj epohi v Gornom Altae [The Experience of Systematization of Armament Items of Remote Combat from the Ayrdash Type Sites of the Xiongnu-Xianbei Era in the Altai Mountains]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]. Ser.: Istorija, filologija. 2016. T. 15, №5. Pp. 20–30.

Hudiyakov Yu.S. Predmety vooruzheniya iz pamyatnika Ulug-Choltuh v Gornom Altae [Weapons from the Ulug-Choltukh Site in the Altai Mountains]. Materialy po voennoj arheologii Altaya i sopredel'nyh territorij [Materials on the Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 79–87.

Cevendorzh D., Bayar D., Cerendagva Ya., Ochirhuyag C. Arheologiya Mongolii [Archaeology of Mongolia]. Ulanbaatar, 2008. 239 p.

Ebel' A.V. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epohu: dis. ... kand. ist. nauk [Armament and Military Affairs of the Population of Gorny Altai in the Xiongnu-Sarmatian era: Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 1998. 198 p.

Yaremchuk O.A. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik hunno-syan'bijskoj epohi stepnoj Daurii: dis. ... kand. ist. Nauk [The Burial Ground Zorgol-I is a Site of the Xiongnu-Xianbei Era of the Steppe Dauria: Dis. ... Cand. Hist. of Sciences]. Chita, 2005. 296 p.

N.N. Seregin¹, A.A. Tishkin¹, S.S. Matrenin^{1,2}, T.S. Parshikova¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia*

BONE (HORN) ARROWHEADS OF THE POPULATION OF ALTAI IN ROURAN TIME (on the materials of the archaeological complex Choburak-I)

The article presents the results of the systematization and analysis of the bone (horn) arrowheads discovered during excavations of the objects of the Rouran time of the archaeological complex Choburak-I (Northern Altai). The classification of 14 items recorded in five male burials of the site was carried out. It was established that in the analyzed collection there are both already known and specific types of arrowheads, some of which do not have exact analogies in the materials of the Bulan-Koby culture. An analysis of the indicated group of finds showed that arrowheads with petiolate were developed on the basis of local samples from the preceding Xianbei period. These products existed for a long period (apparently, in the framework of the 2nd–5th centuries AD). Arrowheads with a protruding barrel-shaped sleeve date from the 2nd quarter of the 1st millennium AD. Significant similarity of such products with specimens from the sites of the Burkhotui culture of the 4th–6th centuries AD may indicate the orientation of the bone carving production of the population of Altai and East Transbaikalia to the common “samples” of the material culture of one of the Xianbei ethnic groups. The arrowhead with a clamping nozzle differs in a certain originality, which, according to its typological characteristics, refers to fairly late modifications. A comparative study of clamping and sleeve arrowheads demonstrates the continuity of bone carving production of the late Bulan-Koby culture and the early Turks of Altai.

Key words: Altai, Rouran time, Choburak-I, bone (horn) arrowheads, morphological analysis, classification, typology, chronology.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902.2:550.838(571.52)

Д.Е. Едемский¹, А.В. Попов¹, И.В. Прокопович¹,
Т.Р. Садыков², Дж. Каспари^{3,4}, Е.К. Блохин²

¹Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН, Троицк, Москва, Россия;

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;

³Институт археологических исследований Бернского университета, Берн, Швейцария;

⁴Сиднейский университет, Сидней, Австралия

МАГНИТНАЯ СЪЕМКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ УЧАСТКОВ КУРГАНА ТУННУГ-1 В ТЫВЕ*

В статье приведено обоснование применения геофизических методов, в частности магнитометрического метода, для обследования сложной ритуальной и погребальной архитектуры кургана Туннуг-1 и его периферии (Пий-Хемский кожуун Республики Тыва). Результаты исследований показали, что территория в непосредственной близости к кургану использовалась в качестве места культовых мероприятий и ритуальных захоронений как в раннескифский период, так и племенами, проживавшими в данной местности в более поздние времена. В результате исследований обнаружены подповерхностные локальные каменные структуры, относящиеся к объектам погребальной архитектуры, неравномерно распределенные по всей околочурганной территории. Строительный материал каменных структур обладает разной магнитной восприимчивостью, что не мешает надежно локализовать данные археологические объекты с помощью магнитометрии.

Площадная геомагнитная съемка оказалась эффективным методом для детального обследования погребальной архитектуры, определения и оконтуривания мест религиозно-культовой практики погребально-поминального цикла древних кочевников.

Ключевые слова: магнитометрия, магнитная съемка, археологическая интерпретация, археология, Туннуг, раннескифское время.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-06

Введение

Курган Туннуг-1 (рис. 1) лежит в болоте долины р. Уюк, Республика Тыва. Конструкция центрального объекта этого памятника похожа на самый ранний исследованный комплекс Аржан-1 [Грязнов, 1980]. Сохранившаяся древесина из кургана была датирована IX в. до н.э. Это подтверждает то, что Туннуг-1 относится к самому древнему скифскому культурному горизонту и потенциально даже предшествует Аржану-1 [Садыков и др., 2019; Caspari et al., 2018]. Курган имеет правильную круглую форму диаметром более 100 м, высота над современной поверхностью – чуть более 1 м.

География расположения кургана, специфические природные условия, ранняя дата создания и сложная структура памятника позволяют надеяться на исключительные по значимости результаты, позволяющие реконструировать многие историко-культурные процессы в раннем железном веке.

* Работы выполнены при поддержке РФФИ, грант №18-02-00185, а также при содействии Русского географического общества и Экспедиционного центра Министерства обороны РФ.

Рис. 1. Карта размещения кургана и аэрофотоснимок кургана Туннуг-1

Предмет исследования

Большой курган раннего железного века нужно рассматривать как сложный археологический памятник, состоящий из самого кургана и прилегающих к нему сооружений и территорий – так называемой периферии кургана. Объектами периферии большого кургана могут являться рвы, валы, жертвенные комплексы, ритуальные дороги, каменные площадки и каменные кольца, опоясывающие курган. Эти элементы периферии кургана из-за активной сельскохозяйственной деятельности человека наиболее часто встречаются на современной поверхности лишь в азиатской части степного и лесостепного поясов Евразии.

Длительное время изучению периферии придавалось минимальное значение [Гасс и др., 2016]. Но именно там могут встречаться следы ритуальных действий, выраженные кострищами, вымостками, культовыми площадками и ритуальными подзахоронениями как людей, так и животных, содержащие большое разнообразие сопровождающего инвентаря. Все эти конструкции и объекты являются свидетельствами религиозно-культовой практики погребально-поминального цикла древних кочевников, фиксация и исследование которых могут внести значительный вклад в вопросы интерпретации мировоззрения населения скифо-сакского мира. Следует отметить, что территория в непосредственной близости к кургану могла использоваться как место культовых мероприятий и ритуальных подзахоронений племенами, проживавшими в данной местности и в более поздние времена.

Постановка задачи. Геофизические исследования.

Применение магнитометрии

Одним из возможных способов исследования периферии кургана является применение геофизических методов, в частности магнитометрического метода, основанного на выявлении аномалий магнитного поля земли путем измерения вектора магнитной индукции [Фассбиндер, 2019]. Магнитометрия – оптимальный геофизический метод обследования археологических памятников и локализации объектов с контрастной по магнитным параметрам средой размещения. Археологи по результатам обследования получают планиграфические данные археологического памятника – карты магнитного поля с выделенными магнитными аномалиями. Чаще всего этой информации достаточно для локализации археологических объектов. При необходимости глубина залегания объекта может быть определена путем решения обратной задачи. С уче-

том результатов тестовых обмеров отдельных обломков пород и анализа вскрытой каменной кольцеобразной структуры для обследования данного объекта была выбрана магнитометрия, которая эффективна при обследовании объектов, относительно контрастных по магнитным параметрам с вмещающими их грунтами.

Причины возникновения аномалий магнитного поля земли над археологическими объектами – магнитные свойства археологических объектов, отличные от магнитных свойств вмещающей их природной среды. Часто углубления для жилищ, ямы для захоронений, рвы и другие археологические объекты приводят к изменению мощности почвенного слоя, который, как правило, имеет более высокую магнитную восприимчивость по сравнению с нижележащими слоями грунта, а из этого проистекают локальные положительные магнитные аномалии. Кроме того, источниками аномалий магнитного поля являются результаты хозяйственной деятельности человека, включая строительную, привносящую в изучаемую среду материалы с различной степенью намагниченности. Исходя из особенностей строения курганов раннескифского времени, можно утверждать, что именно каменные структуры, созданные человеком, являются основным и наиболее мощным источником появления аномалий магнитного поля на данных объектах.

До проведения площадной геомагнитной съемки был проведен анализ магнитных свойств грунтов и курганообразующих материалов на предмет их магнитоконтрастности. Произведена оценка структуры почвенно-грунтовой толщ, ее слоистости, глубины залегания отдельных слоев, предполагаемых глубин залегания объектов. Уточнены наличие крупных металлических предметов на объекте и их локализация.

Для определения степени контрастности между каменными археологическими объектами и вмещающей средой был отобран ряд образцов среди наиболее часто встречающихся типов обломков горных пород из уже вскрытой кольцевой структуры (рис. 3а), расположенной в южной части периферии кургана. Отобранные образцы обломков горных пород имели близкую по размерам форму: плоские блоки $\sim 0,4 \times 0,2$ м толщиной до 0,1 м. Проведены измерения магнитного поля над отобранными образцами с позиционированием датчика магнитометра на высоте 0,3 м над объектами, с шагом 0,1 м. На рис. 2а приведены магнитограммы трех наиболее часто встречающихся в каменных структурах обломков пород. Один из образцов практически не магнитоконтрастный, помещение двух других в обследуемую среду приводило к изменению уровня магнитного поля на 1,5–4 нТл. То есть магнитная восприимчивость обломков горных пород, формирующих археологический памятник, неоднородна и значимая часть образцов обладает малой контрастностью (менее 1 нТл) с вмещающим их грунтом.

Однако следует отметить, что магнитное поле каменных структур может существенно превышать приведенные данные для отдельных образцов (рис. 2б). Бесконечные сочетания различных комплексов пород, их отдельных минералого-петрографических разновидностей, условия залегания, многообразие форм и размеров структур обуславливают появление над памятником сложных по конфигурации магнитных полей и аномалий. Перед проведением крупномасштабного обследования объекта необходимо знать интерпретационный критерий и признаки распределения магнитного поля над характерными археологическими объектами.

Для решения этой задачи были проведена магнитная съемка одной из зачищенных в результате раскопок площадок периферийного пространства вокруг курга-

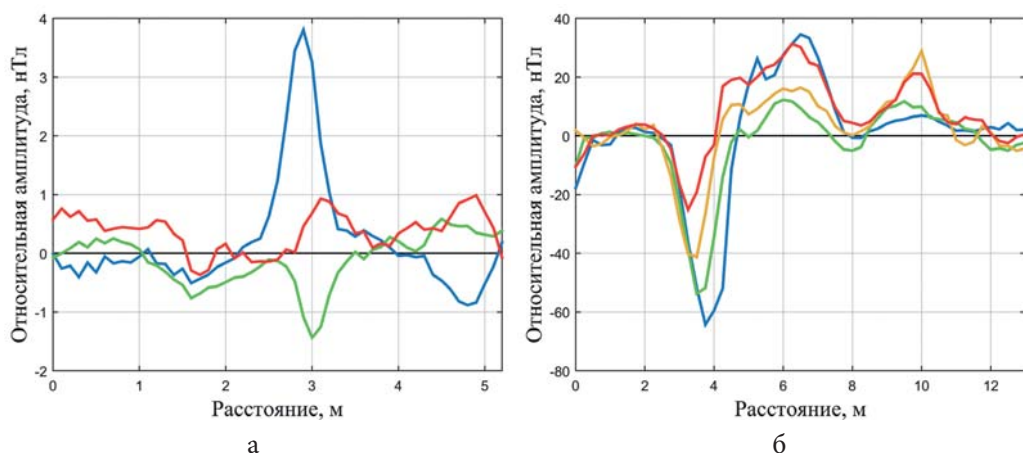

Рис. 2. Магнитная восприимчивость обломков горных пород, формирующих археологический памятник: а – сравнение магнитограмм трех образцов обломков из кольцевой структуры; б – магнитные профили, проложенные через центральную часть каменной кольцевой структуры

на Туннуг-1 – каменной структуры диаметром $\sim 6,5$ – $5,5$ м, вытянутой в направлении ЮЮВ–ССЗ. У данной структуры ярко выражено конструктивное кольцо из обломков горных пород шириной ~ 1 м (рис. 3а), с небольшой каменной насыпью в центре.

Магнитная съемка данного объекта проведена по профилям, проложенным через 0,5 м по направлению Ю–С с шагом 0,25 м, высота размещения датчика над обследуемой поверхностью – 0,3 м. Результирующая магнитограмма участка представлена на рис. 3б. Магнитное поле над объектом изменяется в диапазоне от -84 нТл до 91 нТл относительно фона. В целом контуры конструктивного кольца вокруг захоронения четко просматриваются

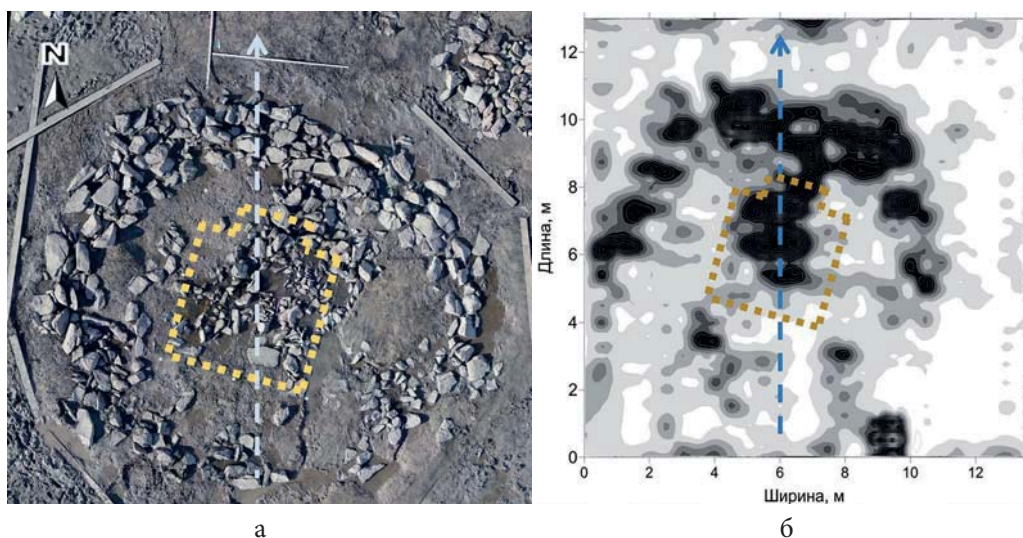

Рис. 3. Результаты обмера каменной кольцеобразной структуры: а – фото кольцевой каменной структуры; б – магнитограмма кольцевой каменной структуры. Штриховой линией обозначено положение профилей (рис. 2б), а пунктирным контуром – зона проведения раскопок

ваются на магнитограмме, однако контуры прорисованы неравномерно, а его южная часть отображена недостаточно контрастно. В центре фиксируется аномалия со значениями поля выше, чем над каменным кольцом, и можно предположить, что это погребальное захоронение в центре кольцевой структуры. Раскоп данной каменной кольцеобразной структуры, площадью ~14 кв. м, был заложен над отчетливо выраженными магнитными аномалиями в центральной части каменной структуры. Предположительно они соответствовали погребениям, что и было подтверждено результатами последующего раскопа (рис. 4).

Рис. 4. Структура захоронения по результатам раскопа

По результатам проведенных экспериментов можно сделать вывод, что памятник сложен из неоднородного материала, как с высокой, так и с низкой магнитной восприимчивостью, что не всегда обеспечивает контраст археологических структур по магнитным параметрам с вмещающими грунтами. Следовательно, при анализе магнитограмм необходимо учитывать, что отдельные части каменных структур могут быть недостаточно ярко прорисованы на магнитограммах.

Рис. 5. Проведение магнитной съемки на объекте

Требования к измерительной аппаратуре

При магнитном картировании памятника с целью изучения археологических объектов чаще всего используют протонные или квантовые магнитометры: именно эти приборы обладают наибольшей чувствительностью и точностью при измерении модуля вектора магнитной индукции. Магнитометрическое картирование Туннуг-1 выполнялось с использованием протонного магнитометра «Минимаг», одного из наиболее чувстви-

ных и точных, используемого в ИЗМИРАН как в научных, так и в археолого-геофизических исследованиях с 2006 г. К преимуществам данного прибора можно отнести высокую надежность, стабильность и высокую чувствительность. Его конструкция позволяет выполнять съемку в движении, расстояние от датчика до земли составляет 0,3–0,4 м (рис. 5).

Условия проведения магнитной съемки окрестностей кургана, параметры съемки

С учетом мозаичности археологических раскопов участки для геофизических обследований были организованы так, чтобы охватить всю площадь периферии кургана, где возможно размещение религиозно-культовой практики погребально-поминального цикла древних кочевников. На площади памятника были размечены 15 различных по площади участков размером от 8×16 до 40×48 м. Картирование участков выполнялось последовательно, с юго-востока вдоль края кургана против часовой стрелки. В южной части памятника участки №1, 3, 13–15 с восточной и западной сторон примыкают к основному раскопу, выполненному в 2018 г. Общая площадь геофизической съемки составила более 12 000 кв. м.

Участки для магнитного сканирования были четко «привязаны» к топографическому плану таким образом, чтобы движение оператора по параллельным профилям происходило в направлении с юга на север. Пространственная привязка замеров выполнялась оператором вручную при прохождении каждого пикета на профилях, которые располагались через 0,25 или 0,5 м. Длина профиля зависела от размера участков и варьировалась в пределах от 8 до 40 м. Расстояние между профилями составляло 0,5 м.

Для компенсации краткосрочных и суточных вариаций магнитного поля земли на расстоянии около 100 м от места проведения измерений был установлен базовый магнитометр. Дополнительно к этому процесс измерения на объекте сопровождался методической поддержкой со стороны Центра прогнозов космической погоды ИЗМИРАН в части прогноза магнитной активности и предупреждения возникновения магнитных бурь, в период которых проведение измерений нецелесообразно.

Поскольку присутствие черного металла в грунтах существенно влияет на результат магнитной съемки, на археологическом памятнике были проведены поиск и удаление таких предметов из грунта с помощью магнитометра по методике свободного поиска.

Обработка сигнала магнитометра

Обработку исходных магнитометрических данных проводили поэтапно, исключая или максимально ослабляя профильные погрешности, включая региональную составляющую поля, выделяя локальные магнитные аномалии археологической природы по комплексу признаков и проводя археологическое истолкование магнитометрических данных: выделение предполагаемых археологических объектов, рекомендуемых для раскопок, оценка их природы и параметров, построение общего плана памятника.

Для выделения региональных и локальных аномалий в процессе обработки использовались методы усреднения магнитного поля и компенсации вариаций магнитного поля на основе данных базового магнитометра. Выполнялось выделение локальных магнитных аномалий путем исключения наиболее вероятного уровня регионального поля или выделение локальных магнитных аномалий путем исключения тренда (линейного или нелинейного регионального поля), выделение

регионального поля с помощью различных фильтров, подавляющих локальные аномалии и помехи. Данные преобразования выполнялись по профилям.

В результате обработки полученных геомагнитных данных мы получаем карты распределения магнитных аномалий на периферии кургана, которые позволяют выполнять вскрытие отдельных участков периферии с учетом информации о координатах объекта и его структуры.

Результаты обследований, анализ

Для карты результатов магнитной съемки кургана (рис. 6) характерно достаточно неравномерное расположение магнитных аномалий, величиной от долей нТл до сотен нТл относительно фона. Такая неоднородная картина вызвана неравномерным размещением каменных структур на периферии кургана, а также неравномерной магнитной восприимчивостью отдельных обломков горных пород, формирующих данные структуры.

На магнитограмме участков, вытянутых вдоль северного и восточного края кургана, отчетливо фиксируется каменный пояс в виде прерывистой полосы вытянутых аномалий. Данная структура появляется в районе участков №3 и 4 и располагается на расстоянии 12–16 м от вала, опоясывающего курган.

В районе участков №10 и 11 данная структура пропадает и далее на участках №12–15 она не наблюдается. Оценить ширину данной структуры по магнитным данным не представляется возможным.

На юге кургана можно выделить ряд участков №1–3. На них отчетливо выражены каменные структуры, отдельные из которых частично попадают на раскопы. На магнитограммах наблюдаются скопления локальных аномалий, образующие структуры диаметром 8–10 м. Некоторые располагаются достаточно близко друг к другу, образуя единый объект. Одна из таких структур расположена в северо-западной части участка №1, вторая – на северо-востоке этого участка, на стыке с участками №2, №3 и раскопом.

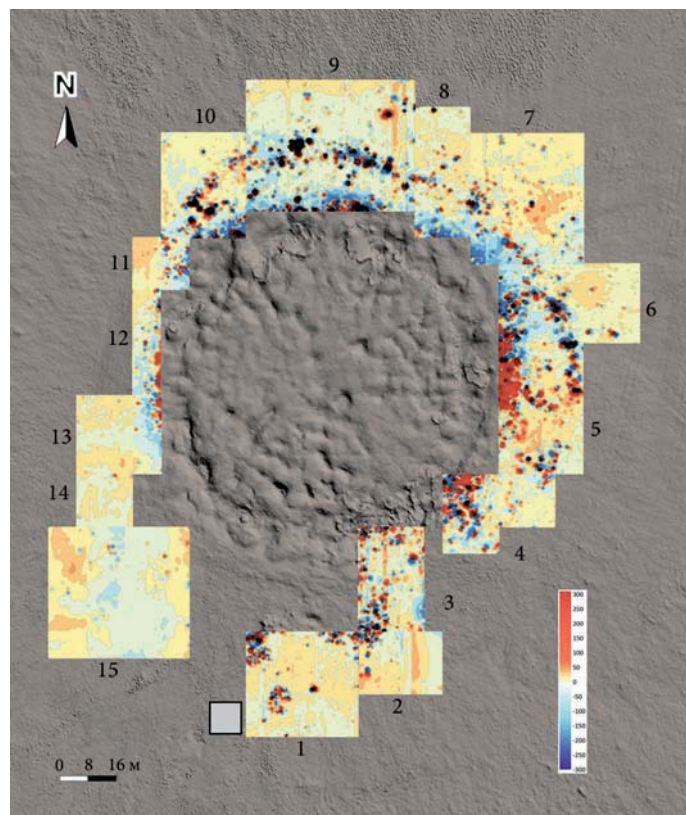

Рис. 6. Магнитная карта периферии кургана, $\Delta nTл$, относительно среднего значения величины поля 60300 нТл:

1–15 – геофизические участки с результатами магнитной съемки. Квадратом обозначена зона проведения раскопок каменной структуры (рис. 3 и 4)

Косвенным подтверждением наличия объектов в данных структурах является то, что они непосредственно примыкают к раскопу 2018 г., где ранее уже были обнаружены и исследованы погребения и ямы. Еще один локальный объект продолговатой формы, вытянутой с севера на юг, располагается в середине участка №1.

Северная часть участка №3 выходит на вал, формирующий южную границу кургана, и по предварительным данным состоит из каменной насыпи, что и отмечено на магнитограмме в виде множества локальных объектов. В северо-восточной части участка №3 и средней части участка №4 наблюдается слабо выраженное продолжение каменного пояса (кольца) вокруг памятника. Между этим каменным поясом и валом в северо-восточной части участка №4 фиксируются три локальные аномалии, которые, возможно, принадлежат к одной археологической структуре.

В северо-западной части участка №5 хорошо просматривается каменный вал, а в северо-восточной части – каменный пояс, вытянувшийся в одну линию и хорошо наблюдаемый на магнитограммах участков №5–№10. В южной части участка №5, возможно, частично сливаясь с каменным поясом, сформировалась локальная структура диаметром до 10 м. В центральной части участка локальные аномалии между каменным поясом и валом расположились таким образом, что сформировалась часть дуги окружности, которую можно интерпретировать как некую структуру диаметром до 15 м.

На участке №6, как и на всех участках до №10 включительно за пределами каменного пояса (далее 15 м от вала), на магнитограммах ярко выраженных структур не зарегистрировано. На участке №9, восточная и западная часть, и на участке №10, в средней части, отмечены локальные магнитные аномалии, которые совпадают с каменным поясом и могут быть отнесены к археологическим структурам, для интерпретации которых требуется дополнительная информация и исследования.

Таким образом, данные магнитометрии подтверждают предположение о том, что данный памятник с характерными для курганов Турано-Уюкской котловины особенностями организации сакрального пространства занимает значительно большую площадь, чем непосредственно сам курган. Полученные данные позволят сделать прогноз планиграфического расположения археологических объектов на нераскопанных участках памятника. Необходимо также отметить, что большинство аномалий отличается высоким уровнем магнитной контрастности. Возможно, это связано с тем, что погребения частично содержат металлические изделия, возможно, остатки большого количества органики, а также следы огня.

Следует отметить, что особенностью данной экспедиции является привлечение сразу двух независимых магнитометрических исследований, затрагивающих одни и те же площадки, – результаты параллельной магнитометрической съемки изложены в работе [Caspari et al., 2019]. Полученные нами данные и результаты работы [Caspari et al., 2019] близки и отражают основные особенности периферии погребального комплекса и важны с методологической точки зрения, так как работы проводились на отличающихся по конструкции приборах, а для обработки и представления итоговых результатов использовались различные подходы.

Проведенные ранее раскопки выявили на территории памятника погребальные комплексы раннескифского, кокэльского и тюркского периодов [Садыков и др., 2019], которые различаются в том числе организацией сакрального пространства, однако магнитометрия не позволяет достоверно и однозначно определить принадлежность

обнаруженных объектов к тому или иному периоду. Форма объектов, размеры и ориентация погребений в большинстве случаев схожи, что не позволяет их разделить на планиграфическом уровне.

Заключение

Магнитное картирование, осуществленное в период с 8 по 25 мая 2019 г. на площади более 12 000 кв. м с помощью протонного магнитометра, позволило не только получить подробную магнитную карту периферии кургана Туннуг-1, но и подтвердить прогнозы о расположении на ней погребальных объектов. Археологические раскопки на отдельных участках памятника предоставляют возможность идентифицировать полученные магнитные аномалии с археологическими объектами.

На обследованной площади памятника был выявлен ряд локальных аномалий с преобладанием круглых/овальных форм размером от 8 до 15 м, а также каменный пояс вокруг кургана на расстоянии 10–15 м от вала, которые можно интерпретировать как объекты археологии. Отдельные объекты на магнитограмме не проявились должным образом из-за их малых размеров и заполнения, идентичного по своим магнитным свойствам вмещающей их почвенно-грунтовой толще.

Результаты геофизических работ выявили места размещения археологических объектов, что позволит более эффективно и обоснованно выбирать участки для проведения раскопок. На основе полученных данных можно сделать заключение, что не вся территория вокруг кургана была использована для реализации погребально-поминальной и другой ритуальной практики.

Библиографический список

Гасс А., Парцингер Г., Фассбиндер Й. Первые шаги исследований периферии больших курганов раннего железного века Северного Кавказа // «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции. Краснодар: ИП Смородин, 2016. 278 с.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Садыков Т.Р., Каспари Дж., Блохин Е.К. Раннескифский курган Туннуг-1: результаты первых работ на южной периферии памятника // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1. С. 29–38. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-03.

Фассбиндер Й. Магнитометрия в археологии – от теории к практике // Российская археология. 2019. №3. С. 75–91. DOI: 10.31857/S086960630005672-8

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an Early Scythian Kurgan in Tuva Republic, Russia // Archaeological Research in Asia. 2018. V. 15. P. 82–87. DOI: 10.1016/j.ara.2017.11.001.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Buess M., Nieberle M., Balz T. Integrating Remote Sensing and Geophysics for Exploring Early Nomadic Funerary Architecture in the “Siberian Valley of the Kings” // Sensors. 2019. V. 19. C. 3074. P. 1–13. DOI: 10.3390/s19143074.

References

Gass A., Parcinger G., Fassbinder J. Pervye shagi issledovaniy periferii bol'shih kurganov rannego zhelezного века Severnogo Kavkaza [Preliminary Research on the Peripheries' of the Great Kurgans of the Early Iron Age in the Northern Caucasus] “Anfimovskie chteniya” po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e: Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii [Anfimov Readings on the Archaeology of the Western Caucasus. Problems of Studying the Funeral Rite of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Materials of the International Archaeological Conference]. Krasnodar: IP Smorodin, 2016. 278 p.

Gryaznov M.P. Arzhan. Carskij kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan – Royal Mound of the Early Scythian Time]. L., 1980. 62 p.

Sadykov T.R., Caspari Dg., Blochin E.K. Ranneskifskij kurgan Tunnug-1: rezul'taty pervyh rabot na yuzhnoj periferii pamyatnika [The Early Scythian Burial Mound Tunnug-1: Preliminary Results of the Excavation of the Southern Periphery]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019. №1. Pp. 29–38. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-03.

Fassbinder J. Magnitometriya v arheologii – ot teorii k praktike [Magnetometry in Archaeology – from Theory to Practice] *Rossiyskaya arheologiya*. 2019. №3. Pp. 75–91. DOI: 10.31857/S086960630005672-8.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an Early Scythian Kurgan in Tuva Republic, Russia // *Archaeological Research in Asia*. 2018. V. 15. P. 82–87. DOI: 10.1016/j.ara.2017.11.001.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Buess M., Nieberle M., Balz T. Integrating Remote Sensing and Geophysics for Exploring Early Nomadic Funerary Architecture in the “Siberian Valley of the Kings” // *Sensors*. 2019. V. 19. C. 3074. P. 1–13. DOI: 10.3390/s19143074.

D.E. Edemsky¹, A.V. Popov¹, I.V. Prokopovich¹,

T.R. Sadykov², G. Caspari^{3,4}, J.K. Blochin²

¹*Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation,
RAS, Moscow, Troitsk, Russia;*

²*Institute for the History of Material Culture, RAS, St. Petersburg, Russia;*

³*Institute for Archaeological Sciences, University of Bern, Bern, Switzerland;*

⁴*University of Sydney, Sydney, Australia*

MAGNETIC SURVEY OF THE PERIPHERAL AREAS OF THE KURGAN TUNNUG-1 IN TUVA

The article provides the feasibility for the using of geophysical methods, in particular, the magnetometric probing for examining the complex ritual and funeral architecture of the early Scythian kurgan Tunnug-1 and its periphery (Piy-Khemsy District of the Tuva Republic). The survey results showed that the area near close to the kurgan was used as a place of religious events and ritual burials both in the early Scythian period and by tribes living in the area in later times. As a result of the studies, subsurface local stone structures belonging to the objects of burial architecture, unevenly distributed around the near the mound territory, were discovered. The building material of stone structures has different magnetic susceptibilities, which does not prevent to reliable magnetometry localization of these archaeological objects. Areal geomagnetic surveying has proven to be an effective approach for a detailed examination of the funeral architecture, determination, and contouring of places of the religious and cult practice of the funeral memorial cycle of ancient nomads.

Key words: magnetometry, magnetic survey, archaeological interpretation, archeology, Tunnug, early Scythian time.

УДК 903.5«637»(571.151)+572.7

С.М. Киреев¹, К.Н. Солодовников², А.И. Нечвалода³

¹Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;

²Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия;

³Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

ПОГРЕБЕНИЕ КАРАКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ В С. МЕНДУР-СОККОН (предварительные результаты археологического и палеоантропологического исследования)*

Представлены результаты аварийных раскопок частично разрушенного погребения каракольской культуры эпохи бронзы в с. Мендур-Соккон в Горном Алтае. Описываются особенности погребального обряда, конструкция каменного ящика, а также уникальный сосуд, вся поверхность которого покрыта елочным орнаментом, а на днище изображен знак, похожий на руны «Одал». Погребение датировано концом III – началом II тыс. до н.э. На черепе женщины из Мендур-Соккона отчетливо проявляются особенности местного антропологического компонента в составе населения Южной Сибири периода ранней бронзы, для которого характерны промежуточные европеоидно-монголоидные черты. Отмечается большое морфологическое сходство между черепами из разных могильников каракольской культуры. Череп женщины из погребения в селе Мендур-Соккон проявляет также сходство с краниологическими сериями окуневской культуры Минусинской котловины.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, эпоха бронзы, каракольская культура, погребальный обряд, каменный ящик, керамика, палеоантропология, краниометрия.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-07

Введение

В 2010 г. по инициативе В.Д. Кубарева группой авторов был опубликован краткий отчет о раскопках ряда аварийных памятников в Горном Алтае, включая погребение каракольской культуры периода ранней бронзы, обнаруженное на берегу р. Чарыш, в с. Мендур-Соккон Усть-Канского района Республики Алтай [Киреев и др., 2010, с. 202–205]. В настоящее время появилась возможность дополнить краткий отчет более подробными сведениями и уточнениями, а также новыми данными, полученными в результате антропологического исследования черепа погребенного человека. Значимость этих материалов определяется крайней немногочисленностью раскопанных погребений каракольской культуры Алтая и соответственно единичностью краниологических находок из них. Мендур-сокконское захоронение является всего лишь 17-м по счету среди погребений каракольской культуры, поэтому введение в научный оборот новых сведений весьма актуально. Другой причиной является отсутствие или крайняя немногочисленность находок вещевого сопровождающего инвентаря в погребениях каракольской культуры. В нашем случае мы располагаем важным артефактом, публикация которого также дополнит этот ряд.

Результаты исследования погребения эпохи бронзы в с. Мендур-Соккон

Обстоятельства, предшествующие раскопкам, были следующими. В начале сентября 2009 г. в Агентство по культурно-историческому наследию Министерства культуры Республики Алтай (г. Горно-Алтайск) поступили сведения от краеведа, жителя с. Мендур-Соккон Н.А. Шодоева о разрушающейся могиле и находке вынутого из стенки обрыва берега небольшого глиняного сосуда. По просьбе и инициативе местной админи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00779).

страции 6–7 сентября 2009 г. было обследовано место находки и окрестная территория, а также раскопано аварийное погребение в с. Мендур-Соккон. Разрушающееся погребение располагалось на террасе высокого обрывистого берега старого русла Чарыша на южной окраине села (рис. 1). В этом месте русло реки со временем изменило свое течение и протекает в настоящее время к югу от старого берега более чем в 200 м. Координаты местонахождения памятника такие: $50^{\circ} 47' 776''$ с.ш.; $84^{\circ} 48' 645''$ в.д. Высота расположения над уровнем моря 1077 м. При осмотре местоположения объекта на верхней кромке обрыва в его срезе были видны боковые торцы двух вертикально установленных на ребро каменных плит из плотного сланца серого цвета, уходившие в стенки обрыва и почти достигавшие верхними краями современной дневной поверхности. В разрезе осыпи обрыва также были различимы мелкие трубчатые кости кисти человека. Три сланцевые плиты (две небольшие и одна размерами $108 \times 110 \times 41 \times 5,8$ см) находились внизу под обрывом. По структуре, цвету и породе камня они были идентичны сланцевым плитам ящика погребения и явно составляли с ним единое целое, являясь южной стенкой каменного погребального сооружения. На современной дневной поверхности не было видно никаких внешних признаков, свидетельствующих о захоронении. Скорее всего, это было грунтовое захоронение или же над погребением имелась небольшая земляная насыпь, разрушенная и сnivelированная в результате длительного антропогенного воздействия. По информации старожилов села, берег реки постоянно и достаточно интенсивно осыпается, разрушается как его верхний небольшой почвенно-травяной покров, так и структурная часть террасы. По берегу регулярно осуществляется прогон скота. Ранее, когда пространство между берегом и сельскими постройками было шире, интенсивно проезжала сельскохозяйственная техника.

Рис. 1. Местоположение погребения в с. Мендур-Соккон

После зачистки поверхности над погребением на глубину 10–15 см выявлены контуры поверхности каменного ящика. За периметром его выступавших плит был заложен небольшой раскоп площадью 4,6 кв. м. На глубине около 20 см окончательно обозначились верхние торцовые края плит от каменного ящика. Ящик имел подпрямоугольную форму, слегка расширенную в западной части, с хорошо подогнанными плитами. Сохранились три стенки: западная, северная и восточная. Северная составлена из трех плит, расположенных встык друг к другу, общей длиной 176 см и высотой 60 см. Торцовые – каждая из одной плиты: западная – длиной 72 см, восточная – 56 см; толщина плит от 4 до 5,2 см. Плиты, образовавшие ящик, достаточно хорошо обработаны, имеют относительно ровные поверхности. В целом реконструкция ящика выглядит следующим образом. Форма ящика подпрямоугольная (возможно, слегка трапециевидная), длина 176–180 см. Как уже отмечалось, его длинные стороны состояли из трех плит, по одной крупной и двум более коротким с каждой из сторон. Цельные торцовые плиты оказались зажатыми встык между плитами длинных сторон ящика. Западная плита, установленная в изголовье погребенного человека, длиннее восточной. С учетом толщины боковых плит размер западной стенки каменного ящика составлял 80–85 см, восточной – в пределах 65 см. Перекрытие ящика отсутствовало, в целом он состоял из восьми плит*. Глубина дна могилы от современной поверхности составляла 75 см. Заполнение внутреннего пространства ящика соответствовало структуре состава речной террасы. Оно представляло собой рыхлую супесь коричневого цвета с включением редкого мелкого окатанного галечника. На дне могилы был зачищен скелет человека. В кратком отчете 2010 г. пол погребенного отмечен как женский. Человек был уложен на спине в вытянутом положении головой на запад, с приподнятым затылком и лицом, обращенным на восток. Правая рука вытянута и слегка отведена в сторону от туловища, кисть ее отсутствовала, очевидно, она выпала при обрушении берега. Левая рука немного согнута в локте, кисть покоилась вплотную около тазовой кости. Ноги вытянуты и расположены параллельно друг другу. Часть костей скелета оказалась перемещена со своего анатомического положения (рис. 2). В ногах, недалеко от правой стопы погребенного человека, стоял глиняный сосуд баночной формы, выпавший ранее из разрушающегося каменного ящика и подобранный местными жителями. В месте, где он находился, остался отпечаток днища, керамические крошки и следы кальциевой патины.

Сосуд небольшой, несколько кособокий, слегка наклоненный в одну сторону, высотой 11,6 см. Он имеет баночную форму, устье открытое, диаметром 8,8 см, стенки прямые. В нижней части стенки сосуда плавно закругляются и сужаются. Срез венчика прямой, плоский, толщина стенок в верхней части по срезу венчика 0,6 см. Днище совсем небольшое, плоское, диаметром 2,8 см (рис. 3.-1). Сохранность сосуда неполная – венчик обломан в двух местах, имеется несколько трещин, поверхность загрязнена. Формовочная масса сосуда включала примеси песка и мелких дробленых минералов, тесто рыхлое. Обжиг удовлетворительный, цвет поверхности коричневый, местами с пятнами красно-коричневого и черного цветов, видно легкое заглаживание поверхности. Вся внешняя поверхность сосуда, включая днище, покрыта орнаментом. Техника нанесения орнамента – прямой или сужающийся с одной стороны под углом оттиск удлинённого гладкого штампа («отступающая дощечка»). Всего по тулову

* Плиты ящика погребения по просьбе местной администрации оставлены в с. Мендур-Соккон для музея.

Рис. 2. Погребение в селе Мендур-Соккон: 1 – вид с востока; 2 – вид с юга

сосуда проходит 19 горизонтальных строк оттисков. Первый ряд под венчиком состоит из опоясывающих сосуд слабо отпечатанных наклонных вправо оттисков штампа. Ниже по всему тулову проходят девять параллельных рядов елочного орнамента, выполненных более глубокими оттисками. В ряде случаев на вершинах оттисков имеются мелкие круглые неглубокие ямки. Особого внимания заслуживает орнамент дна сосуда. Казалось бы, на нем хаотично и бессистемно нанесены удлиненные, слегка дуговидные оттиски штампа (рис. 3.-2). Но при тщательном рассмотрении в центре дна четко различается геометрический знак, напоминающий 24-ю руну древнегерманского рунического алфавита – «Одал» (или «Отал»). Данный орнамент, знак и возможные другие комбинации орнамента, как на дне сосуда, так и на его стенках, требует отдельного исследования специалистами в области рунологии, лингвистики, символики. Не исключено, что и другие комбинации орнамента дна могут представлять собой некие знаки, служившие магическими или родовыми символами.

Рис. 3. Керамический сосуд из погребения в селе Мендур-Соккон: 1 – вид сбоку; 2 – вид снизу

Изучение краниологической находки из погребения в с. Мендур-Соккон

Череп из погребения в с. Мендур-Соккон, хранящийся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске (см. табл.), исследовался по краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Он принадлежал молодой женщине в возрасте 18–20 лет. Для женского пола череп характеризуется выраженной массивностью при сильно развитом лобном рельефе, среднем – в затылочной области, и крупных сосцевидных отростках. Мозговая коробка сфероидной формы, средней длины, очень широкая и очень высокая, выраженно брахикранная, гипси- и метриокранная по указателям. Лоб средней ширины в месте наибольшего сужения височных линий и большой ширины в коронарной части, узкий относительно ширины мозговой коробки и по широтному лобному указателю. В горизонтальной плоскости лобная кость уплощена, в сагиттальной – средневыпуклая, углы профиля лобной кости также характеризуются средними значениями признаков. Основание черепа средней длины и очень широкое. Лицевой отдел очень широкий и средневисокий, относительно низкий. Горизонтальная профилировка лица слабая на верхнем уровне и сильная на зигомаксиллярном, клыковая ямка мелкая. В вертикальной плоскости по всем показателям лицевой отдел ортогнатный. Орбиты широкие и очень низкие, резко хамакконхные. Носовой отдел невысокий, средней ширины абсолютно и по указателю, с острым нижним краем грушевидного отверстия. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения неширокие, абсолютно и относительно высокие по симотическому указателю и средневисокие – по дакриальному. Угол выступания носа к линии общего лицевого профиля большой на границе со средними значениями признака. Нижняя челюсть очень широкая и очень длинная от углов, с вертикально поставленными широкими ветвями, широким выступающим подбородком. Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), вычисленная с учетом средних коэффициентов полового диморфизма на основании значений общего индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС=49,1) и преартикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ=91,9) [Дебец, 1968] составляет 39,4%.

Индивидуальные краниометрические данные черепа женщины из Мендур-Соккон

Признак по Мартину и др.	x	Признак по Мартину и др.	x
1. Продольный диаметр	173	48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,3
8. Поперечный диаметр	145	72. Общий лицевой угол	86
8:1. Черепной указатель	83,8	74. Угол альвеолярной части	79
17. Высотный диаметр от ба.	138	77. Назомалярный угол	145,6
17:1. Высотно-продольный указ-ль	79,8	∠Zm'. Зигомаксиллярный угол	129,2
17:8. Высотно-поперечный указ-ль	95,2	51. Ширина орбиты от mf.	42,5
20. Высотный диаметр от ро.	114	51a. Ширина орбиты от d.	40,5
5. Длина основания черепа	98	52. Высота орбиты	28,7 ^{np}
9. Наименьшая ширина лба	94,2	52:51. Орбитный указатель от mf.	67,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,0	52:51a. Орбитный указатель от d.	70,9
10. Наибольшая ширина лба	120	55. Высота носа	46,0
11. Ширина основания черепа	132	54. Ширина носа	23,6
32. Угол профиля лба от п.	85	54:55. Носовой указатель	51,3
GM/FH. Угол профиля лба от g.	79	75(1). Угол выступания носа	25
29. Лобная хорда	111	SC. Симотическая ширина	5,2
Sub.NB. Высота изгиба лба	26,0	SS. Симотическая высота	2,9

Продолжение таблицы

Признак по Мартину и др.	х	Признак по Мартину и др.	х
Sub.Nß:29. Указ-ль выпуклости лба	23,4	SS:SC. Симотический указатель	55,8
Надпереносье (1-6)	3,5	DC. Дакриальная ширина	18,2
11. Ширина основания черепа	132	DS. Дакриальная высота	8,5
40. Длина основания лица	93	DS:DC. Дакриальный указатель	46,7
40:5. Указатель выступания лица	94,9	FC. Глубина клыковой ямки	2,9 ^{пр}
43. Верхняя ширина лица	104	68. Длина нижней челюсти от углов	84
45. Скуловой диаметр	137	79. Угол ветви челюсти от углов	119
45:8. Горизонтальный фацио- церебральный указатель	94,5	71a. Наименьшая ширина ветви	34,8 ^{пр}
48. Верхняя высота лица	68	66. Угловая ширина	107
48:45. Верхний лицевой указатель	49,6	67. Передняя ширина	46,4

По черепу из погребения в с. Мендур-Соккон на основе метода М.М. Герасимова [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Aulsebrook, 1993; Никитин, 2009; Rynn et al., 2009; и др.] восстановлен прижизненный облик человека в профильной и фронтальной нормах. Выполненная реконструкция дает представление о морфологическом облике и индивидуальных особенностях молодой женщины каракольской культуры Алтая (рис. 4).

Обсуждение результатов исследований

Аналогии погребальному обряду захоронения в с. Мендур-Соккон достаточно широко представлены в других памятниках каракольской культуры, содержащих не потревоженные могилы [Кубарев, 1998; 2009]. Наиболее близкие конструкции погребальных ящиков зафиксированы на могильнике Каракол, особенно в погребении-5, где также «ящик был сооружен из восьми массивных плит» [Кубарев, 2009, с. 20; рис. 85]. Остальные ящики погребений Каракольского могильника состояли из шести плит. Все перечисленные выше признаки погребального обряда мендур-сокконского объекта не вызывают никаких сомнений в его принадлежности к каракольской культуре развитого бронзового века, убедительно обоснованной в работах В.Д. Кубарева [1988, 2009] и В.И. Молодина [1992]. Хронологически каракольская культура датируется в пределах

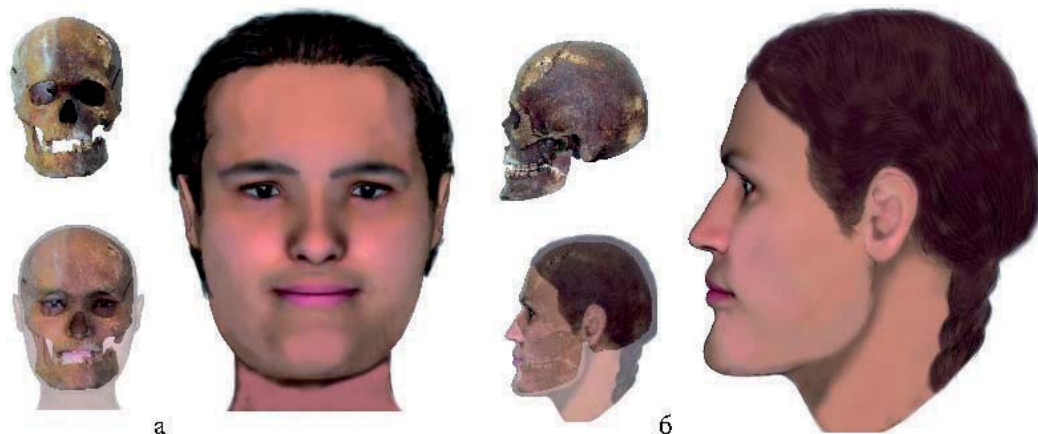

Рис. 4. Графическая реконструкция по черепу женщины из погребения в с. Мендур-Соккон: а – анфас; б – профиль

конца III – 1-й половины II тыс. до н.э., хотя сам В.Д. Кубарев [2009, с. 78] отмечал, что «...до сих пор мы не имеем точных хронологических определений и этнографических границ каракольской культуры». Нами датировка погребения из Мендур-Соккона определяется предположительно концом III – началом II тыс. до н.э.

В 2009 г. также была обследована территория, расположенная на берегу р. Чарыш в районе раскопанного погребения и в окрестностях. На поверхности, как уже указывалось выше, серьезно измененной вследствие жизнедеятельности населения, были обнаружены небольшие всхолмления и в ряде мест выступающие на поверхности камни. Предположительно это могут быть другие каракольские могилы, составляющие с раскопанным нами погребением единый некрополь. Спустя десять лет, в июле 2019 г., одним из авторов осуществлен выезд в село и проведено новое обследование территории предыдущих раскопок. Его результаты показали, что старый берег реки Чарыш повсюду существенно осыпался. Особенно сильным обрушением стало место, где в 2009 г. было раскопано описанное погребение (рис. 5). Признаков разрушения новых археологических объектов не обнаружено.

Рис. 5. Место расположения погребения (выделено цветом), вид с юга. Фотоснимок 2019 г.

Сосуд из погребения в с. Мендур-Соккон очень близок к единственному найденному до этого керамическому сосуду каракольской культуры из погребения-1 могильника в с. Озерное, «...орнаментированном горизонтальной разреженной елочкой, оттиснутой гребенчатым штампом» [Погожева, 2006, с. 55]. Оба сосуда небольших размеров, имеют баночную форму, геометрический елочный орнамент*. Обратим также внимание на керамику третьей группы елунинской культуры ранней бронзы Лесостепного Алтая, имеющую аналогичные параметры и профилировку, стилистически близкую орнаментацию, а также небольшие по размерам орнаментированные днища [Кирюшин, 2002, с. 51, рис. 105].

Антропологический тип женщины каракольской культуры из погребения в с. Мендур-Соккон на основании морфологической характеристики черепа в целом можно охарактеризовать как промежуточный европеоидно-монголоидный (или монголоидно-европеоидный), свойственный местному древнему населению Алтае-Саянского нагорья. На данной территории выделяется особая древняя южная евразийская антропологическая формация [Чижишева, 2012], морфологические особенности которой фиксируются на краниологиче-

* Керамический сосуд из погребения в с. Мендур-Соккон находится в сельском общественном музее данного села, сосуд из могильника в с. Озерное хранится и экспонируется в Национальном музее им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

ских находках начиная с неолита–энеолита. Ее характеризует брахикранная форма невысокой мозговой коробки и промежуточные монголоидно-европеоидные характеристики в строении лицевого отдела со специфическим соотношением краниологических параметров, дифференцирующих группы монголоидного и европеоидного расовых стволов: относительно сильно выступающий нос и высокое переносье в сочетании с относительно более уплощенным лицом. Именно эти особенности проявляются на краниологической находке из Мендур-Соккон. Брахикранная форма мозговой коробки, сходные размеры и пропорции лицевого отдела, степень общей уплощенности лица, переносья и выступления носа объединяет анализируемый череп с другими черепами каракольской культуры, в частности из Каракольского могильника [Чикишева, 2012; Тур, Солодовников, 2005] и коллективного погребения в каменном ящике в с. Озерное (раскопки 2005 г., неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова и С.С. Тур). Среди близких в культурно-хронологическом отношении материалов других территорий череп женщины из с. Мендур-Соккон очень сходен с краниологическими сериями, представляющими популяции родственной окуневской культуры Минусинской котловины [Громов, 1997], антропологически наиболее сходными с населением каракольской культуры Алтая [Тур, Солодовников, 2005; Чикишева, 2012].

В качестве индивидуальных особенностей черепа из с. Мендур-Соккон, по-видимому, следует оценивать низкие орбиты, высокую мозговую коробку и в целом европеоидные фацио-церебральные соотношения, которые связаны скорее с нормальной биологической изменчивостью, чем с возможной европеоидной примесью. Последняя в целом не исключена в составе населения каракольской культуры [Тур, Солодовников, 2005] и более отчетливо проявляется в антропологическом облике населения родственной чаа-хольской культуры Тувы, где фиксируется почти «в чистом виде» (Аймырлыг-ХIII, XXVII) [Гохман, 1980]. Типологически европеоидный компонент в составе населения данных культур окуневского типа Южной Сибири, как и елунинской степного Обь-Иртышья и других культур периода ранней бронзы юга Западной Сибири, отличается от протоевропеоидного типа населения предшествующей афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии. Он, по-видимому, представляет последующую, сравнительно «разреженную» волну древнего европеоидного населения, но территориально затронувшую более обширные районы. Локальное антропологическое разнообразие населения культур ранней бронзы этого обширного региона определяется антропологической дифференциацией местных групп; некоторой разнородностью пришлого европеоидного суперстрата; количественным соотношением пришлого и местного компонентов с преобладанием женского населения в составе последнего; а также глубиной антропологически фиксирующегося между ними смешения на хронологическом срезе исследованных археологических комплексов [Солодовников, 2007]. Однако в данном контексте исследования существенно то, что на краниуме женщины каракольской культуры из с. Мендур-Соккон фиксируются преобладающие морфологические особенности именно местного антропологического компонента сложения населения культур ранней бронзы Южной Сибири. Условная доля монголоидного элемента [Дебец, 1968], вычисленная для черепа из Мендур-Соккон на основании лишь общего индекса уплощенности лицевого скелета ($УДМЭ_{у\text{лс}}$) [Дремов, 1997, с. 24], составляет 48,5%, что даже несколько превышает аналогичный показатель на других черепах каракольской культуры Алтая, где он варьирует от 23% (☒ Каракол, курган №2, погребение-2) до 43% (☒ Озерное, скелет №3).

Следует также подчеркнуть очень большие морфологические различия этих и других черепов каракольской культуры с краниологическими сериями территориально соседствующей елунинской культуры предгорно-равнинного Алтая и степного

Обь-Иртышья [Дремов, 1997; Солодовников, Тур, 2016; и др.]. При сходном проявлении субстратных промежуточных европеоидно-монголоидных антропологических комплексов в строении лицевого отдела, конструкция мозговой коробки каракольских и окуневских, с одной стороны, и елунинских черепов – с другой принципиально различна (брахикrania в первом случае и резкая долихокрания – во втором). Это дает основание утверждать об их принадлежности к антропологическим общностям местного населения соответственно горных и предгорных областей Южной Сибири и равнинных – юга Западной Сибири, что выявляется с помощью статистического анализа [Солодовников и др., 2016, с. 264]. Появившиеся краниологические материалы чумурчекской культуры высокогорных районов Монгольского Алтая [Солодовников и др., 2019], демонстрируя сходство с черепами елунинской культуры Лесостепного Алтая, также обнаруживают очень значительные антропологические отличия чумурчекских групп от населения каракольской и окуневской культур Южной Сибири.

Заключение

Исследованное погребение у с. Мендур-Соккон относится к каракольской культуре Алтая, входящей в круг культурных образований окуневского типа или чумурчекско-окуневской общности Южной Сибири и Центральной Азии [Лазаретов, 2017; Ковалев, 2017; и др.]. С учетом все еще малой численности погребальных памятников каракольской культуры это придает важное значение материалам погребения в с. Мендур-Соккон с зафиксированным погребальным обрядом и могильным сооружением в виде каменного ящика. Уникальность данного погребения определяется также нахождением в нем керамического сосуда со специфической орнаментацией днища.

Поскольку В.Д. Кубаревым [2009] выделены и описаны три микрорайона концентрации погребений каракольской культуры (Каракольская долина, районы сел Беш-Озек и Озерное), Мендур-Соккон является четвертым подобным пунктом распространения погребальных памятников данной культуры. Перспективными местами для поиска каракольских кладбищ могут быть окрестности с. Теньга Онгудайского района, а также Абайская долина в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, где имеются объекты, внешне напоминающие насыпи каракольских курганов. Погребение в с. Мендур-Соккон предположительно датируется концом III – началом II тыс. до н.э.

По черепу молодой женщины, захороненной в погребении из с. Мендур-Соккон, проведена реконструкция прижизненного облика. Антропологический тип этого человека каракольской культуры Алтая определяется местным брахикранным промежуточным европеоидно-монголоидным типом. Он был характерен для популяций эпох неолита и бронзы Алтае-Саянского нагорья, и в частности окуневской и каракольской культур ранней бронзы данного региона. Одновременно прослеживаются большие морфологические различия с антропологическим типом населения елунинской и чумурчекской культур сопредельных территорий, соответственно Лесостепного Алтая и высокогорья Монгольского Алтая.

Библиографический список

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; Т. 28).
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л. : Наука, 1980. С. 5–34 (СМАЭ; Т. XXXVI).

Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.

Дебег Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. : Наука, 1968. С. 13–22.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Киреев С.М., Ойношев В.П., Чевалков Л.М., Кубарев В.Д. Раскопки в Чемальском и Усть-Канском районах Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 202–205.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Ковалев А.А. Роль чумурчкского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 267–269.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск : Наука, 1988. 172 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 284–289.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М. : Старый Сад, 1998. 125 с.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 271–282.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований; в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М. : Московский Кремль, 2009. С. 137–167.

Погожева А.П. Эпоха бронзы // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. I. Барнаул : Азбука, 2006. С. 49–59.

Погожева А.П., Кадилов Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Ин-т ист., филол. и филос. СО АН СССР, 1979. С. 80–85.

Солодовников К.Н. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 145–150.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 181–202.

Солодовников К.Н., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Краниология чумурчкской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб. : ИИМК РАН, 2019. С. 79–81.

Солодовников К.Н., Хохлов А.А., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. К проблеме трансевразийских миграций Запада и Востока Северной Евразии: эпоха камня и бронзы (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 261–268.

Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. С. 35–47.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 468 с.

Aulsebrook W.A. The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face, Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy. Johannesburg : University of the Witwatersrand, 1993. 283 p.

Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // Forensic Science, Medicine and Pathology. 2009. Vol. 6, №1. P. 20–34.

References

- Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry: Methodology of Anthropological Research]. M. : Nauka, 1964. 128 s.
- Gerasimov M.M. *Vosstanovlenie lica po cherepu: (Sovremennyy i iskopaemyy chelovek)* [Facial Restoration of the Skull: (Modern and Fossil Man. M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. 585 s. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya; T. 28) [Proceedings of the Institute of Ethnography. N.N. Miklouho-Maclay. New series. Vol. 28].
- Gohman I.I. *Proiskhozhdenie central'noaziatskoj rasy v svete novyh paleoantropologicheskikh materialov* [The Origin of the Central Asian Race in the Light of New Paleoanthropological Materials]. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR* [Research on Paleoanthropology and Craniology of the USSR]. L. : Nauka, 1980. Pp. 5–34 (SMAE; Vol. XXXVI).
- Gromov A.V. *Proiskhozhdenie i svyazi okunevskogo naseleniya Minusinskoj kotloviny* [The Origin and Relations of the Okunevo Population of the Minusinsk Depression]. *Okunevskij sbornik* [Okunevo Collection]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 301–345.
- Debec G.F. *Opyt kraniometricheskogo opredeleniya doli mongoloidnogo komponenta v smeshannyh gruppah naseleniya SSSR* [The Experience of Craniometric Determination of the Share of the Mongoloid Component in Mixed Groups of the Population of the USSR]. *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Azii* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography]. M. : Nauka, 1968. Pp. 13–22.
- Dremov V.A. *Naselenie Verhnego Priob'ya v epohu bronzы (antropologicheskij ocherk)* [The Population of the Upper Ob in the Bronze Age (anthropological essay)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 264 p.
- Kireev S.M., Ojnoshev V.P., Chevalkov L.M., Kubarev V.D. *Raskopki v Chernal'skom i Ust'-Kanskom rajonah Respubliki Altaj* [Excavations in the Chemsalsky and Ust-Kansky Regions of the Altai Republic]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. T. XVI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. Pp. 202–205.
- Kiryushin Yu.F. *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoj Sibiri* [Eneolithic and Early Bronze in the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p.
- Kovalev A.A. *Rol' chemurchekskogo kul'turnogo fenomena v formirovanii i razvitii kul'tur bronzovogo veka Sibiri i Kazahstana* [The Role of the Chemurchek Cultural Phenomenon in the Formation and Development of the Bronze Age Cultures of Siberia and Kazakhstan]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe*. T. I [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha. Vol. I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 267–269.
- Kubarev V.D. *Drevnie rospisi Karakola* [Ancient Murals of Karacol]. Novosibirsk : Nauka, 1988. 172 p.
- Kubarev V.D. *Pamyatniki karakol'skoj kul'tury Altaya* [The Sites of the Karakol Culture of Altai]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. 264 p.
- Lazaretov I.P. *Obshchnost' kul'tur Sayano-Altaya v epohu rannej bronzы* [The Community of Cultures of the Sayan-Altai in the Early Bronze Age]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe*. T. I [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha. Vol. I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 284–289.
- Lebedinskaya G.V. *Rekonstrukciya lica po cherepu. Metodicheskoe rukovodstvo* [Facial Reconstruction of the Skull. Methodical Guide]. M. : Staryj Sad, 1998. 125 p.
- Molodin V.I. *Karakol'skaya kul'tura* [Karakol culture]. *Okunevskij sbornik 2: Kul'tura i ee okruzenie* [Okunevo Collection 2: Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 271–282.
- Nikitin S.A. *Plasticheskaya rekonstrukciya portreta po cherepu* [Plastic Reconstruction of the Portrait along the Skull]. *Nekropol' russkih velikih knyagin' i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: Materialy issledovaniy; v 4 t.* T. 1. *Istoriya usypal'nicy i metodika issledovaniya zahoroneniya* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarines in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin: Research Materials; in 4 vol. Vol. 1. The History of the Tomb and the Methodology for the Study of Burials]. M. : Moskovskij Kreml', 2009. Pp. 137–167.
- Pogozheva A.P. *Epoha bronzы* [Bronze Age]. *Epoha eneolita i bronzы Gornogo Altaya*. Ch. I [Eneolithic and Bronze Age of Altai Mountains. Part I]. Barnaul : Azbuka, 2006. Pp. 49–59.
- Pogozheva A.P., Kadikov B.H. *Mogil'nik epohi bronzы u poselka Ozernogo na Altae* [The Bronze Age Burial Ground near the Village of Ozerny in Altai]. *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : In-t ist., filol. i filos. SO AN SSSR, 1979. Pp. 80–85.

Solodovnikov K.N. K voprosu o roli evropeoidnogo komponenta v rasogeneze naseleniya Altae-Sayanskogo nagor'ya epohi rannej i razvitoj bronzy [On the Role of the Caucasoid Component in the Racogenesis of the Population of the Altai-Sayan Highlands of the Era of Early and Developed Bronze]. *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami [Altai-Sayan Mountain Country and the History of its Development by Nomads]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 145–150.

Solodovnikov K.N., Tur S.S. Kraniologicheskie materialy eluninskoj kul'tury epohi rannej bronzy Verhnego Priob'ya [The Craniological Materials of the Yelunino Culture of the Early Bronze Age of the Upper Ob Region]. *Eluninskij arheologicheskij kompleks Teleutskij Vzvoz-I v Verhnem Priobe: opyt mezhdisciplinarnogo izucheniya [Yelunino Archaeological Complex Teleutsky Vzvoz-I in the Upper Ob Region: an Experience of Interdisciplinary Study]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 181–202.

Solodovnikov K.N., Tumen D., Erdene M. Kraniologiya chemurchekskoj kul'tury Zapadnoj Mongolii // *Drevnosti Vostochnoj Evropy, Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v kontekste svyazej i vzaimodejstvij v evrazijskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i koncepcii)*. T. II. SPb. : IIMK RAN, 2019. Pp. 79–81.

Solodovnikov K.N., Hohlov A.A., Rykun M.P., Kravchenko G.G. K probleme trans'evrazijskih migracij Zapada i Vostoka Severnoj Evrazii: epoha kamnya i bronzy (po dannym arheologii, antropologii i paleogenetiki) [On the Problem of Trans-Eurasian Migrations of the West and East of Northern Eurasia: the Era of Stone and Bronze (according to archeology, anthropology and paleogenetics)]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya*. T. 2. [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 2]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 261–268.

Tur S.S., Solodovnikov K.N. Novye kraniologicheskie materialy iz pogrebenij karakol'skoj kul'tury epohi bronzy Gornogo Altaya [New Craniological Materials from Burials of the Karakol Culture of the Bronze Age of Altai Mountains]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of South Siberia]*. Gorno-Altajsk : AKIN, 2005. Pp. 35–47.

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differenciacii naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v epohi neolita – rannego zheleza [Dynamics of Anthropological Differentiation of the Population of the South of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. *Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN*, 2012. 468 p.

Aulsebrook W.A. The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face, Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy. Johannesburg : University of the Witwatersrand, 1993. 283 p.

Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. Prediction of Nasal Morphology from the Skull // *Forensic Science, Medicine and Pathology*. 2009. Vol. 6, №1. Pp. 20–34.

S.M. Kireev¹, K.N. Solodovnikov², A.I. Nechvaloda³

¹*Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altajsk, Russia;*

²*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia;*

³*Federal Ufa Research Centre RAS, Ufa, Russia*

BURIAL OF THE KARAKOL BRONZE AGE CULTURE IN THE ALTAI MOUNTAINS IN THE MENDUR-SOKKON VILLAGE (Preliminary Results of an Archaeological and Paleoanthropological Study)

The paper presents the results of excavations of the emergency burial of the Karakol culture of the Bronze Age in the village of Mendur-Sokkon in the Altai Mountains. The features of the funeral rite, the design of the stone box are described. A unique vessel was found in the burial, ornamented over the entire surface with fir-tree ornaments. The sign of the Odal rune is depicted on the bottom of the vessel. The burial is dated to the end of 3rd – beginning of the 2nd millennium BC. The craniological features of the local anthropological component of the composition of the early bronze cultures of southern Siberia with intermediate Caucasoid-Mongoloid racial features are clearly manifested on the skull of a woman from Mendur-Sokkon. One can argue about the great morphological similarity of the buried with individuals buried in the unified cultural burials of Ozernoye and Karakol in Central Altai. On a territorially wider scale, the skull of a woman from a burial in the village of Mendur-Sokkon resembles the craniological series of the Okunevo culture of the Minusinsk depression, which of all the cultural formations of the early bronze of southern and southern Western Siberia anthropologically is the most related to the Karakol one.

Key words: Gorny Altai, Archaeology, the Bronze Age, Karakol culture, funeral rite, stone box, ceramics, paleoanthropology, craniometry.

НАХОДКИ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ В КУРГАНАХ С «УСАМИ» ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Особая категория памятников древности – курганы с «усами» – широко распространена на территории Казахстана, а также в ряде регионов за его пределами. Автор на основании своих исследований в предыдущих публикациях высказал мнение о ритуальном характере этих сооружений, которые строились в ходе прощально-поминальных процессов. В сообщении, подготовленном по материалам Центрального Казахстана, рассматриваются кости животных, которые находятся под ритуальной насыпью, а также под камнями полосы «усов». В большинстве случаев это кости лошади. Полные скелеты встречаются редко. В процессе раскопок обычно находят отдельные кости от скелета (часть туши), череп. Во многих случаях сохраняются лишь фрагменты от костей. По костям животных, найденных в курганах с «усами» Центрального Казахстана, получена серия радиоуглеродных дат в лабораториях Великобритании, России, Канады. Часть дат относится к древним периодам. Наряду с этим в ряде случаев радиоуглеродные анализы показывают принадлежность костей животных и к более поздним периодам: тюркскому, кыпчакскому, а также казахскому времени. В работе с костями из курганов с «усами» нужен тщательный подход, особая система учета и анализа.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, курганы с «усами», ритуальная насыпь, кости животных, радиоуглеродный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-08

Введение

Во многих регионах Казахстана, а также за его пределами распространены курганы с «усами». Наибольшая концентрация их обнаружена в Центральном Казахстане. К настоящему времени опубликовано значительное число работ, где изложены многие проблемы изучения таких памятников, в том числе о их расположении [Маргулан, 1948; Кадырбаев, 1958, 1966; Оразбаев, 1969; Арсланова, 1975; Ахинжанов, 1977; Бейсенов, 1997; 2017; Толеубаев, Бейсенов, Омаров, 1998; Свиридов, 2004; 2005; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Базарбаева, Джумабекова, 2017; Бейсенов, Логвин, Базарбаева, Грудочко, Сеитов, 2017; Грудочко, 2018; Бейсенов, Хасенова, Ахияров, Дуйсенбай, 2018]. Настоящее сообщение подготовлено по материалам Центрального Казахстана.

Речь пойдет о костях животных, находимых под ритуальной насыпью в системе кургана с «усами». Понятие «ритуальная насыпь» требует некоторого пояснения. Это небольшое сооружение без человеческого захоронения, на восток от которого направлены каменные гряды. В обычной ситуации насыпь одна, гряд две. Это и есть, собственно, курган с «усами», в предложенной автором классификации это тип 1. Такая система бывает пристроена к погребальному сооружению с его восточной стороны, что весьма характерно прежде всего для Центрального Казахстана. Подобные комплексы объединены в тип 2 (2а, 2б). В этом случае с запада находится тасмолинский курган, который обычно называется «основной курган», а с восточной стороны располагается «курган-спутник», от которого идут каменные гряды-«усы», последний и есть «ритуальная насыпь». Встречаются комплексы типа 3, когда курганы распо-

гаются уже по линии Ю–С. Детальное рассмотрение всех разновидностей курганов с «усами» не входит в задачу настоящего сообщения. Вопросы типологии памятников были уточнены в недавней публикации автора (подробнее см.: [Бейсенов, 2017]), что избавляет нас от ненужного повтора. Только следует еще раз оговориться, что типы памятников рассматриваются автором исключительно по материалам Центрального Казахстана. При нынешнем увеличении числа материалов по курганам с «усами» по разным регионам это обстоятельство следует особо учитывать.

Материалы и методы исследований

Целые скелеты лошади под ритуальной насыпью встречаются редко. В частности, в материалах М.К. Кадырбаева есть сведения о нескольких курганах. Курган с «усами» №2, исследованный в могильнике Сарша, имел каменную насыпь диаметром 9 м и высотой 1,7 м. Гряды направлены на восток и имеют длину: северная – 198 м, южная – 183 м. Ширина «усов» – 1 м. Человеческое захоронение под насыпью отсутствует. В центре подкурганной площадки найден плохо сохранившийся скелет лошади «крупной породы», положенной «на левый бок, головой на северо-запад (возможно, на юго-запад. – А.Б.), ногами на восток». Вещей нет. В долине реки Былкылдак, близ Кызылтауского подхоза, исследован курган с «усами» №16. Диаметр 9,8 м, верх насыпи снят для строительных работ. «От кургана в восточном направлении отходят „усы“». Длина северного – 86 м, южного – 78,6 м, средняя их ширина – 1 м. ...В полуметровой прямоугольной яме находился истлевший костяк лошади. У передних ног ее найдено железное кольцо (4,8×4,4 см), вероятно, от узды» [Кадырбаев, 1958, с. 102]. В могильнике Карасай исследован курган с «усами» №2. «Диаметр – 11,7 м, высота – 25 см. Насыпь каменная. Курган своими „усами“ обращен на восток. Длина северного „уса“ – 110 м, ширина – 2 м, диаметр каменных набросков у начала – 6,5 м, в конце – 8 м. Длина южного „уса“ – 100 м, ширина – 2 м, диаметр каменных набросков у начала „уса“ – 7,7 м, в конце – 6 м. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, обнаружены полуистлевший череп, шейные позвонки и кости передних ног лошади. Материальных находок нет» [Кадырбаев, 1958, с. 103].

Все три кургана состоят из одной насыпи и «усов», таким образом, это тип 1. Во всех трех отмеченных случаях сосуды и их фрагменты отсутствовали.

М.К. Кадырбаев на могильнике Ботакара исследовал курган с «усами» №48. Две насыпи расположены по линии Ю–С (тип 3), на расстоянии 10 м друг от друга. От них на восток отходят две каменные гряды, обе распаханые. Южный курган имел диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток – 10 м. Высота 0,4 м. «Под его насыпью, в западной половине, лежал истлевший скелет лошади, на правом боку, с вытянутыми передними и задними ногами, головой на север». Неподалеку находился «раздавленный глиняный сосуд». Северный курган имел размеры 5×4 м при высоте 0,4 м. Под его насыпью, также на уровне погребенной почвы и в том же положении, обнаружен скелет лошади, «головой на северо-восток». Там тоже находился «раздавленный сосуд» [Кадырбаев, 1966, с. 346]. В кургане, как видно из описания, найдены скелеты двух лошадей под двумя насыпями. Человеческое погребение отсутствует.

В кургане Кырыкунгир (тип 1), что на склоне Чингистау, найдены кости от двух передних ног молодой лошади, положенные в сочленении, а также обломки ребер и фрагменты от других неопределимых костей животного [Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016, с. 252, рис. 2.-2]. Здесь, похоже, положили часть туши животного.

В целом ряде других случаев под ритуальной насыпью находят лишь отдельные кости и их фрагменты. Часто сохранность их бывает очень плохой. В кургане Джанайдар (тип 1), близ Улытау, найдены лишь зубы лошади, близ которых лежали детали конской узды раннесакского времени [Оразбаев, 1969]. В 1978 г. М.К. Кадырбаев на Атасу исследовал четыре кургана с «усами». Все курганы относятся к типу 1. «В курганах с „усами“ могильных ям не оказалось. Под насыпями их, на расчищенной площадке лежали кости ног лошади, а в восточной стороне – раздавленные глиняные сосуды» [Кадырбаев, 1978, с. 7]. Под ритуальной насыпью кургана Жамантас (тип 2а) обнаружена округлая яма диаметром 0,8 м и глубиной 0,45 м, на дне которой находились две плохо сохранившиеся трубчатые кости лошади, возможно, молодой особи. За пределами этой ямы, на расстоянии 0,3 м, но уже на уровне древней дневной поверхности лежали зубы лошади [Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017].

В кургане с «усами» Атасу-2 (тип 1) обнаружены две ямы, содержавшие предметы гуннского времени. В одной из них также найдены фрагменты костей крупного животного, среди которых можно было узнать одну тазовую кость. Все кости были в таком плохом состоянии, что две заготовленные для ^{14}C -анализа пробы оказались негодными [Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018]. Под ритуальной насыпью кургана с «усами» №2 (тип 2а) могильника Тандайлы-2 «на материковом уровне найдены три зуба и фрагменты от челюсти лошади. В северной половине подкурганной площадки зафиксировано темное пятно округлой формы, диаметром около 1,1 м. Мощность – 0,2 м. Находки отсутствуют» [Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, Святко, 2016, с. 236]. Курган с «усами» Кабантау состоит из двух насыпей, расположенных по линии Ю–С, и двух каменных гряд (тип 3). Обе насыпи не имеют могильной ямы, т.е. это ритуальные сооружения. Под северной насыпью костей животных не оказалось. В южной насыпи на 10 см выше материкового уровня найден полуистлевший фрагмент ребра лошади, севернее их на том же уровне находились два мелких фрагмента от неопределенных костей и 7–8 расколовшихся зубов лошади. Все кости лежали в виде полосы по линии Ю–С, длиной 0,5 м. Кости плохой сохранности, для радиоуглеродного анализа оказались непригодными. На расстоянии 1,4 м к северо-востоку от зубов лошади на уровне материка зафиксировано пятно золы диаметром 0,2 м, мощностью 0,1 м. Мелкие кости мелкого рогатого скота найдены также под концевыми сооружениями обеих гряд [Бейсенов, Хасенова, Ахияров, Дуйсенбай, 2018]. Два образца (образцы 2 и 3) были взяты соответственно из костей, найденных под этими двумя сооружениями (табл.).

Курган с «усами» Копя, исследованный автором, состоял из двух насыпей, расположенных по линии З–В (тип 2а). Западный курган, имевший диаметр 21 м и высоту 1,2 м и относящийся к тасмолинской культуре, содержал сильно ограбленную дромосную могилу. Среди уцелевших вещей – костяные обоймы от воинского наборного пояса, а также фрагменты железного кинжала. Ритуальная насыпь имела диаметр не более 3 м, высота незначительная. Там не найдено ни костей животных, ни развала сосуда. Этот пример не единичен. Ритуальная насыпь кургана Токантас (тип 2а) диаметром 4,5 м и высотой 0,15 м также не содержала ни костей животных, ни керамики. В кургане с «усами» (тип 1) могильника Караоба, а также в кургане с «усами» №3 (тип 1) могильника Кабакши, кости животных и развалы сосудов отсутствовали, но в обоих случаях были найдены каменные жернова, лежавшие на древней поверхности (см.: [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 27–28, фото 15, 16]). Еще в одном кургане с «усами»

могильника Караоба, обозначенном как курган с «усами» 2 (тип 2а), ритуальная насыпь тоже не содержала ни костей животных, ни фрагментов сосуда.

Таким образом, кости животных под ритуальной насыпью встречаются в разных вариациях. Можно отметить следующие основные категории:

- 1) полные скелеты лошадей, уложенных набор;
- 2) кости от большей части туши лошади, например череп с шейными позвонками и кости передних ног; полные кости от двух ног или от одной ноги;
- 3) остатки черепа лошади, чаще отдельные фрагменты, зубы;
- 4) отдельные кости от скелета.

Во всех четырех случаях кости животного могут находиться в неглубокой яме или на древней поверхности.

Сами факты находки под ритуальной насыпью костей и развалов сосудов также варьируют:

- 1) кости животного, развалы или фрагменты сосуда;
- 2) кости животного, но нет сосуда;
- 3) части сосуда, но нет костей животного.

Как было указано, кости животных могут находиться в яме. Бывает ситуация, когда нет костей, но под насыпью фиксируются одна или несколько ям, обычно небольших размеров. Такая ситуация автором встречена в кургане с «усами» №1 (тип 3) могильника Кабакши. Этот случай тоже не единичен. Отдельно стоит еще указать, что помимо костей и зубов лошади иногда достоверно выделяются и кости мелкого рогатого скота, как это было в кургане Кабантау. Под курганом Кызылжар-2 (тип 1) находилась яма размерами 1,2×0,85 м, глубиной 0,55 м. На дне найдены шесть зубов лошади и полуистлевший фрагмент трубчатой кости мелкого рогатого скота.

Курган с «усами» №1 могильника Кольбасы имел два «спутника», находящихся традиционно с восточной стороны большой насыпи и расположенных по меридиональной линии (тип 2б). Под северной ритуальной насыпью на уровне древней поверхности расчищены кости ноги лошади, положенной в сочленении. Под южной ритуальной насыпью отдельные небольшие скопления костей животных найдены в шести пунктах. Среди них имеются кости и лошади и мелкого рогатого скота. Фрагменты от сосуда найдены под обеими насыпями. Кроме того, под северной насыпью найдена бронзовая литая бляха (рис.) в виде головы животного, с признаками «лося», «верблюда», «грифона». Предмет относится к сакскому времени (раскопки осени 2019 г., материал готовится к публикации).

В целом факты находок костей животных под ритуальными насыпями курганов с «усами» разнообразны и многовариантны. Более упорядоченно представить картину поможет полная сводка имеющихся данных, что предпринимается автором. Учитывается, что в ряде случаев отсутствуют данные о каких-либо находках под ритуальными насыпями. Не говоря о публикациях, материалы раскопок курганов с «усами», обычно не содержащих интересных находок, иногда не попадают даже и в отчеты.

Могильник Кольбасы, курган с «усами» №1. Бронзовая бляха

Кости животных вкупе с остатками глиняной посуды свидетельствуют о проведении ритуала. Автором еще в ранние периоды работ было сделано предположение о том, что курганы с «усами» строились в ходе прощально-поминальных процессов [Бейсенов, 1997], посвященных умершему соплеменнику. Курганы с «усами» строили очень много. Если учитывать тот факт, что только на территории Центрального Казахстана к современной эпохе сохранились сотни курганов, то приходится обратить внимание на их широко распространенный характер. Эти сооружения, видимо, строились не только для особо избранных. Находки костей животных, а также «раздавленных сосудов» будто бы указывают на основное содержание проведенного ритуала, что уже не раз отмечалось в публикациях автора. Фиксируемое археологами в качестве «ритуальной насыпи» каменное, каменно-земляное, земляное покрытие есть результат того положения, согласно которому центр площадки, где проводился ритуал, а именно участок, где оставляли части туши лошади и части сосудов, необходимо было прикрыть. Неприкосновенной, «сакральной» являлась эта самая площадка, но не сооружение, покрывающее ее.

В какие периоды оставлены кости животных в ритуальных насыпях? Некоторое количество радиоуглеродных дат, полученных при содействии автора, позволяет рассмотреть этот вопрос в самых общих чертах. В ряде случаев кости животных, найденные под ритуальными насыпями, датированы гуннским периодом. Сюда относятся такие памятники, как курган №2 в могильнике Тандайлы-2, курган Жамантас, курган Бесоба-3 (см. табл.) и некоторые другие. Нижняя дата этих трех курганов находится в рамках 1-й трети II – 3-й трети III в. до н.э., а верхняя дата – периода 1-й трети IV – 1-й трети VI в. до н.э. В этой серии самой ранней выглядит дата, полученная по костям животных из ритуальной насыпи кургана №2 из Тандайлы-2, калиброванные значения ее располагаются в рамках периода 130–332 гг. Если судить по наибольшему значению по (0.747, сигма 2), то кости эти оставлены в период 130–266 гг. Это, как видно, самая ранняя «гуннская» дата.

Более ранняя дата получена из кургана с «усами» №1, исследованного в составе могильника Койшоки-5. Комплекс состоит из двух курганов, основного и «спутника», расположенных по линии 3–В (тип 2а), и двух каменных гряд, на протяжении которых имеются упавшие менгиры, а на северной гряде к тому же установлен оленный камень общевразийского типа. На первом этапе работ были раскопаны оба кургана, а также был вскрыт начальный участок северной гряды. Всего из этого памятника были отобраны пять костных образцов для радиоуглеродного анализа. В том числе четыре даты были получены в лабораториях Великобритании и Канады. Один образец (шифр UBA-39750), полученный из кости животного под ритуальной насыпью, к сожалению, оказался негодным. Образец из кости от человеческого скелета по сигме 2 датирован в пределах 921–810 гг. до н.э. (UBA-39749). Образцы №3–5 были получены из костей мелкого рогатого скота, найденных под камнями вскрытого участка северной гряды-«уса». Образец №3 получен из бараньего астрагала (асык), найденного в яме для установки менгира, по сигме 2 датирован (UBA-39751) в пределах 772–431 гг. до н.э. Два остальных образца были получены из мелких костей, найденных под камнями «уса» на уровне материка. Они по сигме 2 дали следующие даты: образец №4 (UBA-39752) – 1003–843 гг. до н.э.; образец №5 (Университет Оттавы, Оттава, Канада, шифр JKaz-74) – 837–781 гг. до н.э. Планируется полное исследование этого важного памятника, в том числе вскрытие остальных участков обеих гряд, выполнение новых радиоуглеродных анализов (материалы первого этапа исследований находятся в печати).

AMS ^{14}C даты проанализированных костных образцов
из курганов с «усами» Центрального Казахстана

Лабораторный номер	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата (Сигма 1, 68.3%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 95.4%)
UBA-28348	Тандайлы-2, курган №2 (тип 2а), курган-спутник	1795±36	Cal AD 140–160 (0.135) 165–196 (0.236) 208–256 (0.469) 299–318 (0.160)	Cal AD 130–266 (0.747) 270–332 (0.253)
UBA-24912	Жамантас (тип 2а), курган-спутник	1654±30	Cal BC 351–367 (0.188) 379–421 (0.812)	Cal BC 263–276 (0.016) 329–431 (0.919) 491–530 (0.065)
UBA-28362	Бесоба-3 (тип 2а), курган-спутник	1670±28	Cal AD 346–372 (0.429) 376–406 (0.571)	Cal AD 261–279 (0.045) 326–425 (0.955)
UBA-28358	Кабантау (тип 3) образец №2, концевое соор. север. «уса»	1564±29	Cal AD 429–494 (0.765) 509–519 (0.097) 527–539 (0.138)	Cal AD 420–558 (1.000)
UBA-28359	Кабантау (тип 3) образец №3, концевое соор. южн. «уса»	1555±29	Cal AD 430–493 (0.750) 511–517 (0.067) 529–544 (0.183)	Cal AD 423–566 (1.000)
UBA-24914	Кызылшилик, курган №2 (тип 2б), образец №3, северный курган-спутник (курган №2б), под насыпью	99±28	Cal AD 1695–1726 (0.310) 1813–1838 (0.239) 1842–1853 (0.085) 1867–1895 (0.234) 1903–1918 (0.132)	Cal AD 1683–1734 (0.283) 1809–1929 (0.717)
UBA-28355	Кызылшилик, курган №6 (тип 1), образец №1, в слое насыпи	140±24	Cal AD 1680–1696 (0.148) 1725–1763 (0.281) 1801–1814 (0.114) 1836–1877 (0.263) 1917–1938 (0.195)	Cal AD 1670–1709 (0.167) 1717–1779 (0.282) 1799–1828 (0.124) 1831–1889 (0.255) 1910–1943 (0.172)
UBA-28356	Кызылшилик, курган №6 (тип 1), образец №2, под конц. соор. север. «уса»	890±26	Cal AD 1051–1082 (0.370) 1128–1133 (0.044) 1151–1192 (0.514) 1197–1205 (0.072)	Cal AD 1043–1103 (0.364) 1118–1216 (0.636)
UBA-28357	Кызылшилик, курган №6 (тип 1), образец №3, у края конц. соор. южн. «уса»	1351±26	Cal AD 652–674 (1.000)	Cal AD 639–694 (0.962) 704–706 (0.001) 747–762 (0.037)
UBA-39739	Кабакши, курган №11 (тип 1), под насыпью	1518±28	Cal AD 474–485 (0.083) 535–597 (0.917)	Cal AD 429–494 (0.273) 508–519 (0.019) 527–610 (0.707)
UBA-39740	Кабакши, курган №12 (тип 2б), образец №1, северный курган- спутник, под насыпью	1632±31	Cal AD 384–430 (0.762) 493–511 (0.152) 517–528 (0.087)	Cal AD 344–474 (0.756) 485–535 (0.244)
UBA-39741	Кабакши, курган №12 (тип 2б), образец №2, под конц. соор. север. «уса»	1134±26	Cal AD 887–905 (0.255) 916–967 (0.745)	Cal AD 778–790 (0.030) 807–819 (0.018) 824–842 (0.028) 862–985 (0.924)
UBA-39746	Кырыкунгир (тип 1), под насыпью	1615±32	Cal AD 396–433 (0.499) 462–465 (0.023) 489–532 (0.477)	Cal AD 384–539 (1.000)
UBA-28360	Караоба, курган №2 (тип 2), образец №1, под конц. соор. север. «уса»	177±27	Cal AD 1667–1682 (0.184) 1736–1782 (0.551) 1797–1805 (0.092) 1935–1950 (0.174)	Cal AD 1658–1695 (0.198) 1726–1813 (0.587) 1838–1842 (0.006) 1852–1867 (0.018) 1918–1950 (0.192)

Обсуждение результатов исследований

Ситуация находок костей животных в курганах с «усами» далеко не так проста, как кажется. Первые результаты радиоуглеродных анализов по памятникам Центрального Казахстана убедительно показывают необходимость разработки особого подхода к этим материалам. Судя по результатам радиоуглеродных анализов, «гуннская» дата, в нашем случае укладывающаяся в рамки периода II–VI вв. до н.э., кажется более стабильной. В имеющейся серии радиоуглеродного анализа наиболее раннюю дату показали образцы из кургана с «усами» №1 из могильника Койшоки-5. Вместе с тем ряд анализов показал, что есть немало случаев, когда кости животных, находимые в ритуальных насыпях, а также под «усами», относятся к более поздним историческим эпохам.

Рассмотрим эти показатели. На могильнике Кызылшилик (подробнее см.: [Бейсенов, Касеналин, 2017]) исследованы два кургана с «усами». В составе кургана с «усами» №2 с восточной стороны западной (погребальной) насыпи расположены два кургана-спутника, обозначенные как курганы №2а и 2б. С этого комплекса, относящегося к типу 2б, всего взяты три образца для ^{14}C -анализа. Два из них получены из кости человека из могильной ямы под западной насыпью и кости лошади, найденной возле крепиды западной насыпи на уровне материка. Оба этих образца показали даты в рамках тасмолинского времени [Бейсенов, Касеналин, 2017]. Кургана-спутник №2а (южная ритуальная насыпь) не дал костей животных. Под насыпью кургана-спутника №2б (северная ритуальная насыпь) найдены кости лошади, откуда был взят третий образец (№3). Этот образец показал дату в рамках казахского периода: конец XVII – начало XX в. (табл.).

Точно так же обстоит с датой образца №1 из кургана с «усами» №6 из того же могильника. Данный комплекс состоит из одной насыпи (тип 1), от которой отходят две гряды. С этого комплекса были взяты всего три образца для датирования. Образец №1 взят из кости мелкого рогатого скота, найденной в слое насыпи. Дата образца – казахское время, конец XVII – 1-я половина XX в. (табл.). Образец №2, взятый из слоя концевого сооружения северной гряды, продатирован кыпчакским временем, периодом середины XI – начала XIII в. (табл.). Образец №3 был получен из кости мелкого рогатого скота, найденной под дерновым слоем в непосредственной близости от концевого сооружения южной гряды. Результаты показали, что кость относится к тюркскому периоду: 2-я половина VII – 2-я половина VIII в. (табл.). Таким образом, из четырех костных образцов, происходящих из ритуальных насыпей и каменных гряд двух курганов с «усами» могильника Кызылшилик, ни один не показал период гуннской эпохи. Две даты относятся к казахскому времени, одна – к тюркскому периоду, еще одна – кыпчакскому.

Еще три даты получены недавно (публикуются впервые) по костным образцам из двух курганов с «усами», что в составе могильника Кабакши (табл.). Во всех трех случаях пробы взяты из неопределимых мелких костей животных, найденных под ритуальными насыпями. Кургана с «усами» №11 состоит только из одной насыпи и двух гряд (тип 1). Дата костного образца – период 429–610 гг. Кургана с «усами» №12 состоит из западной насыпи и двух спутников, примыкающих к ней с востока и расположенных по линии Ю–С (тип 2б). Под западной насыпью могильной ямы и человеческого захоронения не было. Кости животных, части сосудов – отсутствуют.

Образец №1 был взят из небольшой кости мелкого рогатого скота, найденной под северным спутником на древнем горизонте. Дата – период 344–535 гг. Образец №3 был взят под концевым сооружением северного «уса», кость принадлежит мелкому рогатому скоту. Дата этого образца – период 778–985 гг. Как видно, эта дата более поздняя, чем дата образца №1.

Курган с «усами» №2 могильника Караоба (Каркаралинский район, не путать с Караоба в Прииртышье) состоит из двух насыпей, расположенных по линии З–В (тип 2а). Под спутником не найдено ни костей животных, ни остатков сосуда. Под камнями концевого сооружения северного «уса» были найдены небольшие фрагменты костей мелкого рогатого скота. Образец №1 (шифр UBA-28360), подготовленный из кости из этого пункта (публикуется впервые), показал дату в рамках казахского периода: 2-я половина XVII – 1-я половина XX в. Как по сигме 1, так и по сигме 2 в качестве наиболее вероятного значения указывают на XVIII в. (табл.).

Мы видим, что рассмотренные даты, полученные из костных образцов из ритуальных насыпей, сильно растянуты по времени.

Кость из ритуальной насыпи кургана №2 могильника Тандайлы-2, наиболее вероятная дата которой находится в пределах 130–266 гг., мы бы отнесли к «раннегуннскому» периоду, а кости из Жамантаса, Бесоба-3 и Кабакши, курган №11 – к гуннскому и позднегуннскому периодам. Есть кости древнетюркского, кыпчакского периодов – взятые на концевых сооружениях «усов». Причем кости из таких концевых сооружений «усов» заведомо отделять от костей из ритуальной насыпи не получается, присвоив им некий поздний характер. Ведь кости из двух концевых сооружений комплекса Кабантау дали дату того же гуннского периода!

Есть кости казахского времени. Причем в двух случаях кости взяты уже не из-под «усов», но конкретно под собственно ритуальными насыпями. Если в одном случае кости казахского времени находились в насыпи (Кызылшилик, курган №6), то в другом – под насыпью, на уровне древнего горизонта (Кызылшилик, курган №2).

Впервые кости животного, давшие дату казахского времени, были найдены автором при раскопках тасмолинского жертвенника в урочище Акбеит (подробнее см.: [Бейсенов, 2015]). Тогда автор трактовал факт находки костей казахского времени внутри древнего сооружения, под дерном, в качестве остатков от трапезы казахов в пути. Сейчас видно, что это не так. Судя по всему, оставление кусков мясной пищи или же костей от съеденного мяса в древних сооружениях является малоизвестной нам традицией степных народов, вплоть до казахов нового времени. Учитывается и такой момент. Говоря, например, о костях, датирующихся казахским временем, нельзя это отнести к каким-то случаям закапывания остатков собственного пиршества или ритуальной тризны* в неких уединенных местах. Речь идет о незначительных количествах костей, которые говорят о ритуальном подношении, о символическом

* В старину казахи кости от мясной пищи выбрасывали или сжигали, используя их в качестве топлива. Кости от ритуальных пиршеств, поминок («конакасы», «ас») закапывали в землю или специально сжигали. Выбрасывать их не полагалось. В Центральном Казахстане аульные казахи этого обычая придерживались вплоть до последней трети XX в. На вопрос, почему нельзя выбрасывать кости от поминок, давался обычно двоякий ответ. Во-первых, кости окажутся под ногами людей, животных, их растаскают собаки, звери, и пиршество «не дойдет» до усопшего; во-вторых, ритуал сопровождался чтением Корана, пища освящена, следовательно, остатки этой пищи не следует выбрасывать.

действию. Для простого закапывания костей от трапезы люди к тому же не ищут кольцевые жертвенники (Акбеит), а также необычные и непонятные по виду сооружения с длинными грядами (курганы с «усами»).

По-видимому, любые находки костей животных в древних памятниках нельзя безоговорочно связывать с данными объектами, культурно-хронологическая принадлежность которых в той или иной степени бывает заранее известна или оговаривается исследователем в ходе процесса. А ведь так делается сплошь, когда встречаются следы тризны, жертвоприношений, какие-либо кострища или просто отдельные кости. Часть таких жертвоприношений, как мы видим, могут быть очень поздними, вплоть до этнографической современности.

Практика показывает, что к находкам костей животных в ритуальных насыпях и на участках каменных гряд рассматриваемых сооружений, как и во множестве других случаев, следует относиться с особым подходом. Хорошо если находят целые кости, хорошей сохранности, в достаточном количестве. Небольшие неопределимые кости, мелкие фрагменты часто выбрасывают, кратко отмечая в отчете лишь факт их находки. Если «неважные» мелкие кости находят в нескольких пунктах под насыпью, их могут смешать.

В кургане с «усами» Кырыкунгир (см. выше) автором, посетившим экспедиционные работы, на раскопках памятника была взята одна кость из части скелета молодой лошади. Это метаподия, из которой в скором времени получена дата из лаборатории Российского педагогического университета им. Герцена (оператор М.А. Кулькова). Этот образец показал дату в рамках тасмолинского периода [Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016]. После этого из кабинета археологии исторического факультета ЕНУ им. Гумилева (Нур-Султан), где хранятся кости из этого памятника, был привезен в Алматы еще один костный образец – для отправки в британскую лабораторию, в Королевский университет Белфаста. Поскольку в этом случае требовался совсем маленький объем материала, был соответственно взят лишь незначительный отпиленный кусок неизвестной кости. Полученная дата относится к гуннскому периоду (табл.). Автор абсолютно уверен в том, что оба образца взяты из костей, найденных под одной и той же насыпью. Но проблема в том, что неизвестно, все ли кости относятся к одному и тому же животному, ведь помимо крупных и относительно целых там находились и другие фрагменты неопределяемых костей!

Как было сказано выше, на кургане с «усами» Кольбасы под двумя ритуальными насыпями был найден целый ряд пунктов с мелкими фрагментами костей животных. Под северным спутником это были, несомненно, кости ноги лошади, положенной в сочленении. Под южным спутником мелкие кости найдены в шести пунктах. В одном случае это были зубы лошади с мелкими фрагментами других костей. В другом – мелкие фрагменты кости мелкого рогатого скота. В остальных четырех случаях определить видовую принадлежность животного вряд ли удастся. В северном спутнике найдена под насыпью тасмолинская бронзовая бляшка. Но покажет ли найденная рядом кость лошади тасмолинскую дату? Если мы получим дату всего лишь из одной кости, будет ли это убедительным для всех семи пунктов? Или же следует делать все семь радиоуглеродных анализов? Для решения сложной задачи с костями животных в ритуальных насыпях курганов с «усами» предпочтительным должен быть именно последний вариант.

Заключение

Кости животных являются важной категорией находок при изучении курганов с «усами» Центрального Казахстана и, несмотря на кажущуюся малоинформативность, позволяют ставить и решать соответствующие задачи. Только недавно было начато выполнение радиоуглеродных анализов по таким костям. Планируется продолжение этих работ. Кости животных свидетельствуют о проведении ритуала, и это не является исключительной особенностью для курганов с «усами». Такие факты выявлены, как известно, практически повсеместно для разных исторических эпох. В курганах с «усами» Центрального Казахстана найдены целые туши лошадей и их значительные части, а также отдельные кости как лошади, так и мелкого рогатого скота. Нередко можно обнаружить вообще мелкие и неопределимые фрагменты костей. По-видимому, здесь скрываются две стороны древнего ритуала. В одном случае кости лошади указывают на ритуал жертвоприношения посвященного коня, столь характерный для степных народов вплоть до этнографической современности. Вместе с тем немногочисленные и мелкие фрагменты костей, особенно мелкого рогатого скота, будто бы говорят о ритуале символического подношения, в основе которого лежит то же самое жертвоприношение. Имеющиеся материалы курганов с «усами» Центрального Казахстана, в том числе данные радиоуглеродного анализа, показывают, что этот древний обычай сохранялся там вплоть до казахского времени. Надо полагать, со временем новые материалы дадут возможность более определенно подойти к таким вопросам. В целом для научного анализа костей животных, находимых как под ритуальной насыпью, так и под каменными грядами, должен быть определен особый подход учета и исследования.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1975. С. 116–129.
- Ахинжанов С.М. Курган с «усами» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата : Наука, 1977. С. 72–81.
- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №2 (19). С. 117–121.
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних nomadов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 26 с.
- Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №4 (36).
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2017. С. 31–37.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 386–396.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 233–239.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №3 (20). С. 227–231.
- Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик // Теория и практика археологических исследований. 2018. №4 (24). С. 85–100.
- Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М. Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 38–49.

Бейсенов А.З., Торгоев А. И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. №3 (25). С. 103–117.

Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усами» Кабантау // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. №71. С. 64–76.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кыры-кунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 249–255.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2017. 208 с.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Грудочко И.В. Курганы с «усами»: типология и проблема культурно-хронологической интерпретации // Маргулановские чтения-2018. Алматы-Актобе : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. С. 231–236.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия Ан КазССР. Серия истории, археологии, этнографии. 1958. Вып. 1 (6). С. 95–104.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.

Кадырбаев М.К. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1978 г. Алматы, 1978 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2. Д. 1647. Св. 114.

Оразбаев А.М. Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 175–191.

Свиридов А.Н. Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции) // Ахинжановские чтения – 2004. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. С. 45–51.

Свиридов А.Н. К вопросу о датировке и культурной принадлежности курганов с «усами» // Евразийский ежегодник. Астана : Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2005. С. 152–156.

Толеубаев А.Т., Бейсенов А.З., Омаров Г.К. Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатай // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы : КазНУ, 1998. С. 218–224.

References

Arslanova F.H. Kurgany s «usami» Vostochnogo Kazakhstana [Mounds with Mountain Ridges of East Kazakhstan]. Drevnosti Kazakhstana [Antiquities of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1975. Pp. 116–129.

Ahinzhanov S.M. Kurgan s «usami» na yugo-zapadnykh sklonakh Karatau [Barrow with Ridges on the Southwestern Slopes of Karatau]. Arheologicheskie issledovaniya v Otrare [Archaeological Research in Otrar]. Alma-Ata : Nauka, 1977. Pp. 72–81.

Bazarbaeva G.A., Dzhumabekova G.S. Novoe izvayanie epohi rannih kochevnikov iz Turgaya [A New Statue of the Era of the Early Nomads from Turgai]. Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Scientific Bulletin]. 2017. T. 6, №2 (19). Pp. 117–121.

Bejsenov A.Z. Pogrebal'nye pamyatniki i kul'tovo-ritual'nye sooruzheniya drevnih nomadov Central'nogo Kazakhstana (VII–I vv. do n.e.) : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Funeral Sites and Cult and Ritual Structures of the Ancient Nomads of Central Kazakhstan (the 7th – 1st centuries BC): Abstract of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Almaty, 1997. 26 p.

Bejsenov A.Z. Okolokurgannye zhertvenniki kak raznovidnost' pamyatnikov tasmolinskoj kul'tury [Near-altar Altars as a Kind of Sites of the Tasmola Culture]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. Istoriya. 2015. №4 (36).

Bejsenov A.Z. Kurgany s «usami» Central'nogo Kazakhstana [Mounds with the Ridges of Central Kazakhstan]. Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2017. Pp. 31–37.

Bejsenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana v issledovaniyah nachala XXI veka [Tasmolinskaya Culture of Central Kazakhstan in the Studies of the Beginning of the 21st Century]. Arheo-

logiya i davnaya istoriya Ukrainy [Archaeology and the Long History of Ukraine]. 2018. Vyp. 2 (27). Pp. 386–396.

Beysenov A.Z., Dujsenbaj D.B., Ahiyarov I.K., Svyatko S.V. Radiouglerodnye daty kurgana s «usami» iz mogil'nika Tandajly-2 v Central'nom Kazahstane [Radiocarbon Dates of a Barrow with a from the Tandaila-2 Burial Ground in Central Kazakhstan]. *Evrasiya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures]. 2016. Vyp. 5. Pp. 233–239.

Beysenov A.Z., Dujsenbaj D.B., Svyatko S.V. Kurgan s «usami» Zhamantas [Barrow with the Ridges Zhamantas]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2017. T. 6, №3 (20). Pp. 227–231.

Beysenov A.Z., Kasenalin A.E. Tasmolinskij mogil'nik Kyzylshilik [Tasmolinsky Burial Ground Kyzylshilik]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №4 (24). Pp. 85–100.

Beysenov A.Z., Logvin A.V., Bazarbaeva G.A., Grudochko I.V., Seitov A.M. Kurgany s kamennymi gryadami Zapadnoj Saryarki [Mounds with Stone Ridges of Western Saryarka]. *Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie* [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2017. T. 2. Pp. 38–49.

Beysenov A.Z., Torgoev A.I., Dujsenbaj D.B., Ahiyarov I.K. Kurgan s «usami» Atasu-2 [Barrow with “Atasu-2” with the Ridges]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga Archaeology]. 2018. №3 (25). Pp. 103–117.

Beysenov A.Z., Hasenova B.M., Ahiyarov I.K., Dujsenbaj D.B. Kurgan s «usami» Kabantau [Barrow with the Stone Ridges of Kabantau]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. 2018. №71. Pp. 64–76.

Beysenov A.Z., Umitkaliev U.U., Kul'kova M.A. Radiouglerodnaya data kurgana s «usami» Kyrkungir (Vostochnaya Saryarka) [The Radiocarbon Date of the Mound with the Stoe Ridges Kirikungir (East Saryarka)]. *Evrasiya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures]. 2016. Vyp. 5. Pp. 249–255.

Beysenov A.Z., Shul'ga P.I., Loman V.G. Poseleniya sakskej epohi [Saka-era Settlements]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2017. 208 p.

Botalov S.G., Tairov A.D., Lyubchanskij I.E. Kurgany s «usami» uralo-kazahstanskih stepej [Mounds with the Stone Ridges of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk : Yuzhno-Ural'skij filial IIA UrO RAN, 2006. 232 p.

Grudochko I.V. Kurgany s «usami»: tipologiya i problema kul'turno-hronologicheskoy interpretacii [Mounds with the Stone Ridges: Typology and the Problem of Cultural-Chronological Interpretation]. *Margulanovskie chteniya-2018* [Margulanov Readings-2018]. Almaty-Aktobe : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2018. Pp. 231–236.

Kadyrbaev M.K. O nekotoryh pamyatnikah rannih kochevnikov Central'nogo Kazahstana [About Some Sites of the Early Nomads of Central Kazakhstan]. *Izvestiya An KazSSR. Seriya istorii, arheologii, etnografii* [Bulletin of the Kazakh SSR. Series of History, Archaeology, Ethnography]. 1958. Vyp. 1 (6). Pp. 95–104.

Kadyrbaev M.K. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury [Sites of the Tasmola Culture]. Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana* [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–433.

Kadyrbaev M.K. Otchet o rabotah Central'no-Kazahstanskoj arheologicheskoy ekspedicii za 1978 g. Almaty, 1978 [Report on the Work of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition for 1978]. *Arhiv Instituta arheologii im. A.H. Margulana* [The Archive of the Margulan Institute of Archaeology]. Op. 2. D. 1647. Sv. 114.

Orazbaev A.M. Kurgan s «usami» v mogil'nike Dzhanajdar kak arhitekturnyj pamyatnik [Barrow with Stone Ridge in the Dzhanaydar Burial Ground as an Architectural Site]. *Kul'tura drevnih skotovodov i zemledel'cev Kazahstana* [Culture of Ancient Cattle Breeders and Farmers of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1969. Pp. 175–191.

Sviridov A.N. Kurgany s «usami» iz Akmolinskoj oblasti (po rezul'tatam raboty Ishimskoj arheologicheskoy ekspedicii) [Mounds with the Stone Ridge from the Akmola Region (Based on the Results of the Ishim Archaeological Expedition)]. *Ahinzhanovskie chteniya – 2004* [Akhinzhanov Readings – 2004]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2004. Pp. 45–51.

Sviridov A.N. K voprosu o datirovke i kul'turnoj prinadlezhnosti kurganov s «usami» [On the Dating and Cultural Affiliation of Barrows with the Stone Ridges]. *Evrazijskij ezhegodnik* [Eurasian Yearbook]. Astana : Izd-vo ENU im. L.N. Gumileva, 2005. Pp. 152–156.

Toleubaev A.T., Bejsenov A.Z., Omarov G.K. Kurgany s kamennymi gryadami na severnyh sklonah Tarbagataya [Mounds with Stone Ridges on the Northern Slopes of Tarbagatai]. *Problemy izucheniya i sohraneniya istoricheskogo naslediya* [Problems of the Study and Preservation of Historical Heritage]. Almaty : KazNU, 1998. Pp. 218–224.

A.Z. Beisenov

Begazy-Tasmola Research Center of History and Archaeology, Almaty, Kazakhstan

FINDS OF ANIMAL BONES IN THE BARROWS WITH “RIDGES” OF CENTRAL KAZAKHSTAN

Barrows with “ridges” are widespread in Kazakhstan, as well as in some regions outside it. Based on his research in previous publications, the author expressed an opinion on the ritual nature of these structures, which were built in the course of the farewell and memorial processes.

The report, prepared according to the materials of Central Kazakhstan, considers the bones of animals that are under the mounds, as well as under the stones of the strip of “the ridges”.

In most cases, these bones belong to the skeleton of a horse. Full skeletons are rare. During the excavation, individual bones from the skeleton, the skull, are usually found. In many cases, only fragments from the bones are preserved, and very often they are poorly preserved.

On the bones of animals found in mounds with “the ridges” of Central Kazakhstan, the author obtained a series of radiocarbon dates in laboratories in the UK, Russia and Canada.

One part of the dates relates to ancient periods. Along with this, in some cases, ¹⁴C analysis shows that the bones of animals belong to later periods: ancient Turkic, Kypchak, and also Kazakh time. In working with bones from barrows with “the ridges”, a thorough approach, a special accounting and analysis system are required.

Key words: Central Kazakhstan, barrows with “the ridges”, ritual mound, animal bones, radiocarbon analyzes.

УДК 903.53«637»(574)

А.А. Горячев

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ МАДЬЯРСАЙ-I СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ СКЛОНОВ ГОР КИНДЫКТАС*

В статье вводятся в научный оборот новые материалы могильника бронзового века Мадьярсай-I, расположенного на северо-восточных склонах хребта Киндыктас. Детализирована структура памятника и его центральное положение в археологическом комплексе эпохи палеометалла одноименного ущелья. Материалы раскопок показали, что исследованный комплекс состоит из 24 каменных оград, в них изучено 28 погребений в каменных ящиках и цистах, которые производились как по обряду кремации, так и трупоположения в скорченном виде, на левом боку, головой на запад. Результаты камеральной обработки артефактов дали возможность выяснить характерные и индивидуальные элементы погребальных традиций в регионе. Полученные данные позволяют выделить два этапа в функционировании могильника: XIX–XVI вв. до н.э. и XV–XIV вв. до н.э. – и связать их с развитием смешанных алакульских и федоровских традиций андроновской культурно-исторической общности. Анализ погребальной обрядности и вещевого материала дает основание предполагать значительную степень взаимодействия древних культур эпохи бронзы Центрального Казахстана и Жетысу.

Ключевые слова: Жетысу, горы Киндыктас, ущелье Мадьярсай, эпоха бронзы, андроновская культурно-историческая общность, могильник, погребальные конструкции, керамика, бронза, обряд захоронения.
DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-09

Введение

Хребет Киндыктас является сложной системой возвышенностей, вытянутых на северо-запад от отрогов Илейского Алатау. Этот горный массив, согласно современному административному делению, находится на территории Шуского и Кордайского районов Жамбылской области. Расположенный на границе предгорной и степной зон Жетысу, он составлял одну из ключевых позиций в функционировании Хантауского транзитного коридора в эпоху бронзы. Его физико-географическое положение и природно-климатические условия определяются близостью к Шу-Илейскому эрозийно-тектоническому низкогорью с прилежащими равнинами.

Современные археологические исследования гор Киндыктас начались в 1970-е гг. с открытия Н.Д. Черкасовым древних петроглифов в урочище Ойжайлау (Ой-Джайлау), расположенном в 40 км к западу от станции Отар (Кордайский р-н, Жамбылская обл.). Им же сделаны первые копии наскальных рисунков, опубликованные А.Г. Медоевым [1979]. Исследования древних памятников урочища далее проводились экспедициями КазПИ им. Абая (рук. А.Н. Марьяшев) и Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова (рук. К.А. Акишев). Ими были охвачены серии могильников бронзового века и древние петроглифы в долине ручья Узынсу [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–11]. Параллельно производилась разведка древних комплексов хребта Киндыктас в рамках проекта по подготовке Свода памятников истории и культуры Жамбылской области [Свод..., 2002]. Открыты целые серии поселений, могильников и петроглифов эпохи палеометалла как у юго-западных, так и у северо-восточных склонов этой горной системы. Наиболее яркие из них обнаружены в долинах рек Какпатас, Унгирли, Шокпар, в урочищах Йирсу, Жайсан, Сартау, Кызылгора и т.д.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135512.

В полевом сезоне 2019 г. Хантауским отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана было проведено широкомасштабное обследование хребта Киндыктас с целью выявления новых древних археологических памятников. Основным районом исследований в полевом сезоне 2019 г. стало единственное проходное ущелье Мадьярсай, через которое достаточно свободно можно попасть в известное урочище Ойжайлау (рис. 1.-1). Его общая протяженность с юго-запада на северо-восток составила 5,5 км. В центральной части оно раздваивается на узкий каньон одноименного ручья и относительно широкую долину его бокового притока, где находится значительная часть древних археологических объектов ущелья (рис. 1.-2).

По итогам разведки там обнаружены четыре древних поселения со скоплениями петроглифов на ближайших скалах, два из которых имеют слои бронзового века. Поселения устроены у западных бортов ущелья и в боковых саях. На вершинах сопков и по долинам ущелья обнаружен 21 могильник эпохи бронзы и раннего железного века. Они представляют собой цепочки каменных оград и каменно-земляных курганов. Погребальные комплексы бронзового века выявлены на двух могильниках – в узком каньоне устья и в широкой долине центральной части ущелья. Однако в первом случае зафиксированы четыре древних кургана-ограды в составе крупного могильника более позднего времени. Основу второго комплекса – могильника Мадьярсай-I – составляли погребальные сооружения эпохи бронзы, результаты исследований которых представлены в настоящей работе.

Материалы и исследования

Памятник занимает достаточно компактную территорию между одиночной сопкой, правым берегом ручья и предгорными возвышенностями южной части долины. В рамках предварительных исследований была произведена детальная топографическая съемка квадрокоптером и выявлено шесть цепочек и восемь отдельных каменных оград с погребениями эпохи бронзы (рис. 1.-3).

Археологические раскопки охватили цепочку в центральной части могильника из девяти каменных оград с 15 боковыми пристройками, в которых было зафиксировано 28 захоронений эпохи бронзы (рис. 2). Размеры раскопа составили 35×10 м, общей площадью 350 кв. м. Конструкция расположена на небольшом возвышении (55–70 см) относительно ровной поверхности у подножия сопки по правому берегу ручья и ориентирована по оси 3–В. Каждая конструкция, обычно прямоугольной или квадратной формы, сооружалась из каменных плит, уложенных плашмя в 3–4 слоя на высоту от 30 до 70 см либо вертикально вкопанных на ребро. Большинство оград ориентированы по сторонам света или оси 3–В, их размеры варьируют от 3,2×2,7 м до 5,4×4 м и от 3,2×3,2 м до 3,7×3,7 м. Выделяется отдельная ограда №24 овальной формы в 1,5 м к востоку от основной цепочки, размерами 4×3,5 м, ориентированная по оси Ю–С.

Центральное положение в погребальном комплексе занимает ограда №3 прямоугольной формы, размерами 4×3,7 м, с двумя смежными могилами в каменных ящиках. Вокруг нее наиболее плотно концентрируются остальные погребальные сооружения, с захоронениями как взрослых, так и детей. Это единственная конструкция, которая была сложена одномоментно. Все остальные пристраивались к стенкам соседних. С северной стороны к ограде №3 были пристроены сразу несколько погребений. Однако в этой части основной цепочки идет достаточно резкий уклон (50–60 см на расстояние в 4 м). С целью выравнивания этого места была возведена насыпь из су-

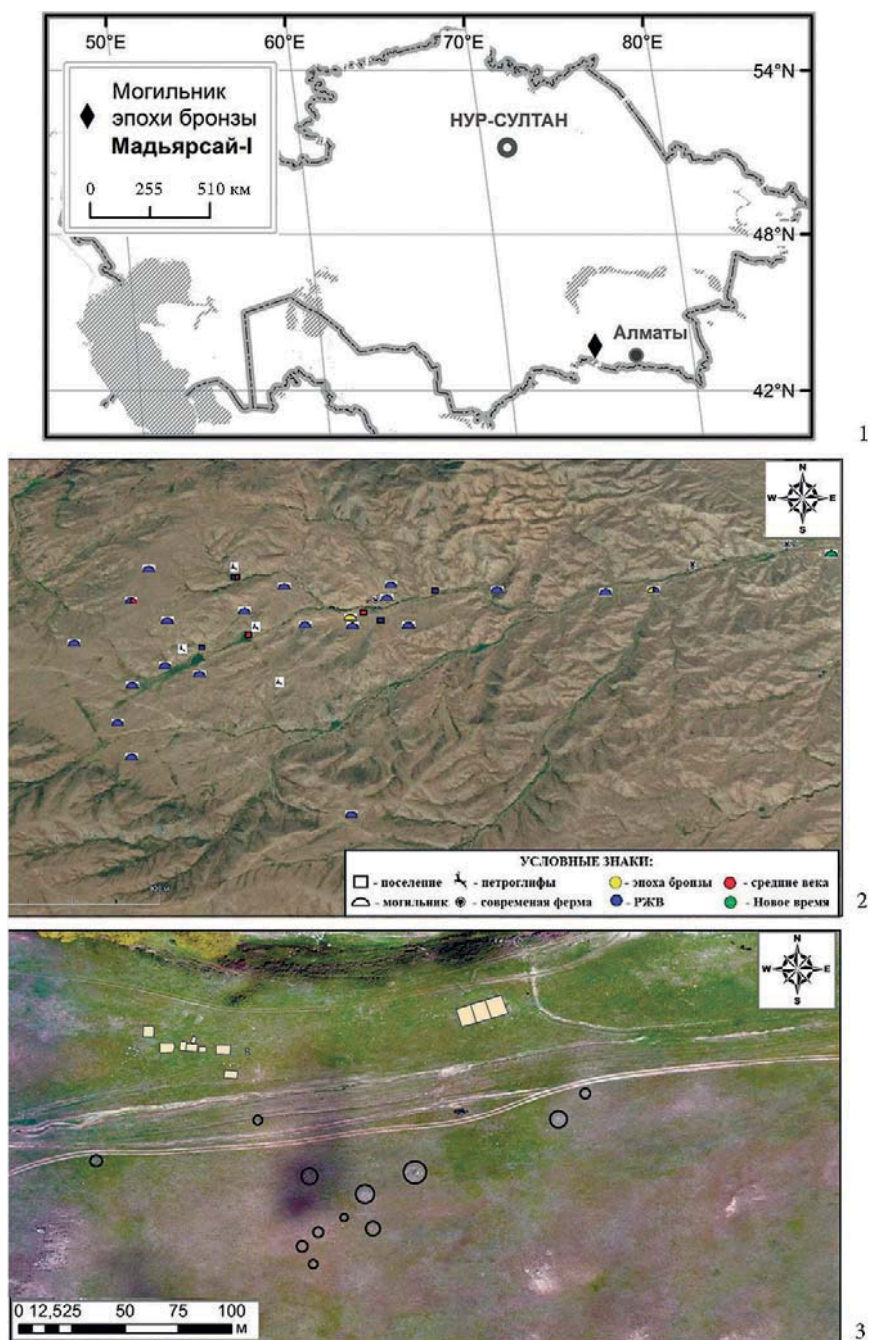

Рис. 1. Археологические памятники ущелья Мадьярсай: 1 – комплекс археологических памятников Мадьярсай на карте Казахстана. Карту выполнил М.А. Антонов; 2 – карта расположения памятников археологии ущелья Мадьярсай на космоснимке; 3 – расположение археологических объектов могильника Мадьярсай-I, фото с квадрокоптера на высоте 50 м

Рис. 2. План раскопа цепочки оград эпохи бронзы в центральной части могильника Мадьярсай-I

глинка, соответствующая уровню возвышения. Параметры ее ~7×4 м. На ней к ограде №3 была пристроена погребальная конструкция №4, состоявшая из двух оград: внешней квадратной, размерами 4,2×4,2 м, и внутренней округлой, диаметром 3 м, которая оконтурировала могильную яму.

Внутри крупных оград по центру фиксировались одно или два захоронения в каменных могилах прямоугольной формы типа ящик, реже ящик-циста (рис. 3.-1, 2, 5). В ограде №24 погребальная камера-27 имела трапецевидную форму. Могила в виде ящика составлены обычно из 4–7 каменных плит, вкопанных на ребро, имели размеры от 1,4×0,95 м до 2×1,5 м. В ящиках-цистах, как правило, северная или южная стенка возведена из 8–12 плит, уложенных плашмя. Сверху погребальные камеры перекрывались поперек двумя–тремя каменными плитами. По периметру могил и поверх перекрытия обнаружены мелкие камни внешней обкладки могилы. В ограде №6 поверх ящика найден разбитый на мелкие фрагменты керамический сосуд.

В погребальных традициях древнего населения эпохи бронзы на этапе сооружения данной конструкции существовал обычай устройства детских захоронений с южной стороны от оград с захоронениями взрослых. Всего расчищено 11 детских погребальных конструкций, устроенных внутри оград (10–18, 20, 21) полукруглой формы, размерами от 1 до 2 м в диаметре (рис. 3.-6, 7). Такие же сооружения с северной стороны (5, 19, 22) связаны с устройством ограды №4 в стороне от основной цепочки, что можно считать частным случаем.

Захоронения детей производились в могилах в виде каменных ящиков прямоугольной формы, сложенных из четырех каменных плит, вкопанных вертикально (рис. 3.-6–10). Погребение-7 ограды №5 имело пятиугольную форму. В некоторых из них отсутствуют отдельные каменные стенки. Могила прямоугольной формы, размерами от 60×40 см до 92×76 см, были ориентированы по оси 3–В, за исключением погребения-24 (Ю–С). Каменные ящики квадратной формы достигали размеров от 40×40 см до 90×90 см. Сверху детские захоронения закрывались обычно одной-двумя каменными плитами продольно.

Подобное устройство надмогильных сооружений эпохи бронзы встречается как в близлежащем урочище Ойжайлау, так и в других районах Шу-Илейских гор. Радиоуглеродные датировки, полученные нами с аналогичных конструкций могильника Кожабала-I в горах Хантау, позволяют отнести данную традицию к рубежу XX–XIX и вплоть до XVI в. до н.э. Она также отмечена в горной зоне Иле и Жетысу Алатау [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Гасс, Горячев, 2016, с. 88, рис. 3]. Близкие аналогии этим погребальным конструкциям прослеживаются в материалах центрально-казахстанских могильников Айшрак и Былкылдак-I [Маргулан и др., 1966, с. 91, 95, 105, 107], которые относятся к алакульско-атасускому этапу развития культур эпохи бронзы Казахстана.

Ограда №24, которая не относится к основной цепочке каменных конструкций, имеет аналогии и в характере структурной организации могильника, и по типу устройства в расположенных рядом погребальных комплексах Ой-Джайлау-III и VII, а также могильнике Кожабала-I в горах Хантау [Горячев, 2013, с. 5–7, 11, 12, 22–24]. Данные памятники или отдельные захоронения на них относятся к федоровско-нуринскому этапу андроновской общности как в регионе, так и на территории Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 90, 98, 117; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 78, 82],

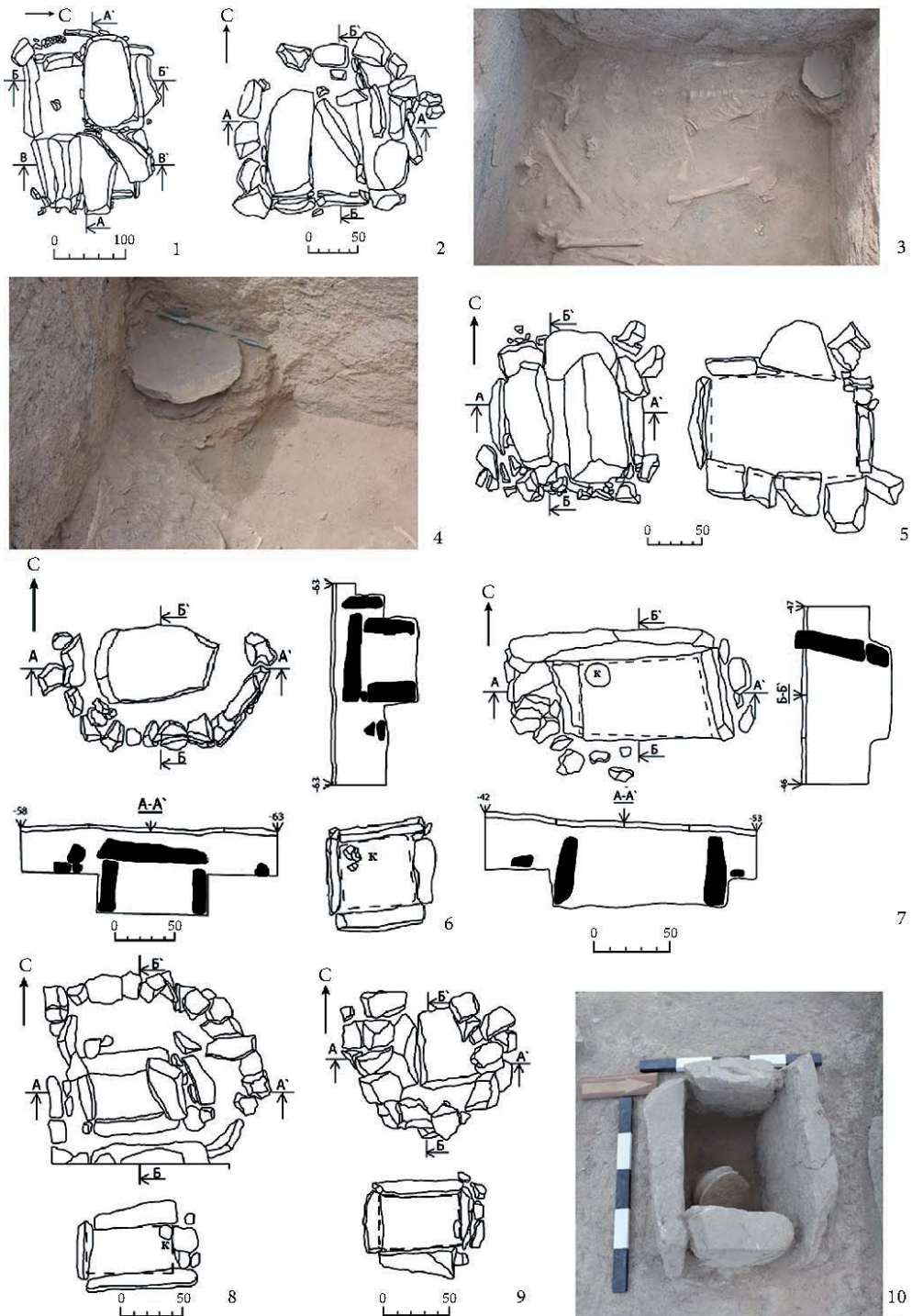

Рис. 3. Погребальные конструкции эпохи бронзы могильника Мадьярсай-I:
1-5 – с захоронениями взрослых; 6-10 – с захоронениями детей

где датируются в пределах XV – рубежа XIV/XIII вв. до н.э. Подобные отдельные ограды на перечисленных памятниках группируются либо на периферии крупных цепочек погребальных конструкций, либо в другой части могильника.

Детские захоронения, глубиной от 25 до 40 см, оказались непотревоженными. На дне зафиксированы истлевшие кости погребенных младенческого и детского возраста в скорченном положении на левом боку, ориентированных головой на запад. В западных углах могил устанавливалась керамическая посуда, которая сверху накрывалась каменной крышкой или фрагментом стенки горшковидного сосуда. Костные останки в детских погребениях сохраняются редко и не полностью. В некоторых из них вещевой материал отсутствовал.

Все захоронения взрослых совершались в погребальных камерах глубиной 70–110 см, но наиболее часто – 85–90 см. Размеры могильных ям по дну встречаются от 1,2×0,9 м до 1,9×1,3 м. Они разграблены, заполнение могильных ям представляло собой рыхлый суглинок, перемешанный со следами ограбления могилы. В заполнении на разных глубинах отмечены фрагменты каменных плит, керамической посуды и костей погребенных, часть из которых (обычно фрагменты черепа, длинных костей ног и рук) имела зеленоватый оттенок – следы контакта с окисленной бронзой.

В погребальных сооружениях западной части цепочки оград отмечены останки захоронений в скорченном положении на левом боку, ориентированные головой на запад. К востоку от центральной ограды внутри могил найдены останки погребенных по обряду и трупоположения, и трупосожжения. Однако материалы раскопок не могут однозначно ответить на вопрос, парные это захоронения или речь идет о случаях неполного трупосожжения. В центральной ограде №3 (могилы-4 и 5), как и в отдельной конструкции №24 (могилы-27 и 28), следов костей не обнаружено.

В публикациях материалов могильников эпохи бронзы Жетысу региона захоронения по обряду трупоположения в каменных ящиках соотносятся с алакульской традицией, а кремированных останков в ящиках-цистах, цистах или грунтовых ямах с деревянными рамами (срубы) – с федоровской [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Карабаспакова, 2011, с. 180–184; Горячев, 2013, с. 3–28; Гасс, Горячев, 2016, с. 85–123]. Однако ни в одном погребальном комплексе, включая могильник Мадьярсай-I, таких однозначных вариантов не известно, за исключением горной зоны Иле Алатау (кульсайский тип). В Жетысу сочетание обряда трупосожжения и трупоположения встречается в разных могилах одной погребальной конструкции. Это привело к мнению, что в погребальной практике «андроновцев» Шу-Илейских гор проживало население со смешанными алакульско-федоровскими культурными традициями.

Примером этому может служить могила-11 ограды №9, где отмечены кремированные останки скелета человека и захоронение по обряду трупоположения. Подобные случаи известны на могильнике Кызылбулак-I в горной зоне Иле Алатау [Гасс, Горячев, 2016, рис. 13], в погребальных комплексах эпохи бронзы от Южного Зауралья и степной зоны Центрального Казахстана до Алтая и Южной Сибири [Кадырбаев, 1974, с. 21, табл. 1; Зданович, 1970, с. 155, 156; Молодин, 1985, с. 109; Вадецкая, 1986, с. 49].

Следует выделить погребение-6 в ограде №4, где внутри одной могилы отмечено парное захоронение мужчины и женщины (рис. 3.-3). Судя по положению длинных костей рук и ног, они были уложены в скорченном виде на левом боку, головой на запад. В юго-западном углу могилы был установлен керамический сосуд, за которым вдоль за-

падной стенки уложен бронзовый нож (рис. 3.-4). В северо-западной части могилы, ориентировочно в районе между черепом и кистями рук погребенной, найдена целая серия бронзовых украшений, плакированных золотой фольгой: две обоймы с геометрическим орнаментом, две декоративные конические подвески, восемь целых серег-подвесок в два оборота и фрагменты от еще одной.

При камеральной обработке из удаленных остатков грунта внутренней полости одной из конических подвесок был найден фрагмент пупария (оболочка, окружающая формирующийся в куколке организм) серой мясной мухи (лат. *Sarcophagidae*). Факт его обнаружения, с учетом особенностей процесса преимагинальных стадий ее развития, свидетельствует, что от момента смерти до захоронения умершего могло пройти 10–15 суток, что важно учитывать при реконструкции погребальных традиций населения бронзового века данного региона.

В ограде №2 в заполнении и на дне могилы-3 обнаружены бронзовые и пастовые бусы, бронзовая серьга с раструбом, браслет со спиралевидным окончанием и большая швейная игла. В могиле-2 найдена бронзовая ременная обойма. В ограде №7 в центральной части могилы-9 сохранились бронзовая подвеска конической формы, а также четыре серьги-подвески в 1,75 оборота в целом состоянии и одна серьга-подвеска, обломанная примерно посередине изделия. Последние плакированы золотой фольгой. Бронзовые изделия и украшения из могильника Мадьярсай-I составляют значительную серию вещевого материала.

Литой черенковый двулезвийный нож (общей длиной 23,7 см) лавроволистной формы с перекрестием размерами: клинка – 13 см, черенка – 10,7×3,5 см, ширина перекрестия 2,7 см (рис. 4.-1). Ребра жесткости довольно высокие, выпуклые и с округлой кромкой, правка режуще-колющего края выполнялась методомковки со шлифовкой на абразиве. Такие ножи относятся к варианту кинжалов и встречаются как в комплексах андроновской общности, так и в период поздней бронзы [Аванесова, 1991, с. 23–25, рис. 22.-16, рис. 23.-26, 27; Кузьмина, 1994, с. 428].

Кованая серьга с раструбом изготовлена методомковки из металлического прутка. Изделию придана кольцевая форма диаметром 4,3 см, противоположный раструбу конец несколько заужен. Серьга-подвеска отличается своими особенностями, где раструб диаметром около 1,5 см свернут вовнутрь «розочкой» (рис. 4.-2). Пластина, из которой выполнен раструб, судя по сохранившимся фрагментам, скручивалась в конус в два или три оборота. Подобные серьги с раструбом специалистами относятся к федоровской культурной традиции андроновской общности и были широко распространены помимо Северного Притятьяшанья от урало-казахстанских степей до Алтая [Аванесова, 1991, рис. 1.-5–12; Зданович, 1988, с. 170; Абдулганеев и др., 1996, рис. 3.-3, 4].

Обоймы прямоугольной формы изготовлены из тонкого бронзового листа длиной около 5 см и шириной до 1,2 см. Внешняя поверхность украшения – в виде прямоугольной пластины длиной 2,3–2,4 см. По внутренней стороне края сводились друг с другом, на одном пробито округлое отверстие диаметром 1,5 мм (рис. 4.-3). Подобные изделия более характерны для памятников синташтинско-петровского и алакульского круга. Их обычно фиксируют в изголовье погребенных и относят к деталям головных и накосных украшений [Усманова, 2010, с. 159, рис. 165].

К украшениям женского костюма относится декоративная коническая подвеска размером 3,3 см в высоту и 0,9 см в диаметре основания, изготовленная из бронзо-

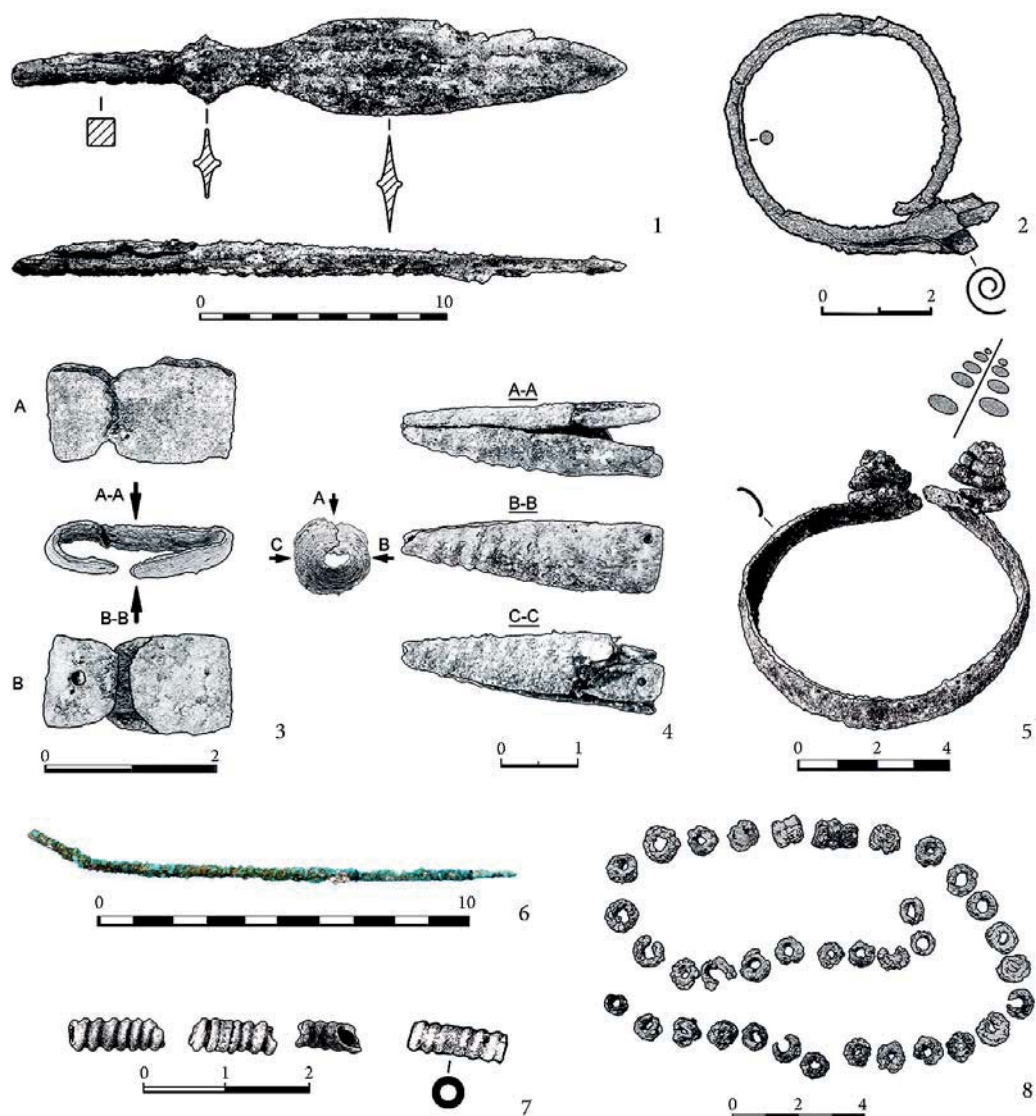

Рис. 4. Изделия из погребений эпохи бронзы могильника Мадьярсай-I:
1 – нож; 2 – серьга с раструбом; 3 – обойма; 4 – коническая подвеска; 5 – браслет со спиралевидными окончаниями; 6 – игла; 7 – бусины; 8 – бусы (1-6 – бронза, 7-8 – паста)

вой пластины, украшенной поперечными рельефными поясками (рис. 4.-4). Основу изделия составляет медная пластина, вырезанная по шаблону в форме трапеции и свернутая в конус. Рельефные полосы выполнены методом тиснения с использованием костяного или из плотной древесины инструмента – давилника или утюжка. Вершина конуса в сечении каплевидной формы, в результате скручивания сохранила небольшое отверстие для продевания в него крепления. В углах пластины по нижнему краю пробито отверстие, возможно, с целью крепления декоративных элементов.

Близкие по форме и технологии изготовления, но отдаленные территориально и хронологически височные подвески известны в материалах раннего железного века Ныргындинского-II могильника Удмуртского Прикамья [Генинг, Журавлева, 2019, с. 152, рис. 1.-12, 14, 15]. В эпоху бронзы подобный рельефный декор применялся в пронизях [Куприянова, 2008, с. 30, рис. 19; Усманова, 2010, с. 159, рис. 166].

Бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями являются важнейшим атрибутом погребального инвентаря для захоронений женщин эпохи бронзы Казахстана [Усманова, 2010, с. 149–152]. Браслет из Мадьярсая (рис. 4.-5) выполнен с соблюдением основных параметров такого типа изделий, тело его сформировано на вогнутой пластине, сомкнутой почти в полное кольцо. Диаметр браслета ~7,5 см. Концы заготовки прокованы на уплощение с утончением к концам и сворачиваются в спираль конической формы, которая сформирована против часовой стрелки в пять завитков. Отличительной чертой украшения являются высокие (1,8 см) спиралевидные окончания, более характерные для федоровско-нуринской культурной традиции андроновской общности [Зданович, 1988, с. 170, табл. 10В].

К бытовым предметам из погребений относится большая бронзовая швейная игла (рис. 4.-6). Ее прямой стержень длиной 12,5 см с заостренным концом имеет на противоположном конце ушко для продевания нитей. Часть стержня со стороны ушка отогнута по отношению к остальной части на 120 градусов. Этот изгиб вызван технологическими потребностями. Благодаря ему инструмент прочно удерживается большим, средним и указательным пальцами руки, что позволяет проталкивать иглу сквозь плотные материалы, такие как кожа и войлок. Ближайшие аналогии игле из Мадьярсая обнаружены в материалах поселения Бутакты-I, датируемых в пределах XVII–XIV вв. до н.э. [Горячев, Мотов, 2018, с. 38, 44].

Пастовые бусы (4 шт.) изготовлены из глины. Бусины ребристого типа овальной формы состоят из четырех–семи секций, размерами 0,8–1,3 см в длину и 0,3 см по диаметру внутреннего сечения (рис. 4.-7). Бронзовые бусы (41 шт.) округлой или битреугольной формы изготовлены из бронзовой проволоки толщиной 3 мм. Диаметр бусин до 1 см, размеры внутренней овальной окружности 0,4–0,5×0,3 см (рис. 4.-8). Данные изделия являются деталями украшений одежды погребенных и широко распространены в материалах могильников Казахстана эпохи бронзы.

Серия бронзовых украшений подобных форм, плакированных золотой фольгой, редко встречается в Жетысу среди материалов эпохи бронзы. Бронзовые желобчатые подвески в 1,75 и 2 оборота из могильника Мадьярсай-I соответствуют по технологии изготовления и форме серьгам в 1,5 оборота (рис. 5.-1, 2). Медной заготовке основы в виде стержня по образцу методом проковки придавалась форма в виде двух листков, соединенных перешейком. Для обеих подвесок характерна общая длина порядка 80 мм, перешейка – 3–4 мм и ширины листков – 8 мм. Толщина заготовки в области перешейка 1 мм, а листочков – 0,7 мм. Под основу из меди подкладывалась заготовка из золотой фольги толщиной 0,1 мм, несколько превышающая ее размеры. Края фольги заворачивались на медную заготовку и прижимались. Далее лопастям заготовки придавалась выпуклая форма посредством тиснения. Одновременно с этим все изделие сворачивалось в кольцо соответствующего количества оборотов.

Подобные серьги-подвески являются частью головных украшений и широко распространены в степной зоне Евразии в бронзовом веке. Такие изделия имели опре-

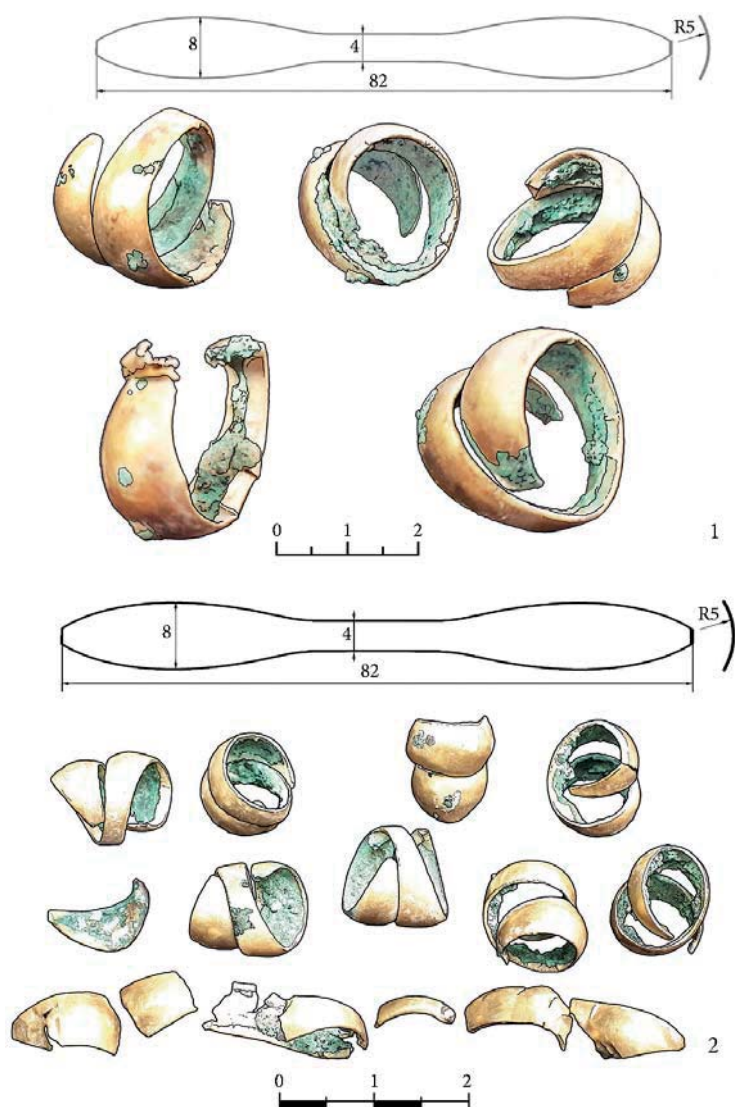

Рис. 5. Бронзовые желобчатые подвески, плакированные золотой фольгой, из могильника Мадьярсай-I: 1 – погребение 9 ограды №7; 2 – погребение 6 ограды №4

деленное своеобразие в каждом регионе своего распространения и фиксируются как в алакульских, так и федоровских комплексах андроновского круга [Аванесова, 1991, с. 53, 54, рис. 43; Куприянова, 2008, с. 24–26, рис. 13; Усманова, 2010, с. 64].

Ременные декоративные бронзовые обоймы, плакированные золотой фольгой, представлены двумя экземплярами, идентичными в конструктивном решении и декоративном оформлении (рис. 6.-1). Основы обойм из медных пластин толщиной 0,6–0,7 мм подверглись сильной коррозии. Из двух одна дошла в целом виде, вторая сохранилась фрагментарно. Конструктивная основа обеих обойм была выполнена из листа меди Т-образной формы. Горизонтальные плечики этой формы загибались на-

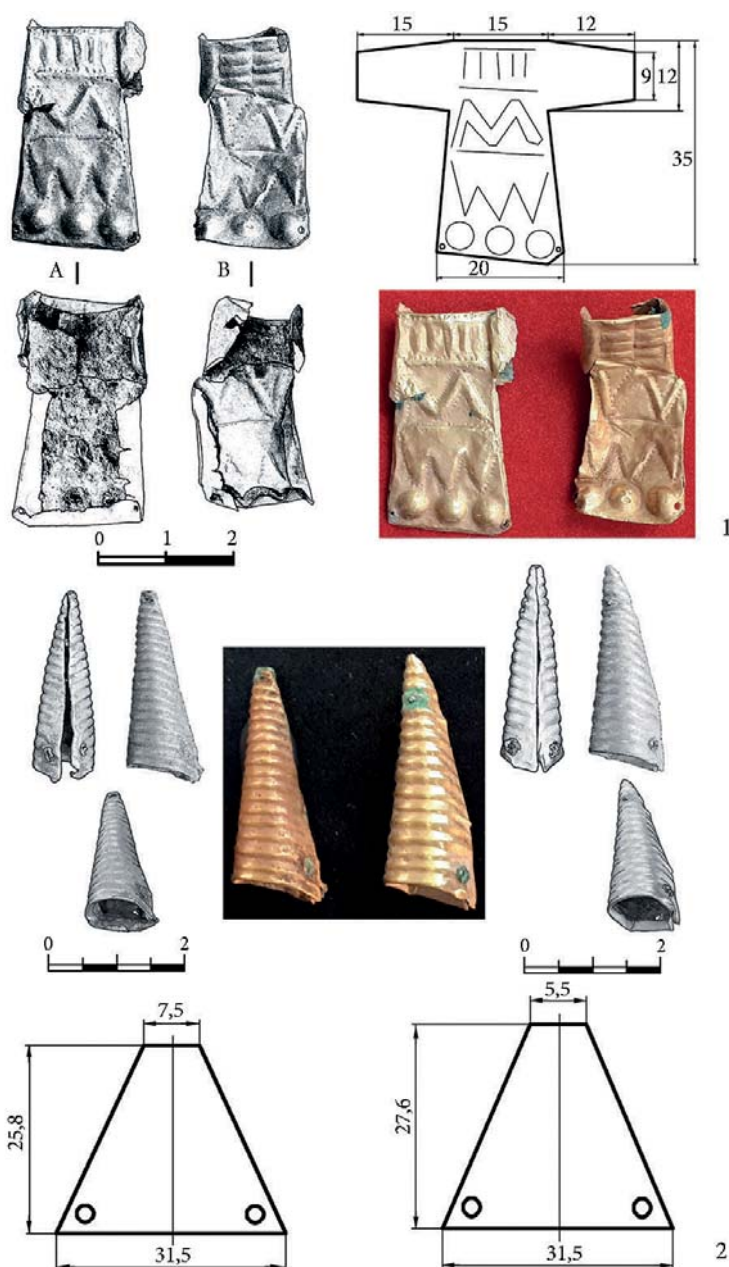

Рис. 6. Бронзовые декоративные украшения, плакированные золотой фольгой, из могильника Мадъярсай-I: 1 – ременные обоймы; 2 – конические подвески

зад, образуя обойму. Центральный элемент заполняет орнаментальная композиция. Вертикальную ориентацию предметов декора в costume подтверждает наличие двух небольших отверстий по углам нижней части язычка каждой обоймы, возможно, для подвешивания дополнительных декоративных элементов.

На вертикальный элемент был предварительно нанесен узор в виде горизонтальных полос, зигзага, треугольников и полусферических выпуклостей. Форма орнамента, порядок следования элементов заранее определены. Вертикальная полоса заготовки разделена на четыре яруса. Верхний заполнен вертикальными (горизонтальными – второй случай) полосками. Ниже проходит зигзагообразная линия, которая в обоих случаях направлена по-разному, но принципиально имеет одинаковое количество изломов. Третий ярус представляет зубчатая полоса, три зубца которой обращены вниз. Завершает орнаментальную композицию ряд из трех выпуклых полусфер. Каждая полусфера соотнесена с зубцом предыдущего элемента.

Рельефный рисунок на бронзовых пластинах создавался методом чеканки и тиснения. На заполненную рельефом пластину накладывался соответствующей формы лист золотой фольги толщиной 0,1 мм и через мягкий, но достаточно плотный материал, например лист кожи/войлока, с усилием прижимался к основе. Вследствие высокой пластичности золота рисунок рельефа отпечатывался на фольге. Далее обводкой деревянным пуансоном уточнялся рисунок рельефа. Проявленный таким образом рельеф с медной пластины не позволял золотой фольге резко смещаться в сторону. Обе заготовки переворачивались вниз лицом и края золотой фольги загибались. Как завершающий этап обработки рельефа по контуру элементов орнамента наносились точечные удары тонким металлическим пуансоном.

Уже после плакирования медной обоймы в нижних углах основного элемента были проделаны два отверстия, вероятно, с целью прикрепления декоративных подвесок. Концы обоймы обжимались вокруг вертикально расположенного ремня по месту применения. Подобный тип ременных обойм с геометрическим орнаментом не известен в материалах андроновских комплексов. Характер их орнаментации близок символике нашивных бляшек головного убора женского костюма андроновских женщин [Усманова, 2010, с. 91–93] и бронзовых обойм Южного Зауралья и Казахстана [Куприянова, 2008, с. 29, рис. 18.-1–3].

Две конические декоративные подвески размером 2,76 см и 2,58 см в высоту и 1,2–1,3 см в диаметре основания (рис. 6.-2) изготовлены из бронзовой пластины, украшены поперечными рельефными поясками и плакированы золотой фольгой (фольга в обоих случаях имеет разный оттенок интенсивности цвета: в первом – светло-желтый, во втором – красноватый). Обе подвески можно считать выполненными рукой одного мастера, поскольку их размеры почти идентичны и в нанесении декора наблюдается единство технического решения. Медная основа обоих конусов практически полностью разрушилась в результате коррозии металла. Несмотря на это, золотая фольга, которой плакирована поверхность медной основы, находится в хорошей сохранности. Данные изделия, как и ранее описанное, представляются нам височными рельефными подвесками конической формы местной традиции эпохи бронзы.

По итогам археологических раскопок вещевой материал могильника Мадьярсай-I помимо бронзовых украшений составила керамическая посуда. Всего обработано 14 археологически целых и пять фрагментированных лепных широкогорлых керамических сосудов, представленных 13 горшками, тремя банками, и еще три фрагмента не позволяют определить их точную форму (рис. 7). Керамическая посуда изготовлена ленточным способом на твердой основе. Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого речного песка, органики, дресвы и реже шамота. Поверхность фрагментов имела раз-

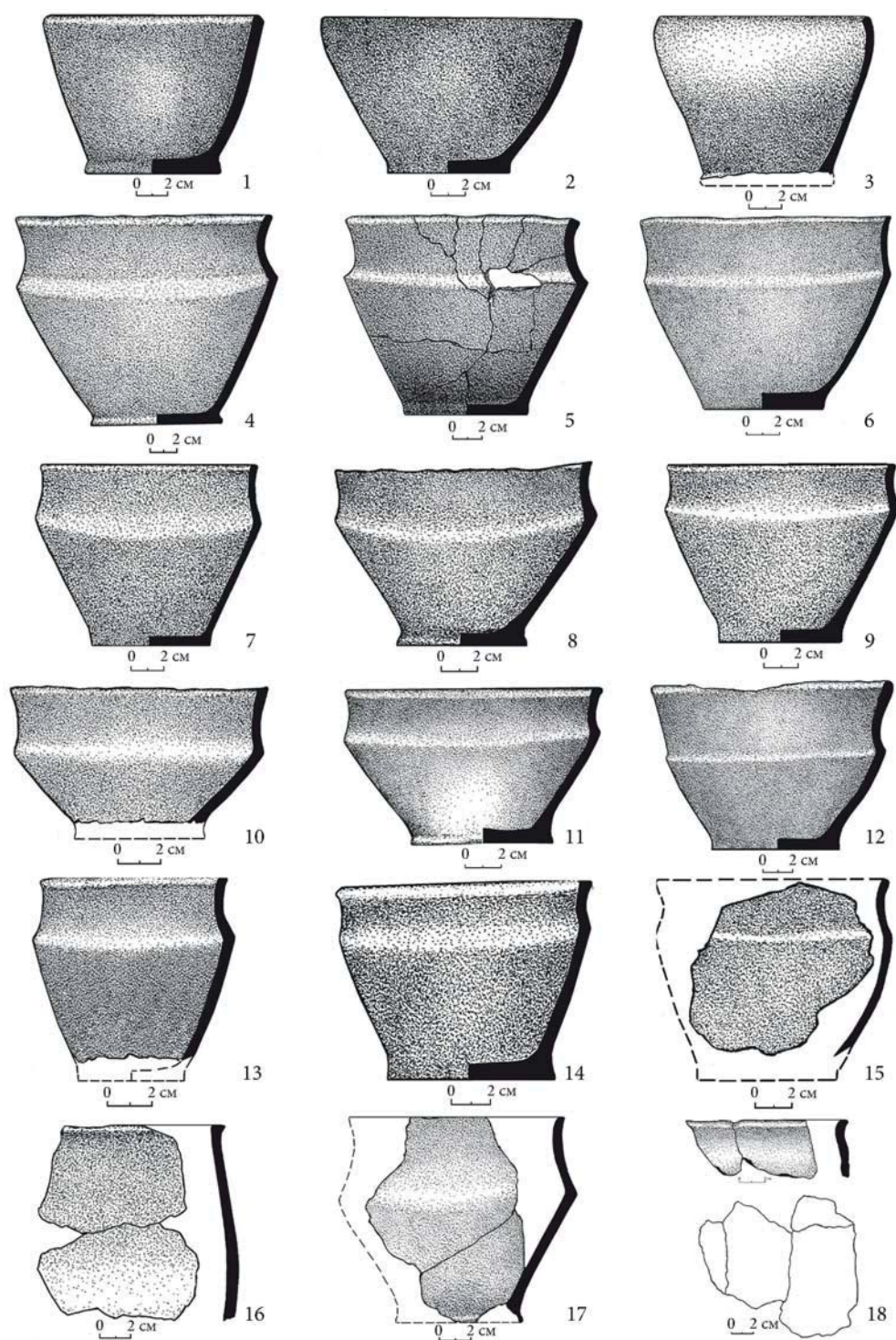

Рис. 7. Керамическая посуда эпохи бронзы из могильника Мадьярсай-I

личную степень прокаленности стенок и была обожжена в восстановительной атмосфере. Орнаментация на посуде практически отсутствует.

В рамках естественно-научных исследований произведен анализ почв из керамической посуды в захоронениях бронзового века (16 образцов) в лаборатории ИГН им. К.И. Сатпаева (д.г.н. С.А. Нигматова). Результаты показали отсутствие растительной пищи в погребальной посуде. Палинологическое изучение почв позволило предположить, что в горшках из могильника Мадьярсай-I, возможно, находились вода, молоко или бульон. Некоторые сосуды заполнялись грунтом в процессе захоронения, так как палиноспектры практически аналогичны пробам, полученным из контрольного шурфа.

Сосуды баночных форм имели слегка раздутые тулова или высокие прямые стенки (рис. 7.-1-3). Особенности горшковидной посуды проявляются в форме отдельных ее частей (рис. 7.-4-14, 18). Прямые или округлые невысокие венчики переходят в плечико с уступчиком. Тулово плавно сужается ко дну, дно плоское. Фрагменты крупных сосудов зафиксированы в качестве керамических крышек, накрывавших погребальную посуду сверху (рис. 7.-15-17, 19). Они представляли собой, как правило, фрагменты стенок горшковидных сосудов.

Среди близлежащих памятников региона наиболее близкие аналогии керамике могильника Мадьярсай-I отмечаются в соседних погребальных комплексах урочищ Ойжайлау, Кожабала и Тамгалы. Е.Е. Кузьмина [1994, с. 407] относил подобные способы формовки сосудов к алакульской линии развития гончарного производства андроновских племен. Подобная посуда ближе к алакульско-атасуской группе керамики Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 115; Кадырбаев и др., 1992, с. 187-189].

Заключение

Анализ материалов разведки и раскопок в совокупности с систематизированными данными ранее исследованных памятников дает возможность для предварительных культурно-хронологических определений. Структурная организация могильника и его положение в археологическом комплексе эпохи бронзы микрорайона показывают, что он являлся центральным кладбищем для жителей бронзового века ущелья Мадьярсай. Расположение погребальных конструкций компактными группами в различных частях, вероятно, маркирует территории отдельных семейно-родовых групп на общем племенном кладбище.

Материалы археологических раскопок показали, что исследованная конструкция относится к наиболее раннему этапу освоения этого микрорайона племенами андроновской культурно-исторической общности. Полученные данные позволяют определить функционирование могильника в пределах XIX-XIV вв. до н.э. с возможным выделением двух этапов, связанных с устройством длинных цепочек каменных оград (ранний – XIX-XVI вв. до н.э.) и сооружением отдельных семейных погребальных комплексов в виде одной-двух крупных оград с пристройками небольших конструкций детских подзахоронений (поздний – XV-XIV вв. до н.э.).

Возникновение и существование памятника можно связывать с процессом интенсивных контактов населения Центрального Казахстана и Жетысу, усвоивших как алакульско-атасуские, так и федоровско-нуринские культурные традиции андроновской общности. Особенности погребальной обрядности бронзового века населения двух соседних регионов свидетельствует о значительной степени социально-экономических и этнокультурных взаимосвязей между ними, что делает дальнейшие исследования перспективными.

Библиографический список

Абдуганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 11–19.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : ФАН, 1991. 200 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2016. Т. 15, №5. С. 85–123.

Генинг В.Ф., Журавлева Г.Н. Классификация вещевого комплекса могильника Ныргында-II: застежки и съемные украшения // Поволжская археология. 2019. №1 (27). С. 150–163.

Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК. Сер. общественных и гуманитарных наук. 2013. №3. С. 3–28.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук-I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1970. С. 154–163.

Кадырбаев М.К. Могильник Жыланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата : Наука, 1974. С. 24–45.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата : Гылым, 1992. 250 с.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2011. 220 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : Наука, 1994. 464 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : АвтоГраф, 2008. 244 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. 436 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // Российская археология. 1993. №1. С. 5–19.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата : Жалын, 1979. 175 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы : Дайк-пресс, 2002. Т. 2. 350 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Караганда; Лисаковск : Б.и., 2010. 176 с.

References

Abdulganeev M.T., Kiryushin Yu.F., Luzin S.Yu., Shamshin A.B. Mogil'niki razvitoj i pozdnej bronzy na Blizhnih Elbanah [The Burial Grounds of Developed and Late Bronze in Blishnie Elbany]. Pogrebalnyi obryad drevnih plemen Altaya [Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 11–19.

Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskih plemen epohi bronzy aziatskoj chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam) [The Culture of Shepherd Tribes of the Bronze Age of the Asian Part of the USSR (for metal products)]. Tashkent : FAN, 1991. 200 p.

Vadeckaya E.B. Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 180 s.

Gass A., Goryachev A.A. K voprosu o tipologii i hronologii mogil'nikov epohi bronzy v vysokogornoj zone Zailijskogo Alatau [On the Typology and Chronology of Burials of the Bronze Age in the High Mountain Zone of Zailiysky Mountains]. Vestnik NGU. Serya istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series History, Philology]. 2016. Vol. 15, №5. Pp. 85–123.

Gening V.F., Zhuravleva G.N. Klassifikaciya veshchevogo kompleksa mogil'nika Nyrgynda-II: zastezhki i s"iemnye ukrasheniya [Classification of the Clothing Complex of the Cemetery of Nyrgind-II: Fasteners and Removable Jewelry]. Povolzhskaya arheologiya [Volga Archaeology]. 2019. №1 (27). Pp. 150–163.

Goryachev A.A. O pogrebal'nyh tradiciyah plemen epohi bronzy Shuil'skikh gor [On the Funerary Traditions of the Tribes of the Bronze Age at the Shuily Mountains]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk* [News of the NAS of the Republic of Kazakhstan. Ser. Social Sciences and Humanities]. 2013. №3. Pp. 3–28.

Goryachev A.A., Motov Yu.A. Arheologicheskij kompleks Butakty-I. [Archaeological Site of Butakty-I]. Almaty : KazBookTrade, 2018. 264 p.

Zdanovich G.B. Bronzovyy vek Uralo-Kazahstanskih stepej. [Bronze Age of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 184 p.

Zdanovich S.Ya. Mogil'nik epohi bronzy Burluk-I [Burial Ground Burluk-I]. Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana [Following the Traces of Ancient Cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1970. Pp. 154–163.

Kadyrbaev M.K. Mogil'nik Zhylandy na reke Nure [Zhylandy Burial Ground on the Nura River]. V glub' vekov [In the Depths of Centuries]. Alma-Ata : Nauka, 1974. Pp. 24–45.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. Kul'tura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki [The Culture of Ancient Herders and Metallurgists of Sary-Arki]. Alma-Ata : Gylm, 1992. 250 p.

Karabaspakova K.M. Zhetysu i Yuzhnyy Kazahstan v epohu bronzy [Zhetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2011. 220 p.

Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoj obshchnosti i proishozhdenie indoirancev [Where did the Indo-Aryans Come from? The Material Culture of the Andronovo Tribes and the Origin of the Indo-Iranians]. M. : Nauka, 1994. 464 p.

Kupriyanova E.V. Ten' zhenshchiny: Zhenskij kostyum epohi bronzy kak «tekst» (po materialam nekropolej Yuzhnogo Zaural'ya i Kazahstana) [The Woman's Shadow: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text" (based on materials from the necropolises of the South Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk : AvtoGraf, 2008. 244 p.

Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. 436 p.

Mar'yashev A.N., Goryachev A.A. Voprosy periodizatsii i khronologii pamyatnikov epohi bronzy Semirech'ya [Issues of Periodization and Chronology of the Sites of the Bronze Age of Semirechye]. Rossijskaya arheologiya. 1993. №1. Pp. 5–19.

Medoev A.G. Gravyury na skalakh. Sary-Arka, Mangyshlak. Ch. 1 [Engravings on the Rocks. Sary-Arka, Mangyshlak. Part 1]. Alma-Ata : Zhalyn, 1979. 175 p.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Zhambylskaya oblast' [The Set of Monuments of History and Culture of the Republic. Zhambyl Region]. Almaty : Dajk-press, 2002. T. 2. 350 p.

Usmanova E.R. Kostyum zhenshchiny epohi bronzy Kazahstana [Costume of a Woman of the Bronze Era of Kazakhstan]. Karaganda ; Lisakovsk : B.i., 2010. 176 p.

A.A. Goryachev

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

BRONZE AGE BURIAL MOUND MADYARSAI-I FROM NORTH-EAST SLOPES OF KINDYKTAS OF THE MOUNTAINS

New materials of burial mound of Bronze age Madyarsai-I, located at North East slopes of Kindyktas ridge are introduced into scientific circulation. Monument's structure and its position in archaeological complex of Bronze age from gorge Kindyktas have been detailed. For population of Bronze epoch in this region this place used to be a central cemetery. Separate burial structures as small groups in different parts of the cemetery, presumably demonstrate territories of individual families and tribal groups in a common tribal cemetery. According to the materials of archaeological excavations, it can be seen that researched complex consists of 28 stone enclosures in one construction. Burials were made in stone boxes and cists, both according to the cremation rite, and with corpse-laying in a crouched form on the left side with the head to the West. The results of camera processing of artifacts made it possible to find out the characteristic and individual elements of funeral traditions in the region. Received data obtained allow us to distinguish two stages in the functioning of the burial ground – the 18th–17th centuries BC and the 16th–14th centuries BC and link them with the development of mixed Alakul and Fedorovo traditions of the Andronovo cultural and historical community. Analysis of funeral traditions and material gives reason to assume a significant degree of mutual influence Ancient cultures during Bronze epoch in Central Kazakhstan and Jetysu.

Key words: Jetysu, Kindyktas mountains, Madyarsay gorge, Bronze Age, Andronovo cultural and historical community, burial, burial constructions, ceramics, bronze, burial rite.

УДК 902(910)

А.В. Табарев¹, Т.А. Гаврилина²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ТРОПИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА: ИНДОНЕЗИЯ*

Мегалиты и мегалитические комплексы зафиксированы практически во всех странах Юго-Восточной Азии как в континентальной, так и в островной частях, включая территорию Индонезии. Первые сведения о мегалитах и их описания появляются еще в период «колониальной археологии» (2-я половина XIX – середина XX в.) в публикациях европейских (в первую очередь голландских) и североамериканских ученых, миссионеров и представителей колониальной администрации (А. Стейнмец, А. Крюйт, В. Каудерн, Я. ван дер Хууп, У. Перри и др.). Интересным примером разнообразия конструкций и полифункционального назначения мегалитических сооружений являются памятники в провинции Западная Ява (остров Ява): ярусный комплекс Гунунг-Паданг, ступенчатая пирамида Пангтуанган и комплекс с мегалирами Туту-Геде, время сооружения которых определяется в широком диапазоне от финала неолита (2500 л.н.) до средневековья (VII–XVI вв. н.э.). Анализ мегалитических памятников на территории Индонезии позволяет не только проследить их региональные особенности, но и добавить новые аспекты в общую дискуссию о проявлении мегалитизма и монументальности в древних обществах.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Индонезия, Ява, мегалиты, история открытия, особенности.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-10

Введение

Мегалиты и мегалитические комплексы являются одновременно исключительно эффектной и привлекательной, а с другой стороны – одной из наиболее сложных для изучения, датировки и интерпретации категорий археологических памятников.

Не будет преувеличением сказать, что «мегалитоведение» – целое направление археологического поиска со своим кругом специалистов, проектами и научными форумами**. Мегалитам посвящена обширная литература, которая состоит как из научных исследований, так и из публикаций научно-популярного, эзотерического и откровенно фантастического характера. Количество интернет-порталов и специализированных сайтов, рассказывающих о мегалитах в различных регионах мира, постоянно увеличивается. В этом пестром обилии информации, иллюстраций и фото научная проблематика зачастую теряется, а многие важные аспекты практического изучения мегалитов и теоретического анализа их функций и места в конкретных культурах отходят на второй план.

Среди аспектов проблемы, требующих специального внимания, следует отметить описательный инструментарий, который по традиции опирается на понятия, принятые в европейской археологии (мегалиты, дольмены*** и др.), но далеко не всегда

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

** Практически ежегодно проводится по несколько крупных научных конференций, посвященных мегалитам, а также сессий в рамках международных конференций. Из числа последних – *Mégalithismes vivants et passés: approches croisées* (Круглые столы в Страсбурге, 2014–2015 гг.) и *Tumuli and Megaliths in Eurasia* (Португалия, май 2020 г., 16 тематических сессий).

*** 1792 г. француз Мало Коррет (Theophile Malo Corret de la Tour d'Auvergne, 1743–1800 гг.) в книге *Origines gauloises* («Галльское происхождение») отмечал, что древним кельтским словом *dolmin* галлы именовали крупный верхний камень святилищ. Впоследствии слово «дольмин» стали использовать не только для верхней части, но и для всего мегалитического сооружения. В свою очередь, термин «мегалит» впервые введен в употребление английским антикваром А. Хербертом в 1849 г. при описании конструкции Стоунхенджа.

полноценно отражающие локальную специфику; терминологию и разновидности мегалитических сооружений (полилитические, монолитические, комбинированные и др.); понятие «мегалитизм» и его варианты [Boulestin, 2016]; а также дискуссию по поводу соотношения сооружений «мегалитических» и «монументальных» [Criado, 1989].

В отечественной археологической литературе наибольшее внимание традиционно уделяется мегалитическим объектам на Кавказе [например, Марковин, 1978], Южном Урале [например, Сериков, 2018], Саяно-Алтае [например, Марсадолов, 2016] и в других районах Российской Федерации. Есть также отдельные работы и диссертации российских специалистов, посвященные мегалитическим памятникам в Западной Европе и на Дальнем Востоке (в Китае, Корее, Японии) [например, Комиссаров, 2011; Марсадолов, 2016; Нестеркина, 2018; Нестеркина, Соловьева, Табарев, Иванова, 2017; Табарев, 2018; Табарев, Иванова, Нестеркина, Соловьева, 2017], однако практически нет публикаций по мегалитическим объектам в Юго-Восточной Азии и в особенности в ее островной части.

Целью настоящей работы является общая характеристика мегалитических традиций, памятники которых в изобилии представлены на территории Индонезии – одного из государств островной части Юго-Восточной Азии. Она основана на анализе обширного круга литературы, в которой содержится информация об истории открытия и первых гипотезах относительно происхождения, возраста, разновидностей и назначения мегалитов, основных направлениях их изучения, а также на материалах научной поездки и посещения целой серии мегалитических комплексов на территории провинции Западная Ява (остров Ява) в августе 2019 г.

Краткая история открытия и изучения

С начала XVII в. территория современной Индонезии попадает в сферу интересов нидерландской Ост-Индской компании с последующей зависимостью от этой европейской державы вплоть до 1942 г. Поэтому именно голландские путешественники и натуралисты, а затем и профессиональные археологи внесли наиболее существенный вклад в открытие и первоначальное изучение древностей Индонезии, и в частности мегалитов*.

Между тем первое упоминание о мегалитических сооружениях на территории Индонезии принадлежит немецкому ботанику и натуралисту К. Хасскарлу, который в 1842 г. описал террасные рисовые поля с менгирами (вертикально установленными камнями) на территории современной провинции Западная Ява (Салакдатар). Сведения об этом памятнике, а также о других сходных объектах в этом же районе (Тхиартха, Лебаксидедук, Косала) встречаются во 2-й половине XIX – начале XX в. в работах британского геолога Дж. Ригга, пастора Дж. Брумунда, голландского медика А. Вордермана и его соотечественников геолога Р. Вербека и топографа Ф. Вилсена [Soejono, 1969, p. 72].

О дольменах и каменных саркофагах в восточной части острова Ява (долина Бондовосо) сообщали голландцы А. Стейнмец и Я. Кольбругге, о каменных изваяниях на Суматре (плато Пасемах) – армейские офицеры Л. Ульман и Э. Томбринк, о каменных урнах с крышками и антропоморфных скульптурах в долине Бада (Сулавеси**) – натуралисты и этнографы А. Крюйт и Дж. Килиаан, а также их швейцарские коллеги

* Интересующимся историей археологических исследований в островной части Юго-Восточной Азии адресуем статью «Пионеры тихоокеанской археологии» [Табарев и др., 2019].

** Остров Сулавеси – португальское название «Целебес» (Celebes), давнее название и морю – Целебесское море (Море Сулавеси).

П. и Ф. Сарасин [Kruyt, 1932; Sarasin, Sarasin, 1905] и американец Г. Рейвен [Raven, 1926]. Британцы Т. Харриссон и Г. Кейт, в свою очередь, опубликовали информацию о мегалитах на Борнео (Калимантане) [Harrisson, 1973; Keith, 1947] (рис. 1).

Рис. 1. Индонезия. Районы концентрации мегалитических комплексов, упоминаемых в тексте: 1 – плато Пасемах, Суматра; 2 – район Сукабуми, Ява; 3 – долины Бондовосо, Ява; 4 – долины Бада, Сулавеси

Вслед за крупными островами мегалитические сооружения и объекты были зафиксированы и на малых островах Индонезии – на Бали, Флоресе, Ниасе, Сумбе, Ломбоке, Молуккских островах и т.д. [Archaeology: Indonesian perspective..., 2006; Loofs, 1967; Wagner, 1959].

Наибольший интерес в историографическом плане представляют обобщающие работы Вальтера Каудерна «Мегалитические находки на Центральном Целебесе» [Kaudern, 1938], Уильяма Перри «Мегалитическая культура Индонезии» [Perry, 1918], Яна ван дер Хуупа «Мегалитические руины Южной Суматры» [Van der Hoop, 1932] и, разумеется, фундаментальный труд Хендрика ван Геекерена «Бронзовый век Индонезии» [Heekeren, 1957] (рис. 2).

Несмотря на то что подавляющее большинство этих публикаций носит исключительно описательный характер, и они практически не содержат информации о раскопках мегалитических сооружений, значение их трудно переоценить. И в первую очередь потому, что на сопровождающих повествование фото и детальных прорисовках представлены комплексы, многие из которых на сегодняшний день уже частично или полностью разрушены.

Не менее важными представляются и гипотезы, которые высказывали авторы относительно происхождения и времени создания каменных сооружений: их связывали с влиянием индуизма и буддизма, сравнивали с мегалитами Западной Европы и Средиземноморья, а также с монументальными сооружениями Египта и доколумбовой Америки, обращали внимание на связь мегалитов и погребальных ритуалов. Так, например, австрийский историк и археолог Р. Вон Хейне-Гелдерн предполагал, что мегалиты появились в Индонезии в результате двух миграционных «волн»: первая, нео-

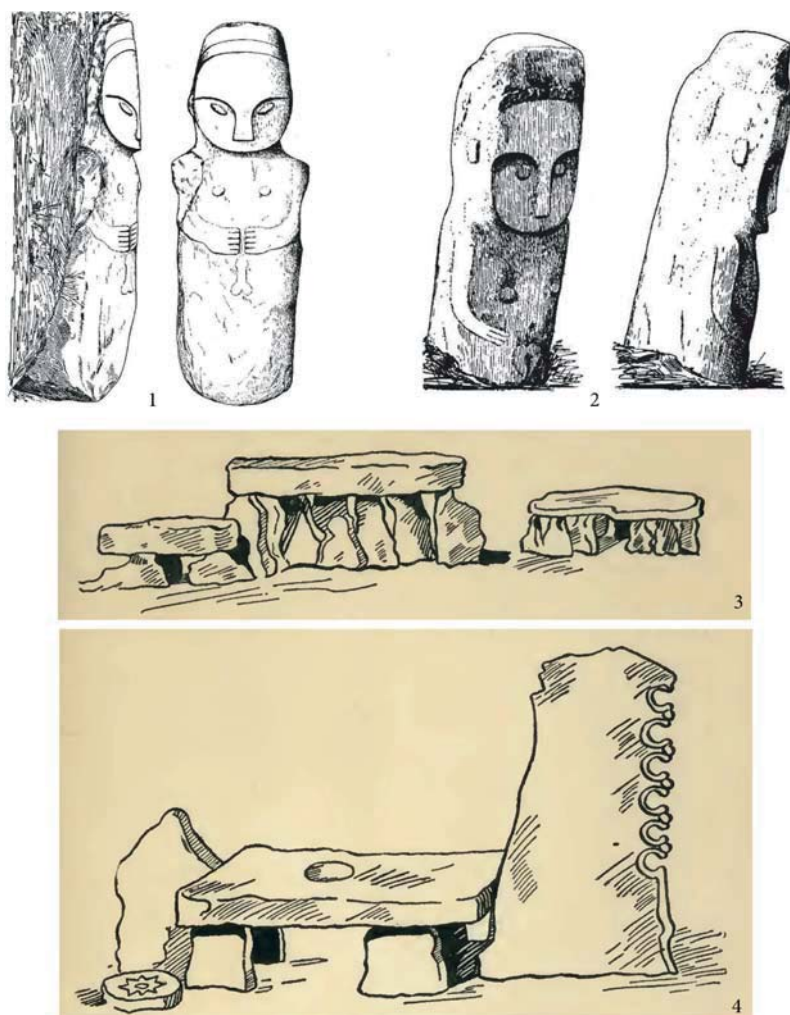

Рис. 2. Прорисовки мегалитов: 1–2 – долина Бада, Сулавеси (по: [Kaudern, 1938]); 3–4 – Суматра (по: [Perry, 1918])

литическая, с преобладанием менгиров, дольменов и каменных террас, имела место 4500–3500 л.н., а вторая, эпохи бронзы и раннего железа, с каменными саркофагами, погребальными урнами и гробницами, – около 2500 л.н. [Heine-Geldern, 1928, 1936].

Несмотря на отдельные находки неолитического возраста (полированные топоры) на мегалитических комплексах, большая часть сопровождающего археологического материала (изделия из железа и золота, стеклянные бусы, китайский фарфор), а также радиоуглеродные даты, полученные в 1970–1990-х гг., указывают на более поздние периоды: VII–XVI вв. н.э. – что позволяет части специалистов (в основном европейских) связывать время их сооружения с индо-буддистским влиянием и формированием местных комплексных обществ (например: [Steimer, Besse, 2017, p. 302]). Индонезийские археологи придерживаются более широких хронологических рамок, начиная от финала неолита – около 2500 л.н.

Современный этап изучения мегалитических памятников на территории Индонезии имеет ряд особенностей: это активное использование эффектных объектов культурного наследия в туристической сфере [Bloembergen, Eickhoff, 2020] и, с другой стороны, весьма ограниченные, в силу индонезийского законодательства, возможности для зарубежных ученых производить полноценное археологическое изучение мегалитов. Как правило, они реализуются в форматах «ландшафтной» или «экологической» археологии, сопровождаемой лишь незначительными по площади и объему раскопками (например: [Kirleis et al., 2012; McKinnon, 1993; Miksic, 1986]).

В качестве отдельного направления можно рассматривать этноархеологические проекты, посвященные описанию и анализу существующих на сегодняшний день практик сооружения мегалитических конструкций на ряде индонезийских островов (Сумба, Нияс), что позволяет получить очень ценную информацию об особенностях ритуалов, мотивации участников, технических аспектах транспортировки и возведения мегалитов и т.д. (например: [Adams, 2009])^{*}.

Мегалиты провинции Западная Ява

Выбор провинции Западная Ява для ознакомления с мегалитами не был случайным (рис. 3). До настоящего времени российские археологи в этой части Явы никогда

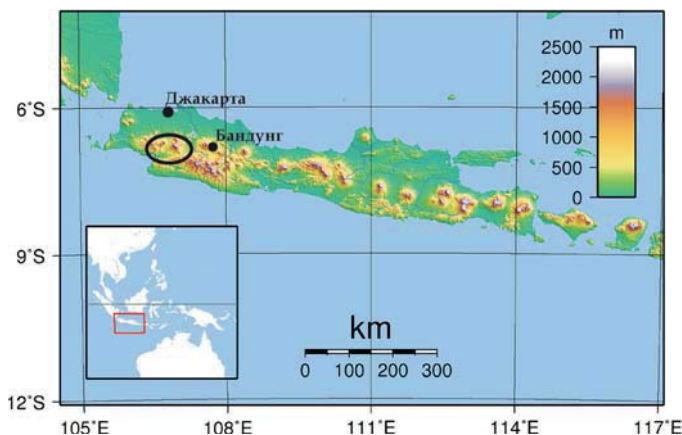

Рис. 3. Остров Ява. Овалом указан район Сукабуми, провинция Западная Ява

не работали, и сами научные контакты носили редкий и эпизодический характер [Чебоксаров, 1962]**.

По различным оценкам индонезийских специалистов в провинции Западная Ява*** насчитывается более 200 местонахождений с мегалитами, подавляющая часть из них поставлена на государственный учет в качестве объектов культурного наследия, но они никогда не исследовались в рамках специальных археологических проектов. Есть несколько

обобщающих публикаций о посещении и осмотре мегалитов иностранными специалистами. Из современных европейских авторов отметим исследования Т. Стеймер-Эрбэр, включая книгу «Индонезийские мегалиты», где объектам в провинции Западная Ява уде-

^{*} Из числа научно-популярных работ следует отметить очень интересную статью российского автора по этноархеологическому сюжету о «небесных кораблях» и мегалитах острова Сумба [Сысоева, 2011].

^{**} Автор подробно рассказывает о своей поездке в Индонезию в апреле 1962 г. Во время пребывания на Яве он после визита в Джакарту побывал и в провинции Западная Ява (гг. Богор, Бандунг) и даже произвел этнографические исследования в одной из деревень (Кандангсапи) по маршруту поездки [Чебоксаров, 1962, с. 81].

^{***} Одна из крупных провинций на острове Ява (площадь – более 35 тыс. кв. км, а население – более 48 миллионов человек, из которых 95% исповедуют ислам). В 2000 г. от нее отделилась западная часть, которая сегодня является самостоятельной провинцией Бантен. Столица Западной Явы – г. Бандунг.

ляется немногим более трех страниц текста и два десятка цветных фото [Steimer-Herber, 2018, p. 5–20].

В фокусе нашей поездки были памятники различных типов: комплексы с вертикально установленными камнями (менгирами), пирамидальные сооружения, а также монументальные объекты с ярусным расположением мегалитических конструкций.

К числу последних относится один из самых загадочных и эффектных памятников Индонезии – мегалитический комплекс Гунунг-Паданг. Он расположен в горной местности недалеко от деревни Кариамукти, район Сукабуми (центральная часть провинции). Обрывочные сведения о «заброшенном каменном городе на высокой горе» были известны еще с XV в., но первое документальное свидетельство принадлежит голландцу Николасу Крому, который посетил Гунунг-Паданг в 1914 г. [Krom, 1914]. Затем памятник канул в небытие, и лишь в конце 1970-х гг. его снова «открыли» местные жители, расчищавшие окрестности горы под сельскохозяйственные угодья, а в 1985 г. там даже производили исследования сотрудники Национального археологического исследовательского центра. Несмотря на это о Гунунг-Паданге снова забыли на четверть века, пока начиная с 2010–2012 гг. в медийном пространстве не стали появляться будоражающие новости о том, что в джунглях Индонезии обнаружена пирамида, возраст которой превосходит возраст пирамид Египта, а начало строительства вообще уходит корнями в доледниковый период палеолита*.

В своей оценке возраста памятника мы опираемся на данные, полученные в ходе комплексного исследования, проведенного на памятнике экспедицией Археологического центра в г. Бандунг под руководством Л. Йондри в 2014 г. [Yondri, 2017].

В своей оценке возраста памятника мы опираемся на данные, полученные в ходе комплексного исследования, проведенного на памятнике экспедицией Археологического центра в г. Бандунг под руководством Л. Йондри в 2014 г. [Yondri, 2017].

Рис. 4. Комплекс Гунунг-Паданг: 1 – вид на террасы №2–3; 2 – остатки прямоугольного сооружения со входом и «алтарным камнем» в дальнем углу на террасе №3.

Фото из архива авторов

* Желающие познакомиться с этими «гипотезами» могут найти их в Интернете, однако подавляющее большинство индонезийских археологов считают их исключительно спекулятивными.

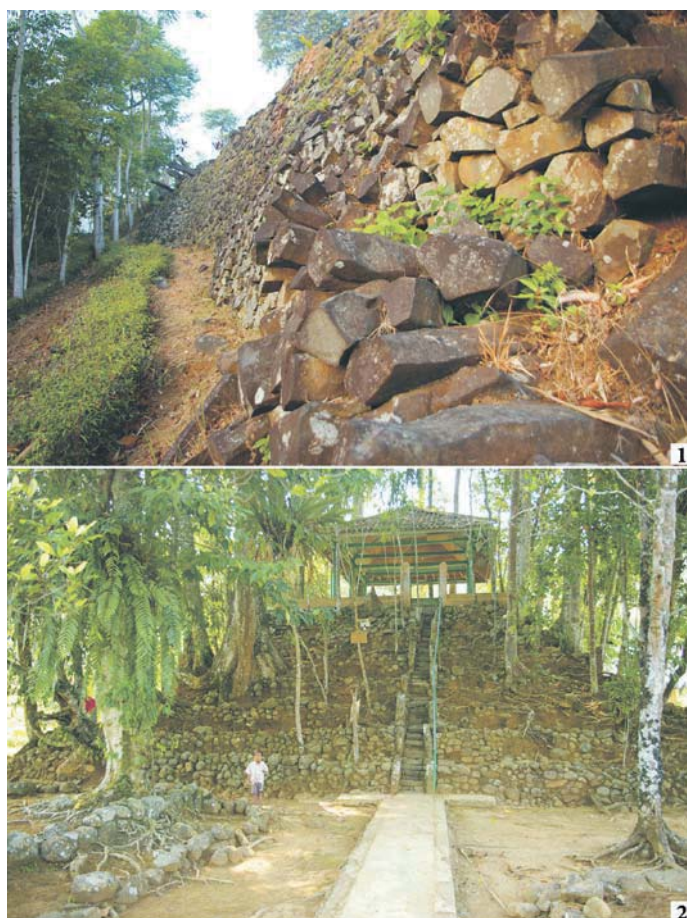

Рис. 5. Мегалитические комплексы: 1 – Гунунг-Паданг, каменные блоки, укрепляющие склоны верхних террас; 2 – ступенчатая пирамида Пангтуанган.

Фото из архива авторов

женных блоков по всему периметру вершины (рис. 5.-1), а также каменную лестницу из 400 ступеней, ведущую на самую верхнюю террасу (терраса №1).

Серия шурфов и траншей, заложенных на периферийных участках разных террас в 2014 г., позволила проследить детали конструкций, обнаружить немногочисленный археологический материал (фрагменты лепной, станковой и фарфоровой посуды, обломки каменных орудий, обломки изделий из металла, несколько поздних монет), а также собрать уголь для нескольких проб, которые указали на диапазон 117–45 гг. до н.э. Логично предположить, что комплекс создавался в несколько этапов и мог служить своеобразным ритуальным центром, который объединял местные племенные образо-

Комплекс Гунунг-Паданг приурочен к конусу потухшего вулкана высотой около 150 м. На его вершине и склонах была сформирована серия из 13 искусственных террас, пять из которых (верхние), расположенные каскадом, в настоящее время расчищены и доступны для осмотра [Ramadina, 2013]. На террасах находятся остатки сооружений – каменные насыпи, выкладки, оградки, ступени, фундаменты и трудно диагностируемые нагромождения из камней (гробницы?) – строительным материалом для которых служили базальтовые и дацитовые блоки местного происхождения длиной от полутора до нескольких метров с четырех-, пяти- и шестигранным сечением* (рис. 4.-1–2). Особо следует обратить внимание на укрепление верхних террас несколькими слоями горизонтально поло-

* Столбчатая отдельность образуется благодаря трещинам, возникающим в остывающем лавовом потоке. Таким образом, обнажения обломков экструзивного купола и являются материалом для мегалитических сооружений Гунунг-Паданга, его не надо было добывать в удаленных каменоломнях и доставлять на вершину.

Рис. 6. Небольшой комплекс посреди рисового поля недалеко от дер. Сенгкук.

Фото из архива авторов

вания накануне и в ходе индо-буддийской культурной экспансии на островную часть Юго-Восточной Азии. Для более точной интерпретации и датировки Гунунг-Паданга необходимы раскопки в центральной части верхних террас комплекса.

Большая группа мегалитических памятников была осмотрена нами в районе национального парка «Халимун» («Туманные горы») в южной части провинции Западная Ява.

Первым интересным объектом является комплекс Панггуянган – он выстроен в форме ступенчатой пирамиды, состоящей из семи уровней. Размеры прямоугольного основания пирамиды – примерно 25×20 м, высота – около 12 м, а на верхний ярус ведет узкая каменная лестница (рис. 5.-2). Вокруг пирамиды четко прослеживаются несколько каменных оградок, которые могли служить основаниями для конструкций из дерева.

Любопытным является факт последующего использования пирамиды в период появления ислама – на ее вершине выстроена небольшая усыпальница одного из мусульманских деятелей, что делает Панггуянган объектом местного паломничества. Никаких данных об археологическом изучении объекта в литературе нам найти не удалось, как не удалось и получить ответ на вопрос о возрасте пирамиды – можно лишь предварительно оценить его в рамках V–XII вв. н.э.

Более десятка мегалитических комплексов известно в окрестностях горной деревни Сенгкук на высоте более 500 м над уровнем моря – в основном они расположены рядом или прямо посреди рисовых полей и террас (рис. 6), что косвенно свидетельствует об их связи с земледельческими ритуалами. Наиболее показательным и ярким является комплекс Тугу-Геде (около 1 км от деревни) – он состоит из нескольких участков, на которых присутствуют вертикально поставленные камни (менгиры) от 35–40 см до нескольких метров*, оградки из камней, площадки, выложенные плитами, несколько скульптурных изображений, фрагменты каменных алтарей, обломки каменных сар-

* Самый крупный менгир имеет высоту 3 м 80 см при обхвате около 1 м 10 см.

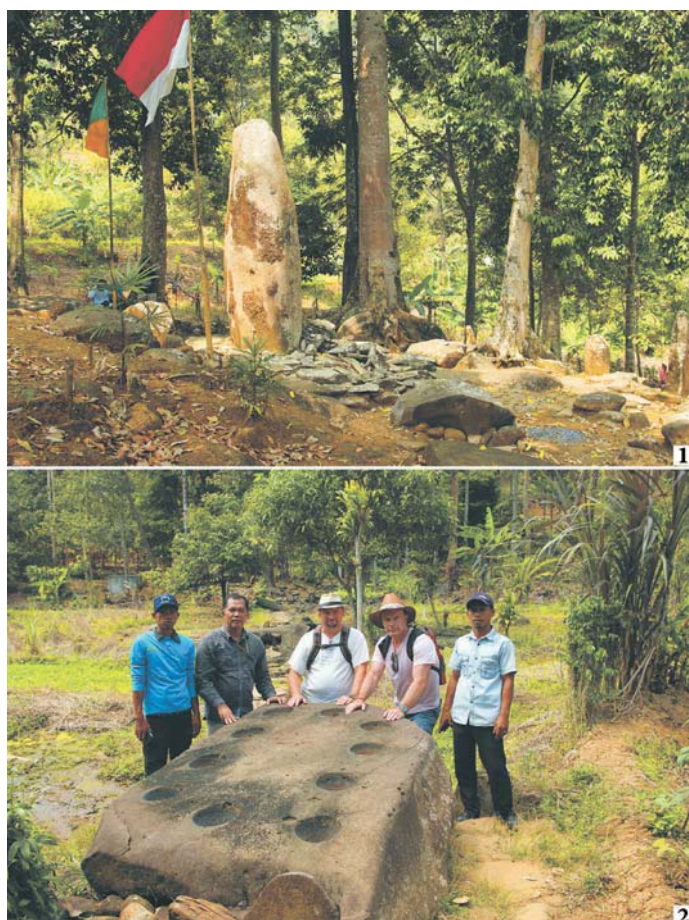

Рис. 7. Комплекс Тугу-Геде:
1 – самый высокий менгир комплекса;
2 – мегалит с чашевидными углублениями.
Фото из архива авторов

кофогов, а также крупные плоские камни с сериями чашевидных углублений (рис. 7.-1-2).

Археологических раскопок на памятнике не проводилось, но в обильном подъемном материале присутствуют фрагменты разновременной глиняной и фарфоровой посуды, обломки каменных орудий, терочки и куранты, изделия из стекла и металла (бубенчики). Комплекс является действующим, там несколько раз в год отмечают важные для земледельцев события, приносят подношения духам, обвязывают менгиры кусочками белой ткани. Все это затрудняет датировку комплекса, но не исключено, что наиболее ранние его участки могут быть связаны с финалом неолита – началом эпохи палеометалла (около 2500 л.н.) с последующими дополнениями индо-буддистского и мусульманского времени.

Заключение

Наше обращение к мегалитическим комплексам Индонезии (на примере провинции Западная Ява) носит предварительный характер. Безусловно, для раскрытия всех аспектов этой темы необходим и более полный обзор памятников на других крупных и малых островах Индонезии, а также общая картина распространения и проявления мегалитических традиций на всей территории Юго-Восточной Азии, континентальной (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Малайзия)* и островной (Филиппины)**.

* Литература по континентальной части обширна, из наиболее интересных и стилистически связанных с мегалитами Индонезии следует отметить комплексы в Лаосе и во Вьетнаме [например, Trinh Nang Chung, 2018].

** О мегалитических сооружениях Филиппин сегодня известно гораздо меньше, но соответствующую информацию об объектах на острове Лусон можно найти в публикациях начала XX в., а также в этнографических исследованиях. В частности в работах Р.Ф. Бартона [Станюкович, 1979].

Тем не менее выполненный авторами обзор литературы и полевые исследования позволяют сделать несколько выводов о специфике рассматриваемых объектов и особенностях их изучения:

1. Мегалитические конструкции на территории современной Индонезии представлены разнообразными по типу объектами, которые относятся к нескольким периодам, от неолита до средневековья, и иллюстрируют *разные культурные традиции*, связанные своим происхождением с территориями Индии и Индокитая.

2. Несмотря на сходство отдельных комплексов и их элементов с менгирами, дольменами и другими типами мегалитических сооружений Западной Европы подавляющее большинство индонезийских памятников не моно-, а полилитичны, они состоят из десятков, сотен и даже тысяч камней. Во многих случаях лишь незначительная часть этих камней соответствует термину «мегалит» по весу и размерам, основная часть представлена валунами, которые в силах поднять и перенести без специальных приспособлений один человек. При этом камни являются лишь одним из строительных материалов комплексов наряду с деревянными конструкциями и земляными насыпями.

3. В отличие от более привычных для зрительного восприятия мегалитов Западной Европы индонезийские комплексы расположены в экваториальных джунглях и находятся под сильным влиянием как *природных*, так и *антропогенных* факторов. К *природным* относятся вулканическая деятельность, продолжительные сезоны дождей и мощная деятельность растений, корни и стволы которых не только скрывают детали сооружений, но и существенно их деформируют. Антропогенное влияние, в свою очередь, также имеет свои особенности – можно сказать, что человек и мегалитические конструкции постоянно находились и находятся в диалоге: комплексы предшествующих эпох не разрушались, а успешно использовались (доставлялись, модифицировались) в качестве основы в последующее время. В ряде случаев человек использовал крупные камни и блоки для фундаментов домов, строительства дамб на полях и укрепления рисовых террас, в других – наоборот, доставлял комплексы за счет камней, обнаруженных при расчистке и обработке полей.

4. Все эти обстоятельства затрудняют археологическое изучение мегалитов и мегалитических комплексов, предполагают достаточно широкие диапазоны датирования и полифункциональность этих объектов (земледельческие ритуалы, культ предков, астрономические визирь, территориальные маркеры, места проведения межплеменных праздников и т.д.). Необходима разработка специальных методик раскопок, которые позволят получить максимальную информацию, но при этом сохраняют объект как памятник культурного наследия.

Говоря о функциональном назначении индонезийских мегалитов, следует учитывать и общемировую тенденцию к смене научной парадигмы, которая долгое время связывала появление мегалитов исключительно с возникновением и распространением земледельческих обществ. Раскопки серии мегалитических комплексов в Турецком Курдистане (Гёбекли-Тепе и др.) [Schmidt, 2010], детальный анализ «каменных кругов» эпохи дзёмон на Японском архипелаге [Табарев, Иванова, Нестеркина, Соловьева, 2017], обнаружение «Амазонского Стоунхенджа» [Cabral, Saldanha, 2009] и другие находки кардинально меняют суть проблемы и свидетельствуют о том, что *мегалитические* (и *монументальные* в самом широком смысле) сооружения характерны и для обществ мобильных охотников-собирателей-рыболовов в самых разных климатических поясах мира, включая тропический.

Мы выражаем искреннюю признательность нашим коллегам – доктору Лютфи Йондри (Археологический центр провинции Западная Ява, Индонезия) и кандидату исторических наук А.Н. Попову (Дальневосточный федеральный университет, Россия) за помощь с литературой и ценные комментарии по сюжетам настоящей статьи, высказанные в ходе совместных поездок по археологическим памятникам Индонезии.

Библиографический список

Комиссаров С.А. Мегалитические конструкции и их значение // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. С. 271–273.

Марковин В.И. Мегалиты Западного Кавказа. М. : Наука, 1978. 328 с.

Марсадолов Л.С. Сакральная археология и классификация мегалитов // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3. С. 44–62.

Нестеркина А.Л. Мегалиты на территории России и проблема взаимосвязей с сопредельными территориями // Археология Евразии и Корейского полуострова. Сеул : Институт археологии и древней истории Кореи при Университете Кёнхи, 2018. С. 15–32 (на русс. и кор. яз.)

Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А., Табаров А.В., Иванова Д.А. Мегалитические сооружения Корейского полуострова и Японского архипелага: комплексный анализ проблем происхождения и назначения // Археология, этнография, антропология Евразии. 2017. Т. 45. №3. С. 106–114.

Сериков Ю.Б. Культовые камни и мегалитические сооружения Урала // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 1. С. 8–97.

Станюкович М.В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // Советская этнография. 1979. №1. С. 76–83.

Сысоева С.В. Про остров Сумбу, тень от небесных кораблей, каменные саркофаги и восемь пар Марапу // Восточная коллекция. 2011. №4. С. 66–77.

Табарев А.В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. №2. С. 37–47.

Табарев А.В., Гаврилина Т.А., Патрушева А.Е., Серовец Г.В. Пионеры тихоокеанской археологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №2. С. 21–31.

Табарев А.В., Иванова Д.А., Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Дзёмонская традиция монументальных сооружений на Японском архипелаге: истоки, особенности, распространение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 54. №4. С. 45–55.

Чебоксаров Н.Н. Сорок дней в Индонезии // Вестник Академии наук СССР. 1962. №10. С. 78–83.

Adams R. Transforming Stone. Ethnoarchaeological Perspectives on Megalith Form in Eastern Indonesia // Megalithic Quarrying, Sourcing, Extracting and Manipulating the Stones. Proceedings of the XV UISPP World Congress (Lisbon, 4–9 September, 2006). Oxford : Archaeopress. BAR International Series, 2009. No. 1923.

Archaeology: Indonesian Perspective: R.P. Soejono's festschrift. Menteng, Jakarta : Indonesian Institute of Sciences, 2006. 618 p.

Bloembergen M., Eickhoff M. The Politics of Heritage in Indonesia: A Cultural History. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 338 p.

Boulestin B. Qu'est-ce que le mégalithisme? // Mégalithismes vivants et passés: approches croisées. Oxford : Archaeopress, 2016. P. 57–94.

Cabral M.P., Saldanha J. Um Sítio Multiplas Interpretações: o caso do “Stonehenge do Amapá” // Revista de Arqueologia. 2009. V. 22, No. 2. P. 115–123.

Cole S. Appropriated Meanings: Megaliths and tourism in Eastern Indonesia // Indonesia and the Malay World. 2003. V. 31. P. 140–150.

Criado F. We, the post-megalithic people... // The meanings of things, material culture and symbolic expression. One World Archaeology Series. 1989. V. 6. P. 79–89.

Harrison T. Megalithic Evidences in East Malaysia: an Introductory Summary // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1973. V. 46, No. 1. P. 123–139.

Heekeren H. The Bronze-Iron Age of Indonesia // Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde. 1958. Vol. 21.

Heine-Geldern R. Die Megalithen Südostasiens und ihre Bedeutung für die Klärung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien // *Anthropos*. 1928. V. XXIII. P. 276–315.

Heine-Geldern R. Prehistoric Research in Indonesia // *Annual Bibliography of Indian Archaeology*. 1936. P. 26–38.

Kaudern W. Megalithic Finds in Central Celebes // *Ethnographical studies in Celebes: Results of the author's expedition to Celebes 1917–20*. V. 5. Göteborg : Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1938.

Keith H.G. Megalithic Remains in North Borneo // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1947. V. 20, No. 1. P. 153–155.

Kirleis W., Müller J., Kortemeier C., Behling H., Soeghondo S. The Megalithic Landscape of Central Sulawesi, Indonesia: Combining Archaeological and Palynological Investigations // *Crossing Borders in Southeast Asian Archaeology. Selected papers from the 13th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists*, Berlin, 2010. Singapore : NUS Press, 2012. P. 199–218.

Krom N.J. Voorloopige lijst van Oudheden in de Buitenbezittingen. OV, Bijlage T. Westenek, 1914. 81 p.

Kruij A. L'immigration préhistorique dans Le pays des Toradjas occidentaux // *Hommage du Service Archéologique des Indes Néerlandaises au Premier Congrès des Préhistoriens d'Extrême-Orient*. II, 1932. P. 1–15.

Loofs H.E.H. Elements of the Megalith Complex in South-East Asia // *Oriental Monograph Series*. 1967. N. 3.

McKinnon E.E. A Note of Finds of Early Chinese Ceramics Associated with Megalithic Remains in Northwest Lampung // *Journal of Southeast Asian Studies*. 1993. V. 24, No. 2. P. 227–238.

Miksic J. A Valley of Megaliths in West Sumatra; Mahat (Schnitger's Aoer Doeri) revisited // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1986. V. 59. P. 27–32.

Perry W. The Megalithic Culture of Indonesia. Manchester and London : University Press, 1918. 198 p.

Ramadina S.P. Analisis Perupaian Situs Megalitik Gunung Padang di Cianjur, Jawa Barat // *Journal of Visual Art and Design*. 2013. V. 4, No. 1. P. 51–66.

Raven H.C. The Stone Images and Vats of Central Celebes // *Natural History*. 1926. V. 26. P. 272–282.

Sarasin P., Sarasin F. Reisen in Celebes. Wiesbaden : S.W. Kriedel's Verlag, 1905. 772 p.

Schmidt K. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with a special focus on sculptures and high relief // *Documenta Praehistorica*. 2010. V. XXXVII. P. 239–256.

Soejono R.P. The History of Prehistoric Research in Indonesia to 1950 // *Asian Perspectives*. 1969. V. XII. P. 69–92.

Steimer-Herbet T. Indonesian Megaliths: A Forgotten Cultural Heritage. Oxford : Archaeopress Archaeology, 2018. 104 p.

Steimer-Herbet T., Besse M. Indonesian Megaliths as the Result of the Interaction between Indigenous Peoples and Hindu-Buddhist Kingdoms // *Austronesian Diaspora. A New Perspective. Proceedings of the International Symposium on Austronesian Diaspora (18th – 23rd July 2016, Nusa Dua, Bali, Indonésie)*. Gadjah Mada University Press, 2017. P. 301–318.

Trinh Nang Chung. Megalithic Relics of Vietnam: Discoveries and Studies // *Bulletin of Miho Museum*. 2018. V. XVIII, No. 3. P. 87–96.

Van der Hoop J.: Megalithic Remains in South-Sumatra // *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1932. T. 32. P. 573–576.

Wagner F.A. Indonesia: The Art of an Island Group. London : Methuen, 1959. 256 p.

Yondri L., Hum M. Situs Gunung Padang: kebudayaan, manusia, dan lingkungan. CV. Semiotika, 2017. 382 p.

References

Komissarov S.A. Megaliticheskie konstrukcii i ih znachenie [Megalithic Constructions and Their Meaning]. Sibir' na perekrest'e mirovyh religij [Siberia on the Crossroad of World Religions]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2011. Pp. 271–273.

Markovin V.I. Megality Zapadnogo Kavkaza [Megaliths of Western Caucasian]. M. : Nauka, 1978. 328 p.

Marsadolov L.S. Sakral'naya arheologiya i klassifikaciya megalitov [Sacred Archaeology and Classification of the Megaliths]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Researches]. 2016. №3. Pp. 44–62.

Nesterkina A.L. Megality na territorii Rossii i problema vzaimosvyazej s sopredel'nymi territoriyami [Megaliths on the Territory of Russia and the Problems of the Connection with the Neighboring Territories]. Arheologiya Evrazii i Korejskogo poluoostrova [Archaeology of Eurasia and Korean Peninsula]. Ceul : Institut arheologii i drevnej istorii Korei pri Universitete Kyonhi, 2018. Pp.15–32. [na russ. i kor. yaz.].

Nesterkina A.L., Solov'eva E.A., Tabarev A.V., Ivanova D.A. Megaliticheskie sooruzheniya Korejskogo poluostrova i Yaponskogo arhipelaga: kompleksnyj analiz problem proiskhozhdeniya i naznacheniya [Megalithic Constructions of Korean Peninsula and Japanese Archipelago: Complex Analysis of the Problems of Origin and Function]. *Arheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia]. 2017. V. 43, №3. Pp. 106–114.

Serikov Yu.B. Kul'tovye kamni i megaliticheskie sooruzheniya Urala [Cult Stones and Megalithic Constructions of Ural Mountans]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finnish-Ugrian Researches]. 2018. V. 12, Iss. 1. Pp. 8–97.

Sanyukovich M.V. Neobychnaya biografiya (Roj Frenklin Barton, 1883–1947) [Unusual Biography (Roy Franklin Barton, 1883–1947)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1979. №1. Pp. 76–83.

Sysoeva S.V. Pro ostrov Sumbu, ten' ot nebesnyh korablej, kamennye sarkofagi i vosem' par Marapu [About the Sumba Island, Shadow of Sky Boats, Stone Sarcophagi, and Eight Couples of Marapu]. *Vostochnaya kollekciya* [Eastern Collection]. 2011. №4. Pp. 66–77.

Tabarev A.V. Voznagrazhdenie vechnost'yu: osobennosti pogrebal'noj praktiki v drevnih kul'turah tihookeanskogo bassejna na rubezhe er [Prized with the Eternity: Peculiarities of the Burial Practices in the Ancient Cultures of the Pacific Basin on the Edge of Eras]. *Vestnik RFFI* [RFBR Newsletters]. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2018. №2. Pp. 37–47.

Tabarev A.V., Gavrilina T.A., Patrusheva A.E., Serovec G.V. Pionery tihookeanskoj arheologii [Pioneers of Paific Archaeology]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Researches in Eastern Siberia and Far East]. 2019. №2. Pp. 21–31.

Tabarev A.V., Ivanova D.A., Nesterkina A.L., Solov'eva E.A. Dzyomonskaya tradiciya monumental'nyh sooruzhenij na Yaponskom arhipelage: istoki, osobennosti, rasprostranenie [Jomon Megalithic Tradition on the Japanese Archipelago: Roots, Peculiarities, Distribution]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia]. 2017. V. 54, №4. Pp. 45–55.

Cheboksarov N.N. Sorok dnei v Indonezii [Forty Days in Indonesia]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of USSR Academy of Sciences]. 1962. №10. Pp.78–83.

Adams R. Transforming Stone. Ethnoarchaeological Perspectives on Megalith Form in Eastern Indonesia. Megalithic Quarrying. Sourcing, Extracting and Manipulating the Stones. Proceedings of the XV UISPP World Congress (Lisbon, 4–9 September, 2006). Oxford : Archaeopress. BAR International Series. 2009. No. 1923.

Archaeology: Indonesian Perspective: R.P. Soejono's festschrift. Menteng, Jakarta : Indonesian Institute of Sciences, 2006. 618 p.

Bloembergen M., Eickhoff M. The Politics of Heritage in Indonesia: A Cultural History. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 338 p.

Boulestin B. Qu'est-ce que le mégalithisme? Mégalithismes vivants et passés: approches croisées. Oxford : Archaeopress, 2016. P. 57–94.

Cabral M.P., Saldanha J. Um Sítio Multiplas Interpretações: o caso do “Stonehenge do Amapá”. *Revista de Arqueologia*. 2009. V. 22, No. 2. P. 115–123.

Cole S. Appropriated Meanings: Megaliths and Tourism in Eastern Indonesia. *Indonesia and the Malay World*. 2003. V. 31. P. 140–150.

Criado F. We, the Post-Megalithic People... The Meanings of Things, Material Culture and Symbolic Expression. *One World Archaeology Series*. 1989. V. 6. P. 79–89.

Harrisson T. Megalithic Evidences in East Malaysia: an Introductory Summary. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1973. V. 46, No. 1. P. 123–139.

Heekeren H. The Bronze-Iron Age of Indonesia. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1958. Vol. 21.

Heine-Geldern R. Die Megalithen Südasiens und ihre Bedeutung für die Klärung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien. *Anthropos*. 1928. V. XXIII. P. 276–315.

Heine-Geldern R. Prehistoric Research in Indonesia. *Annual Bibliography of Indian Archaeology*. 1936. P. 26–38.

Kaudern W. Megalithic Finds in Central Celebes. *Ethnographical Studies in Celebes: Results of the Author's Expedition to Celebes 1917–20*. V. 5. Göteborg : Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1938.

Keith H.G. Megalithic Remains in North Borneo. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1947. V. 20, No. 1. P. 153–155.

Kirleis W., Müller J., Kortemeier C., Behling H., Soeghondo S. The Megalithic Landscape of Central Sulawesi, Indonesia: Combining Archaeological and Palynological Investigations. *Crossing Borders in*

- Southeast Asian Archaeology. Selected Papers from the 13th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, Berlin, 2010. Singapore : NUS Press, 2012. P. 199–218.
- Krom N.J. Voorloopige lijst van Oudheden in de Buitenbezittingen. OV, Bijlage T. Westenek, 1914. 81 p.
- Kruijt A. L'immigration préhistorique dans Le pays des Toradjas occidentaux. Hommage du Service Archéologique des Indes Néerlandaises au Premier Congrès des Préhistoriens d'Extrême-Orient. II, 1932. P. 1–15.
- Loofs H.E.H. Elements of the Megalith Complex in South-East Asia. Oriental Monograph Series. 1967. No. 3.
- McKinnon E.E. A Note of Finds of Early Chinese Ceramics Associated with Megalithic Remains in Northwest Lampung. Journal of Southeast Asian Studies. 1993. V. 24, No. 2. P. 227–238.
- Miksic J. A Valley of Megaliths in West Sumatra; Mahat (Schnitger's Aoer Doeri) revisited. Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1986. V. 59. P. 27–32.
- Perry W. The Megalithic Culture of Indonesia. Manchester and London: University Press, 1918. 198 p.
- Ramadina S.P. Analisis Perupaian Situs Megalitik Gunung Padang di Cianjur, Jawa Barat. Journal of Visual Art and Design. 2013. V. 4, No. 1. P. 51–66.
- Raven H. C. The Stone Images and Vats of Central Celebes. Natural History. 1926. V. 26. P. 272–82.
- Sarasin P., Sarasin F. Reisen in Celebes. Wiesbaden: S.W. Kriedel's Verlag, 1905. 772 p.
- Schmidt K. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with a special focus on sculptures and high relief. Documenta Praehistorica. 2010. V. XXXVII. P. 239–256.
- Soejono R.P. The History of Prehistoric Research in Indonesia to 1950. Asian Perspectives. 1969. V. XII. P. 69–92.
- Steimer-Herbet T. Indonesian Megaliths: A Forgotten Cultural Heritage. Oxford : Archaeopress Archaeology, 2018. 104 p.
- Steimer-Herbet T., Besse M. Indonesian Megaliths as the Result of the Interaction between Indigenous Peoples and Hindu-Buddhist Kingdoms. Austronesian Diaspora. A New Perspective. Proceedings of the International Symposium on Austronesian Diaspora (18th – 23rd July 2016, Nusa Dua, Bali, Indonésie). Gadjah Mada University Press, 2017. P. 301–318.
- Trinh Nang Chung. Megalithic Relics of Vietnam: Discoveries and Studies. Bulletin of Miho Museum. 2018. V. XVIII, No. 3. P. 87–96.
- Van der Hoop J.: Megalithic Remains in South-Sumatra. Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. 1932. T. 32. P. 573–576.
- Wagner F.A. Indonesia: The Art of an Island Group. London: Methuen, 1959. 256 p.
- Yondri L., Hum M. Situs Gunung Padang: kebudayaan, manusia, dan lingkungan. CV. Semiotika, 2017. 382 p.

A.V. Tabarev¹, T.A. Gavrilina²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

MEGALITHIC COMPLEXES OF THE TROPICAL PART OF THE PACIFIC BASIN: INDONESIA

Megaliths and megalithic complexes are widely known in almost all the countries of the Southeast Asia, its continental and island parts including the territory of Indonesia. The first information on the megaliths and their description appeared during the period of “Colonial Archaeology” (the second part of the 19th – middle of the 20th centuries) in the publications of European (Dutch in particular) and North American scholars, missionaries, and representatives of colonial administration (A. Steinmetz, A. Kruijt, W. Kaudern, J. van der Hoop, W. Perry et al.). The sites in West Java Province (Java Island) – Gunung Padang tiered complex, Pangguyangan stepped pyramid, and Tugu Gede menhir complex – are an interesting example of the construction variety and polyfunctionality of megaliths. They could be dated in wide frames – from the Final Neolithic (2500 BP) to the Middle Ages (the 7th – the 16th). The analysis of the megalithic sites on the territory of Indonesia allow not only tracing their regional peculiarities, but also contributing with some new aspects to the general discussion about megalitism and monumentality in ancient societies.

Key words: Southeast Asia, Indonesia, Java, megalithic, history of discovery, peculiarities.

УДК 902.2«6325»(517.3)

Т.А. Шевченко¹, А.М. Хаценович¹, Л.В. Зоткина¹, Б. Гунчинсүрэн²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Институт археологии МАН, Улаанбаатар, Монголия

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ: ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ*

Средний этап верхнего палеолита в Северной Монголии представляется на данный момент в большей степени эфемерным. Комплексы, которые, согласно стратиграфическому положению, можно отнести к этому этапу, малочисленны и не снабжены датировками. Однако известно, что около 16000 л.н. в бассейне Средней Селенги уже существуют комплексы, генезис и культурная атрибуция которых до сих пор остаются неясными. В отличие от соседнего Забайкалья там отсутствует отжимное микрорасщепление, за исключением памятника Толбор-15. Напротив, эти комплексы стоят ближе к синхронным эпипалеолитическим комплексам западной Центральной Азии и Ближнего Востока, а также малоизученного пока позднего верхнего палеолита Восточной Азии. В этих комплексах на памятниках Толборской группы присутствуют геометрические микролиты – это морфологически определяемые как трапеции диагонально битронкированные пластины и пластинки. В данной статье представлены результаты трасологического анализа трапеций и рассматривается их возможное назначение.

Ключевые слова: Монголия, верхний палеолит, Толбор, культурный комплекс, геометрический микролит, трапеции.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-11

Введение

Распространение определенных типов изделий, которые можно назвать руководящими типами орудий или маркерами того или иного этапа развития культуры [Рыбин, 2014], зачастую связано с расселением определенного вида человека или новых популяций, являвшихся носителями определенного культурного набора, частью которого и являлись новые типы орудий. Возникновение таких типов могло быть отражением изменения климата, расширением охотничьей специализации [Хаценович, Рыбин, 2012], переходом на другой тип добычи в охоте или на другую разновидность каменного сырья. Можно размышлять о новом витке развития общества, трансформации в диете и культуре. С этой точки зрения, геометрические микролиты являются технологической инновацией, которая указывает на использование древним человеком композитных орудий [Колобова и др., 2015, с. 155], что свидетельствует о развитии метательного охотничьего снаряжения [Ахметгалиева, Демиденко, 2017, с. 202]. Этот тип орудий являлся ранее маркером неолита, позже – мезолита [Ranov, Davis, 1979]. Только в последние годы исследований было выявлено наличие геометрических изделий в эпипалеолите и верхнем палеолите [Колобова и др., 2015, с. 155]. Наиболее ранние геометрические микролиты фиксируются в комплексах Ховесонс Пурт (Hovewons Poort) в Африке около 70000 л.н. [Deacon, 1995; Jacobs et al., 2008].

* Трасологический анализ выполнен в рамках проекта РНФ №19-78-10112 «Адаптация древнего человека к среднегорьям и аридным высокогорьям восточной Центральной Азии в позднем плейстоцене и раннем голоцене», технико-типологический анализ коллекций выполнен в рамках проекта РФФИ №19-59-44010 «Пустынные земли: смена палеолитических культур в степных и пустынных ландшафтах Монголии во время последнего максимума оледенения плейстоцена и позднего дриаса».

Микролиты могут быть представлены как различными геометрическими формами (треугольными, сегментовидными, трапециевидными, в том числе с выемками), так и не геометрическими, которые отражают собой различные формы – пластинки с притупленным краем, микроострия и т.д., выполненные на мелких пластинчатых заготовках. Как правило, геометрические микролиты оформлялись на пластинках, т.е. заготовках с шириной <12 мм, в меньшей степени – на пластинах [Muheisen, Wada, 1995].

Трасологические исследования таких изделий способствуют выявлению особенностей хозяйственной деятельности древнейшего общества. Установив функции геометрических микролитов, возможно в полной мере говорить о способах их использования человеком. В статье ставится целью определение способов утилизации геометрических орудий.

Материалы

Геометрические изделия были обнаружены на серии многослойных памятников в долинах соседних притоков среднего течения р. Селенги (рис. 1) в Северной Монголии: в гор. 4 Харганын-Гол-5 (рис. 2.-1-3); гор. 6 Толбор-4 (рис. 2.-5); гор. 2, 3а и 3с Толбор-21 (рис. 2.-4); гор. 4 Толбор-16. Для памятника Толбор-4 контекст обнаружения находок двух микролитов остается неясным. Скорее всего, артефакты оказались в слое с комплексом начального верхнего палеолита в результате биотурбации, что не было отмечено при первоначальных раскопках 2006 г. Если предполагать вероятное расположение этих изделий, то следует отметить, что в верхней пачке отложений стоянки имеется ассамбляж гор. 3, который по своим технико-типологическим характеристикам аналогичен другим комплексам (отмеченным выше), и, скорее всего, изделия происходят из него. Два изделия из Толбор-21, обнаруженные в гор. 3а и 3с, которые относятся к начальному и раннему верхнему палеолиту, вероятно, также

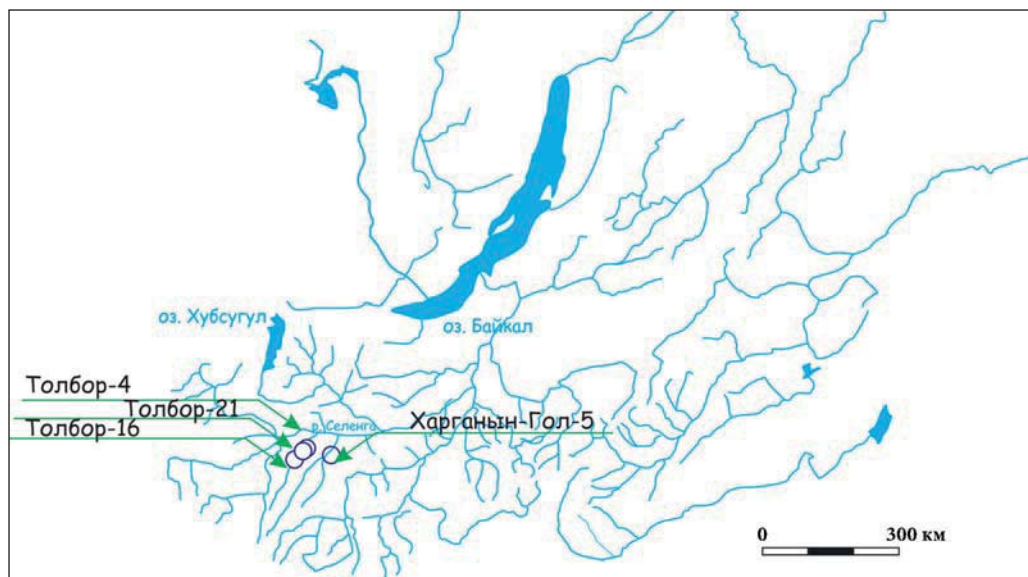

Рис. 1. Карта бассейна р. Селенги и расположения памятников Харганын-Гол-5, Толбор-4, Толбор-21 и Толбор-16

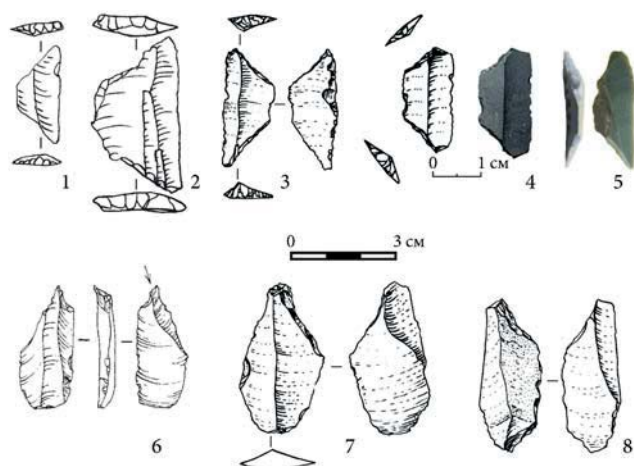

Рис. 2. Каменные артефакты: 1–5 – трапеции; 6–8 – срединные ретушные резцы (1–3, 6–8 – Харганын-Гол-5; 4 – Толбор-21; 5 – Толбор-4)

происходят из вышележащего гор. 2, где было найдено третье изделие. Одна трапеция обнаружена в гор. 4 (слой 2 по новой трактовке) памятника Толбор-16 [Rybin et al., 2016]. В гор. 4 Харганын-Гол-5 найдено 4 экз. геометрических изделий, представленных трапециями. Пластины и мелкие пластины в равном количестве использовались в качестве сколов-заготовок. Они обладают прямым профилем и подтреугольным либо трапецевидным поперечным сечением различной высоты. Пропорции орудий близки к показателю соотношения длины к ширине 2:1, за исключением единственного предмета. Показатели толщины этих изделий варьируют незначительно, независимо от их размера и типа скола-заготовки, поскольку трапеции предназначались для композитных орудий [Muheisen, Wada, 1995]. Изготовление этих орудий могло подразумевать применение микрорезцово-техники производства заготовок для геометрических микролитов, детально описанной и экспериментально подтвержденной Miolo&Peresani [2005]. Сопутствующие трапециям срединные ретушные резцы в комплексе Харганын-Гол-5 говорят в пользу этого предположения (рис. 2.-6–8), однако их серия выполнена из другого типа силицитов, нежели трапеции.

Определение времени появления геометрических микролитов в Северной Монголии затруднительно. Дата 15660 ± 40 л.н. (18950–18800 кал. л.н.) (MAMS-14938) была получена для верхней части гор. 4 Толбор-16 [Zwyns et al., 2014]. Недавно опубликованные ОСЛ (оптически стимулированные люминесцентные) даты для этого слоя синхронны или несколько древнее: 17200 ± 3200 , 18600 ± 3600 , 29000 ± 5800 кал. лет по полиминеральным гранулам и 14500 ± 2800 , 18500 ± 3800 и 21800 ± 4200 кал. лет по гранулам кварца [Zwyns et al., 2019]. В то же время место находки изучаемого изделия неизвестно, а даты на контакте слоев 2 и 3а уже указывают на время около 32000 л.н. [Zwyns et al., 2019]. Схожая ситуация наблюдается на памятнике Харганын-гол-5, где геометрические изделия были найдены в гор. 4, который не содержал органику и не был датирован, однако для контакта гор. 4 и 5 получена дата около 32000 л.н. [Хаченович, 2018]. И на Толбор-16 для слоев 2 и 3а, и на Харганын-Гол-5 для гор. 4 и 5 границы определяются как резкие, с перерывом в осадконакоплении, что указывает на то, что все же контекст этих находок относится к МИС-2. Для гор. 3 Толбор-4 также существует дата 14547 ± 73 л.н. (17850–17600 кал. л.н.) (AA-93139) [Гладышев и др., 2013], однако на данный момент проводится новый цикл радиометрического датирования памятника с ультрафильтрацией образцов при пробоподготовке, и возраст этих комплексов может быть несколько старше. На данный момент мы определяем

~15000 некал. лет как верхнюю границу времени существования этой культурной традиции, но предположительно ее начало могло относиться ко времени последнего максимума оледенения, когда на территории Северной Монголии фиксируется средний этап верхнего палеолита [Рыбин и др., 2018]. На данный момент все вышеозначенные комплексы, имеющие общие технико-типологические характеристики, объединяются нами в мелкопластинчатый вариант позднего верхнего палеолита Монголии [Хаценович и др., 2017].

Методы

С целью определения способов утилизации трапеций были изучены микроследы на их поверхностях. Методика классического трасологического анализа, применяемая нами, была разработана в середине XX в. С.А. Семеновым [1957]. Ее перенял Л. Кили, в его работах были даны подробные описания заполировок, выделены различия между ними от различных материалов [Keeley, 1980]. Учениками Сергея Аристарховича были В.Е. Щелинский и Г.Ф. Коробкова. Они развивали методику, работая как с малыми, так и с большими увеличениями [Щелинский, 1974; Коробкова, 1978]. В данном исследовании использовались два микроскопа: «Альтами MET 6С» и Olympus SZ2-ET, с увеличением от $\times 8$ до $\times 500$. Фотофиксация следов износа производилась при помощи камеры Canon 1000D и Nikon D750, а также программы Helicon Focus.

Результаты

Был проведен анализ трех артефактов: одного из гор. 4 памятника Харганын-Гол-5 (рис. 3) и двух – из гор. 3с (рис. 4) и гор. 3а (рис. 5) памятника Толбор-21. Трапеция с памятника Харганын-Гол-5 интенсивно использовалась. Данный вывод сделан после фиксации следов от двух процессов работы орудием с различной кинематикой и следов крепления в рукоятке. Один кончик изделия обломан, на нем зафиксированы тонкие однонаправленные неглубокие линейные следы, которые параллельны продольному краю (рис. 3), а также линейные следы под углом к нему. На целом кончике фиксируются линейные следы под углом к краю. В медиальной части не выявлены следы утилизации, что указывает на использование только кончиков орудия. Оба поперечных края сглажены, фиксируются хаотичные линейные следы, что позволяет предположить о креплении изделия в паз коротким продольным краем.

Второй артефакт – фрагмент трапеции с памятника Толбор-21 (рис. 4) имеет сильно сглаженные края, что затрудняет выявление следов. Зафиксированы заполировка на кончике продольного края, линейные следы от двух видов работы на длинном продольном крае (рис. 4). Следы похожи на результат пиления и скобления. К сожалению, нам представлен только фрагмент трапеции, но уже на

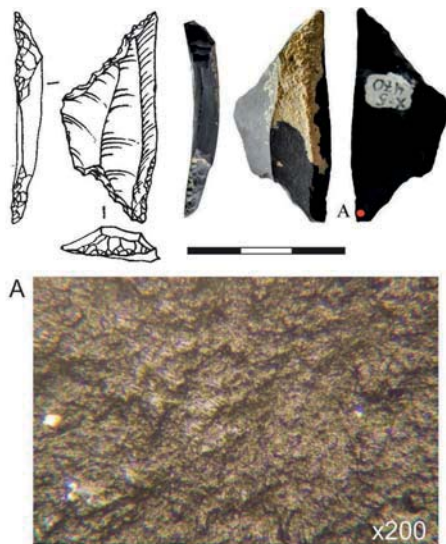

Рис. 3. Трапеция в трех проекциях из гор. 4 памятника Харганын-Гол-5: А – линейные следы на обломанном кончике, увеличение $\times 200$

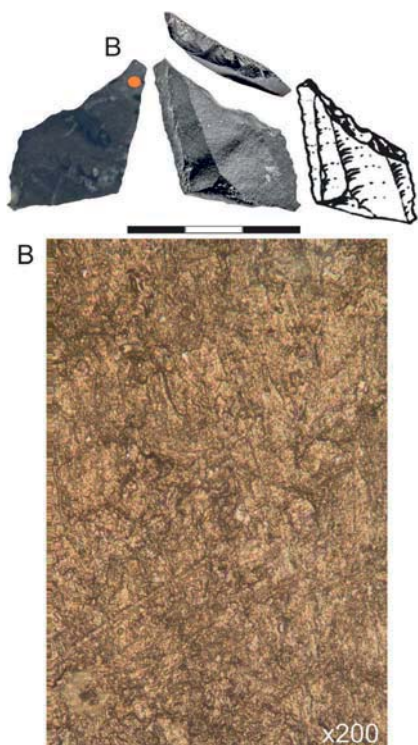

Рис. 4. Фрагмент трапеции из гор. 3с памятника Толбор-21 в трех проекциях:

В – две группы пересекающихся линейных следов, увеличение $\times 200$

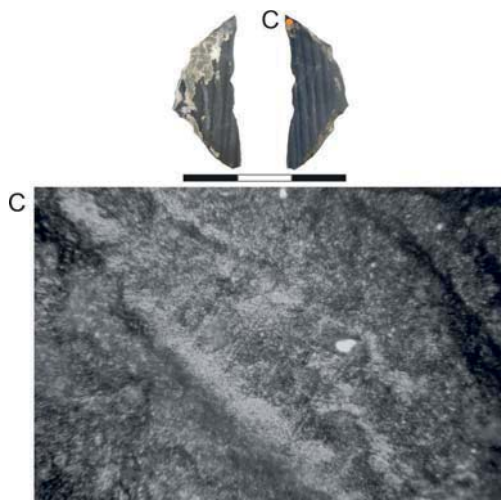

Рис. 5. Трапеция в двух проекциях из гор. 3а памятника Толбор-21: С – линейные следы на кончике изделия, увеличение $\times 200$

основе его анализа можно утверждать, что изделие интенсивно использовалось и после фрагментации.

На целой трапеции с Толбора-21 (рис. 5) на длинном продольном крае зафиксированы макроследы утилизации, на которых выявлены области с интенсивной заполировкой и на вентральной, и на дорсальной сторонах. Линейные следы отмечены на вентральной стороне, которые свидетельствуют о работе орудием поступательными движениями (рис. 5). Можно предположить, что это результат резания мягкого материала. На этом же участке выявлены линейные следы, перпендикулярные краю, что говорит о другом типе использования орудия, возможно, скоблении. Не выявлены модификации на втором продольном крае. Интенсивная заполировка отмечена на кончиках продольного края, что указывает на интенсивное использование этой части орудия. После фиксации двух типов следов можно предположить, что изделие было полифункциональным. На крепление в древко указывает сглаженность перпендикулярных краев и отсутствие следов утилизации. Следы на всех трех орудиях соотносятся по локализации, поэтому можно сделать предположение о схожем типе крепления в рукоять и фрагмента трапеции. В результате проведенного анализа было установлено, что две трапеции и один фрагмент активно использовались и крепились в рукоятках, были полифункциональными. Интенсивнее использовались кончики орудий, фиксируется четкая локализация следов утилизации на изделиях. После выявления следов использования и сглаженности продольных краев было выдвинуто предположение о способе крепления в рукоять трапеций. Схожий способ фиксации в древке представлен А. Ярошевич [Yaroshevič et al., 2010, p. 377] и Д. Нужным [Nuzhny, 2000].

Обсуждение и заключение

Геометрические микролиты встречаются на всех объектах Толборской группы, кроме памятника Толбор-15, и являются самыми северными геометрическими микролитами в Азии. Два целых фрагмента имеют сглаженность поперечных сторон, следов утилизации на которых не зафиксировано, как и на коротком продольном крае. Из чего следует, что эта часть орудия крепилась в рукоять. В качестве подтверждения данного предположения были использованы реконструкции, предложенные А. Ярошевич, на которых показаны различные варианты крепления геометрических микролитов, как трапеций, так и сегментов. Для целых трапеций из Харганын-Гол-5 и Толбор-21 скорее характерна фиксация в рукояти с возможностью одновременного использования кончиков длинного продольного края. На длинном продольном крае выявлены следы утилизации, они имеют четкую локализацию. Обычно использование геометрических микролитов связано с метательным охотничьим снаряжением [Александрова, 2015], но на данных артефактах были выявлены следы, свойственные полифункциональным орудиям. Зафиксированы следы от различных кинематик, что является основанием для предположения о полифункциональности орудия. Л. Кили, изучая различные виды заполировок от обработки отличающихся видов сырья, писал о полифункциональности некоторых орудий на основе фиксации нескольких видов заполировок на одном орудии [Keeley, 1980]. Для определения типа материала, по которому работали трапециями, необходимо создание эталонной коллекции. Как показал трасологический анализ, ранее проведенный Й. Каноматой, срединные ретушные резцы использовались для работы по кости, рогу и дереву [Gunchinsuren et al., 2013]. Понимание того, создавались ли трапеции в ходе обычной фрагментации или в микрорезцовой технике, станет возможным после проведения серии экспериментов. Это прольет свет на взаимосвязь этого типа резцов, которые обнаружены только на памятнике Харганын-Гол-5, и трапеций.

Нельзя исключать, что производство геометрических изделий было привнесены на территорию Северной Монголии. В то же время сложно объяснить отсутствие аналогий в Сибири и Центральной Азии. В комплексе гор. 4 Харганын-Гол-5 присутствует кареноидная технология, как и в известных мелкопластинчатых комплексах с геометрическими микролитами в Узбекистане: Кульбулак, сл. 2.1, Додекатым-2, сл. 5, Шугноу, сл. 1 (ок. 32000 кал. л.н.); Додекатым-2, сл. 4 (ок. 28000 кал. л.н.) и сл. 3-2 (ок. 23000 кал. л.н.) [Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2019]. Эти эппалеолитические геометрические микролиты представлены треугольниками и пластинками с притупленным краем, в то время как трапеции отсутствуют. Ближайшей территорией, где известны трапеции и срединные ретушные резцы, является Ближний Восток. Там они относятся к эппалеолиту.

Данный культурный вариант, представленный комплексами с мелкопластинчатой технологией производства и микролитами, включая геометрические, и прослеживающийся на протяжении предположительно последнего максимума оледенения и после него вплоть до 15000 л.н., не получил дальнейшего развития в регионе. В индустриях финального верхнего палеолита видно развитие другого культурного варианта позднего верхнего палеолита, представленного на памятнике Толбор-15 в гор. 4-3, где отмечается появление отжимной техники [Гладышев и др., 2010]. В финальном верхнем палеолите, около 13000 л.н., в комплексах Харганын-Гол-5 (гор. 3), Толбор-15 (гор. 2), Толбор-4 (гор. 2) получают дальнейшее развитие технические традиции, осно-

ванные на отжимном микрорасщеплении. Единственным отголоском предшествующего периода является микрорезец и пластинки с притупленным краем в комплексе гор. 3 Харганын-Гол-5, датирующемся временем ок. 13000 л.н.

Возникновение новых технологических и, вероятно, культурных традиций во время климатических изменений, особенно ухудшений условий окружающей среды, может быть связано как с приходом нового населения, так и с адаптацией местных популяций к новым условиям. Приведенные нами свидетельства, относящиеся к поведенческим стратегиям палеолитического населения Монголии, пока не позволяют уверенно говорить об изменениях в поселенческих системах, характере мобильности и способах жизнеобеспечения, происходивших в изучаемый период. Определенное представление об изменениях в способах охоты и, возможно, объектов охоты могут дать распространяющиеся в период последнего максимума оледенения и после него артефакты, предназначенные для специализированных составных охотничьих инструментов. Среди них пластинки и острия с притупленным краем, геометрические формы, наконечники с черешком.

Библиографический список

Ахметгалеева Н.Б., Демиденко Ю.Э. Комплексный анализ морфологии и типологии, технологии, следов износа по определению функционального назначения индустриальной роли треугольников позднего верхнего палеолита стоянок Быки (Посеймье) // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. С. 198–208.

Гладышев С.А., Олсен Д.В., Табаров А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3. С. 35–42.

Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Джалл Э., Доганджич Т., Звинс Н., Олсен Д., Ричардс М., Табаров А.В., Таламо С. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине реки Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия : история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 44–48.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Шалагина А.В. Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 155–164.

Коробкова Г.Ф. Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М. : Наука, 1978. С. 55–61 (КСИА. Вып. 152).

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Вып. 4/1 (84). С. 188–198.

Рыбин Е.П., Павленок Г.Д., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Гунчинсүрэн Б. Каменная технология среднего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (культурный горизонт 2 стоянки Толбор-21): к постановке проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 39–60. DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.39>.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Хаценович А.М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 287 с.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Архаичные типы адаптационных стратегий и их развитие в каменном веке // Вестник НГУ. Серия : история, филология. 2012. Т. 11, Вып. 3 : Археология и этнография. С. 50–58.

Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Мелко- и микропластинчатые индустрии позднего верхнего палеолита Северной Монголии // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. №6. С. 144–153.

Щелинский В.Е. Производственные функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. : АН СССР, 1974. 19 с.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. Vol. 8. C. 186–193.

Gunchinsuren B., Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Kanomata Y., Khatsenovich A.M. Use-wear analysis on Paleolithic artifacts of Northern Mongolia // *Bulletin of Tohoku University Museum*. 2013. №12. P. 8–24.

Keeley L.H. *Experimental Determination of Stone Tool Uses*. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 212 p.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2010. №37. P. 368–388.

Deacon J. An Unsolved Mystery at the Howieson's Poort // *South African Archaeological Bulletin*. 1995. Vol. 50 (162). P. 110–120. doi:10.2307/3889060.

Jacobs Z., Roberts R.G., Galbraith R.F., Deacon H.J., Grün R., Mackay A., Mitchell P., Vogelsang R., Wadley L. Ages for the Middle Stone Age of southern Africa: implications for human behavior and dispersal // *Science*. 2008. Vol. 322 (5902). P. 733–735. doi:10.1126/science.1162219.

Kolobova K.A., Krivoshepin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11 (4). P. 1407–1419.

Nuzhnyj D. Development of microlithic projectile weapons in the Stone Age // *Anthropologie et Préhistoire*. 2000. Vol. 111. P. 95–101.

Miolo R., Peresani M. A new look at microburin technology: some implications from experimental procedures // *Preistoria Alpina*. 2005. Vol. 41. P. 65–71.

Muheisen M., Wada H. An analysis of the microliths at the Kharaneh IV Phase D, Square A20/37 // *Paleorient*. 1995. Vol. 21 (1). P. 75–95.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 69–87.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // *Quaternary International*. 2014. №347. P. 53–65.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat Ts., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G., Lkhundev G., Odsuren D., Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.Ch., Noyer J.B., Bakhtiary R.S., Allsouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B. & J.-J. Hublin. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. P. 1–10.

References

Ahmetgaleeva N.B., Demidenko Yu.E. Kompleksnyj analiz morfologii i tipologii, tehnologii, sledov iznosa po opredeleniyu funkcional'nogo naznacheniya industrial'noj roli treugol'nikov pozdnego verhnego paleolita stoyanok Byki (Posejm'e) [Complex Analysis of Morphology, Typology and Technology of Microwears for Determination of Triangles Function in the Industries of Late Upper Paleolithic at the Byki sites (Posemye)]. *Drevnij chelovek i kamen': tehnlogiya, forma, funkciya* [Ancient Man and Stone: Technology, Form, Function]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2017. Pp. 198–208.

Gladyshev S.A., Olsen D.V., Tabarev A.V., Kuz'min Ya.V. Hronologiya i periodizaciya verhnepaleoliticheskikh pamyatnikov Mongolii [Chronology and Periodization of Upper Paleolithic Sites in Mongolia]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2010. №3. Pp. 35–42.

Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Dzhal E., Dogandzhich T., Zvins N., Olsen D., Richards M., Tabarev A.V., Talamo S. Radiouglerodnoe datirovanie paleoliticheskikh stoyanok v doline reki Ih-Tulberijn-Gol v Severnoj Mongolii [Radiocarbon Dating of the Paleolithic Sites in Ikh-Tulberiiin-gol River Valley, Northern Mongolia]. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2013. Vol. 12, Iss. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 44–48.

Kolobova K.A., Krivoshepin A.I., Shnajder S.V., Shalagina A.V. Obosnovanie vozrasta rannih geometricheskikh mikrolitov v zapadnoj chasti Central'noj Azii [The Justifications for the Early Geometric Microliths Age in Western Central Asia]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 155–164.

Korobkova G.F. Eksperimental'nyj analiz i ego mesto v metodike i teorii arheologii [Experimental Analysis and its Place in Methodology and Theory of Archaeology]. *Voprosy teorii i metodologii arheologicheskoy nauki* [Questions of the Theory and Methodology of Archaeological Science]. M.: Nauka, 1978. Pp. 55–61 (KSIA. Iss. 152).

Rybin E.P. Hronologiya i geograficheskoe rasprostranenie kul'turno znachimyh artefaktov v nachal'nom verhnem paleolite Severnoj Azii i vostochnoj chasti Central'noji Azii [Chronology and Geographical Distribution of Culture-Significant Artifacts in the Initial Upper Paleolithic of North Asia and Eastern Part of Central Asia]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2014. Iss. 4/1 (84). Pp. 188–198.

Rybin E.P., Pavlenok G.D., Hacenovich A.M., Marchenko D.V., Gunchinsuren B. Kamennaya tehnologiya srednego etapa verhnego paleolita Severnoj Mongolii (kul'turnyj gorizont 2 stoyanki Tolbor-21): k postanovke problemy [Lithic Technology of the Middle Upper Paleolithic in Northern Mongolia (cultural horizon 2 of Tolbor 21 site): Problem Statement]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2018. Vol. 26 [News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. Pp. 39–60. DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.39>.

Semenov S.A. Pervobytnaya tehnika (opyt izucheniya drevnejshih orudij i izdelij po sledam raboty) [Prehistoric Technology. An Experimental Study of the Oldest Tools and Artifacts from the Trace of Manufacture and Wear]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 240 p.

Hacenovich A.M. Rannie etapy verhnego paleolita Severnoj Mongolii [Early Stages of Upper Paleolithic of Northern Mongolia]. Diss. ... kand. ist. nauk [Dissertation ... Cand. of Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2018. 287 p.

Hacenovich A.M., Rybin E.P. Arhaichnye tipy adaptacionnyh strategij i ih razvitie v kamennom veke [The Archaic Types of Adaptive Strategies and their Development in Paleolithic]. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012. T. 11, Vyp. 3: Arheologiya i etnografiya. Pp. 50–58.

Hacenovich A.M., Pavlenok G.D., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat C., Odsuren D., Margad-Erdene G. Melko- i mikroplastinchatye industrii pozdnego verhnego paleolita Severnoj Mongolii [Bladelet and Microblade Industries in the Late Upper Paleolithic of Northern Mongolia]. *Evrasiya v Kajnozoe. Stratiografiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]. 2017. №6. Pp. 144–153.

Shchelinskij V.E. Proizvodstvennye funkcii must'erskih orudij (po dannym eksperimental'nogo i traseologicheskogo izucheniya) [Technological Functions of Mousterian Tools (based on experimental and traseological data)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Synopsis of the Dissertation ... Cand. Of Hist. Sciences]. L.: AN SSSR, 1974. 19 p.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent Work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. Vol. 8. Pp. 186–193.

Gunchinsuren B., Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Kanomata Y., Khatsenovich A.M. Use-wear Analysis on Paleolithic Artifacts of Northern Mongolia // *Bulletin of Tohoku University Museum*. 2013. №12. P. 8–24.

Keeley L.H. *Experimental Determination of Stone Tool Uses*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 212 p.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and Performance of Microlith Implemented Projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: Experimental and Archaeological Evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2010. №37. P. 368–388.

Deacon J. An Unsolved Mystery at the Howieson's Poort // *South African Archaeological Bulletin*. 1995. Vol. 50 (162). P. 110–120. doi:10.2307/3889060.

Jacobs Z., Roberts R.G., Galbraith R.F., Deacon H.J., Grün R., Mackay A., Mitchell P., Vogelsang R., Wadley L. Ages for the Middle Stone Age of Southern Africa: Implications for Human Behavior and Dispersal // *Science*. 2008. Vol. 322 (5902). P. 733–735. doi:10.1126/science.1162219.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Shnaider S.V. Early Geometric Microlith Technology in Central Asia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11 (4). P. 1407–1419.

Nuzhnyj D. Development of Microlithic Projectile Weapons in the Stone Age // *Anthropologie et Préhistoire*. 2000. Vol. 111. P. 95–101.

Miolo R., Peresani M. A New Look at Microburin Technology: some Implications from Experimental Procedures // *Preistoria Alpina*. 2005. Vol. 41. P. 65–71.

Muhsen M., Wada H. An Analysis of the Microliths at the Kharaneh IV Phase D, Square A20/37 // *Paleorient*. 1995. Vol. 21 (1). P. 75–95.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The Impact of the LGM on the Development of the Upper Paleolithic in Mongolia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 69–87.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gilham J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The Open-air Site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary Results and Perspectives // *Quaternary International*. 2014. №347. P. 53–65.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat Ts., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G., Lkhundev G., Odsuren D., Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.Ch., Noyer J.B., Bakhtiyar R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B. & J.-J. Hublin. The Northern Route for Human Dispersal in Central and Northeast Asia: New Evidence from the Tolbor-16 Site, Mongolia // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. P. 1–10.

T.A. Shevchenko¹, A.M. Khatsenovich¹, L.V. Zotkina¹, B. Gunchinsuren²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Institute of Archaeology MAS, Ulaanbaatar, Mongolia*

GEOMETRIC MICROLITHS IN UPPER PALEOLITHIC OF NORTHERN MONGOLIA: MICROWEAR ANALYSIS AND PURPOSE OF USE

Middle Upper Paleolithic of Northern Mongolia is currently more likely an ephemeral definition, than a clearly determined cultural event. Some complexes that could be related to this stage according to their stratigraphic position in sequence, are scanty and not dated. Albeit, about 16 000 years BP people occupied the Middle Selenga valley left complexes of artifacts that are still hard to determine by its genesis or cultural attribution. Compare to neighboring Transbaikalian pressure microflaking does not exist in this region, except the Tolbor-15 site. These complexes technologically and typologically are closer to Epipaleolithic complexes of western Central Asia and Near East, and, still not well-known Late Upper Paleolithic of East Asia rather than nearby regions. These complexes of the Tolbor group of sites contain the geometric microliths – morphologically described as trapezes, it is bitruncated blades and bladelets. This article presents the results of microwear analysis of trapezes and their possible functional use.

Key words: Mongolia, Upper Paleolithic, Tolbor, cultural complex, geometric microlith, trapeze.

А.В. Дедик (Южакова)

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

«ПОКА АНТРОПОЛОГИ ЕСТЬ...»: ПАМЯТИ СИБИРСКОГО АНТРОПОЛОГА АРКАДИЯ РОМАНОВИЧА КИМА*

В очерке, посвященном памяти известного ученого, рассматриваются этапы биографии и научной деятельности, а также анализируются основные научные работы Аркадия Романовича Кима. Результаты его исследований, тематика которых была достаточно разнообразной, внесли существенный вклад в изучение антропологического состава коренных народов Сибири: кызыльцев, шорцев, кумандинцев, телеутов, барабинских татар. Результаты многолетней научной работы позволили А.Р. Киму выделить промежуточный своеобразный северо-алтайский антропологический вариант. Обладая особыми морфологическими особенностями (более длинной, узкой и высокой мозговой коробкой, менее широким и более профилированным, но нередко более высоким лицом), выделенный тип выходит за пределы вариаций уральского и южносибирского типа и занимает самостоятельное таксономическое положение в расовой систематике народов Сибири. Талантливый педагог и организатор науки, Аркадий Романович является основателем Кабинета антропологии на базе Алтайского государственного университета, который сегодня, наряду с центрами Томска, Новосибирска и Тюмени, является одним из крупных центров хранения и обработки антропологических материалов в Сибири.

Ключевые слова: А.Р. Ким, палеоантропология, краниология, Алтае-Саянское нагорье, коренные народы Западной и Южной Сибири, Кабинет антропологии НИ ТГУ, Алтайский государственный университет.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-12

Введение

Кабинет антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (далее КА НИ ТГУ) стал моей отправной точкой в мир антропологии. Представители томской антропологической школы – Аркадий Романович Ким (рис. 1) и Владимир Анатольевич Дрёмов были одними из первых антропологов, с работами которых меня познакомил мой первый научный руководитель – Марина Петровна Рыкун**.

К сожалению, с Аркадием Романовичем я не была знакома лично, однако память, которую хранят о нем друзья и коллеги, та теплота, с которой отзываются все, кто был с ним знаком, жизнь и трагическая смерть сделали его для меня не только автором прочитанных статей по антропологии Западной и Южной Сибири.

* Статья написана по материалам доклада, прозвучавшего на Международной научной конференции «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного», посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося антрополога, доктора исторических наук, профессора А.А. Зубова (13–16 мая 2019 г., Москва). В рамках конференции прошла секция «„Памяти посвящается...“: российская антропология в лицах». Данное направление сформировалось в рамках традиции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН вспоминать своих учителей, наставников и коллег, уже ушедших из жизни, но оставивших яркий след в жизни каждого из докладчиков.

** Марина Петровна Рыкун – антрополог, канд. ист. наук, заведующий КА НИ ТГУ. Область научных интересов: палеоантропология, расо- и этногенез коренных народов Сибири, геоинформационные технологии в антропологии, история антропологических исследований в Сибири.

В имеющейся библиографии, посвященной жизни и творчеству А.Р. Кима, вырисовывается личность человека неординарного, увлеченного своим делом, интересного и неутомимого исследователя, честного и мужественного и в то же время мягкого и деликатного человека [Дрёмов, Львова, 1996; Кирюшин, 1996; Молодин, 1996; Боброва, Рыкун, 1998; Рыкун, 2001].

Биография

Аркадий Романович Ким родился 2 февраля 1946 г. в Узбекистане, в г. Ангрене (Ташкентская область). После окончания школы в 1963 г. он переехал в Томск и стал работать там контролером III разряда Томского электромеханического завода. В 1965 г. был мобилизован в ряды Советской армии (рис. 2). Службу проходил в Москве. В 1968 г., после демобилизации, А.Р. Ким возвращается на родину и пробует поступить на философский факультет Ташкентского государственного университета. Однако по не зависящим от него обстоятельствам не был зачислен в студенты.

В данной ситуации нельзя не согласиться с выражением: «что ни делается – все к лучшему». Поскольку уже на следующий год (1969) Аркадий Романович поступает на первый курс историко-филологического факультета Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева (ныне НИ ТГУ).

Рис. 1. Аркадий Романович Ким (1946–1993) – канд. ист. наук, антрополог, крупный специалист по антропологии коренного населения Алтае-Саянского нагорья. Февраль 1980 г. (фото из семейного архива)

Рис. 2. Старший сержант А.Р. Ким, войска связи, Москва, Домодедово, 1966–1968 гг. (фото из семейного архива)

А.Р. Ким в Томском государственном университете

Среди университетских учителей Аркадия Романовича стоит отметить таких выдающихся исследователей, как В.А. Дрёмов*, Г.И. Пелих**, Э.Л. Львова***, Б.Г. Могильницкий****, В.И. Матющенко****, З.Я. Бояршинова*****. Его сокурсниками были А.И. Боброва*****, В.Б. Богомолов*****, Е.П. Цепенникова***** (рис. 3).

О профессии антрополога Аркадий Романович вовсе не задумывался, когда поступал в университет. Он хотел стать философом. Однако его дальнейшую научную судьбу определило знакомство с будущей женой. Евгения Павловна Цепенникова являлась одногруппницей А.Р. Кима и всегда мечтала быть археологом. Аркадий Романович, не понимая этого увлечения, иногда говорил: «Только ограниченные люди могут всю жизнь копать в земле», на что Евгения Павловна отвечала: «Только словоблуды могут заниматься философией».

На 1 курсе Е.П. Цепенникова активно посещала археологический кружок, организованный В.И. Матющенко. В рамках археологического кружка краткий курс основ антропологии читал студентам В.А. Дрёмов, в то время заведовавший Кабинетом антропологии Томского государственного университета (далее КА ТГУ). Обладая ярким и самобытным педагогическим талантом, Владимир Анатольевич произвел огромное впечатление на Евгению Павловну. Вдохновившись его лекциями, она стала часто упоминать и много рассказывать Аркадию Романовичу о том, какой гениальный ученый и выдающийся лектор В.А. Дрёмов. Поэтому вместо археологической практики, которая на факультете была обязательной для студентов первого курса, Аркадий Романович поехал летом 1970 г. в свою первую антропологическую экспедицию на р. Чулым под руководством В.А. Дрёмова.

После экспедиции осенью 1970 г. А.Р. Ким был зачислен в КА ТГУ лаборантом. В дальнейшем на протяжении учебы Аркадий Романович каждый полевой сезон проводил в комплексных экспедициях, руководил археологическими раскопками в отсутствие В.А. Дрёмова, осуществлял сбор этнографического и антропологического материала, а также проводил самостоятельные разведочные поездки. Подробные описания разведок и экспедиционной жизни А.Р. Кима в период его учебы и работы

* Владимир Анатольевич Дрёмов (1940–1996) – антрополог, канд. ист. наук, специалист по антропологии коренного населения Сибири. Внес значительный вклад в создание уникальной коллекции по краниологии Северной Евразии на базе КА НИ ТГУ.

** Галина Ивановна Пелих (1922–1999) – историк, д-р ист. наук, область научных интересов: история и этнология коренных народов Сибири.

*** Элеонора Львовна Львова (1940–2014) – этнолог, канд. ист. наук, ведущий специалист в области изучения истории и культуры коренных народов Томской области.

**** Борис Георгиевич Могильницкий (1929–2014) – историк, д-р ист. наук, один из крупных отечественных методологов истории.

***** Владимир Иванович Матющенко (1928–2005) – археолог, историк, д-р ист. наук, область научных интересов: неолит и бронзовый век Сибири и история сибирской археологии.

***** Зоя Яковлевна Бояршинова (1909–1986) – историк, д-р ист. наук, крупный специалист по истории Сибири XVII в.

***** Анна Ивановна Боброва – археолог, канд. ист. наук, область научных интересов: Западная Сибирь в эпоху средневековья.

***** Владимир Борисович Богомолов – профессор, сфера научных интересов: история костюма, декоративно-прикладного искусства, орнамента народов Западной Сибири, Евразии в предметной области этноархеологии, этнографии, искусствоведения.

***** Евгения Павловна Цепенникова – культуролог, директор Центра культуры АлтГТУ им. И.И. Ползунова, жена Аркадия Романовича.

Рис. 3. Выпускное фото группы 391, кафедры истории СССР досоветского периода (заведующая кафедрой. З.Я. Бояршинова), историко-филологический факультет ТГУ им. В.В. Куйбышева. Июнь 1974 г. (фото из семейного архива)

в КА ТГУ, сделанные на основе его полевых дневников, приведены в публикации А.И. Бобровой и М.П. Рыкун [Боброва, Рыкун, 1998].

Владимира Анатольевича Дрёмова, ставшего для А.Р. Кима учителем и наставником и передавшего ему весь свой накопленный практический опыт и теоретические наработки в области этнической антропологии, можно по праву считать последователем лучших традиций русских ученых-антропологов [Рыкун, 2008а, с. 16]. В ТГУ планомерное и целенаправленное антропологическое исследование народов Западной Сибири неразрывно связано, во-первых, с деятельностью В.А. Дрёмова, во-вторых, с работой Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ПНИЛ ИАЭС ТГУ), открывшейся в 1968 г. [Рыкун, 2008б, с. 96]. Междисциплинарный характер лаборатории, в которой развернули свою деятельность историки, археологи, антропологи, этнографы, а также необходимость развития расогенетических исследований послужили стимулом для создания в 1976 г. сектора антропологии, в структуру которого вошел и КА ТГУ [Рыкун, 2003, с. 283–284]. С первых дней работы сектора активную работу в нем развернули В.А. Дрёмов, А.Н. Багашёв*, А.Р. Ким (рис. 4).

В 1974 г. А.Р. Ким защитил выпускную дипломную работу «Антропологический тип кызыльцев в связи с вопросом их происхождения» (научный руководитель В.А. Дрёмов).

* Анатолий Николаевич Багашёв – антрополог, д-р ист. наук, ведущий специалист в области этногенеза, палеоантропологии и этнической антропологии древнего и современного населения Северной Азии.

Рис. 4. А.Р. Ким, А.Н. Багашёв, В.А. Дрёмов на майской демонстрации. Томск, 1979 или 1982 г.* (фото из семейного архива)

После окончания историко-филологического факультета ТГУ в 1974 г. и получения диплома по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» Аркадий Романович был зачислен в постоянный штат ПНИЛ ИАЭС ТГУ и сразу же включился в планомерные антропологические исследования коренного населения Западной и Южной Сибири. В первый период работы сектора антропологии основной акцент делался на сбор и обработку краниологического материала, в силу его полной сопоставимости для классификации антропологических типов, а также как более информативного в плане расово-диагностического изучения популяций [Алексеев, 1969; Дрёмов, 1998].

В то же время А.Р. Ким занимался подготовкой и проведением собственных выездов и экспедиций. В июле 1975 г. Аркадий Романович руководил антропологическим отрядом комплексной археолого-этнографо-антропологической экспедиции ТГУ, проводившим раскопки кладбища чулымских тюрок на р. Чулым близ д. Рубеж. Однако по непредвиденным обстоятельствам работы на памятнике пришлось прекратить и продолжить только следующим летом [Боброва, Рыкун, 1998, с. 36].

С 20 июля по 18 августа 1975 г. проходила первая самостоятельная экспедиция Аркадия Романовича в д. Челухоево Кемеровской области [Боброва, Рыкун, 1998, с. 35–36]. До начала экспедиции (23–29 июня 1975 г.) был организован предварительный выезд в Кемеровскую область с целью разведки и выбора места работ. После многочисленных изысканий оказалась выбрана д. Челухоево, а после получения устного согласия от старейшин деревни, поскольку кладбище находилось в центре деревни (согласие жителей было необходимо), определены сроки экспедиции [Боброва, Рыкун, 1998, с. 36]. В итоге в ходе проведенных работ на кладбище некрещенных телеутов собрано 85 черепов, которые дополнили уже имевшиеся краниологические коллекции коренных народов Сибири КА ТГУ [Дрёмов, 1998, с. 27]. Необходимо подчеркнуть, что данная экспедиция в полной мере повлияла на дальнейшую судьбу Анатолия Николаевича Багашёва, который тогда был студентом исторического факультета ТГУ. Впервые побывав в 1975 г. на антропологической практике, руководителем которой являлся Аркадий Романович, Анатолий Николаевич в дальнейшем связал свою научную деятельность с антропологией, а также стал верным другом, коллегой и соратником А.Р. Кима [Багашёв, 2017, с. 32].

* По словам Е.П. Цепенниковой фотография была сделана в 1979 г., в книге А.Н. Багашёва [2011] указан 1982 г.

Рис. 5. Горно-Алтайская АО. Полевые будни экспедиции. Июль 1977 г.
(фото из семейного архива)

«Аркадий Романович обладал редкой притягательной силой, был чрезвычайно общителен и расположен к людям, готовым в любую минуту оказать помощь словом и делом каждому, кто в ней нуждался» [Дрёмов, Львова, 1996, с. 8].

После успешно проведенной экспедиции начиная с 1975 г. Аркадий Романович практически ежегодно проводил самостоятельные экспедиции*: в 1976 г. руководил отрядом в Горной Шории; в 1977 г. работал в Горно-Алтайской АО и в Горной Шории (рис. 5); в 1978-м осуществлял исследования на территории Алтайского края (совместно с М.В. Шуньковым); в 1982 г. – раскапывал позднесредневековое кладбище барабинских татар (совместно с В.А. Дрёмовым, А.И. Соловьевым); в 1981 и в 1983–1985 гг. продолжил полевые изыскания в Горно-Алтайской АО (рис. 6). Также А.Р. Ким участвовал в сборе антропологического и этнографического материала в Томской, Новосибирской, Кемеровской областях и в Алтайском крае, готовил к печати свои первые научные статьи, которые вышли в 1978 г. [Ким, 1978а; 1978б]. Всего Аркадий Романович провел около 25 собственных антропологических экспедиций [Боброва, Рыкун, 1998].

«В памяти Аркадий Романович остается заботливым, внимательным и решительным руководителем, без которого невозможно представить себе успешную работу всей экспедиции» [Боброва, Рыкун, 1998, с. 44].

В 1978 г. Аркадий Романович прикрепляется в качестве соискателя к отделу антропологии Института этнографии АН СССР, где утверждается тема его диссертации: «Происхождение шорцев и бачатских телеутов по данным антропологии». Руководителем был назначен В.П. Алексеев**. Валерий Павлович Алексеев на тот момент уже являлся крупным специалистом по исследованию этнической антро-

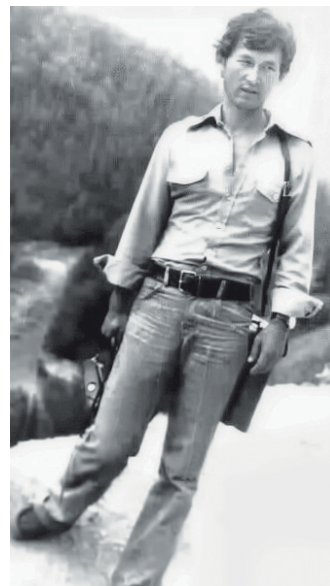

Рис. 6. А.Р. Ким в экспедиции в Горной Шории. 1980-е гг.
(фото из семейного архива)

* Далее перечислены самостоятельные экспедиции А.Р. Кима в период его работы в Томском государственном университете.

** Валерий Павлович Алексеев (1929–1991) – антрополог, историк, археолог, академик АН СССР. Крупнейший специалист в области этнической и эволюционной антропологии, теории расоведения и географии человеческих рас, палеоантропологии многих регионов Старого и Нового Света, истории науки. Автор концепции исторической антропологии, а также ряда методических работ по краниологии и остеометрии.

Рис. 7. Сотрудники сектора антропологии ПНИЛ ИАЭС ТГУ (слева направо): А.Н. Багашёв, А.Р. Ким, В.А. Дрёмов. 1982 г. [Рыкун, 2003, с. 283]

пологии, теории расоведения, а также палеоантропологии многих регионов СССР (в том числе Южной Сибири) [Арутюнов, Золотарева, 1992].

Во 2-й половине 1980-х гг. сотрудники ПНИЛ ИАЭС ТГУ, а также единомышленники и близкие друзья – Владимир Анатольевич Дрёмов, Аркадий Романович Ким и Анатолий Николаевич Багашёв (рис. 7) – начинают совместную работу над обобщающей монографией «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [Очерки ..., 1998].

Основой монографии стала представительная антропологическая коллекция практически всех коренных народов Западной и Южной Сибири, собранная в ходе целенаправленной работы археологов и антропологов, организованной руководителем сектора антропологии ПНИЛ ИАЭС ТГУ В.А. Дрёмовым [Очерки ..., 1998, с. 6–7].

Усилиями А.Н. Багашёва, который после преждевременной смерти А.Р. Кима (1993 г.) и В.А. Дрёмова (1996 г.) полностью взял на себя труд по завершению начатой работы, книга издана в 1998 г. На тот момент это была единствен-

ная полная сводка современных краниологических источников, на основании которых подробно рассматривался антропологический состав всех народов, живущих в Западной Сибири. Стоит отметить, что актуальность этого научного труда и на сегодняшний момент не пропала – монография остается одним из основных трудов по проблемам происхождения народов Западной Сибири.

7 апреля 1987 г. состоялась защита диссертации Аркадия Романовича, тема которой была немного шире, чем заявленная предыдущая: «Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая» [Ким, 1987]. Защита диссертации прошла блестяще, и В.П. Алексеев положительно отзывался о научной работе Аркадия Романовича. «Валерий Павлович прочил ему блестящее будущее в науке. Так оно, конечно, и было бы...» [Молодин, 1996, с. 15].

А.Р. Ким и Алтайский государственный университет

В 1988 г. Аркадий Романович вместе со своей женой Евгенией и дочерьми Мариной (1971 г.р.) и Натальей (1981 г.р.) переезжает в г. Барнаул, где начинается новый этап его научной деятельности (рис. 8).

Переезд в другой город был обусловлен, во-первых, личными причинами (родители и родственники жены А.Р. Кима были из г. Барнаула), а во-вторых, перспективными возможностями для научной работы. Близкий друг и коллега А.Р. Кима Юрий Федорович Кирюшин* после переезда в г. Барнаул в 1977 г. стал убеждать Аркадия Романовича в наличии

* Юрий Федорович Кирюшин – известный археолог и историк, д-р ист. наук, профессор; ведущий ученый по проблемам древней истории Сибири (от неолита до раннего железного века).

огромной перспективы развития антропологического направления на Алтае и последующего открытия Кабинета антропологии на базе Алтайского государственного университета (далее – АлтГУ) [Кирюшин, 1996, с. 10].

С первых дней работы в АлтГУ (12 октября 1988 г.) Аркадий Романович активно включается как в планомерные археологические работы университета, так и в работу по формированию и созданию Кабинета антропологии.

«Аркадия Романовича быстро узнали и полюбили в университете... сформировался своеобразный феномен Аркадия Романовича, в хорошем смысле этого слова, который будет жить, пока будут жить люди, знавшие его» [Кирюшин, 1996, с. 12].

Недавно открывшийся (1985 г.) и активно развивающийся на тот момент на базе университета Музей археологии и этнографии Алтая стал основой для создания Кабинета антропологии. А.Р. Ким совместно с Г.Л. Нехведавичюсом*, директором музея, в структуру которого и вошел Кабинет антропологии, готовил помещение под хранение коллекций, вел переговоры с археологами, работавшими на Алтае, о передаче антропологических материалов в Кабинет антропологии АлтГУ [Кирюшин, 1996, с. 11]. Вскоре наладилась система поступления и хранения коллекций, активно шла обработка, а также введение новых материалов в научный оборот.

В 1980-х гг. в связи с увеличением объема строительства мелиоративных систем на территории Алтая специалисты АлтГУ, среди которых и А.Р. Ким, активно включились в работы по организации и проведению аварийно-спасательных археологических раскопок [Владимиров, Ким и др., 1990]. Полученные материалы пополняли уже имевшуюся коллекцию созданного Кабинета антропологии, формировался каталог вновь поступавших материалов, в котором по итогу зарегистрировано около 300 черепов. Большинство из них было без инвентарных номеров. В будущем, когда коллекции Кабинета стали бы представительными, Аркадий Романович хотел опубликовать каталог краниологических коллекций Кабинета антропологии АлтГУ, как это было сделано им совместно с В.А. Дрёмовым в КА ТГУ [Дрёмов, Ким, 1979].

Аркадий Романович внес большой вклад в становление антропологических исследований в АлтГУ. При нем устанавливаются научные связи с коллегами-антропологами ряда зарубежных стран: Монголии, Венгрии, США и особенно Кореи [Дрёмов, Львова, 1996, с. 8]. Сегодня в Кабинете антропологии АлтГУ, которым заведует С.С. Тур**, осуществляется камеральная обработка, хранение, реставрация и каталогизация

Рис. 8. Аркадий Романович Ким дома с семьей. Томск, апрель 1982 г. (фото из семейного архива)

* Генрикас Леоно Нехведавичюс – выпускник исторического факультета АлтГУ, бывший директор Музея археологии и этнографии Алтая, ныне директор Музея истории Алтайского госуниверситета им. В.И. Неверова.

** Светлана Семеновна Тур – антрополог, канд. ист. наук, заведующий Кабинетом антропологии АлтГУ. Область научных интересов: палеоантропология и биоархеологические реконструкции населения Алтая.

зация палеоантропологических материалов, поступающих с территории археологических раскопок. Ведется последующая научная обработка.

Способность к преподаванию у Аркадия Романовича реализуется в полной мере именно на историческом факультете АлтГУ. В период работы он читал курсы по антропологии и этнографии для студентов разных курсов. Через два года преподавания он избирается старшим преподавателем кафедры археологии, этнографии и источниковедения, а через год – доцентом той же кафедры [Кирюшин, 1996, с. 11].

Из немногочисленных учеников А.Р. Кима на сегодняшний момент антропологией продолжает заниматься Д.В. Поздняков*. Дмитрий Владимирович являлся учеником Аркадия Романовича совсем недолго, успев на первом курсе (1992 г.) написать под его руководством курсовую работу по методике определения пола и возраста. Несмотря на столь короткий период наставничества, Аркадий Романович сумел привить своему ученику интерес к антропологии и тягу к науке.

«Это был уникальный человек, редкой доброты и порядочности, наделенный неисчерпаемым человеколюбием, обладающий талантом пытливого исследователя» [Молодин, 1996, с. 14].

В 1991–1992 гг. А.Р. Ким являлся начальником Катунской археологической экспедиции, целью которой являлось исследование археологических памятников, попавших в зону затопления водохранилища Катунской ГЭС. Экспедиция проходила на территории Республики Алтай на р. Катунь и вкпе с различными хозяйственными работами на территории Алтайского края явилась на тот момент определенным толчком в развитии археологии на базе кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ [Западная и Южная Сибирь..., 2005, с. 4]. Судя по воспоминаниям друзей и коллег, работа экспедиций под руководством А.Р. Кима всегда была четко организована и устроена без каких-либо трудностей: транспорт, питание, отдых (и это даже в трудные 1990-е гг.) [Кирюшин, 1996, с. 11].

Открытие в 1991 г. при АлтГУ Научно-исследовательского института гуманитарных исследований (далее – НИИ ГИ), как символа интеграции археологов, историков, социологов и искусствоведов, послужило источником развития у А.Р. Кима таланта умелого организатора науки. Когда возник вопрос о выборе руководителя нового учреждения, кандидатура Аркадия Романовича была поддержана единогласно [Кирюшин, 1996, с. 12]. Создание и становление новой организации, как правило, влечет за собой множество проблем, при решении которых А.Р. Ким по-настоящему проявил свои административные и организаторские способности. Совместно с Ю.Ф. Кирюшиным, который на тот момент являлся научным руководителем НИИ ГИ, они определили перспективные векторы развития института, сформировали его отделы и сектора. Сколько впереди было научных планов и открытий, «... но эта трагедия оборвала жизнь Аркаши на самом взлете» [Кирюшин, 1996, с. 12].

Научные интересы и вклад А.Р. Кима в развитие антропологии Западной и Южной Сибири

А.Р. Ким и палеоантропология коренного населения Хакасии

Одной из первых научных проблем, разрешением которой стал заниматься А.Р. Ким, являлась проблема происхождения коренного населения Хакасии. Аркадием Романовичем была изучена группа кызыльцев, которая оставалась до этого долгое время антропологиче-

* Дмитрий Владимирович Поздняков – антрополог, канд. ист. наук, научные интересы: палеоантропология, реконструкция костюма.

ски не изученной [Ким, 1978а]. Необходимо отметить, что отсутствие в литературе данных по кызыльцам тормозило изучение этногенеза и этнической истории коренных народов Сибири. В частности это касалось чулымских тюрок, которые по историческим данным наиболее тесно были связаны именно с этой группой хакасов [Бояршинова, 1950, с. 74].

Начало антропологического изучения Хакасии предпринял А.И. Ярхо, собравший огромный материал по соматологии Алтае-Саянского нагорья, который был издан посмертно [Ярхо, 1947]. Краниологическое исследование населения Хакасии было начато В.П. Алексеевым. В 1950-х гг. собраны и изучены палеоантропологические материалы по четырем родоплеменным группам Хакасии: бельтырам, сагайцам, койбалам и качинцам [Алексеев, 1959; 1963].

Неоднократно обращаясь к краниологическому материалу по хакасам, В.П. Алексеев [1963, с. 144] пришел к заключению, что вариации краниологических признаков и некоторые особенности строения лица, фиксируемые на живом человеке, не могли образоваться без участия европеоидной древней примеси в составе хакасов. И краниологические данные по современному или близкому к современности населению, и соматические признаки свидетельствуют о разном удельном весе одних и тех же по происхождению европеоидных элементов в составе хакаских групп. Особенности центрально-азиатских монголоидов особенно резко выражены у качинцев, а частично – у сагайцев. Бельтыры и частично койбалы являются носителями другого монголоидного комплекса, свойственного древним монголоидам таежной зоны [Алексеев, 1963, с. 161–162].

В.П. Алексеевым убедительно показана ошибочность отнесения общей выборки хакаских черепов к уральскому или южносибирскому антропологическому типу, поскольку каждая родоплеменная группа имеет свои краниологические особенности. Так, к примеру, качинцы сближаются с представителями южносибирского типа, а бельтыры, наоборот, тяготеют к уральским группам. Койбалы и сагайцы, в свою очередь, занимают промежуточное положение с характерным для них мозаичным сочетанием признаков обоих типов [Алексеев, 1963, с. 153].

А.Р. Кимом было установлено, что изучаемая выборка кызыльцев относится к уральскому антропологическому типу и среди хакаских этнических групп наиболее близка к бельтырам и наиболее удалена от качинцев. В целом полученные А.Р. Кимом результаты исследования подтверждают выводы В.П. Алексеева о сближении группы бельтыров с уральскими группами и преобладании определенных морфологических признаков у качинцев, сближающих их с представителями южносибирского антропологического типа [Алексеев, 1963, с. 153; Ким, 1978а, с. 213–216]. А.Р. Кимом было доказано также, что наибольшее сходство изучаемые черепа обнаруживают с выборкой чулымцев Среднего Чулыма. А предполагаемое родство кызыльцев и шорцев данными антропологическими материалами не подтверждается [Ким, 1978а, с. 216].

А.Р. Ким и палеоантропология Горного Алтая

Проблемы формирования антропологического состава на территории Горного Алтая привлекают внимание Аркадия Романовича еще до его переезда в г. Барнаул [Ким, 1988; 1990].

Анализ серии с территории Улаганского района начала I тыс. н.э. (могильник Кок-Паш III–V вв. н.э.) указывал на промежуточное положение выборки между монголоидными и европеоидными типами, наряду со значительными отличиями от наиболее хронологически близких групп Центрального Алтая [Ким, 1988, с. 531–532; 1990, с. 134–135]. Межгрупповое сопоставление показало, что население восточной

части Горного Алтая морфологически близко к популяциям тюркского времени Южной Сибири и Казахстана [Ким, 1990, с. 135]. Однако являлось ли это трансформацией населения под влиянием центральноазиатских монголоидов, пришедших на данную территорию чуть позднее, или же это свидетельства о компонентах более раннего и пришлого населения Восточного Алтая, выяснить Аркадию Романовичу на тот момент из-за малого количества материала, к сожалению, не удалось. В дальнейшем он хотел более детально выявить основные этапы формирования населения евразийских степей в эпоху Великих переселений народов [Дрёмов, Львова, 1996, с. 8].

Совместно с Т.И. Чикишевой* были изучены материалы с Нижнетыткескенской пещеры-I (раскопки сотрудников АлтГУ в 1990–1992 гг.). Обнаруженное захоронение большемысской культуры является уникальным для Сибири и представляет первую доафанасьевскую могилу на территории Алтая [Кирюшин, Кунгуров и др., 1995]. Сопоставление различных систем краниометрических признаков черепа из Нижнетыткескенской пещеры с другими материалами неолита-энеолита Северной Евразии демонстрирует, во-первых, его отличие от синхронных материалов с территории Алтая, а во-вторых, находит явную близость с черепами из лесостепи Среднего Енисея (могильники Базаиха и Долгое Озеро) [Ким, Чикишева, 1995, с. 101].

А.Р. Ким и палеоантропология коренного населения Алтае-Саянского нагорья

Научная деятельность Аркадия Романовича была неразрывно связана с изучением коренного населения Алтая. Своеобразие ландшафтов данной территории создало предпосылку для хозяйственной дифференциации, которая, в свою очередь, повлияла на подвижность этнических границ. Ландшафтная расчлененность способствовала возникновению и развитию различных хозяйственно-культурных типов и в известной степени влияла на этнический состав населения определенных территорий, поскольку более мощные этнические образования стремились к расширению своих территорий и занятию соседних, способствующих перспективам дальнейшего их развития [Ярхо, 1947, с. 9]. Территорию Алтае-Саянского нагорья издревле заселяли алтае-саянские народы: северные алтайцы (тубалары, челканцы, кумандинцы), одна из групп южных алтайцев (телеуты) и шорцы. Остальные южные алтайцы (теленгеты, телесы, алтай-кижи) проживают в Горном Алтае за пределами Западной Сибири [Очерки..., 1998, с. 44].

Северные алтайцы представлены краниологическими сериями кумандинцев и тубаларов. По результатам анализа было установлено, что все выборки однородны и должны рассматриваться в рамках одного антропологического типа. Межгрупповой анализ серий подтверждает этнографические данные о родстве групп северных и южных алтайцев [Ким, 1984, с. 181].

По южным алтайцам на сегодняшний момент изучены палеоантропологические материалы по теленгетам [Дебец, 1951] и телеутам [Ким, 19786]. Две эти группы с давних времен были отделены территориально, поэтому необходимо было выявить, повлияла ли данная изоляция на антропологическое внутригрупповое своеобразие популяции южных алтайцев. Изучение А.Р. Кимом [19786, с. 152] краниологической серии телеутов показало, что по совокупности признаков уплощенности лица и выступающего носа, а также по важнейшим размерам и пропорциям черепа группа занимает

* Татьяна Алексеевна Чикишева – антрополог, д-р ист. наук, заведующий Сектором антропологии Института археологии и этнографии СО РАН. Ведущий специалист в области палеоантропологии Евразии от эпохи неолита до раннего железа.

промежуточное положение между монголоидными и европеоидными расовыми типами. Межгрупповой анализ этнических групп Южной и Западной Сибири выявил, что черепа телеутов имеют наибольшее сходство с качинцами, кызыльцами, шорцами, чулымцами, однако по ряду признаков выделяются среди сравниваемых групп. Присутствие европеоидных черт в серии (меньшая уплощенность лицевого скелета и более лептоморфное строение лица) дают основания предполагать наличие большей примеси европеоидного компонента у телеутов, по сравнению с другими тюркоязычными группами Южной и Западной Сибири [Ким, 19786, с. 158].

Сравнение двух южно-алтайских выборок (телеутов и теленгетов) показало, что серии значительно различаются между собой. Если в группе телеутов наблюдается большая выраженность примеси европеоидных черт, то выборка теленгетов демонстрирует определенные черты, сближающие ее с сериями представителей центрально-азиатского антропологического типа [Очерки..., 1998, с. 45].

По различным группам шорцев изучен материал с территории верхнего Абакана из Минусинской котловины [Алексеев, 1965] и Горной Шории в Кемеровской области [Ким, 1984]. В результате сравнения локальных выборок шорцев А.Р. Ким пришел к выводу, что между абаканскими и кемеровскими шорцами имеются различия. Кемеровские шорцы достаточно близки к группе северных и южных алтайцев, а определенные краниологические особенности сближают абаканских шорцев с населением Хакасии, в особенности с бельгирами и сагайцами [Ким, 1984, с. 192–193]. Эти результаты подтверждаются и этнографическими данными, по которым в XVII–XVIII вв. немногочисленная часть шорцев переселилась в верховья р. Абакан, а остальная часть населения продолжала проживать в Горной Шории по соседству с другими народами [Потапов, 1957, с. 258–259].

В диссертационной работе, посвященной вопросам происхождения населения северных предгорий Алтая, А.Р. Ким [1987] обобщил итоги своих многолетних исследований. Анализ многочисленных материалов показал, что группы коренного населения Алтае-Саянского нагорья достаточно гомогенны и близки между собой. По совокупности признаков выборки они занимают промежуточное положение между европеоидной и монголоидной большими расами. Тем не менее было установлено, что, относясь в целом к уральской расе, эти группы по ряду признаков выходят за ее пределы, обладая более длинной, узкой и высокой мозговой коробкой, менее широким и более профилированным, но нередко более высоким лицом (выше даже, чем у представителей южно-сибирской расы). Данные характеристики, свидетельствующие об отсутствии морфологического единства внутри уральской расы, позволили Аркадию Романовичу выделить своеобразный северо-алтайский антропологический вариант, выходящий за пределы вариаций уральского и южносибирского типов и занимающий самостоятельное таксономическое положение в расовой классификации народов Сибири [Ким, 1987, с. 13–15].

А.Р. Ким и палеоантропология населения Барабинской лесостепи

Одним из направлений научных исследований А.Р. Кима было изучение состава населения и миграций на территории Барабинской лесостепи (начиная с 1-й половины I тыс. н.э. и заканчивая поздним Средневековьем).

Анализ немногочисленных в то время краниологических данных показал, что антропологический тип населения Барабинской лесостепи 1-й половины I тыс. н.э. соотносится с типом коренного современного населения таежной полосы, которое, в свою очередь, относится к уральской расе [Ким, 1991, с. 123].

Материалы с территории Барабинской лесостепи в тюркское время были изучены совместно с Т.А. Чикишевой. В эпоху Средних веков население Барабинской лесостепи в антропологическом отношении оценивается авторами как смешанное, с некоторым преобладанием европеоидных черт [Ким, Чикишева, 1988, с. 141]. Краниологические серии происходят из памятников, которые относятся к новосибирскому варианту сrostкинской культуры. По итогам межгруппового сравнения было установлено, что население Барабы среди популяций тюркского времени обнаруживает наибольшее сходство с европеоидными популяциями, имеющими в своем составе небольшую монголоидную примесь: уйгуры Тувы, древние кочевники северной Башкирии, тюрки Павлодарского Прииртышья X–XII вв. [Ким, Чикишева, 1988, с. 162].

Материалы с позднесредневековых могильников Барабинской лесостепи позволили на основе сравнения средних значений и индексов отнести группу барабинских татар к уральскому антропологическому типу [Ким, 1990, с. 253]. А.Р. Кимом было также выявлено определенное территориальное различие в изучаемых выборках. Население Центральной Барабы (могильники Абрамово-10, Мал. Чуланкуль-1) несколько более монголоидное, чем обитатели Северной Барабы. По-видимому, это связано с большей степенью воздействия на них южносибирского расового компонента, генетически связанного с Южной Сибирью и Казахстаном [Очерки..., 1998, с. 93].

Население Северной Барабы (могильник Кыштовка-2, Льнозавод) сохранили в своем облике больше исходных тюркских черт [Ким, 1990, с. 253]. Группы обладают рядом особенностей, сближающих их с угорским населением, к примеру, с хантыйским населением Халас-Погора и хантами Васюганья [Очерки..., 1998, с. 93]. Данный факт также подтверждается исследованиями В.И. Молодина [1979, с. 102–109], который предполагал, что в то время население, проживающее на данной территории, в этническом плане относилось к южной группе хантов.

В дальнейшем обобщенные результаты как по краниологии барабинских татар, так и по краниологии коренного населения Алтае-Саянского нагорья вошли в разделы коллективной монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [Дрёмов, Ким, 1998; Ким, 1998].

А.Р. Ким и антропология современного населения

Научные интересы Аркадия Романовича распространялись и на такие разделы антропологии, как дерматоглифика* и одонтология**.

В течение полевого сезона 1978 г. в Кемеровской области А.Р. Кимом были собраны данные по дерматоглифической программе у бачатских телеутов (были обследованы 50 мужчин и 53 женщины), которые в дальнейшем обработаны Г.Л. Хить*** [Хить, Ким, 1983].

На основе проведенного анализа установлено, что по дерматоглифическому комплексу бачатские телеуты являются органической составляющей населения Алтая и в большей степени связаны с выборкой алтай-кижи. Телеуты демонстрируют явную близость с популяциями южносибирского типа, но при этом данный компонент несколько ослаблен за счет присутствия компонентов уральского типа [Хить, Ким, 1983, с.

* Дерматоглифика – раздел физической антропологии, изучающий морфологическую изменчивость вариаций ладонных кожных узоров.

** Одонтология – раздел физической антропологии, изучающий эволюционную, расовую и этническую изменчивость строения зубной системы человека и его предшественников.

*** Генриетта Леонидовна Хить – антрополог, д-р ист. наук, одна из основоположников антропологической дерматоглифики, ведущий специалист в области расовой и этнической дерматоглифики СССР и России.

190]. В целом результаты сопоставления дерматоглифических и краниологических данных, относящихся к населению Алтае-Саян, указывают на устойчивость таксономического положения телеутов в системе популяций этого региона [Хить, Ким, 1983, с. 191].

Одонтологические исследования Аркадий Романович проводил совместно с Л.Н. Смердиной* и Г.А. Кошкиным**. Авторами были проанализированы мезиодистальные размеры зубов бачатских телеутов (раскопки 1975 г.). В ходе изучения было установлено, что изучаемая группа имеет высокую частоту аномалий зубочелюстной системы, на формирование которой влияет увеличение мезиодистальных размеров зубов. Концентрация такого одонтологического признака в малой изолированной этнической группе с резко выраженным инбридингом позволила авторам предположить генетическую природу данного признака [Смердина и др., 1994; Смердина, Ким, 1996].

Заключение

Таким образом, тематика научных изысканий Аркадия Романовича была достаточно разнообразной: происхождение хакасского народа по данным антропологии, палеоантропология Барабинской лесостепи, Алтая, антропологическая структура коренных народов Алтае-Саянского нагорья, этническая одонтология и дерматоглифика. Теоретические и практические наработки А.Р. Кима внесли существенный вклад в разработку вопросов расовой систематики промежуточных монголоидно-европеоидных типов коренного населения Западной и Южной Сибири. Аркадий Романович положил начало новому направлению в археологических исследованиях на Алтае – исторической антропологии, стоял у истоков формирования антропологических фондов АлтГУ и создания на его базе Кабинета антропологии. На сегодняшний момент в Кабинете антропологии АлтГУ находится представительная палеоантропологическая коллекция, насчитывающая более двух тысяч единиц хранения. Учитывая неоценимую заслугу А.Р. Кима в развитии антропологических исследований, надеемся, что в дальнейшем Кабинету антропологии АлтГУ будет присвоено его имя.

Трудолюбие Аркадия Романовича, его пытливый ум, тяга к познанию нового и неизвестного навсегда оставили его имя в ряду выдающихся антропологов.

К великому сожалению, 6 мая 1993 г. трагически оборвалась в расцвете творческих сил жизнь Аркадия Романовича Кима – ученого, заботливого семьянина и верного товарища.

Теперь ты там... Где Вечность и Покой.
Вернёшься ли (а здесь опять вертеться!)
Обратными дорогами – домой,
В таинственные оттепели детства?
А мог бы жить! Но там! Там так светло!
А здесь оглохли все, осатанели...
Как лампы, души все перегорели,
Глаза у всех как пыльное стекло...
Давно немытое, заляпанное сажей!
Ни сердца, ни зрачка не видно даже...

Евгения Цепенникова

* Лидия Николаевна Смердина – д-р мед. наук, профессор, основными направлениями научной работы являются повышение качества диагностики и планирования ортодонтического и ортопедического лечения. Л.Н. Смердина – основатель научной школы «Этническая ортодонтия».

** Геннадий Александрович Кошкин (1940–2015) – канд. мед. наук, доцент. Область научных интересов: патологии зубочелюстной системы древнего населения бронзового века Сибири.

Благодарности

Выражаю огромную благодарность жене А.Р. Кима Евгении Павловне Цепенниковой и дочери Марине Аркадьевне Барабановой за неоценимую помощь и возможность использовать фотографии из их семейного архива; Маргарите Михайловне Герасимовой, Марине Петровне Рыкун, Светлане Семеновне Тур, Анне Ивановне Бобровой, Анатолию Николаевичу Багашёву – за ценные консультации и помощь при написании статьи.

Библиографический список

Алексеев В.П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, 1965. Вып. XI. С. 86–100.

Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С. 135–164.

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 269–364.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.

Арутюнов С.А., Золотарева И.М. Валерий Павлович Алексеев (1929–1991) // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 168–171.

Багашёв А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. Взгляд антрополога. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2011. 363 с.

Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.

Боброва А.И., Рыкун М.П. Штрихи к биографии (памяти А.Р. Кима) // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. С. 29–45.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. 1950. Т. 112. С. 23–210.

Владимиров В.Н., Ким А.Р., Мамодаков Ю.Т. Раскопки аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 87–90.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии. Т. 17. М.: Наука, 1951. 264 с.

Дрёмов В.А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Томск. ун-т, 1978. С. 116–124.

Дрёмов В.А. Четверть века антропологических исследований // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. С. 25–29.

Дрёмов В.А., Ким А.Р. Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 120 с.

Дрёмов В.А., Ким А.Р. Население северных предгорий Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 44–67.

Дрёмов В.А., Львова Э.Л. Памяти А.Р. Кима (1946–1993) // Археология, антропология и этнография Сибири: Сборник, посвященный памяти антрополога А.Р. Кима. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 7–8.

Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 252 с.

Ким А.Р. Антропологические характеристики населения Барабинской лесостепи первой половины I тыс. н.э. // Елагин В.С., Молодин В.И.. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. С. 121–124.

Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Ким А.Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 249–260.

Ким А.Р. Барабинские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 84–94.

Ким А.Р. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 134–136.

Ким А.Р. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978а. С. 208–216.

Ким А.Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978б. С. 151–163.

Ким А.Р. Материалы к краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 180–195.

Ким А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе : Илим, 1988. С. 581–582.

Ким А.Р., Чикишева Т.А. Антропологический состав Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. С. 129–163.

Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребения из Нижнетыткескенской пещеры-I – первая афанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Кунгуров А.Л. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 95–117.

Кирюшин Ю.Ф. Аркадий Романович Ким // Археология, антропология и этнография Сибири: сборник, посвященный памяти антрополога А.Р. Кима. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 9–12.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Кунгуров А.Л. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. 151 с.

Молодин В.И. Аркадий // Археология, антропология и этнография Сибири: сборник, посвященный памяти антрополога А.Р. Кима. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 13–18.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 180 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения / отв. ред. А.Н. Багашёв. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. 354 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 1957. 308 с.

Рыкун М.П. Ким Аркадий Романович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 69–70.

Рыкун М.П. К истории антропологических исследований в Томском государственном университете // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М. : ИЭА РАН, 2003. С. 279–290.

Рыкун М.П. Кабинету антропологии Томского государственного университета 50 лет: история, персоналии, перспективы // Вестник Томского государственного университета: История. 2008а. №3 (4). С. 13–19.

Рыкун М.П. Антропологические исследования в Томском государственном университете: традиции и персоналии // Вестник Томского государственного университета. 2008б. №313. С. 94–100.

Смердина Л.Н., Ким А.Р. Мезодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 19–24.

Смердина Л.Н., Ким А.Р., Кошкин Г.А. Мезиоцистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 8–11.

Хить Г.Л., Ким А.Р. Дерматологические данные и проблема происхождения телеутов // Полевые исследования Института этнографии. 1979. М. : Наука, 1983. С. 186–192.

Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки: антропологический очерк. Абакан : Хакоблнаниздат, 1947. 148 с.

References

Alekseev V.P. Antropologicheskie dannye i problemy proiskhozhdeniya shorcev [Anthropological Data and Problems of the Origin of the Shors]. Uchenye zapiski HakhNIYALI. Vyp. XI [Scientific Notes of HakhNIYALI. Vol. 9]. Abakan : Krasnoyar. kn. izd-vo, 1965. Pp. 86–100.

Alekseev V.P. Proiskhozhdenie hakasskogo naroda v svete dannyh antropologii [The Origin of the Khakass People in the Light of Anthropology Data]. Materialy issledovaniy po arheologii, etnografii i istorii

Krasnoyarskogo kraja [Materials of Research on Archaeology, Ethnography and History of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk. kn. izd-vo, 1963. Pp. 135–164.

Alekseev V.P. Kraniologiya hakasov v svyazi s voprosami ih proiskhozhdeniya [Kraniology of Khakasses in Connection with Questions of Their Origin]. Trudy kirgizskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii [Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition]. T. 4. M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. Pp. 269–364.

Alekseev V.P. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy [The Origin of the Peoples of Eastern Europe]. M. : Nauka, 1969. 324 p.

Arutyunov S.A., Zolotareva I.M. Valerij Pavlovich Alekseev (1929–1991) [Valery Pavlovich Alekseev (1929–1991)]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 1992. №2. Pp. 168–171.

Bagashyov A.N. Proiskhozhdenie aborigenov Severnoj Evrazii. Vzgl'yad antropologa [The Origin of the Natives of Northern Eurasia. Anthropologist's View]. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2011. 363 p.

Bagashyov A.N. Antropologiya Zapadnoj Sibiri [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 2017. 408 s.

Bobrova A.I., Rykun M.P. Shtrihi k biografii (pamyati A.R. Kima) [Strokes to Biography (in Memory of A.R. Kim)]. Iz istorii Sibiri. 30-letiyu laboratorii [From the History of Siberia. 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1998. Pp. 29–45.

Boyarshinova Z.Ya. Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII v. [The Population of Tomsk District in the First Half of the 17th Century]. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Tomsk State University]. 1950. T. 112. Pp. 23–210.

Vladimirov V.N., Kim A.R., Mamodakov Yu.T. Raskopki avarijnyh pamyatnikov v Gornom Altae [Excavation of Emergency Sites in the Altai Mountains]. Ohrana i ispol'zovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya [Protection and Use of Altai Archaeological Sites]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 87–90.

Debec G.F. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoj oblasti [Anthropological Research in the Kamchatka Region]. Trudy Instituta etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography]. T. 17. M. : Nauka, 1951. 264 p.

Dryomov V.A. Antropologicheskie dannye o drevnem naselenii Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya (Ust'-Tartasskij mogil'nik) [Anthropological Data on the Ancient Population of the Ob-Irtys Interfluvium (Ust-Tartassky Burial Ground)]. Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoj Sibiri [Ethnocultural History of the Population of Western Siberia]. Tomsk : Tomsk. un-t, 1978. Pp. 116–124.

Dryomov V.A. Chetvert' veka antropologicheskikh issledovanij [A Quarter Century of Anthropological Research]. Iz istorii Sibiri. 30-letiyu laboratorii [From the History of Siberia. 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1998. Pp. 25–29.

Dryomov V.A., Kim A.R. Kraniologicheskie kollekcii Kabineta antropologii Tomskogo universiteta [Craniological Collections of the Cabinet of Anthropology of Tomsk University]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1979. 120 p.

Dryomov V.A., Kim A.R. Naselenie severnyh predgorij Altaya [The Population of the Northern Foothills of Altai]. Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T. 4: Rasogenez korennoho naseleniya [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. T. 4: Racogenesis of the Indigenous Population]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1998. Pp. 44–67.

Dryomov V.A., L'vova E.L. Pamyati A.R. Kima (1946–1993) [In Memory of A.R. Kim (1946–1993)]. Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri: Sbornik, posvyashchennyy pamyati antropologa A.R. Kima [Archaeology, Anthropology, and Ethnography of Siberia: Collection Dedicated to the Memory of Anthropologists A.R. Kim]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 7–8.

Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti : sb. nauch. trudov [Western and Southern Siberia in Antiquity: Scientific Proceedings]. Otv. red. A.A. Tishkin [Ans. Ed. A.A. Tishkin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 252 p.

Kim A.R. Antropologicheskie harakteristiki naseleniya Barabinskoy lesostepi pervoj poloviny I tys. n.e. [Anthropological Characteristics of the Population of the Baraba Forest-Steppe of the First Half of the 1st Millennium AD]. Elagin V.S., Molodin V.I. Baraba v nachale I tysyacheletiya n.e. [Elagin V.S., Molodin V.I. Baraba at the Beginning of the 1st Millennium A.D.]. Novosibirsk : Nauka, 1991. Pp. 121–124.

Kim A.R. Antropologicheskij sostav i voprosy proiskhozhdeniya korennoho naseleniya severnyh predgorij Altaya : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Anthropological Composition and Questions of the Origin of the Indigenous Population of the Northern Foothills of Altai : Abstract. Dis. ... Cand. Hist. of Sciences]. M., 1987. 17 p.

Kim A.R. Antropologicheskij sostav naseleniya Baraby v pozdnem srednevekov'e [The Anthropological Composition of the Baraba Population in the Late Middle Ages]. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epohu pozdnego srednevekov'ya [Molodin V.I., Sobolev V.I., Soloviev A.I. Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 249–260.

Kim A.R. Barabinskie tatarsy [Baraba Tatars]. Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T. 4: Rasogenez korennoho naseleniya [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. T. 4: Racogenesis of the Indigenous Population]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1998. Pp. 84–94.

Kim A.R. K paleoantropologii vostochnoj chasti Gornogo Altaya v pervoj polovine I tys. n.e. [To Paleoanthropology of the Eastern Part of Gorny Altai in the First Half of the 1st Millennium AD]. Ohrana i ispol'zovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya [Protection and Use of Archaeological Sites of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 134–136.

Kim A.R. Materialy k kraniologii kyzyl'cev [Materials on the Craniology of the Kyzyls]. Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoj Sibiri [Ethnocultural Phenomena in Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978a. Pp. 208–216.

Kim A.R. Materialy k kraniologii teleutov [Materials for the Teleoot Craniology]. Voprosy arheologii i etnografii Sibiri [Questions of Archaeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978b. Pp. 151–163.

Kim A.R. Materialy k kraniologii shorcev i kumandincev [Materials on the Craniology of Shors and Kumandins]. Zapadnaya Sibir' v epohu srednevekov'ya [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1984. Pp. 180–195.

Kim A.R. Rasogeneticheskie svyazi naseleniya Gornogo Altaya v pervoj polovine I tys. n.e. [Rasogenetic Relations of the Population of Gorny Altai in the First Half of the 1st Millennium AD]. Tyurkologiya-88: tezisy dokladov i soobshchenij V Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii [Turkology-88: Theses of Reports and Reports of the V All-Union Turkological Conference]. Frunze : Ilim, 1988. Pp. 581–582.

Kim A.R., Chikisheva T.A. Antropologicheskij sostav Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya v drevnyeturkskoe vremya [Anthropological Composition of the Ob-Irtysh Interfluvium in Ancient Turkic Time]. Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. i dr. Baraba v tyurkskoe vremya [Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. and Others. Baraba in the Turkic Time]. Novosibirsk : Nauka, 1988. Pp. 129–163.

Kim A.R., Chikisheva T.A. Pogrebeniya iz Nizhnetytkeskenskoy peshhery-I – pervaya afanas'evskaya mogila na territorii Gornogo Altaya [Burials from the Nizhnetytkesken Cave-I – the First Afanasyevo Grave in the Altai Mountains]. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Kungurov A.L. Arheologiya Nizhnetytkeskenskoy peshhery-I [Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Kungurov A.L. Archaeology of the Nizhnetytkesken Cave-I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 95–117.

Kiryushin Yu.F. Arkadij Romanovich Kim [Arkady Romanovich Kim]. Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri: sbornik, posvyashchennyj pamyati antropologa A.R. Kima [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia: a Collection dedicated to the Memory of the Anthropologist A.R. Kima]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 9–12.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Kungurov A.L. Arheologiya Nizhnetytkeskenskoy peshhery-I [Archaeology of the Nizhnetytkesken Cave-I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. 151 p.

Molodin V.I. Arkadij [Arkady]. Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri: sbornik, posvyashchennyj pamyati antropologa A.R. Kima [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia: a Collection dedicated to the Memory of Anthropologists A.R. Kima]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 13–18.

Molodin V.I. Kyshtovskij mogil'nik [Kyshtovsky Burial Ground]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 180 p.

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epohu pozdnego srednevekov'ya [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 262 p.

Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T. 4: Rasogenez korennoho naseleniya [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. T. 4. Racogenesis of the Indigenous Population]. otv. red. A.N. Bagashyov [Ed. A.N. Bagashev]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1998. 354 p.

Potapov L.P. Proiskhozhdenie i formirovanie hakasskoj narodnosti [The Origin and Formation of the Khakass Nationality]. Abakan : Hakasskoe kn. izd-vo, 1957. 308 p.

Rykun M.P. Kim Arkadij Romanovich [Kim Arkady Romanovich]. Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya: materialy k enciklopedii Tomskoj oblasti [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region: Materials for the Encyclopedia of the Tomsk Region]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2001. Pp. 69–70.

Rykun M.P. K istorii antropologicheskix issledovanij v Tomskom gosudarstvennom universitete [On the History of Anthropological Research at Tomsk State University]. *Nauka o cheloveke i obshchestvo: itogi, problemy, perspektivy* [The Science of Man and Society: Results, Problems, Prospects]. M. : IEA RAN, 2003. Pp. 279–290.

Rykun M.P. Kabinetu antropologii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 50 let: istoriya, personalii, perspektivy [The Cabinet of Anthropology of Tomsk State University is 50 Years Old: History, Personalities, Prospects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University: History]. 2008a. №3 (4). Pp. 13–19.

Rykun M.P. Antropologicheskie issledovaniya v Tomskom gosudarstvennom universitete: tradicii i personalii [Anthropological Research at Tomsk State University: Traditions and Personalities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2008b. №313. Pp. 94–100.

Smerdina L.N., Kim A.R. Mezodistal'nye razмеры zubov u bachatskikh teleutov (kraniologicheskij material) [Mesodistal Sizes of Teeth in Bachat Teleuts (Craniological Material)]. *Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 19–24.

Smerdina L.N., Kim A.R., Koshkin G.A. Meziocistal'nye razмеры zubov u bachatskikh teleutov (kraniologicheskij material) [Mesiocystal Sizes of Teeth in Bachat Teleuts (Craniological Material)]. *Arheologiya Gornogo Altaya* [Archaeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 8–11.

Hit' G.L., Kim A.R. Dermatologicheskie dannye i problema proiskhozhdeniya teleutov [Dermatological Data and the Problem of the Origin of Teleuts]. *Polevye issledovaniya Instituta etnografii* [Field Studies of the Institute of Ethnography Field Studies of the Institute of Ethnography]. 1979. M. : Nauka, 1983. Pp. 186–192.

Yarho A.I. Altae-sayanskije tyurki: antropologicheskij ocherk [Altai-Sayan Turks: an Anthropological Essay]. Abakan : Hakoblnacizdat, 1947. 148 p.

A.V. Dedik (Yuzhakova)

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**“WHERE THERE IS ANTHROPOLOGY ...”:
IN MEMORY OF THE SIBERIAN ANTHROPOLOGIST
ARKADY ROMANOVICH KIM**

The presented essay dedicated to the memory of an outstanding scientist considers the main stages of biography, scientific activity and analyzes the main scientific works of Arkady Romanovich Kim. His research results made a significant contribution to the study of the anthropological composition of the indigenous peoples of Siberia: the Kyzyls, Shors, Kumandins, Teleuts, and Barbara Tatars. The result of many years of scientific work was the identification of an intermediate peculiar North Altai anthropological variant. This type goes beyond the variations of the Ural and South Siberian type and occupies an independent taxonomic position in the racial taxonomy of the peoples of Siberia. The distinguished type has special morphological features: a longer, narrower and higher brain box, a wider and more profiled, but often a higher face. A talented teacher and organizer of science Arkady Romanovich is the founder of the Cabinet of Anthropology on the basis of Altai State University. Currently, the Cabinet, along with the centers of Tomsk, Novosibirsk and Tyumen, is one of the largest centers for the storage and processing of anthropological materials in Siberia.

Key words: A.R. Kim, paleoanthropology, craniology, Altai-Sayan highlands, indigenous peoples of Western and Southern Siberia, anthropology cabinet of NI TSU, Altai State University.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН РА – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет.
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БПГУ – Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ЕНУ – Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва.
ИГН – Институт геологических наук.
ИЗМИРАН – Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии.
ИЭА – Институт этнологии и антропологии.
КГНУ (КазНУ) – Казахский национальный университет им. аль-Фараби.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва.
МАН – Монгольская академия наук.
МВД – Министерство внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
РНФ – Российский научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амзараков Петр Борисович, старший научный сотрудник сектора археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; 655017, Абакан, ул. Щитинкина, 23; petr_amzarakov@mail.ru

Amzarakov Petr Borisovich, Senior Researcher, Archaeology Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History; 655017, Abakan, Shchitinkina str., 23; petr_amzarakov@mail.ru

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Казахстан, Алматы, пр. Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

Beisenov Arman Ziyadenovich, Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher at the Margulan Institute of Archaeology; 050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Str.; azbeisenov@mail.ru

Блохин Егор Константинович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; jegor.blochin@gmail.com

Blokhin Egor Konstantinovich, Junior Researcher, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 18; jegor.blochin@gmail.com

Борисов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева; 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28.

Borisov Viktor Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Humanitarian Research Center of Gorbachev Kuzbass State Technical University; 650000, Kemerovo, Vesennaya str., 28.

Гаврилина Татьяна Александровна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; galyaserovets@gmail.com

Gavrilina Tatyana Aleksandrovna, Student of the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, 1, Pirogova Str.; galyaserovets@gmail.com

Горячев Александр Анатольевич, старший научный сотрудник отдела урбанизации и номадизма Института археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан; 050100, Алматы, пр. Достык, 44; aga.2805@mail.ru

Goryachev Alexander Anatolyevich, Senior Researcher, Department of Urbanization and Nomadism, Margulan Institute of Archaeology of the Republic of Kazakhstan; 050100, Almaty, 44, Dostyk Str.; aga.2805@mail.ru

Гунчинсүрэн Бямбаа, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии каменного века Института археологии МАН; 13343, Монголия, Улан-Батор, ул. Жукова, 77; bgunchinsuren@yahoo.com

Gunchinsuren Bambaа, Ph.D. (Hist.), Head of the Stone Age Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences; 13343, Mongolia, Ulan Bator, 77, Zhukova, Str.; bgunchinsuren@yahoo.com

Дедик (Южакова) Алёна Владимировна, специалист Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета; 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а; ejara.ru@mail.ru

Dedik (Yuzhakova) Alyona Vladimirovna, Specialist of the Laboratory of Archaeology, Ethnography and History of Siberia, Humanitarian Institute of the Siberian Federal University; 660041, Krasnoyarsk, 82a, Svobodny Str.; ejara.ru@mail.ru

Едемский Дмитрий Евгеньевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН; 108840, Москва, г. Троицк, Калужское ш., 4; deedemsky@gmail.com

Edemsky Dmitry Evgenievich, Ph.D., senior researcher at the Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation named after N.V. Pushkova RAS; 108840, Moscow, Troitsk, Kaluzhskoe hig., 4; deedemsky@gmail.com

Зоткина Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; zotkina@archaeology.nsc.ru

Zotkina Lidia Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Paleometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Str.; zotkina@archaeology.nsc.ru

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, директор гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева; 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28; ilushin1963@mail.ru

Ilyushin Andrey Mikhaylovich, Doctor of Historical Sciences, Director of Humanitarian Scientific Center of the Gorbachev Kuzbass State Technical University; 650000, Kemerovo, Vesennaya str., 28; ilushin1963@mail.ru

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России; 656065, Барнаул, ул. Просторная, 216; kaa-2862@mail.ru

Kazakov Alexander Albertovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 656065, Barnaul, 216, Prostornaya Str.; kaa-2862@mail.ru

Каспари Джино, PhD, ассоциированный исследователь Института археологических исследований Бернского университета; 3012 Bern, Switzerland, Mittelstrasse 43; gino.caspari@iaw.unibe.ch

Caspari Gino, PhD, Associate Researcher, Institute of Archaeological Research, University of Bern; 3012 Bern, Switzerland, 43, Mittelstrasse; gino.caspari@iaw.unibe.ch

Киреев Сергей Михайлович, хранитель коллекций археологии Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина; 649006, Республика Алтай, Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46; kireevsm2013@yandex.ru

Kireev Sergey Mikhailovich, Keeper of Archaeology Collections of the Anokhin National Museum of the Altai Republic; 649006, Altai Republic, Gorno-Altai, 46, Choros-Gurkina, Str.; kireevsm2013@yandex.ru

Ковалёва Ольга Витальевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; 655017, Абакан, ул. Щитинкина, 23; kovalevahmk@mail.ru

Kovaleva Olga Vitalievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Archeology Sector of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History; 655017, Abakan, 23, Shchitinkina Str.; kovalevahmk@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сопровождения НИОКТР Алтайского государственного университета; старший преподаватель кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России; 656099, Барнаул, ул. Чкалова, 49; matrenins@mail.ru

Matrenin Sergey Sergeevich, Ph.D. (Hist.), Researcher at the Research and Development Support Department of Altai State University; Senior Lecturer, Department of History

and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 656099, Barnaul, 49, Chkalova Str.; matrenins@mail.ru

Нечвалода Алексей Иванович, без степени, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; 450054, Уфа, пр. Октября, 71, лит. У У1; striwolf@mail.ru

Nechvalvoda Alexei Ivanovich, Researcher at the Ethnology Department of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 450054, Ufa, 71, Oktyabrya str., lit. U U1; striwolf@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; taty-parshikova@yandex.ru

Parshikova Tatyana Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Museum of Archeology and Ethnography, Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; taty-parshikova@yandex.ru

Поляков Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН; 197374, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а; poliaikov@yandex.ru

Polyakov Andrey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 197374, St. Petersburg, 18a, Dvortsovaya emb.; poliaikov@yandex.ru

Попов Алексей Владимирович, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН; 108840, Москва, г. Троицк, Калужское ш., 4; popov@izmiran.ru

Popov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Physics and Mathematics, Chief Researcher at Sushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation, RAS; 108840, Moscow, Troitsk, 4, Kaluzhskoe hig.; popov@izmiran.ru

Прокопович Игорь Валерьевич, научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН; 108840, Москва, г. Троицк, Калужское ш., 4; prokop@izmiran.ru

Prokopovich Igor Valerievich, Researcher at the Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation RAS; 108840, Moscow, Troitsk, 4, Kaluzhskoe hig.; prokop@izmiran.ru

Савинов Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; 190068, Санкт-Петербург, пер. Кустарный, 4, кв. 7; lazarevskaya_n@mail.ru

Savinov Dmitry Glebovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Institute of History, St. Petersburg State University; 190068, St. Petersburg, side str. Kustarny, 4, apt. 7; lazarevskaya_n@mail.ru

Садыков Тимур Рашитович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; tim.sadykov@gmail.com

Sadykov Timur Rashitovich, Junior Researcher, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 191186, St. Petersburg, 18a, Dvortsovaya emb.; tim.sadykov@gmail.com

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nikolay-seregin@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; nikolay-seregin@mail.ru

Солодовников Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора физической антропологии Тюменского научного центра СО РАН; 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86; solodk@list.ru

Solodovnikov Konstantin Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Sector of Physical Anthropology of the Tyumen Scientific Center of the SB RAS; 625026, Tyumen, 86, Malygina Str.; solodk@list.ru

Сулейменов Марат Гарифуллович, научный сотрудник гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева; 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28; marat_suleymenov@mail.ru

Suleimenov Marat Garifullovich, Researcher at the Humanitarian Research Center of the Gorbachev Kuzbass State Technical University; 650000, Kemerovo, 28, Vesennaya Str.; marat_suleymenov@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Tabarev Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Ave.; olmec@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; tishkin210@mail.ru

Tishkin Alexey Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Professor; Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; tishkin210@mail.ru

Хаценович Арина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; archeomongolia@gmail.com

Khatsenovich Arina Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Ave.; archeomongolia@gmail.com

Шевченко Татьяна Андреевна, инженер-исследователь лаборатории «Цифра» Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; tatiana.752@ya.ru

Shevchenko Tatyana Andreyevna, Research Engineer at the TsifrA Laboratory of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Ave.; tatiana.752@ya.ru

Научное издание

Журнал
«Теория и практика археологических исследований»

№1 (29) • 2020

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 10.03.2020. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,83. Тираж 500 экз. Заказ 87.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 18.03.2020.